

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 12

Январь – Июнь

2021

CHAYKA – ALMANAC n 12

January 2021 – June 2021

Copyright © 2021 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover and Chapter Illustrations: Natalya Nesterova

Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America

Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1-312-01894-5

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 12
Январь – Июнь

2021

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель

ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

От Редактора.....	8
ЧАСТЬ 1. ВОЙНА	11
<i>Ксения Кривошеина. Борис Вильде: Таинственный герой Сопротивления.</i> Глава из книги "Пути Господни"	12
<i>Константин Тарловский. Мое военное детство. В продолжение разговора</i>	16
<i>Виктор Зайдентрегер. Блокадное письмо из коллекции Макса Гринберга ..</i>	21
<i>Олег Щекотихин. Оборона Севастополя. Часть 4. Ужасы плена (по</i> <i>воспоминаниям выживших).....</i>	32
ЧАСТЬ 2. ПОСЛЕ КОВИДА	43
<i>Евгения Народицкая. Интервью с психотерапевтом Анаит Азарян по</i> <i>поводу пандемии.....</i>	44
<i>Ольга Соловьева. Моя ностальгия. Из записок на коленке</i>	52
ЧАСТЬ 3. IN MEMORIAM.....	57
<i>Владимир Фрумкин. Камертон доброты и порядочности. Несколько слов</i> <i>о Леониде Шульмане</i>	58
<i>Нина Валяева. Первая встреча, или история одной фотографии.....</i>	61
<i>Людмила Флам. Художник Сергей Голлербах (1923-2021).....</i>	69
ЧАСТЬ 4. ЮБИЛЕЙ	77
<i>Генрих Голин. Человек-легенда. К 100-летию со дня рождения Андрея</i> <i>Дмитриевича Сахарова</i>	
<i>Владимир Альбрехт. Об Андрее Дмитриевиче Сахарове</i>	89
ЧАСТЬ 5. АРХИВ	93
<i>Александр Якобсон. Дневники Анатолия Якобсона. Тетрадь 5.....</i>	94
<i>Ирина Роскина, Леонид Дубшан. Наталья Роскина. Из семейного архива.</i> <i>Письма Н. А. Роскиной – Н. Я. Берковскому</i>	139
ЧАСТЬ 6. ВОСПОМИНАНИЯ	153
<i>Ирина Роскина. Письмо Лене Рабинович. Послесловие к публикации</i> <i>Натальи Роскиной</i>	154
ЧАСТЬ 7. ПОЛЕМИКА. ИЗ ДВУХ УГЛОВ.....	159
<i>Яков Шульман. О притче.....</i>	160
<i>Сергей Бычков. О притче с точки зрения богослова.....</i>	162

<i>Александр Орфис. Бесы и Ангелы. Пьеса-Гротеск по сюжету романа Ф. М. Достоевского «Бесы»</i>	166
ЧАСТЬ 8. АМЕРИКА С РАЗНЫХ СТОРОН.....	173
<i>Яков Фрейдлин. Патриархальная Америка</i>	174
<i>Элеонора Мандалян. Джефф Безос: Безжалостный гений</i>	181
<i>Александр Сиротин. Джонни Кэш: «Я в своих песнях никогда не врал».</i> Из цикла «Памятные встречи»	196
ЧАСТЬ 9. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО	201
<i>Владимир Солунский. К поэзии 60-х. Геннадий Шпаликов</i>	202
<i>Вера Чайковская. Счастье после катастрофы. О рисунках Натальи Нестеровой к "Книге Иова"</i>	214
ЧАСТЬ 10. КИНО, ТЕАТР	219
<i>Борис Голубицкий. Рассказы о знаменитых. Миронова и Менакер</i>	220
<i>Евгений Соколинский. Кабала театра. «Кабала святош» М. Булгакова в Молодежном театре на Фонтанке</i>	225
<i>Ирина Чайковская. Мужество обреченного. Михаил Булгаков</i>	232
ЧАСТЬ 11. ПУТЕШЕСТВИЯ.....	239
<i>Юрий Бриль. Еще ночь впереди. Пустыня Негев. Часть 1</i>	240
<i>Семен Белкин. Памяти погибших кораблей. Часть 10. Теплоход «Челюскин»</i>	248
ЧАСТЬ 12. ИСТОРИЯ	261
<i>Лев Бердников. Открыватель Тавриды. К 200-летию со дня смерти Карла Габлица</i>	262
<i>Анатолий Валуженич. Советские вожди в творческой судьбе В.Маяковского. К 100-летию поэмы Маяковского «150.000.000»</i>	271
<i>Лазарь Фрейдгейм. Цветы от Маяковского — лирика и действительность</i>	284
ЧАСТЬ 13. ПРОЗА	293
<i>Андрей Бильжо. Старый еврей</i>	294
<i>Анатолий Бергер. Бюст Сенеки</i>	298
<i>Даша Кашина. «Лебединое озеро» Набокова. Ко дню рождения</i>	300
<i>Вера Чайковская. Три Импровизации</i>	302
<i>Евсей Цейтлин. Вспомнить не все... Из дневников этих лет</i>	305

<i>Александра Дерюгина. Характер красоты. Из Приморского дневника</i>	311
<i>Галина Мамыко. Мафия</i>	325
<i>Лев Гуревич. Часы марки «OMEGA». Документальный очерк</i>	338
<i>Роман Рязанов. Царица юга</i>	352
<i>Шерзод Артиков. Вальс дождя</i>	366
<i>Ирода Холбекова. Мини-интервью с переводчиком рассказа Иродой Холбековой</i>	371
<i>Татьяна Покопцева. Любовь (Дебют)</i>	372
ЧАСТЬ 14. ПОЭЗИЯ	377
<i>Лариса Миллер. Сама не знаю, как попала</i>	378
<i>Виктор Есинов. Ночью ломился в оконницу ветер</i>	379
<i>Денис Кальнов. Качнулся маятник чуть влево на часах (Дебют)</i>	380
<i>Лора Завилянская. Мне старость подана на третье</i>	382
<i>Любовь Фельдшер. Малеевка</i>	384
<i>Аркадий Ляховецкий. Новороссия</i>	385
<i>Евгений Сливкин. На кладбище варшавских повстанцев</i>	386
<i>Михаил Гаузнер. Из Джеймса Райли. Если иней лег на тыкву</i>	387
<i>Николай Голь. Воспоминание</i>	390
<i>Татьяна Белянчикова. Растушеваны краски</i>	391
<i>Сергей Филиппов. Не сносить, не сносить непременно</i>	392
<i>Исай Авербух. Молитва о третьем спасении и Сонет о счастливом одиночестве</i>	393
<i>Цебек Адучиев. Из воспоминаний о детстве</i>	395
ЧАСТЬ 15. ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ	396
<i>Победители 4-го конкурса журнала ЧАЙКА «Творчество детей и для детей»</i>	398
<i>Виолетта Гребельник. Машин Байкал. Рассказ</i>	398
<i>Вадим Чирков. Вот столечко тигра. Рассказ</i>	403
<i>Юрий Ким. Как изловили Сестрицу Ласку. Вольный пересказ одноимённой сказки Джозеля Чандлера Харриса</i>	406
<i>Александр Ралот. Небо над Аустерлицем</i>	409
ЧАСТЬ 16. ЮМОР	413

<i>Валерий Скобло. На заметку пенсионерам</i>	414
<i>Григорий Яблонский. Фильм фильмов: кино-центон. Опыт центона на темы советских фильмов, с американскими вкраплениями</i>	415
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	419

От Редактора

В Альманах ЧАЙКА № 12 вошли лучшие материалы, опубликованные в журнале ЧАЙКА за первую половину 2021 года. Мы получили их от 62 авторов из 10 стран.

Вот эти страны: Россия, Америка, Франция, Италия, Германия, Израиль, Украина, Беларусь, Узбекистан, Казахстан.

Весь материал располагается в 16 разделах: Война, После ковида, In Memoriam, Юбилей, Архив, Воспоминания, Полемика, Америка с разных сторон, Литература и искусство, Кино и театр, Путешествия, История, Проза, Поэзия, Детский Альбом, Юмор.

Нетрудно заметить, что упор в этот раз сделан на Воспоминания и Память. Даже эпидемия ковида рассматривается в плане того, **что** мы пережили, какие выводы из этого следуют и к какой жизненной модели мы бы хотели возвратиться.

Обращаем внимание читателей на наш традиционный раздел ВОЙНА, в этот раз содержащий несколько уникальных материалов, среди которых особо отметим рассказ об ужасах фашистского плена (по воспоминаниям выживших), последовавшего за кровавой Херсонесской битвой и сдачей Севастополя в самом начале войны.

В мае 2021 года человечество отмечало 100-летний юбилей великого ученого и правозащитника Андрея Дмитриевича Сахарова, в Альманах включены две статьи о нем. Этот же 2021 год принес невосполнимые потери нашему журналу, от нас ушли музыкант и дирижер, автор статей о музыке и музыкантах, Леонид Абрамович Шульман и художник, а также автор прекрасных эссе Сергей Львович Голлербах. Обоим посвящены статьи, причем о Леониде Шульмане пишут его ближайший друг и его жена, вспоминающая историю их первой совместной фотографии на фоне рассказа об истории и культурной жизни города Кисловодска.

Не пропустите последнюю часть – 5-ю тетрадь - дневников учителя, писателя, литературоведа и правозащитника Анатолия Якобсона (публикация сына, проф. Александра Якобсона), она писалась в Израиле непосредственно перед самоубийством автора и содержит удивительные догадки и самопризнания.

Читайте письма к блестящему литературоведу Н. Я. Берковскому талантливейшей писательницы и редактора, последней любви Николая Заболоцкого, Натальи Роскиной. От Бога Наталье Александровне был дан дар писать письма, в чем вы сможете убедиться, прочитав эту небольшую подборку. После нее в разделе Воспоминания мы помещаем записки в форме письма к подруге дочери Натальи Роскиной Ирины о матери и о совместной жизни с нею. Найдете в этих записках много чистейших «золотинок».

Необыкновенно интересен и раздел «Путешествия». Мы включили в него рассказы двух авторов – одного, проделавшего путешествие в Пустыню Негев, другого – красочно, и с неизвестными дотоле подробностями, описавшего эпопею «Челюскина».

Нельзя не назвать имени ушедшего от нас совсем недавно Анатолия Валуженича, почетного энергетика Казахстана, самородка, ставшего известным маяковсковедом и исследователем эпохи, чью статью о роли советских вождей в творческой судьбе Маяковского мы поместили в Альманахе.

Как всегда Альманах содержит отдел Прозы и Поэзии. В этот раз они включают меньше наименований, тем ценнее материал. Традиционно отмечаем дебютантов. Это Татьяна Покопцева (рассказ «Любовь») и Денис Кальнов со стихотворением «Качнулся маятник...». Обоим желаем продолжать свой путь в литературу и не забывать место дебюта. В прошлом Альманахе ЧАЙКА № 11 у нас дебютировала с дальневосточным очерком Александра Дерюгина. В новом Альманахе мы публикуем еще один талантливый очерк этого автора. Желаем ей не сбавлять темпа и не терять художественности и живости пера! Упомяну также молодого автора из Беларуси Романа Рязанова, дебютировавшего у нас в Альманахе ЧАЙКА № 7 за 2018 год с историческим рассказом на «китайскую тему». В этот раз Роман представлен в Альманахе новым историческим рассказом, уже на тему Средней Азии, поражающим, как и тот первый, обширностью и энциклопидичностью познаний.

Не пропустите произведений авторов из Узбекистана и Калмыкии. Кроме того, что они сами по себе интересны, обращение их создателей к русскому языку дорогого стоит.

В Новом Альманахе в разделе Детский Альбом мы поместили произведения-победители в нашем 4-м конкурсе творчества детей и для детей, проходившем в мае 2021 года. Бабушки и дедушки, мамы и папы, а также дорогие детки, не пропустите эти рассказы и сказки, они уж точно вас не усыпят и бесспорно позабавят и, возможно, чему-то научат.

В этот раз традиционный раздел ЮМОРА представлен у нас одним стихотворением – на не слишком веселую тему «пенсионной реформы» - и одним кино-центоном (что это такое, смотрите в Альманахе).

Приносим огромную благодарность всем нашим авторам! Просим прощения за сокращение некоторых текстов – в полном варианте их можно будет прочесть в журнале.

Отдельно благодарю моих неизменных помощников – и в первую очередь, Алекса Марина, сделавшего макет, всю дизайнерскую работу и все оформление Альманаха, Евсея Цейтлина, чьи советы и

предложения неизменно обогащают палитру нашего сборника, а также Марка Мейтина, осуществляющего веб-контроль на сайте ЧАЙКИ.

Наша признательность большой и самобытной художнице Наталье Нестеровой, чьи иллюстрации к библейской книге ИОВА украсили нашу обложку и часть глав, остальные главы также были оформлены репродукциями ее картин.

Осталось поблагодарить наших читателей за внимание к нашей работе и пожелать им приятного и вдумчивого чтения. Наш Альманах ЧАЙКА № 12 уже в полете.

С любовью,

Ирина Чайковская

Часть 1. Война

Н. Нестерова. Иллюстрация к «Книге Иова»

Ксения Кривошеина

Париж, Франция

Борис Вильде: Таинственный герой Сопротивления. Глава из книги "Пути Господни"

Русская эмиграция в Европе была крайне разношерстной и представляла собой слепок русского дореволюционного общества, только в изгнании. Обострились несогласия и противоречия: правые яростно осуждали левых (вина их в победе большевиков в России в 1917 году), монархисты в своих журналах писали манифесты против всех, им отвечали эсеры и меньшевики, единая церковь раскололась на три юрисдикции — РПЦ, РПЦЗ и малую часть, временно перешедшую под Вселенский патриархат.

С началом войны разногласия не устранились, но наметился перелом. Враг занял Европу, потом напал на СССР, и против этого общего врага нужно было объединиться. Все, кто считал своим долгом совести встать на борьбу с нацизмом, решились на конкретные действия. Политика коллаборационизма Франции и те компромиссы, на которые пошло правительство Петена, были для многих патриотически настроенных французов неприемлемы. Русскими в рядах европейского Сопротивления двигали сложные чувства в борьбе с Гитлером: долг послужить приютившей их стране (ставшей второй родиной), надежда на победу и освобождение России, жажда поражения не только национал-социалистов, но и крах сталинского СССР.

В 1942 году перед русскими во Франции встал вопрос, нужно ли создавать отдельный русский «Резистанс» или вступить в ряды французской организации. По многим причинам, которые излагает один из участников «Резистанса» И.А. Кривошеин в «Вестнике участников Сопротивления» (Париж, 1946–1947), идея создания отдельной русской ячейки была отвергнута. Самым главным

аргументом было то, что такое формирование затруднило бы конспирацию и в случае «провала» повлекло бы удар по всему русскому делу во Франции.

Борис Вильде

Борис Вильде, Анатолий Левицкий, Вики Оболенская, Тамара Волконская, мать Мария (Скобцова), отец Димитрий Клепинин... Это только малая часть имен из списка русского «Резистанса», блестяще образованных, православных, любящих Францию и Россию, и мученически принявших смерть.

Важно отметить, что первая подпольная организация возникла во Франции в августе 1940 года, как только свастика взметнулась над Парижем.

«Мы все с генералом де Голлем» уже тогда, в наивысший пик победы нацизма в Европе, листовки расклеивались в телефонных будках, в уборных, на немецких автомобилях, бросались в почтовые ящики. Именно тогда Б. Вильде и А. Левицкий задумали свой первый номер газеты «Национального комитета общественного спасения — Резистанс».

Она увидела свет 15 декабря 1940 года. Через четыре года детище Вильде-Левицкого, ставшее ведущей газетой Соппротивления, публикует статью «Интеллигенция — авангард «Резистанса».

Общепризнанным вождем этой группы был Борис Вильде, первым его заместителем — Анатолий Левицкий. Кроме печатной и устной пропаганды, которую они вели как в Париже, так и в провинции, Вильде проводил весьма сложную и опасную работу по переправке в

неокупированную зону, а оттуда на испанскую границу добровольцев в армию де Голля.

В обвинительном акте Бориса Вильде упоминается еще одно его преступление — «шпионаж», что, по-видимому, относится к двум раздобытым им секретным документам: о строившемся подземном аэродроме и о базе подводных лодок в Сан-Назэре, о существовании которой Лондон узнал именно из этого источника. Многое в этом деле осталось загадочным и по сей день. Главных его героев, которые могли бы пролить свет на неизвестные факты, уже нет в живых.

Известно лишь имя виновника разгрома группы Вильде, крупного немецкого агента, внедрившегося в Национальный комитет общественного спасения, замешанного и в других предательствах.

Личность же самого Вильде еще до войны была окутана некоторой таинственностью. В своих воспоминаниях Владимир Сосинский пишет: «Борис Вильде шел среди людей как завоеватель. Он появился в Париже откуда-то из Прибалтики бесстрашным провинциальным русским мальчиком, полным романтических бредней о «подвигах и славе»; как сам Вильде пишет позднее в своих предсмертных тюремных записках, «жадным к жизни и счастливым, несмотря на нищету и мировую скорбь». Его светлые глаза смотрели на мир и людей открытым, полным беззаветной смелости взглядом.

Однажды он сказал мне: «Я всегда живу так, как если бы завтра я должен был умереть». Но, может быть, еще больше, чем предсмертный дневник, самые поступки Вильде позволяют догадываться о содержании этой интуиции, приведшей его к высшей жертве. Подпольная жизнь была его родной стихией: собрания заговорщиков, хранение оружия, борьба со слежкой, вечная конспирация... Если бы не его порою ничем не оправданная любовь к риску, не азартная игра со смертью, он мог бы стать руководителем всего французского движения Сопротивления. Вильде и Левицкий посеяли зерна противостояния фашизму. Их журнал, их деятельность, суд над ними и, наконец, их героическая смерть повлияли на многих».

Известный публицист и историк эмиграции Владимир Варшавский приводит слова Вильде, которые тот пишет в тюрьме: «Я поклялся самому себе сделать из своей жизни игру — забавную, капризную, опасную и трудную... »

И далее В. В. говорит: «В личности Вильде было много таинственного и неуловимого. Он не стал ни искателем приключений, ни нищезанцем, ни новым Ставрогиным, хотя у него было достаточно для этого силы. Обладая ясным умом, огромной волей и железной выносливостью, всегда бесстрашно идя на риск, он мог добиться всего на любом общественном поприще. Он был щедро наделен для этого способностью подчинять людей своему влиянию, орудовать понятиями и словами и еще в большей степени «математическим разумом»,

необходимым для научных занятий. Учился он с необыкновенной легкостью.

Уже в тюрьме, в течение восьми недель, занимаясь по два, по три часа в день, он выучивает древнегреческий, достаточно, чтобы при помощи словаря разобрать любой текст. Мне пришлось слышать его доклады по самым разнообразным вопросам этнографии, антропологии, языковедения, социального и экономического строя различных исчезнувших и современных цивилизаций, и по тому, с каким вниманием и интересом его слушали седовласые специалисты, я мог судить, что его доклады были не только блестящи по построению и ясности изложения, но основанными на углубленном знании предмета»

Вильде было совершенно чуждо самодовольство «умных людей», самоуверенно говорящих о чем угодно. Однажды на мой вопрос, почему он занимается сразу столькими науками, он, усмехнувшись, ответил: «Единственная наука, меня интересующая, — это наука жизни».

На суде, когда немецкий обвинитель сообщает ему о своем решении требовать для него смертной казни, Вильде записывает: «Быть расстрелянным — это в некотором роде логическая развязка моей жизни». В предварительной речи председатель суда не может не сказать о факте, который, видимо, его удивляет и вызывает восторг: «Вильде нашел в себе моральную силу, будучи в тюрьме и наверняка догадываясь о смертном приговоре, после японского изучения санскритский язык. Зачем? Чтобы познать жизнь? Но ведь он скоро с ней расстанется»....

Уже осужденный на казнь, на протяжении нескольких недель он писал дневник, который во многом был посвящен его обожаемой жене Ирэн Лот-Бородиной, принадлежащей к знаменитой русско-французской семье ученых...эти письма на краю смерти проникнуты глубокой любовью, их невозможно читать без волнения. Они поженились в 1934 году. Сам Борис не только писал, но и всем говорил что встреча с Ирэн была «величайшим событием в его жизни и решающим переворотом»...

Продолжение см. в журнале:

<https://www.chayka.org/node/12087>

Константин Тарловский

Киров, Россия

Мое военное детство. В продолжение разговора

«Мое военное детство» - это не совсем точное название, потому что в те годы мое детство закончилось.

Война застала меня в Ялте, куда я приехал к маме на летние каникулы. В остальное время я жил с бабушкой и дедушкой в Архангельске, а мама жила и лечилась от туберкулеза в Ялте.

Мои родители

В 1942 году, после двух эвакуаций – из Ялты в Теберду и из Теберды в Архангельск, я вновь оказался у бабушки с дедушкой. К тому времени дедушка уже болел и семья приняла решение переехать в Киров, где жила Хая Соломоновна, мамина родная сестра, с двумя детьми – Люсей и Гришей. Ее муж, Петр Алексеевич Марьин, воевал на фронте. Семья Марьиных занимала две смежные комнаты в

четырёхкомнатной коммунальной квартире. Таким образом, после нашего переезда нас оказалось 6 человек. Мы с бабушкой и дедушкой поселились в одной комнате, а тетя Хая с детьми – в другой.

Зимой 1943 года мы получили известие, что моя мама погибла в оккупации в Теберде. Папа находился в ГУЛАГе (<https://www.chayka.org/node/10641>), и все мы понимали, что он оттуда уже не выйдет. Так стало ясно, что мне надеяться не на кого, что мне предстоит самому заботиться о себе. По окончании пятого класса я оставил школу и начал самостоятельно зарабатывать на жизнь.

Я устроился в строительно-монтажное управление № 1 Народного Комиссариата Боеприпасов, расположенного в районе завода Сельмаш. Меня определили слесарем в гараж. Среди прочих видов работ, мне приходилось ремонтировать тормозные колодки у грузовиков. Сейчас такие работы никто не делает: вышедшие из строя тормозные колодки заменяют целиком. В то время не хватало запчастей, поэтому приходилось использовать старые. Я менял накладки, для чего сначала вручную изготавливал заклепки, просверливал дырки и приклепывал новые накладки на старые колодки. Кроме меня, эту работу в нашем гараже больше никто не делал. Еще я запиливал головки на болтах, чтобы получился шестигранник, поскольку болты у нас точили на токарных станках из круглого прутка.

Я со своей двоюродной сестрой Эммой. Архангельск, 1939

Будучи подростком, я работал по 8 часов в день с одним выходным в неделю. Взрослые же во время войны работали по 12

часов без выходных. Когда мне исполнилось 60 лет, мне назначили пенсию, засчитав один военный год за два. Это логично – сейчас подростки не работают по восемь часов в день. Кроме того, я работал в тяжелых условиях, голодал. Но через несколько лет вышло постановление правительства и подобный расчет отменили, год работы в войну не удваивался. В результате мне стало не хватать стажа для полной пенсии, поскольку еще вычли годы, когда я учился в училище и в институте. Парадокс: я работал с 13 лет, а стажа не хватило. Пришлось мне уже на пенсии устраиваться на работу вновь, чтобы выработать стаж.

До работы я добирался пешком, поскольку в войну городского транспорта не было: один час туда, один час обратно, один час на обед. И восемь часов у верстака. В 1943 году открылись вечерние школы рабочей молодежи, и я пошел доучиваться. Занятия в школе проходили по вечерам, после работы, 3 раза в неделю по 3 часа, поэтому я всегда был не выспавшимся и усталым. И голодным.

Мне было трудно стоять у верстака целый день, очень уставали спина и ноги. Взрослые мужики время от времени усаживались и устраивали перекуры. Я тоже решил с ними отдохнуть: оставил работу, сел рядом с ними, но не курил. Мастер начал ругаться: пришел работать – так работай! Я попытался возразить, что мужики же отдыхают, почему я не могу с ними посидеть. «Мужики не отдыхают, а курят!» - ответил мастер.- Просто не работать нельзя, можно только на перекур прерываться». Пришлось мне начать курить, чтобы выдерживать 8-часовую смену. Курил я самосад – махорку, свернутую в газетный листок. Махорку я покупал на привокзальном рынке по пути на работу. Большой стакан стоил 250 рублей, маленький 120-150 рублей. Я покупал маленький стакан, и мне хватало на 2-3 закрутки. Я долго скрывал от бабушки с дедушкой, что курю. Курить я бросил под 80 лет, когда врач мне сказал: «Либо жить, либо курить». До этого я несколько раз предпринимал попытки бросить курить, но каждый раз срывался.

На работу я ходил мимо вокзала. На привокзальной площади недалеко от перрона находилась поликлиника. Зимой, по утрам, проходя мимо этой поликлиники, я часто видел штабеля трупов. В штабелях было 3-4 слоя по 4 человека. Людей выгружали с проходящих поездов – это были те, кто умирал от ран или просто от голода.

Я обедал в заводской столовой. Люди были постоянно голодные и съедали все подчистую, никто не оставлял в миске ни крошки. А после нас приходили дистрофики – доходяги, те, у кого уже не было сил работать. Они подходили к пустым мискам, из которых мы уже все съели, и пальцем выскабливали стенки, а потом эти пальцы облизывали.

В войну с продуктами было плохо, все голодали. За работу давали не деньги, а карточки на продукты. Главным мерилom была хлебная карточка, а далее все продукты рассчитывались от нее.

Бабушка как иждивенец получала 300 граммов хлеба в день, дедушка был рабочим на гражданском авторемонтном предприятии и получал 600 граммов, Гриша с Люсей как дети получали 400 граммов хлеба. Тетя Хая сначала получала 600 граммов, потом ее назначили мастером на заводе и она стала получать 800 граммов хлеба. Я как работающий подросток получал карточку на 800 граммов хлеба в день. Если же я выполнял норму выработки, то мне давали дополнительный талон на 200 граммов хлеба за каждый рабочий день, и в неделю получалось около килограмма. Я также получал карточку на постное масло и карточку на килограмм сахара в месяц. Однажды мне вместо сахара дали пряники. Причем, к моему великому счастью, дали не килограмм, а три килограмма пряников. Я в военные годы был постоянно голодным и, получив эти пряники, съел их сразу все. Последние пряники я доедал с трудом, так как живот был уже полный, но все равно чувство голода не проходило.

День, когда мы узнали об окончании войны, был и остается одним из самых счастливых дней в моей жизни.

Всю информацию мы получали из газет и из радио. Радио было проводное, и по нему передавали только новости. Его включали утром на целый день, а на ночь вилку просто выдергивали из розетки. В ту ночь кто-то, видимо, не выключил радио. Я проснулся в ночь с 8 на 9 мая от сильного стука в стену – соседи узнали об окончании войны и разбудили весь дом. В нашем двухэтажном доме было два подъезда, в каждом подъезде проживало по несколько семей. Многие соседи плохо

знали друг друга, поскольку все работали с утра до ночи, а дома только отсыпались. Но тут все собрались в одной большой квартире и организовали стол. С продуктами было очень плохо, но люди принесли все, что у кого было, никто ничего не жалел для этого застолья. Мы сидели до утра, радовались, обнимались, праздновали начало мирной жизни.

Со своим младшим внуком Адамом

Утром бабушка отправила меня на главпочтамт, чтобы отправить телеграммы родственникам в Архангельск. Погода была скверная: холодно, дождливо, пасмурно. Но несмотря на это, на улицах было полно народу. Все люди улыбались, поздравляли друг друга, обнимались, целовались, хотя и не были знакомы. На главпочтамте собралась огромная очередь – все спешили поздравить родных и знакомых с этим великим днем. Обычно люди в очереди бывали раздраженными, торопили друг друга, бранились. Но в этот раз никто не ругался, все были необычайно взволнованы, обнимались и радовались.

Тогда не звучало слово ПОБЕДА. Когда немцев вытеснили с территории СССР, всем уже стало ясно, что мы победим. Все ждали именно окончания войны. В 1945 году мы праздновали окончание войны, радовались, что больше не будут убивать, что солдаты вернутся с фронтов домой, что кончится голод и начнется мирная жизнь.

Радость была яркая, искренняя. Я больше никогда в жизни не видел, чтобы люди так радовались.

Виктор Зайдентрегер

Берлин, Германия

Блокадное письмо из коллекции Макса Гринберга

Почётный член филателистического союза России Макс Гринберг с 17 лет связал свою жизнь со службой в армии. Сразу после начала Отечественной войны он пошёл добровольцем в РККА. Участник Сталинградской битвы, войну он закончил в битве за Берлин. Своё хобби – филателию он полностью посвятил военно-полевой почте. За свои экспонаты - «Полевая почта 1941-1945 гг.», «Годы испытаний и побед» и др. - на многочисленных выставках дома и за рубежом он стал обладателем множества призов.

Я хочу рассказать об истории одного письма в блокадный Ленинград из собрания Макса Гринберга.

Во время работы на ТЭС БОКСБЕРГ (ГДР) в начале 70-х я познакомился с Манфредом Нольте, немцем из цеха «КИП и автоматики». Тёплые отношения, которые тогда установились между нами, сохраняются и по сей день. Проблемой Манфреда является его близорукость – плюс 12-13 диоптрий. Тем не менее, он умел справляться с приборами, но ещё более удивительно при таком зрении, его хобби – филателия.

Основу его коллекции, занимающей сейчас несколько книжных шкафов, составляет филателия из СССР-России. Он вёл обширную переписку с филателистами Союза/России. И вот в декабре 2011 года в качестве Рождественского подарка Манфред получил от своего друга Макса из Петербурга небольшое ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО, которое в 1942 году мальчик Дима из эвакуации отправил маме в блокадный Ленинград:

Из-за наличия в тексте некоторых сокращений (кл., отл. и др.) перевод письма на немецкий оказался трудным для местных знатоков русского. Для расшифровки сокращений Манфред присылает письмо мне. Уже существует интернет, достаточно прислать по e-мэйлу скан письма, но я получаю реальное письмо по почте, как это принято до сих пор в Германии.

Для удобства чтения привожу содержание письма в печатном виде:

О Т К Р Ы Т О Е П И С Ь М О

Куда: г. Ленинград 13

ул. Красной Конницы д. № 22 кв. 9

Кому: Литинской Н.Н.

Обратный адрес: Челябинская об.

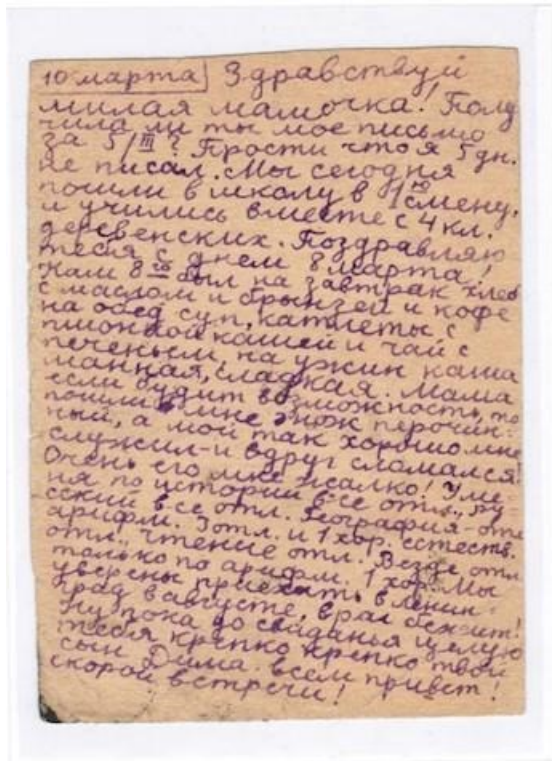
Лебяжье-вский р-н дер. I Лебяжье. Интернат 158 шк.

Литинскому Диме

10 марта Здравствуй милая мамочка! Получила ли ты мое письмо за 5/III ? Прости что я 5 дн. не писал. Мы сегодня пошли в школу в 1-ю смену, и учились вместе с 4 кл. деревенских.

Поздравляю тебя с днем 8 марта!

Нам 8-го был на завтрак хлеб с маслом и брынзей и кофе на обед суп, котлеты с пшонной кашей и чай с печеньем, на ужин каша манная, сладкая.

Мама если будит возможность, то пошли мне нож перочинный, а мой так хорошо мне служил - и вдруг сломался! Очень его мне жалко! У меня по истории все отл., русский все отл. География - отл.

арифм. 3 отл. и 1 хор., естеств. отл., чтение отл. Везде отл. только по арифм. 1 хор. Мы уверены приехать в Ленинград в августе, враг бежит!

Ну пока до свиданья Целую тебя крепко крепко твой сын Дима. всем привет! (до) скорой встречи!

Вот такое оптимистичное письмо, из которого мама узнает, что сына хорошо кормят, что учится он на отлично и единственное, чего ему не хватает, это перочинного ножичка. Маму любит, извиняется, что уже пять дней не писал ей. Да ещё обещает в августе вернуться в Ленинград. Что ещё нужно знать маме в блокадном Ленинграде о жизни своего сыночка?

Мама обязательно найдёт перочинный нож, чтобы побыстрее отправить его на Большую землю своему сыну. Только я не уверен, что

частные посылки/бандероли можно было в то время переслать в/из Ленинграда, но, возможно, я просто не в курсе дел.

Расшифровка письма не заняла много времени. Понятный для немцев вариант я отправил Манфреду. Письмо перевели на немецкий, заметку о нём Манфред вскоре под заголовком «70 ЛЕТ СПУСТЯ» опубликовал в журнале *Freunde der Rußland-Philatelie Berlin* (№ 2/2012) и один экземпляр его прислал мне.

Прочитав публикацию, я узнал много нового о письме, при чтении которого был сосредоточен только на его содержании. Вот что написал о нём филателист с многолетним стажем (в моём пересказе).

Письмо написано на кусочке картона, вырезанного, по-видимому, самим мальчиком. Согласно штампу письмо из Лебяжьего ушло 13 марта 1942 года. Оно прибыло в Ленинград, Смольнинская районная почта, 6 июня, совершив путешествие продолжительностью 85 суток. Сюда входит и время проверки письма Челябинской военной цензурой, о чём свидетельствует штамп с номером 41. На конечное ПО (Московский) письмо поступило 7-го июня. Мама должна была получить его в этот или следующий день, но ... Но 9-го июня письмо вернулось на почту с отметкой об отсутствии адресата. Почему адресат отсутствовал, можно только гадать. Видимо по подсказке из Питера, Манфред предположил, что дом с указанным в письме адресом находился вблизи линии обороны и мирное население из него было выселено. Остановимся и мы на этой самой мягкой версии отсутствия Диминой мамы в своей квартире.

Вот и вся история письма в блокадный Ленинград 1942 года, которое на короткое время оказалось в моих руках. Нам, нынешним, известно, как долго длилась блокада, скольких жизней она стоила. Что сын вернётся в родной город после снятия блокады, я не сомневался, но состоится ли его встреча с мамой – большой вопрос.

Эта небольшая заметка «Письмо в блокадный Ленинград» была опубликована в электронном виде: <https://club.berkovich-zametki.com/?p=61661> Вскоре на эту публикацию пришёл отклик ленинградца Александра Мигрова, в котором, в частности, говорилось:

«Вашу заметку об открытке прочитал. Очень трогательная история. Улица Красной Конницы — это бывшая (и нынешняя) Кавалергардская. Она не на передовой конечно. ... Несмотря на это, снаряды немецкой дальнобойной артиллерии сюда легко долетали.

Посмотрел по базе погибших «Блокада.Поиск» и базе эвакуированных «Блокада Ленинграда. Эвакуация». У Литинских в 1941 г. в этой квартире умерла бабушка: Литинская Мария Александровна, 1861 г. р. Место проживания: ул. Красной Конницы, д. 22, кв. 9. Дата смерти: декабрь 1941. Место захоронения неизвестно. (Блокада, т. 18) По базе эвакуированных с этого адреса никого нет, ни

мамы, ни мальчика Димы. Литинских много, но с инициалами Н.Н. никого нет.»

Известие не прибавило мне оптимизма по поводу судьбы Диминой мамы. Но проходит ещё несколько дней, и я получаю от Александра ссылку, по которой открылись воспоминания:

ДРЕЙФУЮЩАЯ АМЕРИКА

Автор: Вадим Арпадович Литинский

Вот первый абзац текста, где автор описывает приснившийся ему под утро сон: «Надо спустить хотя бы ноги на пол, но так неохота, не пошевеливаться... Это я у мамочки, Красная Конница, 22, квартира 9, шестой этаж – я же прожил с мамочкой в этой 16-метровой комнате в большой коммуналке почти всю жизнь, только три года как мы с женой стали снимать комнату в другой квартире...»

Стоп, указан тот самый адрес, что и в письме Димы от 1942 года. Значит, Дима всё-таки встретился со своей мамой после возвращения из эвакуации.

Должен признаться, Димино письмо, попавшее мне в руки десять лет назад, казалось мне такой глубокой историей, что в моей голове не пошевелилась ни одна извилина на тему поиска героев письма. Теперь же мне захотелось найти автора письма. Я набрал в гугле его ФИО и получил множество ссылок, по которым открывались многочисленные воспоминания и труды выросшего Димы. Очень хотелось, чтобы Дима оказался жив. Но попадались тексты, где он пишет о своей тяжёлой болезни, указывая её полное название, а самое последнее его присутствие в сети датировано маем 2019 года. Неужели я опоздал? Пишу на мейл-адрес, который указан в каждой его публикации, короткое письмо, в котором сообщаю о своей заметке «Письмо в блокадный Ленинград» и прошу подтвердить, что это он написал письмо ... Жду ответа день, два дня, ответа нет. Я уже готов отправить обычное письмо по почтовому адресу, но тут приходит мейл, только не от Димы, а от его друга. В письме сообщается, что Дима письмо получил и готовится мне ответить. Так значит Дима всё-таки ЖИВ!

Наконец приходит письмо от самого Димы, начинающееся словами:

«Виктор, спасибо огромное за Ваше письмо и за интереснейшие приложения к нему!!!

Присланное Вами моё детское письмо – всего лишь второе письмо моей любимой мамочке из около тысячи моих писем в блокадный Ленинград из трёхлетней эвакуации...»

Так началась наша переписка. Ниже я расскажу лишь о тех аспектах биографии Димы Литинского, которые связаны с его письмом от марта 1942 года.

Читая письмо, я сразу обратил внимание на фразу: «Прости что я 5 дней не писал.» Я тогда не поверил, что извинение написано от души. Скорее всего, подумал я, воспитатели заставляют детей чаще писать родителям в осаждённый город, а Дима присваивает себе заслугу в написании частых писем. Но вот объяснение самого Димы по этому поводу, опровергающее мои сомнения:

«Зародилось моё графоманство в июле 1941 года во время эвакуации из Ленинграда с моей 158 школой (после окончания третьего класса, было мне тогда 11 лет) сначала в Ярославскую, а потом в Курганскую области. Жили и воспитывались мы в интернате ..., а учились в сельских школах. Я провёл в эвакуации ровно три года ... И я каждый Божий день писал мамочке письма-треугольнички... Из 1095 дней в эвакуации я пропустил, наверное, не более 15-20 дней без письма.

Я описывал, чем нас в данный день кормили, какую сельхозработу мы выполняли, какие предметы мы изучали в школе и сколько пятёрок я получил (до хороших отметок я никогда не опускался), какие глупости говорила мне влюблённая в меня Галька Гульяева ..., кто с кем подрался, какую книгу вчера нам рассказывала воспитательница и т.п.»

Не могу не отметить вычитанное в этом отрывке, что эвакуация из Ленинграда началась уже в начале июля 1941 г. Мы привыкли ругать руководство страны за опоздание с началом эвакуации, а тут только начало июля 41 г., ещё и блокады никакой нет, до неё ещё два месяца, а детей уже отправляют в эвакуацию.

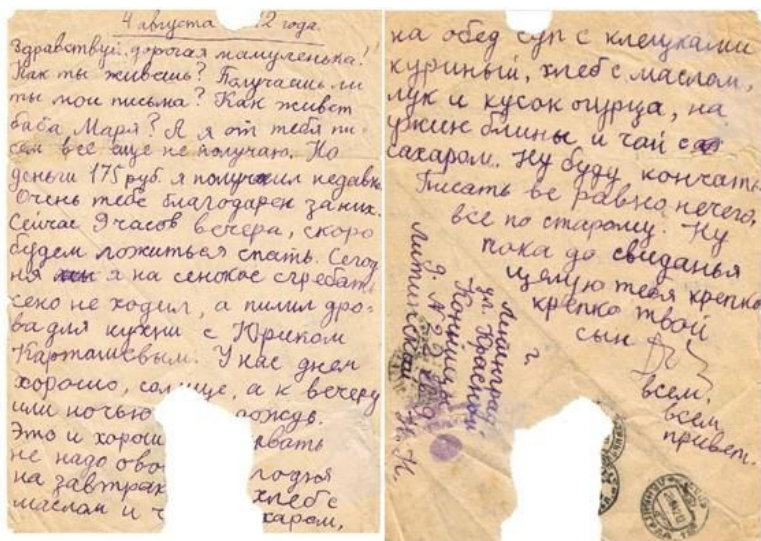
Из всех написанных писем у автора сохранилось всего одно единственное, вот это:

Прочитавший письмо увидит, что в августе 42-го Дима ещё не знает о смерти бабушки, наступившей в конце 41-го. Или письма от мамы не приходили, или мама не хотела сообщать сыну о трагических событиях. Интересно отметить также, что несмотря на блокаду, из Ленинграда приходили детям денежные переводы.

Но почему же сохранилось всего одно письмо (с «моим», оказавшимся в Германии, два) из тысячи? Ведь «рукописи не горят» не устаём повторять мы. Не сгорели и письма.

«Накануне эмиграции в Америку в ноябре 1979 года я не без оснований полагал, что таможенники ... заподозрят, что в этих детских и других многочисленных письмах ... могут содержаться госсекреты, и все письма будут конфискованы. Поэтому я оставил эти графоманские детские письма и др. ... своей дочери Алле до лучших времён. Две или три больших картонных коробки с этими документами были сложены

на антресолях коммунальной квартиры, где жила Алла. А потом Алла вышла замуж, родился сын, подрос и куда-то нужно было убрать его ванночку, игрушки и пр. Чтобы освободить для этого место Алла снесла мои коробки с письмами и документами на помойку.»

Рукописи не горят, но, оказывается, их можно выбросить.

Не мог я не обратить внимания на самую первую строчку в Димином письме: «Здравствуй милая мамочка!» («дорогая мамуленька» во втором письме). По той простой причине, что в моём лексиконе, в моём общении со своей мамой таких слов не было. Мне казалось, что такое обращение больше подходит девчонке, чем мальчишке. Но у Димы это слово - «мамочка» присутствует на протяжении всей жизни: что в 11-летнем возрасте, что сейчас – в возрасте за 90! Оно присутствует и в том первом письме, которое я от него получил: «моё детское письмо – всего лишь второе письмо моей любимой мамочке».

Совершенно очевидно, что мама для Димы - нечто святое. Он много пишет о ней, мамочке, в своих воспоминаниях. В дни блокады 1942 года она умирала в какой-то больничке от дистрофии. И лишь благодаря тому, что её взяла к себе и откормила родственница, бывшая замужем за генералом, командовавшим ленинградской артиллерией, мама смогла дождаться возвращения сына из эвакуации.

Мамочка, 1943 год

Нина Николаевна умерла в 1977 г. Я не мог без волнения, а то и без слёз, читать рассказ сына о последних днях её жизни:

«Я надел халат в рукава, притащил стул, поставил его в изголовье мамочкиной кровати. Так началась моя четырёхдневная жизнь в больнице с умирающей мамочкой.

Я кормил мамочку чайной ложкой какой-то супо-кашей (твёрдую пищу она, естественно, не могла есть). Также ложечкой я и поил её.

Изучив, как эффективно меняла простыни санитарка, я, засучив рукава, сам принялся за дело. ... действуя, я приговаривал вполголоса, или это мне казалось, что я постоянно разговариваю с мамочкой.

Спал я на стуле около мамочкиного изголовья, а вот как я питался – совершенно не помню

Вскоре я понял, что мамочка не в полной отключке, а воспринимает или даже слышит меня. Целуя её седую головку, я заметил, что мышцы на её лице как-то очень слабо, но реагируют на мои прикосновения. Мамочка слышит меня! Вот теперь-то я уже полностью вслух постоянно рассказывал ей про свою работу на Новой Сибири, почему мне, блинство, так долго не удавалось вылететь с этого проклятого острова!

Оказалось, что это был её самый последний день. Я сидел рядом с кроватью и держал мамочку за руку – то за одну, то за другую. Я ждал прихода её смерти. Я не целовал её голову и руки, это был мой самый любимый в жизни человек. И больше шёпотом не разговаривал с ней – она теперь ничего не слышала. Несмотря на то, что я в эти четыре дня в больнице спал на стуле очень мало и урывками, в сон меня совершенно не клонило. Мысли у меня были удивительно ясные и спокойные, никакого ощущения наступающей трагедии. Глаза были

совершенно сухие. Мамочка умирает. Ей 81 год. Всё нормально. Хорошо, что я всё-таки успел прилететь. Если бы не застал её живой, не пообщался, я бы потом всю жизнь мучился.

Мамуленька, любимая, прощай. Поднимаю обвязанную полотенцем голову. Обнимаю, целую в лоб, веки, закрытые глаза, ещё тёплые, губы, снова в глаза.

Прощай, мамочка. Оглянулся в последний раз и пошёл. Заметил, что походка нормальная, от горя не шатаюсь. Чувствую облегчение. Конец.»

Вадим Арпадович Литинский 1965 г.

А теперь я хотел бы кратко познакомить читателя с ныне здравствующим Вадимом Литинским. «В 1953 году окончил геологоразведочный факультет ленинградского Горного института по специальности разведочная геофизика. Затем 26 лет проработал в НИИ Геологии Арктики в Ленинграде. Занимался поисками алмазов в северной Якутии, затем в качестве главного инженера Полярной Высокоширотной Воздушной экспедиции руководил авиадесантной гравиметрической и магнитной съёмкой восточных арктических морей СССР. В ноябре 1979 года эмигрировал в США, где продолжал работать в качестве геофизика до 1986 года, потом консультантом и переводчиком для американских нефтяных компаний.»

А кроме этого официоза: до 1953 года был активным патриотом своей страны, мечтал стать разведчиком, но был просто опутан сетями КГБ, из которых с трудом выпутался. После смерти вождя народов стал сначала критиком режима, а потом и диссидентом. В качестве чуть ли

не основного свидетеля привлекался по делу «антисоветчиков» Якира и Красина, но счастливо избежал как отправки на Восток, так и лечения в психушке. На защите кандидатской диссертации последнюю сочли докторской, но получил он звание только к.т.н. А в 1979 году, по вызову из Израиля, отправился в эмиграцию.

Здесь делаем паузу. Евреи ищут, находят и благодарят неевреев, которые спасали их в годы Холокоста. А мне сейчас интересно бы узнать, сколько неевреев в СССР получили вызовы от «родственников» из Израиля и «спаслись» благодаря им. Одним из таких спасённых был и Вадим Литинский.

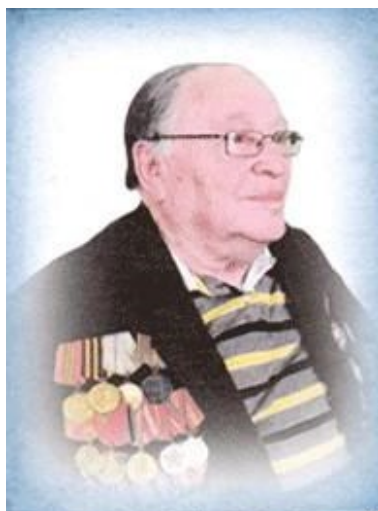
Ни когда я читал письмо Димы к его маме, ни когда писал заметку об этом письме, мне в голову не приходило поинтересоваться их национальностью. Но вот я читаю, что В. Литинский отправился в эмиграцию по Израильской визе, и начинаю задумываться: неужели и он тоже из наших? За этими на польский лад фамилиями всегда скрывались подозрительные по национальности лица. Не нужно далеко ходить за примерами, я и сам Хайтовский по матери. Задолго до того, как я заинтересовался национальностью Литинского, этим же интересовались и некоторые его коллеги. Вот что он сам об этом рассказывает: «Случилось так, что моя помощница – записатор Аня известила меня, что рабочие-буровики решили проверить, не еврей ли я, для чего они собирались напоить меня «до усрачки», снять с меня штаны и доказать Ане, что я еврей, в силу того, что я вежливый и не матерюсь.» Из-за предательства Ани фокус работягам не удался. Вадим сумел перепить их самих, после чего они решили, что перепивший их может быть только русским. Вадим и был русским. По маме его родословная восходит ко временам, в которые на Руси ещё и Романовых нигде не упоминали. Отец же его – венгр Арпад Сабадос.

Но разрешение на выезд он получил по письму от «родственников» из Израиля. В своём заявлении на выезд Литинский, естественно, указывал паспортную национальность – русский. ОВИР это не смутило, видимо они повидали много таких «русских». А вот по прибытии в Вену он был сразу «разоблачён» принимавшими самолёт евреями. Как-как отчество вашей мамы, Николаевна? Таких отчеств у евреек нет, вам в другую контору - и передали прибывшего в организацию, которая отправляла новых эмигрантов в США. Там до сих пор с удовольствием и проживает наш герой.

Всем, кто заинтересовался биографией и творчеством Вадима Литинского, достаточно нажать на ссылку: http://world.lib.ru/l/litinskij_w_a/ Узнаете много для себя интересного.

Вот такая история письма, отправленного в блокадный Ленинград в 1942 году.

История мне казалась, неполной, пока не прояснится, как письмо попало в руки филателиста, кто этот филателист, сохранявший его в течение десятилетий.

Я связываюсь с Манфредом, нынешним хранителем письма, задаю ему свои вопросы. Вот его краткий ответ (краткий, поскольку ситуация в семье не оставляет времени для хобби):

«Много лет я был в постоянной связи с Максом Гринбергом из Ленинграда, бывал у него в гостях. К сожалению, в прошлом году Макс умер на 96-м году жизни. Связь с Ленинградом прервалась. Очень жаль.»

Таким образом, мы знаем теперь, кто прислал письмо Димы Литинского в Германию. Ясно также, что узнать о том, как это письмо попало к Гринбергу, не у кого.

Краткие сведения о Максе Гринберге, почерпнутые мной из интернета, приведены в самом начале статьи. Из интернета взят и его портрет.

Олег Щекотихин

Запорожье, Украина

Оборона Севастополя. Часть 4. Ужасы плена (по воспоминаниям выживших)

Немцы из 105-мм гаубицы обстреливают город. Июнь 1942 г

Страшная судьба выпала на долю десятков тысяч защитников Севастополя, не сумевших эвакуироваться на Кавказ. Они мужественно оборонялись от хорошо вооруженного и численно превосходящего врага на последнем клочке севастопольской земли, используя все имевшиеся возможности. Немцы забрасывали сверху гранатами укрывшихся в скалах воинов, катера обстреливали их с моря.

Уцелевших бойцов в развалинах взорванной 35-й батареи выжигали струями огня из огнеметов и травили дымом. Не было продуктов, не было воды, приходилось в июльскую жару утолять жажду морской водой. Большинство из них было ранено. Но борьба

продолжалась столько, сколько может выдержать человек. Но силы человеческие не бесконечны и десятки тысяч героических защитников Севастополя, уцелевших в тяжелейших боях, оказались в плену. И тут на их долю выпали новые испытания.

Озверевшие оккупанты и их помощники — из крымских татар - расстреляли комиссаров, евреев и многих командиров. Одну из колонн пленных раздавили гусеницами танков. Многие пленные были использованы на разминировании изуверским методом – они цепочкой шли по минному полю и, наступив на мину, взрывались, а сзади шли татары и добивали уцелевших. Много тяжелораненых бойцов было добито. В колоннах пленных, направляемых в Симферополь, отстающих, теряющих силы людей пристреливала охрана. Да разве перечислишь все ужасы немецкого плена, которому невозможно найти сравнительные примеры в истории человечества! Предоставим слово великомученикам Севастополя, которым удалось выжить в этом аду.

В донесениях 30-го армейского корпуса войск Вермахта о захваченных пленных в Севастополе говорится:

Донесение от 10.07.1942 г.

За период с 7.06 по 10.07.1942 года 30-й АК захватил 80 914 человек пленными, 269 артиллерийских орудий и много другой военной техники и материалов.

Дело 03/32095, лист 287.

IX. Донесение от 11.07.1942 года.

Но самым наболевшим и неразрешимым был вопрос с эвакуацией раненых на Кавказ, так как из-за ожесточенной блокады крупные корабли более не могли прорываться в Севастополь, не рискуя быть потопленными. Лидер «Ташкент» был последним большим надводным кораблем, который смог забрать в ночь с 26 на 27 июня более трех тысяч раненых, эвакуированных женщин и детей, а также рулоны обгоревшей, но спасенной панорамы художника Рубо «Оборона Севастополя 1834—55 гг.», а в ночь на 29 июня быстроходные тральщики «Взрыв» и «Защитник» вывезли еще 288 раненых. После этого раненые вывозились только самолетами транспортной авиации и подводными лодками.

Согласно итоговым данным о деятельности медико-санитарной службы и частей, в СОРе имелось 16 медучреждений армии и флота, в том числе в Приморской армии 7 медсанбатов (по одному в каждой стрелковой дивизии), два эвакуогоспиталя, полевых подвижных госпиталя и у Черноморского флота 2 военно-морских госпиталя и один инфекционный, в которых, согласно сводкам на 28 июня 1942 года, находилось всего 11 500 раненых.

ЦВма, ф.1087 ед.хр.37 л.213

Накануне немецкого наступления 29 июня и до 1 июля 1942 года все лечебные учреждения и раненые были перебазированы в район

западного побережья Херсонесского полуострова. У Камышовой бухты находились ППГ-316 и ЭГ-1428, в штольнях Георгиевского монастыря ППГ-76 и ППГ-356, медсанбаты в щелях, окопах, траншеях у берега Камышовой бухты, южного берега Херсонесского полуострова, в районе 35-й батареи..

В целом все медицинские учреждения, армии и флота были оставлены на произвол судьбы, на милость жестокого врага, поскольку не было возможностей их вывезти.

В этих отчаянных условиях непрерывных бомбежек и артобстрелов немногочисленный медперсонал самоотверженно оказывал посильную помощь раненым бойцам и командирам. Большое количество раненых, могущих передвигаться самостоятельно, скопилось к концу дня 30 июня на берегах Камышовой и Казачьей бухт, на Херсонесском аэродроме в надежде на эвакуацию. Они самостоятельно покидали медсанбаты, госпитали, так как подчас не было автотранспорта, чтобы перебазировать их из города к бухтам. В эти два последних дня июня из Георгиевского монастыря были отправлены пешим порядком несколько групп раненых 5060 человек с сопровождающими в районы Камышовой и Казачьих бухт на эвакуацию, как об этом написал краснофлотец М.Е. Чесноков из химроты ЧФ.

Чесноков М.Е. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ л.309

Что касается количества раненых, оставленных в Севастополе, то цифры их весьма приблизительные. Согласно последнему боевому донесению Военного совета СОР и флота, по состоянию на 24.00 30 июня 1942 года в Москву и Краснодар невывезенных раненых осталось 15 тысяч. Но уже в 1961 году в докладе Октябрьского их количество увеличилось до 23 тыс.

В 1968 году Октябрьский назвал цифру 36 тысяч человек.

Олейник З.Г. Воспом. о выступл. Октябрьского в 1968 г. в Матросском клубе г.Севастополя.

Фонд музея КЧФ

4 июля немцы взорвали скалу, под которой располагался наш госпиталь в Херсонесской бухте. Под берегом этой бухты и в других местах было много раненых. Немцы, видя одно из больших таких мест с ранеными (напротив КП ПЕ-2), в течение 10 минут забрасывали их гранатами, написал военврач И.П. Иноземцев, находившийся неподалеку. В результате из 150 человек остались в живых около 15. Весь берег в этом месте был покрыт трупами, наваленными друг на друга. Тяжелораненые кричали, просили их пристрелить. Кто мог двигаться, полз к воде и тонул. Немцы пристрелили всех, кто не мог подняться и идти. Жестокость, варварство фашистов было беспредельны.

Н. Головкин отмечает, что днем 1 июля к нему на радиостанцию пришли медики из Георгиевского монастыря с просьбой связаться с командованием на 35-й батарее и запросить, как быть с эвакуацией раненых и откуда она будет. В то время в Георгиевском монастыре, согласно сообщению бывшего начальника медико-санитарной службы СОРа военврача 1-го ранга А.Н. Власова, находились два походных полевых госпиталя ППГ-356 и ППГ-76 Приморской армии.

Раненых, по оценке К. Головкина, в монастыре и возле него было более 500 человек. Отсутствие медсредств, нехватка медперсонала и жара способствовали большой смертности среди них. Как рассказал Н. Головкин, понимая тяжелую обстановку с ранеными и продолжающимся в тот момент ожесточенным боем полка с наседавшим противником, чтобы не отвлекать командование полка от управления боем, он самостоятельно запросил штаб дивизии по вопросу эвакуации раненых. Ответ был примерно таким: «Ждите, эвакуация будет морским транспортом».

Воловик Г.А. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ л.208

Что было делать фактически безоружным защитникам Севастополя, прижатым к морю вооруженными до зубов фашистами?

На этот непростой вопрос в какой-то мере дают ответ слова одного из старших командиров, оказавшегося в те трагические часы в землянке неподалеку от Херсонесского маяка, слова которого сохранил в своей памяти младший сержант Г.И. Овсянников, разведчик-наблюдатель 1-го дивизиона 47-го отдельного арtpолка 109-й дивизии: «Утром 4 июля моряки и приморцы на досках, лодках и вплавь уходили в море в надежде, что их подберут наши корабли. Немецкие самолеты стреляли по ним из пулеметов. Около 12 часов подошли немецкие танки и с берега стали стрелять навесным огнем по нас, а с моря самолеты из пулеметов. Наш командир 1-го арtdивизиона капитан Коновалов спрашивает у полковника пехоты, находившегося в землянке: «Что будем делать? А он отвечает, что у нас есть три выхода: утопиться, застрелиться или плен, но только из плена можно бежать и мы будем еще полезны Родине. Нашли железный ящик из-под патронов, завернули свои партийные и комсомольские билеты и удостоверения в целлулоид и положили в него, зарыв в скалах возле маяка».

Овсянников Г.И. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ л.157

Много севастопольцев, жертвуя жизнью, уничтожали фашистов. 4 июля во время последнего боя один из командиров поднял руки вверх и двинулся к немецкому танку, ползающему по нашим окопам; раздался сильный взрыв, а от командира ничего не осталось.

Танк загорелся. Так написал свидетель этого героического подвига неизвестного командира сержант С.П. Ильченко из 20-й АБЧФ.

После пленения основной массы наших воинов, скопившихся на Херсонесском полуострове, на аэродроме стали хозяйничать фашисты. В 150 метрах от КП ПЕ-1 была вырыта яма, куда втаскивали наших павших бойцов и командиров. Но сопротивление продолжалось на отдельных участках полуострова. За минным полем в камнях отстреливались до 8 июля около 50 моряков, из которых остались в живых трое тяжелораненых. В числе погибших были старшины 1-й статьи шифровальщики морской оперативной группы генерала Новикова В.С. Кобец и И.О. Зоря. Об этом написал один из трех оставшихся в живых, старшина 1-й статьи из 20 АБ ЧФ В.А. Семенов.

Семенов В.А. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ л.651 [3]

5 июля с рассвета немцы продолжили зачистку южного берега Херсонесского полуострова от маяка до 35-й батареи. Неподалеку от маяка под обрывом находилась группа наших воинов. «На обрыве показался немец с белым флагом, — пишет связистка из полка связи армии Т.А. Любецкая. Его наши ребята сняли из винтовки. После этого нас накрыли огнем и потом подошли катера с двух сторон и нас пленили. Посадили на камни у берега. Стояла гробовая тишина. Даже крикливые немцы молчали. Стали всех собирать и строить по 10 человек в колонну. Весь берег был зажат танками и танкетками. Немцы только СС. Пленных было много, сколько глаз видел, вся дорога до горизонта. Нас повели. У Камышовой бухты лежали немцы в шортах и стреляли по загнанным в воду нашим бойцам. Когда заканчивали убивать, брали очередную десятку и загоняли в воду. Если кто падал от изнеможения, то немцы его убивали.

Любецкая Т.А. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ лл.476-479

«4 июля попал в плен, — написал краснофлотец-радист из учебного отряда ЧФ Н.А. Янченко. — По дороге нас конвоировали предатели из татар. Они били дубинками медперсонал. После тюрьмы в Севастополе нас конвоировали через Бельбекскую долину, которая была заминирована. Там очень много погибло наших красноармейцев и краснофлотцев. В Бахчисарайском лагере набили нас, яблоку некуда упасть. Через три дня погнали в Симферополь. Сопровождали нас не только немцы, но и предатели из крымских татар. Видел один раз, как татарин отрубил голову краснофлотцу».

Янченко Н.А. Фонд музея КЧФ, д.НВМ лл.508-512

«На рассвете у Камышовой бухты вели столько пленных, что просто не верили своим глазам, что так много воинов было в строю. Весь день шли колонны пленных. Мы не раз поднимались в атаки,

чтобы отбить от конвоиров своих братьев», — написал в своем письме краснофлотец из 8-й бригады морской пехоты И.В. Антонюк. И потом, когда их пленили, он вспоминает: «...Нас построили и погнали по четыре в ряд. Все рваные, грязные. Немцы стреляют, бьют прикладами, стреляют то вверх, то в кого-либо, то по колонне.

Когда вывели на Ялтинскую дорогу, то, не доходя до Сапун-горы, навстречу шла колонна танков. Они не свернули, а нас фрицы тоже не повернули вправо. Тех, кто пытался выбежать из колонны, немцы расстреливали из автоматов. Так с головы и до хвоста колонны одну шеренгу танки и задавили гусеницами. Нас не останавливали. Танки тоже все время шли. Многие бросились бежать, но были расстреляны».

Антонюк И.В. Воспом. Госархив Крыма, ф.849 оп.3 д.282 л.11

По рассказу В. Мищенко, он с краснофлотцем И.П. Москаликком были взяты в плен утром 5 июля под берегом Херсонесской бухты.. В. Мищенко, шедший в одной из колонн пленных, свидетельствует, что из трех тысяч их колонны до лагеря в Симферополе «Картофельное поле» дошла только половина пленных, остальные были расстреляны в пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар.

Мищенко В.И. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ л.322, 643

Жительница города Севастополя Л.А. Тарасенко, которой в 1942 году было 14 лет, написала, что до сих пор в памяти стоит бесконечная черная лента попавших в плен защитников Севастополя. В большинстве своем они были раненые, контуженые, в почерневших от крови повязках под палящими лучами июльского неба. «Озверевшие от долгого сопротивления немцы выхватывали из колонны моряков и стреляли их в упор. Наши бойцы то в одном, то в другом месте дрались с немцами-конвоирами. Когда мы вышли на шоссе, я была потрясена, увидев, как огромные машины наезжали на пленных, и когда проехали, то люди были расплющены как лягушки на асфальте. Человеческая жизнь для оккупантов ничего не значила. Сколько безымянных героев легло тогда, но непокоренных духом».

Тарасенко Л.А. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ лл.488-490

Изошренность в убийстве наших военнопленных фашистами и их прихлебателями из числа предателей крымско-татарского народа не знала границ.

Военфельдшер 3-го батальона 287-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии А.Л. Мараренко (Лукашевская) вспоминает, что «их тогда захватили в плен эсесовцы. Гнали вместе с нашими ранеными по дороге на Инкерман босиком. Били и расстреливали обессиленных. Тяжелораненых мы волокли на себе. В Инкермане за

колючей проволокой речка Черная. Кто кинулся попить, умыться, там и остался. Всех забросали гранатами».

Мараренко А.Л. (Лукашевская) Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ л.439

И таких примеров было много. наших воинов, попавших в плен, гнали из района последних боев на Херсонесе по разным дорогам из Севастополя в Бахчисарай и Симферополь. После прохода каждой колонны по обочинам дорог лежали застреленные наши бойцы и командиры, ослабевшие от ран и голода. Особенно немцы ненавидели наших моряков-краснофлотцев и старались их убивать без всякого повода. И таких примеров жестокой расправы с ними можно привести очень много.

«Немцы в черной форме с засученными руками, верзилы с пьяными мордами из колонны выхватывали пленных и в 5-6 шагах стреляли в затылок им. Пока дошли до Бахчисарая, и половины не осталось от колонны», — вспоминает краснофлотец А.П. Утин.

Утин А.П. Воспом. Фонд музея КЧФ, д.НВМ лл. 316-317

Причину такой ненависти к морякам очень точно выразил в своем письме снайпер из 772-го стрелкового полка 386-й стрелковой дивизии Ф.П. Городов: «Моряки дрались, не жалея своей жизни. Если пехота дрогнет, туда морскую пехоту, и успех обеспечен. Да, это были смелые, бесстрашные и преданные своей Родине люди, поэтому немцы их так ненавидели и сильно их боялись, когда они шли в наступление».

«Нас, защитников Севастополя, — писал он в своем письме, — стрелял, кто хотел, а матросов вообще не оставляли». Городов приводит пример. Когда он шел в колонне пленных, то видел, что «одного нашего бойца, раненного в голову, вели под руки два его товарища. Гимнастерка у него была расстегнута и была видна тельняшка. Немец-конвоир заметил ее и доложил офицеру. Всех троих сразу же вывели из строя и тут же у обочины расстреляли».

Городов В.П. Фонд музея КЧФ, д.НВМ

Все военнопленные проходили сначала предварительную фильтрацию на месте пленения, где отделяли отдельно командиров, рядовых, раненых, которые подлежали лечению и транспортировке либо уничтожению. В полевом лагере под Бахчисараем фильтрация проходила более тщательно. Прошедшие через этот лагерь Г. Воловик, А. Почечуев и многие другие отмечают, что там подразделение предателей из крымских татар, переодетых в немецкую форму, будоражило всю массу военнопленных, выискивая евреев, пытаясь, кто укажет на комиссара. Всех выявленных концентрировали в специальной загородке из колючей проволоки, размером 8х10. Вечером их увозили на расстрел. Почечуев пишет, что за шесть дней

его пребывания в этом лагере каждый день расстреливали по 200 человек, собранных в эту загородку.

Эти выявления и расстрелы продолжались во всех лагерях на пути их следования на Украине, Польше, Германии.

Надо отметить, что немцы широко использовали наших пленных в Севастополе и его окрестностях на разминировании, а также на расчистке завалов, разных раскопках и других работах. В Севастополе размещалось в первые дни после захвата города более десяти мест, где содержались разной численности наши пленные. По воспоминаниям старшины 1-й статьи Н.Н. Алексеенко, из 279-го отдельного батальона связи 109-й стрелковой дивизии, после неудачной попытки пробиться морем из-под берега Фиолента в район мыса Айя 4 июля он был захвачен в море вражеским катером, доставлен в Балаклаву и затем в лагерь на Куликово поле, где содержалось около 4500 наших пленных. Оттуда он в числе 200 человек был взят на «работу», а фактически на разминирование минных полей в районе Мекензиевых гор. После такого разминирования, когда шеренгой по сто человек с расстоянием между людьми в 1 или 1,5 метра с палками-щупами в руках шли по минному полю, а сзади вторая такая шеренга, в живых осталось человек 16. Получивших ранения при взрыве мин пристреливали.

Моношин И.С. Запись на пленку беседы с Н.Н. Алексеенко 25.01.85 в г.Херсоне.

Фонд музея КЧФ

В таком же разминировании, но под Балаклавой, участвовал и чудом остался жив старшина 1-й статьи А.М. Восканов из 79-й бригады морской пехоты. Была одна особенность. За ними в 50 м шла шеренга татар с палками, а позади на расстоянии немцы с автоматами.

В.М. Покровский. Из фондов НМГОиОС

...

4 июля 1942 года в три часа дня, раненым, у самого Херсонесского маяка я был схвачен гитлеровскими танкистами и после сильного избиения, весь в крови, доставлен к центральной дороге, где собирали колонну пленных.

Построив колонну, под сильной охраной фашисты проводили пленных (к которым они отнесли и женщин) вдоль фронта, а фрицы, вооружившись дубинками и полосами резины, избивали всех подряд, вымещая зло, скопившееся за 250 дней. Всех тяжело раненых и не могущих передвигаться расстреливали на месте. По пути следования к городу люди, умирая от жажды, бросались на поломанные автомашины, разбивая чем попало радиатор, зная, что он залит пресной водой. Но всякого, кто хоть немного отступал от колонны, расстреливали. Особенно много погибло, когда вошли в город. Пьяные

гитлеровцы стреляли не только из-за угла, им также разрешалось стрелять и в колонну. Как потом я узнал, пока пленных не посчитают и не передадут определенному лицу далеко за пределами фронта, пленным разрешено кому угодно расстреливать.

К вечеру, не дав ни корки хлеба, ни глотка воды всех загнали за проволоку на виноградную плантацию. Всю ночь не прекращалась стрельба по лагерю, а утром я не увидел ни одного куста винограда. Все было съедено.

Наутро, оставив в лагере много трупов, колонна пошла в Бельбек, где тщательно отбирались евреи и подозрительные, которые тут же расстреливались. Оставшимся в живых не давали ни есть, ни пить, требуя раскрытия секрета, где в Севастополе заложены фугасы или спрятаны медикаменты. Тот, кто расскажет любой из секретов, получит вволю воды и хлеба. Но таких не находилось, поэтому колонна, все до одного, подвергалась «санобработке» обрабатывали в основном предатели – татары, которые не только избивали нас, но и отбирали все, ничем не брезгуя, начиная от часов и кончая кальсонами. Через неделю нас отправили в Симферополь, еще через неделю – в Уманскую яму, а потом – ряд мучений и сеть концлагерей до 1945 года.

Бойко М.Е. Из фондов НМГОиОС

...3 июля в бухте Казачьей, в половине шестого утра, когда рассеялся туман, два средних танка противника ведя огонь по окопам и укрытиям, отсекали группу красноармейцев, человек 60, среди которых был и я. Десантники-автоматчики загнали нас в огромную яму (воронку от тяжелой мины, которые бросали с самолетов с парашютом). Они окружили нас подковообразно, три человека фашистских мародеров спустились к нам и начали стаскивать хорошую одежду и обувь. С нами в воронке находилось несколько человек в приличной одежде, видно, работников штабов воинских частей.

Подъехавший на мотоцикле немецкий офицер в звании майора подошел к нам, поднял кверху руку, подал команду, и нас расстреляли.

Я нетвердо стоял на одной ноге, опираясь на поднятый обломок доски. Жгучая боль в бедре гнула к земле. Моя голова была на уровне плечей товарищей. На миг я увидел пламя ручного пулемета. Скошенные пулями, падали люди. Упал и я, вернее, падающие меня собой прикрыли. Кровь несчастных заливала лицо. Двое лежали на мне. Онемев от ужаса, все же чувствовал, что жив, жив. Тех, кто стонал, кто шевелился, добивали отдельными выстрелами. Затем все стихло, танки и мотоцикл уехали. Жара и гробовая тишина.

Этот день, казалось, не пережить. Кровь моих товарищей пахла сыростью, меня рвало, спазм за спазмом. Лежал до наступления темноты. Потом приподнял голову, прислушался, руками снял с себя

убитого, выполз из ямы и пополз вдоль берега в сторону бухты Круглой. Отдыхал, прислушивался и снова полз подальше от смерти, меня миновавшей. Долго-долго полз, преодолевая боль, и вдруг услышал негромкую русскую речь. Обрадовался, но, неловко повернувшись, раненым бедром задел за камень. От боли застонал. В тот же миг окликнули: «Стой, кто идет?». Назвал себя и был принят. В окопе со мной стало восемь русских солдат. Мы мечтали утром найти шлюпку или какую другую посудину и морем бежать в Турцию. Но не свершились наши думы. Одни лишь сутки мы жили надежной на спасение.

5 июля к нам подъехали танки, прочесывающие местность. Заметили нас... Четырех ранило, в том числе и меня – осколком в голову. Враги нас пленили...

Валентин Гавриленко. Из фондов НМГОиОС

Воспоминание немца о расстреле евреев.

...Рядом со мной лежал товарищ из Трира – Егеди, карикатурист. Он прибыл из 22-й танковой дивизии, которая в Керчи занимала позицию справа впереди нас. Он рассказывал, что русские атаквали волнами со стороны Ени-Кале. «Мы стреляли, пока совсем не осталось боеприпасов, затем мы отошли и получили новые пулеметные стволы и боеприпасы... Когда мы продвинулись вперед, нас встретил одиночный огонь. В большой бомбовой воронке находились пятеро русских и одна женщина. Они отстреливались до последнего патрона. Затем русские достали бритвы и вскрыли себе вены. Женщина тоже.

3 июля 1942 г. После выздоровления снова на фронт. Мы доехали до Байдар, дальше пешком. У последнего дома стоял старший лейтенант. Я узнал его – мы были знакомы по Гитлерюгенду. Он остановил нас, чтобы выпить вместе с нами по стакану вина. Нас было трое – старших ефрейторов – для нас это была приятная пауза. Каждый получил по пачке сигарет.

Дальше к «Старому форту», форту «Максим Горький-2». Едва мы прошли километр, как услышали треск пушечных выстрелов. Мы что, уже дошли до фронта? Быть того не может. Навстречу нам вышел эсэсовец и еще один в форме полевой жандармерии. Вблизи мы услышали, как эсэсовец говорит о том, что он сегодня расстрелял уже тысячного. Мой товарищ пробурчал: «Но не на фронте...» Правую руку он держал в кармане брюк. Они повернулись друг к другу и встретились взглядами. Потом эсэсовец развернулся и вместе с приятелем зашагал в сторону Байдар. Мы упрекнули своего товарища: «Как можно было ему такое говорить? А если бы он снял автомат?» – «Тут бы ему и смерть пришла», – ответил он и достал из кармана пистолет калибра 08. он всегда носил его с собой.

Потом мы увидели много людей, сидящих на траве, – мужчины, женщины, дети. Вокруг стояли эсэсовцы. С правой стороны мужчины выкапывали ров. Теперь мы поняли, где была стрельба. Мой товарищ подтолкнул меня, чтобы я посмотрел направо. Эсэсовец вырвал у женщины грудного ребенка и ударил его головой о камень. Другой эсэсовец подошел к нам и потребовал, чтобы мы исчезли как можно скорее. Прибыв в «Старый форт», я доложил командиру роты об увиденном. «Надо было развернуться и рвать в другом направлении», – последовал ответ.

Бернгард Ферринг

Источник: Генеральный штаб Красной Армии 1943 г. Для служебного пользования. Оборона Севастополя

Часть 2. После ковида

Н.Нестерова. Хоровод, 2009

Евгения Народицкая

Род-Айленд, США

Интервью с психотерапевтом Анаит Азарян по поводу пандемии

«Люди воспринимают коронавирус как очень серьезную угрозу их жизни»

(Анаит Азарян)

Dr. Anait Azarian, PhD, клинический психолог - Licensed Clinical Psychologist, Board Certified Expert in Traumatic Stress

Евгения Народицкая. Как повлияла пандемия коронавируса на психическое здоровье людей?

Анаит Азарян. Спектр негативных влияний на психическое - и не психическое - здоровье людей при пандемии очень широк. По сути дела, люди воспринимают коронавирус как очень серьезную угрозу их жизни, тем более что эта угроза, конечно, есть, и вдобавок искусственно раздувается средствами массовой информации, которые ежедневно и ежечасно на всех каналах публикуют цифры и графики заболевших и умерших, картины задыхающихся людей и т.п. В то же самое время медицинские эксперты, заселившие экраны, не в состоянии более или менее четко ответить на самые простые вопросы: является ли коронавирус лабораторным созданием, и, если да, то, кто и зачем его сконструировал без должного противоядия?

А если вирус спонтанное явление природы, то почему он не угасает, как его предшественники, другие вирусные гриппы, с которыми человечество сосуществует со времен Адама? Куда вообще делись «приличные» вирусы и вызванные ими эпидемии?

Если вакцины работают, то почему вакцинированные люди все равно продолжают жить в изоляции и ходить в масках? Если дети слабо подвержены заболеваниям, почему школы до сих пор закрыты?

Вопросов очень много, но ответов мало. Вместо ответов мы слышим фантастические истории, конспирологические теории, фейковые новости, политизированные вбросы и разные низкопробные сплетни.

В результате, мы имеем мощный стресс – и его источник, стрессор, которого мы не в силах избежать или уничтожить.

Мы также знаем непреложные факты, установленные основоположниками психофизиологической науки о стрессе – в

условиях длительного неразрешимого стресса человеческий организм реагирует чрезвычайно негативно и саморазрушительно.

Наиболее распространенная психологическая реакция - сильное повышение уровня тревоги и страха, которые, в свою очередь, вызывают неадекватные, рискованные, иррациональные формы поведения, такие, как тотальная самоизоляция; разрыв всех социальных отношений; самолечение, наносящее вред здоровью; акты насилия по отношению к китайцам.

Длительный неразрешимый стресс, вызванный коронавирусом, также является стимулятором сердечных, сосудистых и язвенно-гастритных осложнений.

Как говорится, все по науке, не убавишь и не прибавишь.

- Наблюдают ли психиатры и психологи обострение психических заболеваний?

- Среди моих пациентов сильное обострение я наблюдаю у тех, кто уже страдал от депрессивных заболеваний и у тех, кого я лечила по поводу постоянных тревожных состояний, необоснованных страхов и фобий. С разгаром пандемии многие мои пациенты, у которых депрессия или тревога были в ремиссии, стали звонить мне и проситься на повторный курс психотерапии.

И это абсолютно понятно, ведь главными проблемами депрессивного пациента является мрачное настроение, неспособность радоваться жизни, чувство одиночества и беспомощности, отсутствие прежних интересов, потеря сна, аппетита, энергии. А вновь приходящие мои пациенты жалуются, что при пандемии невозможно поднять настроение, видя и читая мрачные репортажи с фронта борьбы с коронавирусом; самоизоляция и социальное дистанцирование усугубило их чувство одиночества, бесполезности, бессилия и заброшенности; стало невозможно поддерживать прежние интересные занятия (ходить в кино, церковь, в музеи, к друзьям, заниматься спортом, путешествовать и т.п.).

У каждой категории моих пациентов, которые пытались бороться с их прежними страхами, появился новый и намного более мощный источник волнений и тревоги: вездесущий, невидимый и смертельный враг - коронавирус. До этого я работала с ними, пытаюсь объяснить иррациональность их фобий, а теперь они приходят ко мне с вполне обоснованными тревогами за себя и своих близких. Я также наблюдаю обострение среди всех остальных групп моих пациентов с другими психологическими проблемами.

- Какие группы населения оказались наиболее уязвимыми?

- Это те группы людей, в основном с возрастными когнитивными ограничениями и врожденными недостатками интеллектуального развития, которые не в состоянии адекватно воспринимать и

реагировать на происходящее вокруг них. Это в первую очередь пожилые люди, у которых проблемы с памятью - деменция, болезнь Альцгеймера и т. п., а также люди с разными формами аутизма. К сожалению, большая часть пожилых людей в Америке живет отдельно от своих детей или помещены ими в дома престарелых, в отличие от тех традиционных стран, где дети обязаны содержать и присматривать за своими родителями, например в Южной Корее.

С начала пандемии пожилые американцы оказались в прямом смысле слова забаррикадованными в своих квартирах или в домах престарелых. Если до этого они имели некоторую эмоциональную поддержку от своих «терпеливых» близких и получали ответы на их монотонно повторяющиеся жалобы, то теперь визиты родственников запрещены, связь с посторонним миром прервалась и, что действительно в нем происходит, стало очень трудно понять. Часто у пожилых людей нет компьютера, современного мобильного телефона, и они не могут получить никакой помощи онлайн. А многие русскоязычные пожилые вдобавок не знают английского языка.

Неизвестность, неопределенность и отсутствие живых контактов самым серьезным образом отразилось на их психическом состоянии. Мои пациенты с аутизмом (аутистическим синдромом) также оказались в тяжелейшем положении из-за пандемических ограничений. С ними невозможно проводить терапии по телефону или онлайн. Основная проблема аутистов – дефицит способности адаптироваться к меняющейся обстановке. В силу своих психологических отклонений они не в состоянии адекватно воспринимать и оценивать внезапные изменения в распорядке режимного уклада, в том числе в формах общения с врачом. Любые изменения, даже самые малые, приводят аутистов в сильное замешательство, могут вызвать панику и даже гнев. Мои пациенты, например, требуют, чтобы наши очные встречи проходили в определенные дни и часы, они даже считают минуты, которые они проводят с врачом. Поэтому хорошо понимая важность устоявшегося режима наших отношений, я никогда не прерывала прием пациентов в офисе. Но это я, и это мои пациенты. А вот для других пациентов пандемия могла оказаться тяжелым испытанием. Я привела пример двух самых уязвимых категорий людей.

- Рукопожатия, дружеские объятия сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Какова их роль и сказывалась ли их отмена во время пандемии на психике?

- Это очень важный и интересный вопрос. Сомнений нет в том, что человек по своей природе общественное животное, выживание, развитие и господство которого над остальным животным миром было бы невозможным без объединения в группы, племена, государства. В этом длительном историческом процессе ритуалы и традиции играли очень важную роль - скрепляющую и стабилизирующую. Они служили

своеобразной арматурой построения национального самосознания и идеологического воспитания.

Большая роль ритуалов и традиций заключается также в том, что через них общество способно оказывать эмоциональную поддержку своим членам и практическую помощь в решении различного рода конфликтов. Через ритуалы и традиции члены общества осуществляют самоидентификацию и ощущают духовную сопричастность со своими согражданами. Это, в свою очередь, придает им уверенность, гордость, комфорт и многие другие чувства, благотворно влияющие на психическое здоровье человека.

Еще задолго до пандемии было модно отрицать важность традиционных форм общения. Циники, агностики и различного рода просвещенцы, так я называю тех, кто ратует без разбора за все новейшее, заведомо считая его лучшим, призывая к разрушению всего старого как никчемного и вредного сильно недооценивают положительное влияние традиций на психику человека.

Приведу мой личный пример. В далеком 1977 году я вышла замуж. У меня было роскошное подвенечное платье и большая веселая армянская свадьба. Но на свадьбу мы не пригласили профессионального фотографа. Один из наших родственников как раз приехал из-за границы и привез видеокамеру. Он сказал, что будет снимать всю свадьбу и поэтому фотограф не нужен. Но потом оказалось, что камера не сработала. В результате у меня нет альбома фотографий, которые должны были запечатлеть этот один из самых счастливых дней в моей жизни. Теперь по прошествии лет я не могу вспомнить всех приглашенных, посмотреть на их радостные лица (многих из них уже нет в живых), похвастаться своим свадебным платьем и прической перед моими детьми и внуками. Кто-то из просвещенцев скажет: какая ерунда, но поверьте, эта ерунда до сих пор, как маленькая заноза дает о себе знать.

А теперь еще представьте, какое разочарование и какую боль должны чувствовать сотни тысяч молодых американцев, целое поколение, у которых из-за пандемических ограничений были отменены традиционные праздники по поводу окончания школы, университета или свадьбы, со всеми милыми ритуальными действиями, развлечениями и играми. Это, как я знаю на своем личном опыте, не залечивается временем.

Из-за пандемии были отменены церковные службы и похороны, в том виде, как они проводились раньше. И опять я слышу слова циников и агностиков: «Ну и что – умершему уже все равно». Какая пошлая мысль. Понятно, что умершие не слышат и не видят, на самом деле, похороны и связанные с этим ритуалы делаются для живых, для родственников и друзей усопшего. Ритуалы помогают облегчить сложный психологический процесс прощания, связанный с

организацией места захоронения, панихидой, публичным проявлением горя и скорби, плачем и поминальными речами, обменом воспоминаниями, постепенным принятием происшедшего и возвращением скорбящих к нормальной жизни – ведь отмечаются не только похороны но и 9 дней, 40 дней, годовщина и т.д.

В этом отношении не могу не вспомнить, как прошлым летом проходило прощание с моим очень хорошим другом, известным конструктором, доктором технических наук, Лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда, членом ряда международных академий и автором многих мемуарных исторических книг. Не более 20-ти его близких друзей было допущено в похоронный дом, где не было гроба с телом, и четыре краткие мемориальные речи были произнесены у большого его портрета. По окончании этой куцей церемонии мы вышли к своим машинам, о поминальном столе не было и речи. Но что-то удерживало нас и не давало разъехаться молча. Ведь нам было что сказать о нашем друге и о нашей многолетней дружбе с этим незаурядным человеком, трагически ушедшим из жизни. Мы могли бы вспомнить наши жаркие споры и дискуссии, в которых он был первым заводилой. Но вместо этого гнетущее чувство недосказанности, незавершенности сковывало нас всех. Нашлась одна пара из Коннектикута, которая открыла багажник, где запасливо лежала бутылка Столичной и несколько бутербродов с сыром и колбасой. И там, на пыльной жаркой парковке, мы, его близкие друзья, выпили за упокой души нашего товарища и молча двинулись по домам.

Эта еще одна маленькая ранка, не дающая покоя.

- Как отразился переход школьников на онлайн-обучение на их психическом состоянии?

– В основном, негативно. Надо понимать, что время, проведенное в школе, делится на две части – приобретение знаний и живое общение со сверстниками и учителями, т.е. на освоение социально-психологических умений. При онлайн-обучении сохраняется только первая часть, хотя, по рассказам моих пациентов и их родителей, качество компьютерного обучения невысоко - из-за снижения контроля преподавателя и использования компьютерных подсказок для сдачи тестов и экзаменов.

Для гармоничного развития детей и подростков очень важно общение. Только в школе на собственном опыте они учатся следующим навыкам: находить выход из трудных ситуаций, контролировать свои эмоции и желания, чтобы избежать ненужных осложнений; смотреть на лица собеседников, слушать их речь и распознавать по их мимике и тембру голоса истинные чувства и намерения, и, если надо, давать отпор недоброжелателям, чтобы сохранить свое достоинство; уметь признавать свои ошибки и

находить пути их исправления. В школе они приобретают друзей и пользуются их поддержкой в дальнейшей жизни.

Практически ничего из перечисленного, - а это малая часть социально-психологического арсенала умений, необходимого для полноценного развития молодежи, нет при онлайн-обучении. Легко предугадать, как это отразится на их психике – новая ситуация или новое знакомство могут вызвать растерянность, тревогу, дискомфорт либо страх. Излишняя доверчивость может обернуться эмоциональной травмой, а тревога и страх общения привести к замыканию в себе и хроническому одиночеству. Повторные неудачи в личностных отношениях и неспособность разрешения конфликтов, может стимулировать агрессивное поведение и антисоциальные действия как средство разрядки накопленных обид.

Я сталкивалась с подобными случаями в моей практике и раньше, но теперь их будет больше. Года два назад ко мне обратились родители 16-летней девушки по поводу ее депрессии. Обеспеченные родители учили дочь дома с репетиторами. Для улучшения французского языка они решили послать ее в Париж на стажировку, где эта «домашняя девушка», совершенно не подготовленная к реалиям жизни, в первые же дни встретила с местным парнем и пошла к нему в гости. Там ее чем-то напоили, а, что случилось дальше, она толком не помнила. В полиции с этим случаем даже разбираться не стали, поскольку девушка не знала ни имени насильника, ни адреса дома, где это все произошло.

- Однако сообщалось также и о положительных результатах от самоизоляции. Так например, треть опрошенных британских школьников заявила, что им нравится такой режим, можно дольше спать и не тратить время на дорогу.

Ваше мнение?

- Ключевое слово здесь «спать». Спать можно дольше и потому, что не надо готовиться к школе – умываться, расчесываться, надевать униформу, готовить портфели. Пандемия уничтожила весь прежний уклад жизни, режим дня, самодисциплину, что плохо для детей и подростков, т.к. они лишаются навыков структурировать свое время, необходимых во взрослой жизни.

Восприятие знаний в расслабленном, неряшливом виде не только неуважение к педагогу в его виртуальном отображении, но и к самому процессу учебы, снижение его важности и главенства в жизни школьников до уровня пустого, незатейливого времяпрепровождения, качество которого соответственно также будет неважным.

Взрослые люди могут позволить себе работать из дома в пижамах; за долгие годы учебы в школе и вузах у них уже выработались достаточно стойкие навыки самодисциплины и

перераспределения времени. Если понадобится, они довольно быстро вернутся к белым рубашкам и галстукам. А вот вернуть школьников из состояния «счастливого» разгильдяйства в прежний режим учебы и отдыха, будет сложной психологической задачей.

Впрочем, и у взрослых людей тоже могут возникать непредвиденные проблемы из-за длительной работы в режиме онлайн.

Недавно ко мне обратилась молодая женщина из-за паники, возникшей у нее после того, как ее работодатель потребовал возвращения на работу в офисе. «Что мне делать с моей собакой, она так привязалась ко мне и теперь не сможет находиться одна дома? У меня хорошая работа, но придется увольняться», - сказала она.

Кто раньше думал о таких проблемах?

- Во время самоизоляции наблюдался рост домашнего насилия. Ваши наблюдения?

- Домашняя изоляция привела к резкому обострению отношений между супругами и между родителями и детьми. В основном, это отразилось на неблагополучных семейных парах, которые и до пандемии пользовались моей помощью, чтобы избежать развода. С помощью планомерного курса психотерапии удавалось предотвратить распад семьи. Во время пандемии сеансы психотерапии прервались, а проблемы усугубились из-за самоизоляции, невозможности отвлечься от домашней обстановки – встретиться с друзьями, сходить в тренажерный зал и т.п.

Естественно, весь накапливавшийся изо дня в день негатив изливался на супруга.

Надо сказать, что серьезные внутрисемейные конфликты стали возникать и в благополучных семьях. Например, в силу индивидуальных личностных и психических различий супруги могут воспринимать ограничительные меры пандемии по-разному: жена требует от мужа и детей носить двойную маску и перчатки не только на улице, но и дома, даже после вакцинации. Более уравновешенный муж сопротивляется ее деспотии, особенно он против вакцинации детей, которым 10 и 12 лет. Каждый его поход с детьми на улицу приводит к скандалам со стороны жены и даже к физическим столкновениям с вызовом полиции.

Увеличились случаи домашнего насилия из-за алкоголизма и потребления наркотиков. Среди моих пациентов-мужчин многие потеряли работу или были отправлены в долгосрочный отпуск. Пособия по безработице и стимуляционные чеки не в состоянии заменить им прежней активной деятельности. Изоляция и бездеятельность породили апатию, скуку, снижение уровня самооценки и самоуважения. От такой безысходности многие спасаются с помощью алкоголя и других одурманивающих средств, а

в пьяном угаре насилие, эмоциональное и физическое, совершается намного легче.

Один мой пациент, 20-летний студент, признавался мне, что обругал и толкнул свою мать, после того как выкурил 2 сигареты с марихуаной. «Поймите, доктор Ана, делать было совершенно нечего. Занятий в колледже нет, моей девушке родители запрещают выходить из дома из-за вируса, сходить с ребятами на баскетбол или хоккеей нельзя, зато винные магазины открыты и есть места, где можно купить марихуану», - рассказывал он.

- Изменила ли пандемия мир?

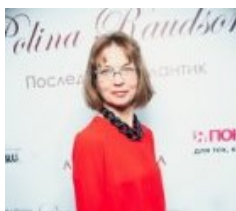
- Безусловно. В первую очередь, это касается психологии людей. Я имею в виду, что значительная часть населения кардинально изменила свое поведение и взгляд на мир. В то время как большинство людей надеется на возврат прежних отношений, есть люди, которые твердо решили, что для них безопаснее жить в масках и изоляции от общества.

Среди моих друзей и пациентов я могу насчитать 2-3 десятка людей, которые давно прошли вакцинацию, но до сих пор отказываются от живого общения, выбрав такую стратегию жизни как долгосрочное поведение. Такое долгосрочное самоограничение со всеми негативными последствиями, как ни удивительно, пугает их меньше, чем сравнительно малый шанс заразиться новыми штаммами коронавируса.

Будучи профессиональным клиническим психологом, я знаю, как диагностировать известные психические отклонения и болезни и как лечить их. Но я не могу гадать о том, что не знаю, а именно, как такая уникальная катастрофа, как Covid-19, может воздействовать на изменение психики людей в будущем. Могу сказать только то, что мировая пандемическая катастрофа, также как и другие, - революции, войны – обернется своеобразной лакмусовой бумажкой и выявит все самое хорошее, светлое, и самое низкое, темное, в характере людей. Появятся истинные герои и лидеры, но также и оппортунисты, дезинформаторы и отпетые человеконенавистники всех мастей. Впереди трудные годы неизвестности, но, как говорил Осип Мандельштам своей жене: «А кто обещал нам при рождении спокойную и счастливую жизнь?»

Придется надеяться на поддержку семьи, помощь друзей и собственные черты характера, такие, как оптимизм, юмор, общительность и творческий труд.

Ольга Соловьева
Санкт-Петербург, Россия

Моя ностальгия. Из записок на коленке

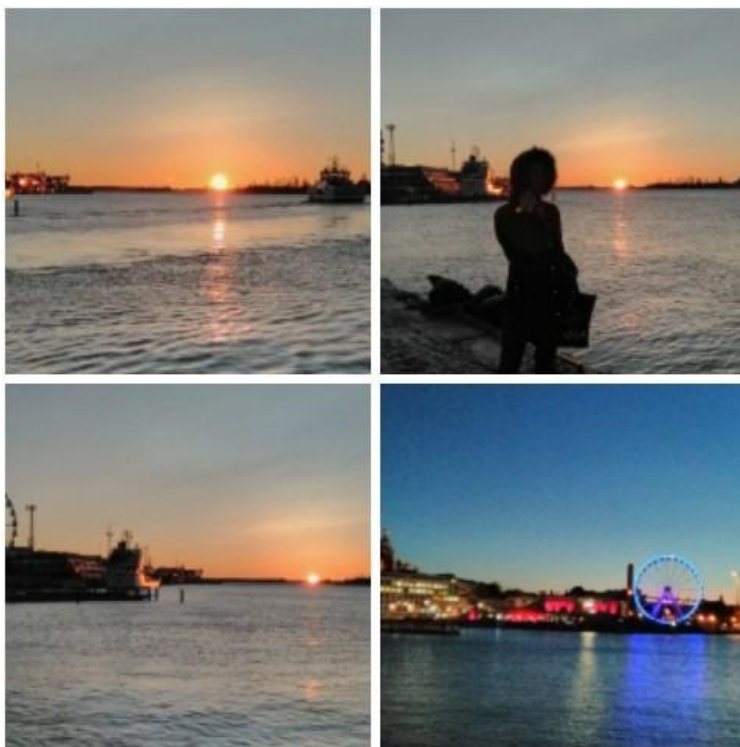
Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.
Нежней цветы и звезды ярче
В стране, где светит Южный Крест,
В стране богатой, словно ларчик
Для очарованных невест.
(Николай Гумилев)

Я ностальгирую. Да, друзья, ностальгирую. Но - вот сарказм нынешнего времени - не по родине, а по загранице. Вы не подумайте, я очень люблю свою страну. Но ощущение такое, что место устаревшего и покрывшегося ржавчиной "железного занавеса" заняла современная его биомодернизация - "ковидный" занавес. И мы все оказались в западне. Очень хочется вернуть нашу свободу, свободу путешествовать по другим землям и странам, знакомиться или вновь встретиться после долгой разлуки с совершенно другими людьми, обычаями, кухней, культурой, природой.

Наступивший Новый Год я уж точно не собиралась проводить дома. Выбирала между Прагой и Веной. Но, как говорится, расскажи богу о своих планах и насмеши его. Случился локдаун. Накрылись медным тазом не только новогодние планы, но и планы на прошедшее лето. Учитывая сюрпризы, которыми нас "осчастливили" власти, не рискуешь всерьез что-то планировать и на это лето, которое вот-вот наступит. Казалось, еще совсем недавно для питерцев было нормой провести weekend в Финляндии или Эстонии.

Именно поездка в Финляндию, в Хельсинки, прошлой зимой стала моей последней поездкой за границу в "долокдаунский" период. С тоской вспоминаю фирменное кафе Faser, нежно-сливочный суп лохикейтто, карельские пирожки с горячим кофе на набережной, куда

я пришла наблюдать фантастически красивый восход морозным утром. Тоскую даже по наглым хельсинским бакланам, от которых я прятала свои пирожки.

Финляндия. Восход солнца в Хельсинки. Февраль 2020 г

Где они - веселый финский шоппинг в конце распродаж, церковь в скале и с великолепным органом, музей и казино на центральной площади? С щемящей тоской вспоминаю даже обычный процесс выбора транспорта, который доставлял меня в страну Суоми. Выбор между вполне-таки бюджетным и быстрым автобусом и роскошным паромом, этаким плавучим суперотелем, место которому уступили межконтинентальные лайнеры, уплывшие в прошлое. Эх...

На фотографиях, друзья мои, вы видите последний восход финского солнца, на который я любовалась в Хельсинки. Ранним слегка морозным утром, когда тьма и свет становятся чем-то единым, казалось, что и земная, и водная поверхность выглядят неизменно и неизбежно, в то время, как на глубине идет множество всяких процессов. Движение это не всегда заметно, но оно есть. Как в море, к отсутствию волн стоит относиться осторожно, потому что через минуту за твоей спиной может начаться настоящий шторм, который

легко расшибет тебя в лепешку, так и в жизни на суше. Кто бы мог подумать, что в тихие минуты созерцания солнечного восхода в стране Суоми где-то далеко возникли мощная "ковидная" волна и девятый вал "антиковидных" мероприятий, которые в эти красивые безмятежные мгновения мчались прямо к нам. И никак было не узнать о надвигающейся трагедии.

Я не могу сказать, что так уж скучно провела этот год. Во всем есть свои плюсы. Тайком "срезая угол" между станцией метро Горьковская и набережной около Петропавловской крепости через Александровский парк, я ощущала себя сталкером. Казалось бы, что тут такого экстремального - пройтись по центральному парку. Но прогулки в парках были запрещены в период "жесткого" локдауна, особенно - в центре города. И то, что было самым обычным делом еще совсем недавно, стало мощным источником адреналина. А прошлым летом настоящим счастьем стало просто посидеть за чашкой кофе в наконец-таки открывшемся летнем кафе с видом на Невский. Или выстоять очередь в начавший функционировать в "реальной", а не виртуальной реальности магазин Zara.

"Карантинное" лето 2020 года, конечно, лишило меня Средиземного и Эгейского моря, зато дало возможность и время почувствовать и полюбить Ладогу, что находится вблизи Санкт-Петербурга, прикоснуться к душе этого прекрасного озера-моря, древнего, недоверчивого и мудрого, приобретающего особую мистику в предвечерний час, когда все замирает в полной тишине, в фантастический период белых ночей, стирающий грань между ночью и днем.

А в новогодние праздники я открыла для себя Выборг, который часто проезжала, следуя наземным транспортом в Финляндию или Эстонию в "доковидное" время. Этой же зимой не "проскочила", а целенаправленно посетила самый европейский город России, который расположился на берегу Финского залива. Выборг является единственным "нашим" шведским городом. В его архитектуре присутствуют элементы Швеции, Италии и Франции. Выборг еще называют городом крепостей. Со смотровой площадки 48-метровой средневековой башни, названной в честь скандинавского короля, обозрела весь город и его окрестности, полакомилась блюдами, приготовленными по средневековым рецептам в стилизованных атмосферных рестораниках...

Ну да вспоминать можно много, как и искать наполнение в наполовину пустом стакане. Но не лучше ли посмотреть в будущее? Когда же все это закончится, когда поднимут этот занавес? Очень хочется поесть нормальную поэлью или хамон в Испании, прогуляться по Рамбле в Барселоне, нарядившись в свежеприобретенный летний бело-синий костюмчик (комбинезон с шортами плюс распахная

длинная юбка) от Марии Браславской - такого точно ни на ком больше там не увидешь! И посмотреть настоящее страстное фламенко, а не его жалкое подобие, исполняемое на антрепризных отечественных подмостках.

Или искупаться в Болгарии в их Черном море, посмотреть танец на углях, отведать болгарского "снежного" вина, озаботившись проблемой уж слишком большого выбора закуски, а в жару в обед заказать холодный суп таратор. А в часы южного заката наблюдать, как после того, как солнце прячется за дальнюю кромку моря, водную гладь мгновенно покрывает темный бархат ночи, освещаемый лишь золотым отражением лунного столба.

Новогоднюю же Вену ныне вспоминаю, как какую-то нереальную сказочную историю, которая мне приснилась. Неужели все было взаправду и со мной?

Когда с границ снимут "ковидные" замки? Когда я буду иметь возможность открыть свой новенький "шенген"? Нас кормят обещаниями, а пока отменены авиарейсы даже в Турцию. Близлежащая Финляндия выпустила плохую новость для российских туристов. Границы страны Суоми останутся закрытыми и в этом июне для нас. Болгарию планировали открыть для туристов в мае-июне. Но тут, похоже, на туризм оказывают влияние кроме "ковидных" мероприятий еще и последствия милитаристской политики нынешнего российского лидера. К примеру, Болгария подозревает шестерых россиян в причастности к взрывам на складах оружия. Российский оператор TEZ Tour (Тез-тур) отменил все программы из России в Болгарию на летний сезон 2021. Резервация отелей отменена. Все чартерные полеты в Бургас и Варну перенесены на 2022 год. Далее. Мальдивы, к примеру, для россиян открыли, да что толку, когда прямых авиарейсов ныне туда нет. Когда же нас "выпустят на волю"? Когда?!

Часть 3. In Memoriam

Н.Нестерова. Шуман. 2009

Владимир Фрумкин

Вирджиния, США

Камертон доброты и порядочности. Несколько слов о Леониде Шульмане

Ушел не только друг. Ушел участник маленького оркестрика близких людей, того узкого круга, который, подобно спасательному кругу, позволяет хоть как-то держаться на плаву.

Редеет мой оркестрик Как в финале Прощальной симфонии Гайдна, где музыканты, погасив свечу на своем пульте, удаляются со сцены в темноту кулис. Так же, один за другим, уходят мои друзья. Уходят навсегда, в вечность. А расставаться не хочется. Уходят, да не совсем: не отпускает их упрямая память. Не дает забыть сделанное ими добро.

При всей своей интеллигентской мягкости, Леня проявлял невероятную настойчивость, уговаривая сделать то, что считал важным и нужным и, к тому же, проверенным на его собственном опыте. Спасибо, друг, что не отступил – и сломал таки мои инерцию и сопротивление. Твои советы оказывались для нас с Лидой в высшей степени полезными.

Леня неизменно был одним из самых первых моих читателей. Доброжелательным и, тем не менее, строгим, если был уверен, что его замечания помогут улучшить текст. У талантливых музыкантов, особенно дирижеров, как правило, высоко развито чувство формы. В моем пространном очерке «Технология охмурения» Леня немедленно обнаружил диспропорцию: послесловие, посвященное событиям в сегодняшней Америке, показалось ему слишком коротким, недостаточно веским и менее интересным, чем предшествующий текст. Поартачившись какое-то время, я сдался и написал новое послесловие. Тут же отправил Лене, и получив полное одобрение, послал издателю.

Встречаясь за кулисами после концерта со своими коллегами-дирижерами, Леня считал своим долгом честно высказать свое мнение и дать полезный совет. «Попробуйте эту часть симфонии

дирижировать не на два, а на четыре». Или: «Мне кажется, это скерцо надо играть чуть медленнее».

Нина Валяева, Лидия Фрумкина, Леонид Шульман, Жанна Котляр, Ирина Чайковская, Владимир Фрумкин

Меня всегда поражала Ленина объективность в оценках музыкантов-исполнителей. Он никогда не наклеивал на артиста вечного, неизменного ярлыка. Мог, к примеру, глубоко возмутиться исполнением Рапсодии в стиле блюз Гершвина, в которое солист, Денис Мацуев, вставил свои собственные джазовые импровизации. Что, по мнению Лени, превращало блестящую пьесу Гершвина, в нечто бесформенное и безвкусное. Как видно, этот эксперимент, устроенный Мацуевым и Гергиевым, сильно травмировал моего друга: он снова и снова возвращался к нему в наших разговорах. И вдруг – звонок и удивленно-радостный голос: «Сейчас передавали Третий концерт Рахманинова. Играл Мацуев. И как! Ну, просто здорово!»

Мы познакомились очень давно, летом 1959 года. Леню направил ко мне мой бывший консерваторский профессор, известный теоретик и сольфеджист Арон Львович Островский. Приехавшего из Киева выпускника дирижерско-хорового факультета надо было подготовить к вступительным экзаменам в Ленинградскую консерваторию по гармонии и сольфеджио. За 12 лет до этого я приехал в город на Неве из Омска, чтобы поступить в консерваторию на теоретико-композиторский факультет. И блистательно провалился. Правда, получил одну пятерку – по сольфеджио. Поставил ее, проверив мой слух, Арон Львович Островский. Провал по другим предметам мне объяснили тем, что я плохо знаю теорию музыки. Точнее говоря,

пользуюсь неверной терминологией, которую я выучил по московской школе. Она, оказывается, страдает рядом серьезных недостатков... От возвращения в Сибирь и абсолютно неизвестного будущего меня спас А.Л. Островский. Он отвел меня в подчиненное консерватории Музыкальное училище и рекомендовал принять меня на третий курс. Я быстро переучился, набрался новых знаний – и через год был принят в консерваторию без экзаменов...

В Киеве теорию музыки изучали, как и в Омске, по московской школе. Лене предстояло овладеть новой школой за исключительно короткий срок. И подготовиться к трудному экзамену по сольфеджио. Мы встречались едва ли не каждый день. Экзамены Леня выдержал. И поразил приемную комиссию, когда кафедра симфонического дирижирования поставила ему по специальности неслыханную оценку: пять с плюсом! Вот только с русским языком не повезло: за сочинение вклеили двойку. Очевидно, кто-то из руководства хотел его завалить. Не удалось: замечательные дирижеры-педагоги Илья Мусин и Николай Рабинович добились перезаменовки. Честь им и хвала!

Мы не успели подружиться в Ленинграде. Встречались редко, а после того, как он окончил консерваторию и уехал работать, и того реже. Через много лет порванная ниточка неожиданно срослась, да так крепко, что Леня и Нина превратились в наших ближайших друзей и стали драгоценным звеном той самой спасательной цепочки дорогих нам людей. Встречаясь с ними, мы как бы попадали под некое излучение, в атмосферу полного взаимопонимания, душевного тепла и любви. Леня с Ниной ходили на все мои выступления и презентации и не пропустили ни одного Лидинога концерта – ни сольного, ни с оркестром, когда она играла фортепианные концерты Шопена, Шнитке и Канчели. По словам Нины, он жалел, что ему уже никогда не придется выступить с Лидой...

Более года назал, мы стали общаться по телефону, не пропуская, практически, ни одного дня. Нам было о чем поговорить. Три обширные темы занимали нас: Россия, Америка и музыка. Расхождения возникали редко. Нина в наших обсуждениях участия не принимала. И я об этом пожалел, когда услышал ее прощальное слово на Лениных похоронах. Умное, прочувствованное и пронзительное. Я часто думаю о Нине. Ей сейчас тяжелее всех.

Нина Валяева

Вашингтон, США

Первая встреча, или история одной фотографии

8-го июля исполняется полгода, как ушел из жизни Леонид Абрамович Шульман, мой муж. Его нет, и в это и сейчас почти невозможно поверить... Я пишу о нем, мысли бегут чередой, волна воспоминаний выхватывает из памяти разные моменты, разные периоды нашей жизни.

Она была наполнена радостью, счастьем, огорчениями. Все было так, как бывает в каждой семье, но было и наше собственное общение, взаимопонимание.

Но начинаю с конца, не могу от этого отделаться!

Сначала – шок! Covid-19! Что делать? Как спасти?

26-ое декабря. Госпитализация, круглосуточная подача кислорода.

29-ое декабря – улучшение. Ура! Появилась надежда!

Наступает Новый 2021-й Год!

Вплоть до 2-го января от Лени из госпиталя идут поздравления друзьям:

“Мне хорошо, я выкарабкиваюсь! С Новым Годом! До скорой встречи! Леонид Абрамович.”

А через 4 дня звонок из госпиталя. Врач:

“Я думаю Ваш муж умирает, и я сделаю все возможное, чтобы вы увиделись.”

Через 2 дня 8-го января в 13:45 сердце останавливается.

Часы остановились.

Как жить дальше? Чума XXI века поглотила еще одну жертву.

Прошло уже почти полгода, сейчас июнь, жизнь продолжается, благоухает природа, и я, с благодарностью Лене, перебираю эпизоды нашей жизни. Какой она была интересной, насыщенной, яркой! Целая плеяда наших друзей встает перед глазами!

Меня часто спрашивают о том, как мы познакомились, и я позволю себе сейчас об этом рассказать.

Леонид Шульман и Нина Валяева. 1980 г.

Это был далекий 1978 год. “Белая Вилла” - мемориальный дом-музей им. Николая Александровича Ярошенко в Кисловодске, основателем которого, его создателем и собирателем по крупицам наследия Ярошенко, был удивительный, красивый человек, настоящий подвижник Владимир Вячеславович Секлюцкий.

Прежде этот дом принадлежал самому художнику Ярошенко, который страдал, как тогда говорили, горловой чахоткой и по состоянию здоровья переехал из Петербурга в Кисловодск. Дом всегда был полон гостей, сюда приезжало все товарищество передвижников, здесь они проводили свои художественные советы. Постоянными гостями были музыканты, певцы, композиторы, ученые.

Здесь пел Собинов, звучал могучий бас Шаляпина, бывали Рахманинов, Прокофьев, Арениский, Танеев, Куинджи, Репин, Нестеров, Васнецов, Менделеев, а также наш Кисловодский земляк – пианист, дирижер, педагог Василий Ильич Сафонов (1852-1918). В то время он был одним из наиболее заметных и авторитетных представителей музыкальной культуры России - ректор Московской консерватории (1889—1905), главный дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра (1906—1909), сподвижник П. И. Чайковского.

Крупнейшая государственная заслуга Сафонова — организация строительства нового здания Московской консерватории (1895—1898), а также знаменитого Большого концертного зала (включая хлопоты по водворению в нём «наилучшего органа»; зал был освящён и торжественно открыт в 1901). Большой зал Московской консерватории (БЗК) — одна из крупнейших и самых значительных концертных

площадок в России, где проходят концерты классической музыки, играют выдающиеся музыканты, проходит конкурс П. И. Чайковского.

Василий Сафонов

Так вот, в лихие годы Революции и Гражданской войны, дом Ярошенко был разграблен, обезображен всякими пристройками, забит жильцами с керогазами и примусами, это продолжалось до тех пор, пока в Кисловодск не приехал, вернувшийся с войны на лечение Владимир Вячеславович Секлюцкий, начавший свой тернистый путь по возрождению музея им. Ярошенко. На это ушли годы, целая эпопея. В восстановленном музее проходили знаменитые ярошенковские "субботы", на которые приходила вся местная интеллигенция, а также приезжающие в Кисловодск на лечение выдающиеся люди советской эпохи. Сколько памятных "суббот" прошло здесь, не перечить!

В сентябре 1987 года была необычная "суббота", на которую был приглашен очень узкий круг друзей музея Ярошенко в связи с приездом в Кисловодск из Америки необычной гостьи, очень пожилой, худенькой, грустной дамы, которой на тот момент было уже за 80.

Это была Мария Васильевна Сафонова – дочь упомянутого выше В. И. Сафонова. В 1921 году после смерти отца и матери она бежала от угрозы большевизма из России в Нью-Йорк. За рубежом она имела заслуженный успех как педагог и как художник. Там она дружила с

любимой ученицей своего отца Розиной Бесси-Левиной, педагогом Ван Клиберна.

Мария Сафонова

Американский пианист Ван Клиберн, первый победитель Международного конкурса имени Чайковского в Москве (1958), также был хорошо знаком с Марией Сафоновой, у них были очень теплые отношения, и он гордился тем, что Василий Ильич Сафонов – его «музыкальный дед», имя которого хорошо помнят и ценят в Америке. Его скульптурный портрет стоит в зале Карнеги-холла.

В семье Сафоновых было 10 детей и 2 внука.

В Кисловодском Театральном музее музыкальной культуры при Филармонии (основатель и директор Борис Матвеевич Розенфельд) есть фотография, на которой запечатлен Василий Сафонов со своей женой и детьми, построенными по росту с музыкальными инструментами в руках. Он назвал эту фотографию «Мои органные трубы».

У всех его детей судьба сложилась по-разному. Сестра Марии Васильевны Сафоновой, Анна Сафонова-Тимирева, была возлюбленной Адмирала Колчака, руководителя Белого движения во время Гражданской войны в России. Перед расстрелом Колчак просил свидания с ней, но его этого лишили.

В музее Розенфельда висит портрет красивой дамы в широкополой черной шляпе – это Анна Васильевна Тимирева, гражданская жена Колчака, которая была до последнего предана своему возлюбленному и добровольно последовала за ним под арест, чтобы как-то разделить его участь.

В 1920 году Колчака расстреляли, ее выпустили из тюрьмы, но затем всю жизнь преследовали за связь с ним. Имя ее знаменитого отца Василия Сафонова было предано забвению, и эта печать неблагонадежности легла на все семейство Сафоновых. В 2008 году история любви Анны Темиревой и Адмирала Колчака легла в основу фильма «Адмирал», с Елизаветой Боярской и Константином Хабенским в главных ролях.

Семья Сафоновых закончила свои дни в Кисловодске и была похоронена в ограде Свято-Никольского собора.

Всем было понятно, почему Мария Васильевна в своем возрасте пересекла океан и приехала в Кисловодск – посетить могилы своих родителей и проститься с ними. Но могил не было! Моя мама, уроженка Кисловодска, помнила, как взрывали Свято-Никольский собор, сбрасывали колокола, экскаваторы рыли землю и сравнивали могилы с землей, - так были уничтожены все соборные захоронения, включая могилы Сафоновых. Только в 90-е годы Свято-Никольский собор был восстановлен.

Мария Васильевна все поняла, не задавала никаких вопросов и довольствовалась тем, что ей показывали в городе. Один из присутствовавших на встрече гостей спросил ее:

- Вы как находите Кисловодск?
- Очень изменившимся!
- А как вы себя здесь чувствуете?

После паузы, грустно и тихо сказала: «Трудно!»

От усадьбы Сафоновых остался только чудом сохранившийся сад, откуда принесли плетеную корзинку яблок угостить гостей на помин души. Правда гостиница «Парк» на Эмировской улице,

принадлежащая деду – Илье Ивановичу Сафонову, хорошо сохранилась, теперь это корпус пансионата «Факел».

Почему я вспомнила этот эпизод и так подробно рассказала о судьбе семьи Сафоновых?

Эта ярощенковская «суббота» оказалась одной из важнейших в моей жизни, я бы даже сказала венценосной, прямо связанной с тем, о ком я пишу, о моем Лене.

Обычно после «суббот» гости раходились, и в этот день, как бывало и раньше, в музее у Секлюцкого все разошлись и осталась небольшая группа ближайших друзей на чашечку чая для задушевных бесед, обмена впечатлениями. Там царила необычайная атмосфера тепла, уюта, душевного комфорта.

Я с Владимиром Вячеславовичем, директором музея, дружила уже несколько лет. Когда я только познакомилась с ним, я считала величайшим подарком судьбы, что он просто знал мое имя.

В этот погожий сентябрьский день в Кисловодске, бархатный сезон на курорте, мы опять были в его кабинете, где он тогда и жил, не имея своей квартиры. Секлюцкий попросил меня разлить чаек для гостей. Вскоре очередь дошла до дирижера Шульмана, который, кстати, прибежал с опозданием на эту субботу с нотами в руках после репетиции оркестра. Он уселся впереди меня и стал стаскивать с себя свой, как мне казалось, вызывающий клетчатый пиджак, мешая мне смотреть и слушать то, что происходило. Я что-то прошипела в его адрес, отнюдь не комплиментарное, он передернул плечами, уничтожающе посмотрел на меня и утих.

И так, наливая ему чай, я спросила: «Вам сколько ложечек сахара?»

Он вытаращился на меня, подумал и сказал: «Две!», и продолжал внимательно смотреть на меня.

Я поежилась: «Может быть, у меня что-то не так?»- промелькнуло в голове, но вскоре я забыла об этом, присоединившись к общим разговорам.

После того, как все наговорились, напились чаю и стали собираться домой, он неожиданно подошел ко мне, подал мне плащ и как-то невзначай спросил, куда я иду (оказалось, что мы живем недалеко друг от друга), и мы пошли вместе домой.

Позже я узнала, что он расспрашивал обо мне у Бориса Розенфельда (директора театрального музея).

Через несколько дней он принес мне пачку фотографий с Марией Васильевной Сафоновой. Я прилагаю одну фотографию, с которой началось наше знакомство. На ней мы еще не знакомы. Я знала, конечно, дирижера Шульмана визуально, ходила на все его симфонические концерты, не раз слушала его лекции и как-то представляла масштаб его личности. Но у меня никогда не возникало

никакого желания познакомиться с ним лично. Потом он основал клуб любителей кино, где мы продолжали общаться, смотреть авторские фильмы, недоступные для широкой публики.

Леонид Шульман, Владимир Секлюцкий и Нина Валяева

В дальнейшем "субботы", подобные ярошенковским, стали проводиться и в театральном музее музыкальной культуры при Филармонии, а потом и в мемориальном доме-музее Ф. И. Шаляпина, расположенном в очень красивом старинном особняке, и Леня везде был душой всех встреч и мероприятий. Он всегда приводил своих друзей, приехавших на гастроли или на лечение в Кисловодск.

Обычно они останавливались в санатории Академии Наук СССР имени Горького. Это была целая плеяда ярких личностей, чьи имена сами говорят, сколь значимы они для русской и мировой культуры. Это знаменитые пианисты Лазарь Берман, Виктор Бунин, композиторы Вениамин Баснер, Игорь Рехин, Ширвани Чалаев, пианист Дмитрий Башкиров, дирижер Вероника Дударова, академики Удальцова и Алпатов, знаменитый виолончелист Мстислав Ростропович и многие, многие другие.

И когда мы уже познакомились поближе и подружились, я нередко попадала в компанию таких знаменитых людей, в которой никогда не бывала раньше.

Общение с Леонидом Абрамовичем помогало мне понять сколь важно для него было чувство дружбы. Он был виртуозом человеческого общения. Ведь часто мы бываем так тяжелы, несговорчивы, капризны, а он был необыкновенно легким, приятным в общении, в нем было какое-то моцартианское начало. Может быть, это громко сказано, но он нес какой-то божественный налет артистизма, легкости, дружбы, легкого поведения. У него было

замечательно доброе качество - сделать людей счастливее, сделать и меня счастливее не только на небесах, но и здесь на земле.

О Леониде Абрамовиче сказаны замечательные слова наших дорогих и любимых друзей, с которыми нас свела судьба – Владимира Фрумкина, Юлия Зылина, Михаила Бялика, Ирины Чайковской и многих других. Не берусь сказать что-то лучше них. И сегодня, в день его памяти, я рада сказать, что мы снова вместе, он жив и будет жить дальше в наших сердцах! Он с нами, а мы - рядом.

Огромная благодарность нашим друзьям из Вашингтона, Кисловодска, из других городов России и из других стран, которых невозможно здесь перечислить, - за моральную поддержку и за память о Леониде Шульмане!

Фотографии из театрального музея Кисловодска и из личного архива автора.

Людмила Флам

Флорида, США

Художник Сергей Голлербах (1923-2021)

Рука не подымается назвать это некрологом; еще свежо звучит его не по летам бодрый голос: «Вас беспокоит Сергей Голлербах. Хочу узнать, как Вы.» За этим следует долгая беседа о том, о сём. Он непременно поделится чем-нибудь забавным и на прощанье скажет: «Что ж, будем дальше жить». А утром в пятницу 19 февраля его не стало: Сергей Львович Голлербах скончался у себя дома, в своей квартире, в прекрасном районе Манхэттена, где прожил многие годы и где находилась его мастерская. Удивляться его кончине не приходится, ведь прожил он 97 лет, и все же, слово «некролог» к этому талантливому жизнелюбивому человеку не подходит. Скажем лучше, очерк, очерк, посвященный его светлой памяти.

Фамилия «Голлербах» была мне знакома давно: мама рассказывала, как в детстве она ездила со своими братьями и сестрами к бабушке в Царское Село, с неизменным посещением «Кондитерской Голлербаха.» Сергей, потомок этого немецкого кондитера, тоже родился в Царском Селе, к тому времени переименованном большевиками в Детское, а позже в Пушкино. Рос он в полностью обрусевшей русской интеллигентной семье, высоко ценившей литературу и искусство. Дядюшка Сергея, Эрих Федрович Голлербах, – он же и его крестный отец – был известным искусствоведом Серебряного века и автором книги о Царском Селе «Город муз».

В беседе с поэтессой Валентиной Синкевич Сергей рассказал, что в детстве он увлекался передвижниками, тогда как дядюшка, знаток современной живописи, любил художников «Мира Искусства». «Но надо сказать, что я был советским мальчишкой и о всяких художественных и умных вещах говорить не мог», - признался он*. Тем не менее, что-то от влияния дяди несомненно сказалось впоследствии на живописи Голлербаха. Но перед тем как выработался его уникальный стиль и Голлербах состоялся как художник, было много чего. Был Воронеж, где семья жила подальше от всевидящего

ока НКВД и где Сергей начал рисовать и даже получил приз на каком-то детском конкурсе, потом была война. Отец ушел на фронт. Его тяжело ранило, и он от ранений умер. Мать с сыном вернулись на старое место.

С. Л. Голлербах. Фотография О. Лейкинда

В 1942 году начался новый этап: они были отправлены в Германию. Оказалось, что тут соприкоснулись Сергея и мои царскосельские корни: Сергея с матерью немцы вывезли одновременно с двумя сестрами моего деда и моей девяностолетней прабабушкой, поселив всех царскосельчан, преимущественно немецких кровей (моя прабабка была урожденной фон Газен), в беженском лагере города Кёниц. Жили там впроголодь, но режим был вольным, не то что в остовских лагерях, тем более в лагерях для советских военнопленных. Правда, Сергея отправили в принудительном порядке на сельские работы, но это было лучше, чем быть забритым в Вермахт.

В лагере мать его, Людмила Алексеевна, возобновила дружбу с моими двоюродными бабушками, возникшую в старые царскосельские времена. Позже их разметало. Прабабушка моя умерла еще в Кёнице, а дочери ее встретили окончание войны в Австрии, тогда как Людмила Алексеевна с сыном пробрались в Мюнхен. Там Сергей стал работать на американской военной базе, быстро освоив английский язык, и

одновременно поступил учиться в мюнхенскую Художественную академию. Потом судьба снова свела их в Нью-Йорке. Хотя жили они в разных концах города, Людмила Алексеевна часто навещала своих подруг. Иногда к ней присоединялся и Сергей. Именно тогда я и познакомилась с этим начинающим художником.

На первых порах жизнь в Новом Свете была у него, как и у многих других, нелегкой. Приходилось искать случайные заработки, вроде ухода за собаками; более престижной стала работа печатника галстуков в мастерской шелкографии. В той же мастерской зарабатывали себе на жизнь и несколько других русских художников, с которыми Сергей подружился.

Поселились они с матерью не в лучшем районе Манхэттена, а там, где квартиры были подешевле. Из тех же соображений там селились и другие новоприбывшие, зависевшие от общественного транспорта. Вот почему во второй половине прошлого столетия, до расплытия эмигрантов по пригородам, русская общественная жизнь в Нью-Йорке была оживленной и насыщенной. Сергей в нее окунулся. Он стал членом Объединения русско-американских художников, участвовал в его выставках, посещал литературные салоны, танцевал на русских балах, оформлял обложки русских книг и принял участие в создании поэтического альманаха «Перекрестки» (позже «Встречи»), сделавшись одним из его постоянных участников.

"Bus Stop" Casein 36" x 27"

Голлербах не ограничил себя русской средой, что было свойственно многим его собратьям. Он принялся энергично осваивать другой мир: делается членом американских художественных обществ, начинает выставлять свои работы в коммерческих галереях, оказывается принятым в престижную Национальную академию дизайна. Он стал разъезжать по Америке и давать семинары живописи. Мало кому из художников, тем более прибывших в США после войны, удавалось прокормить себя живописью. Голлербах в этом преуспел: начиная с середины семидесятых годов прошлого века, он не должен был искать себе других заработков. Его картины и семинары полностью его обеспечили и дали возможность часто ездить в Европу, где он знакомился с лучшими музеями мира. Имя его становилось в США известным. Он удостоился признания и наград, одной из которых можно назвать Золотую медаль Американского общества акварелистов.

Как определить манеру письма Голлербаха? В биографическом словаре Александрова «Русские в Северной Америки» говорится, что он писал «в жанре неоекспрессионизма». Не чуждался он гротеска, иногда его работы граничили с абстрактной живописью. Не важно, к какому направлению его причислять; важно, что увидав его картину, сразу скажешь — это Голлербах. Какие сюжеты питали его воображение? Не красивые пейзажи, не отблески восходящего солнца на которые он любил смотреть с высоты выступающего в Атлантический океан пирса. Это удел других художников.

Голлербаха интересовали люди. И не какие-нибудь там известности, а люди самые простые, даже нищие и обездоленные. Их силуэты он ловил на улице, в вагонах метро, в разных сомнительных заведениях. Мне всегда казалось странным, что Голлербаховские объекты картин и манера письма, в которой он смело использует тени, не увязываются с его солнечным характером и неувядающим оптимизмом. Но зоркий глаз Голлербаха старался увидеть «обратную сторону медали». Так, один из его многих альбомов называется «Улица», а сюжет его — бездомные. В предисловии к нему Голлербах поясняет, что нищета, как ни странно, имеет некую эстетическую притягательность.

Конечно, Голлербах писал не только нищих. Будучи талантливым рисовальщиком, он любил, например, несколькими штрихами, и не без юмора утрируя части тела, изображать загорающих на пляже людей. Некоторые зарисовки превращались им потом в цветные полотна. Есть у Голлербаха и очаровательный альбом выразительных собачек всевозможных пород и мастей.

Живя в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне, я видалась с Сергеем не слишком часто, но у нас были общие друзья, и потому он всегда оставался в моем поле зрения. А дружеские наши отношения сложились только в пожилом возрасте, и вот на каком основании: как-то мой бывший коллега по «Голосу Америки», собиратель картин и друг Голлербаха Сергей Зорин, привез мне огромный фолиант его работ для передачи в Художественный музей Нижнего Новгорода, откуда Зорин был родом. Часть этих картин он разрешил подарить Дому русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве, с которым я сотрудничала. В Москве дар Зорина окантовали и обрамили; была подготовлена выставка. Выставку приурочили к дате представления книги «Судьбы поколения 1930-1930-х годов в эмиграции», для которой я просила Сергея Голлербаха написать очерк о русских художниках в Америки. Таким образом, на состоявшемся в Москве 9 ноября 2006 года мероприятии Голлербах участвовал в двойной роли – в качестве автора картин и участника сборника. Его статья о русских художниках получилась панорамной, он, насколько я могу судить, никого не забыл и о всех написал доброжелательно.

То было не первым возвращением Голлербаха в Россию; еще ранее ему удалось побывать в своем родном Царском Селе, где вышел большой сборник его очерков под названием одного из них - «Свет прямой и отраженный». Первоначально очерки публиковались в различных эмигрантских журналах, преимущественно в нью-йоркском «Новом Журнале», членом корпорации которого он состоял. Тут я снова сделаю личное отступление: обе сестры моего деда, одна

художница, другая искусствовед, в свое время работали в Эрмитаже, получив прозвище «эрмитажных старушек». Этим «эрмитажным старушкам» (а были они дочерьми сенатора Н.Б. Якоби) Сергей посвятил в «Новом Журнале» один из своих очерков, отметив их жадный интерес к искусству, но как ему было удержаться от такой детали: по рассказам матери, злые языки в Царском Селе судачили, что «девушки Якоби ведут себя совершенно неприлично: они не носят корсетов и играют в теннис!».

Общение с Домом зарубежья способствовало растущей известности имени Сергея Голлербаха в России. Помимо показа картин у себя, а число их там все росло, Дом содействовал организации выставок в других городах. Недавно репродукции работ Голлербаха даже были выставлены на одной из центральных станций московского Метро. Кроме того, при содействии Дома о Сергее Голлербахе был сделан документальный фильм. Известность в России ему явно льстила. Начав ездить в Россию, Голлербах, по его признанию, «почувствовал себя более полным человеком.» Вот что он сказал Валентине Синкевич: «Я когда-то где-то написал, что вот находят римский бюст и на лице обычно отбит нос. Лицо есть, но настоящего характера нет. Так вот: вернувшись в Россию, я нашел свой нос, приклеил его и получилось более полное лицо. Не то что я был каким-то безличным, но возвращение в Россию меня как-то дополнило.»

Голлербах не пользовался Интернетом, и я исполняла для него роль передаточной шестеренки для связи с Домом зарубежья. Но нашей – преимущественно телефонной – дружбе способствовало и другое: долголетие. По мере ухода из жизни наших современников, все меньше оставалось людей, с которыми так легко было находить общий язык, оперировать общими понятиями, оглядываясь на опыт военных лет, перемещений (вольных и невольных), отращивания новых корней.

В старости Сергей стал терять зрение. Что может быть хуже для художника? Но его творческая натура обратилась к иным средствам самовыражения. Пользуясь пишущей машинкой, увеличительной линзой и специальной лампой, стал он больше писать, заноса на бумагу свои размышления, памятные встречи, наблюдения. Писал не только прозу, но и стихи. В результате, «Новый журнал» выпустил две книги его очерков на русском языке и одну на английском, а также небольшой сборник по большей части юмористических стихов.

Многие к старости живут исключительно прошлым. Не Голлербах. Он живо интересовался всем происходящим, особенно в США и России; звонил поделиться услышанными новостями. Мы не во всем соглашались - и тогда кончали разговор словами «ну, поживем - увидим». Ему обязательно хотелось дожить до президентских выборов в Америке, и дожил. А за три дня до того, 1 ноября, он отпраздновал

шампанским и икрой свой 97-ой день рождения. Икра была черная, а шампанское – самое дорогое, «царское» Veuve Clicquot. Другого он не признавал.

* Валентина Синкевич. «О незабываемых» (Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019) с. 160

Часть 4. Юбилей

Н. Нестерова. Книга Иова

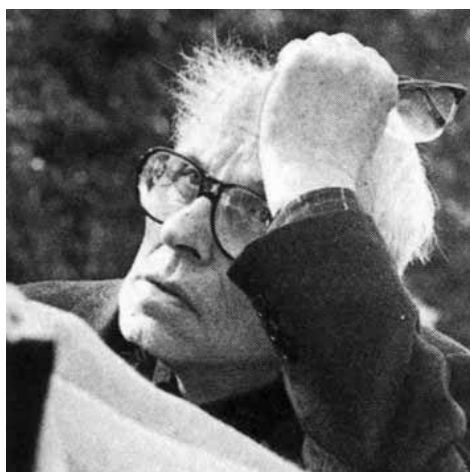
Генрих Голин

Нью-Йорк, США

Человек-легенда. К 100-летию со дня рождения Андрея Дмитриевича Сахарова

Андрей Дмитриевич Сахаров родился в Москве 21 мая 1921 года. В роду Сахаровых – несколько поколений сельских священников. Его прадед Николай Иванович Сахаров в течении 20 лет служил протоиереем в селе Выездное (теперь район Арзамаса), а потом почти 40 лет в Нижнем Новгороде (бывший Горький, куда был заточён в течении 6 лет герой нашего повествования). Дед Сахарова, известный московский юрист Иван Николаевич Сахаров, был до революции редактором сборника «Против смертной казни». И, наконец, отец Дмитрий Иванович Сахаров уже в советское время долгие годы проработал преподавателем физики Второго Московского Государственного Университета, переименованного в педагогический: МГПИ имени В.И. Ленина.

Физический факультет располагался вблизи Новодевичьего кладбища, в дореволюционном особняке. Многие годы связывали меня с институтом: кандидатская диссертация, оппонентом которой был профессор кафедры теоретической физики этого института Борис Михайлович Яворский, затем докторантура, многочисленные защиты диссертаций, где я выступал в качестве оппонента, совместные с сотрудниками института статьи и книги, и, наконец, работа в качестве профессора МГПИ.

Мне посчастливилось застать и сотрудничать с двумя из трёх корифеев института: заведующим кафедрой теоретической физики, бессменным главным редактором знаменитого журнала «Успехи Физических Наук» Эдуардом Владимировичем Шпольским и заведующим кафедрой методики преподавания физики Александром Васильевичем Пёрышкиным. Третьим был Дмитрий Иванович Сахаров. Его портрет, написанный маслом, висел в коридоре второго этажа. Он был хорошо известен как автор написанного ещё в дореволюционную эпоху сборника задач по общей физике, который был заново отредактирован и дополнен сыном- академиком. На протяжении многих лет этот задачник служил (и служит?) пособием для студентов - будущих преподавателей физики.

В стенах этого заведения, можно сказать, прошло детство будущего академика. Он с энтузиазмом целыми часами возился с оборудованием, проводил свои первые опыты в довольно хорошо оснащённых лабораториях. В школу Андрей Сахаров пошёл сразу в 7-й класс. До этого он получил домашнее образование, сдавая экзамены экстерном в конце каждого года.

Своё высшее образование он начинал на физическом факультете МГУ, но его не закончил из-за начала Отечественной войны. 26 октября 1941 года Андрей Сахаров вместе со студентами, аспирантами и преподавателями МГУ был эвакуирован в Ашхабад - тогда столицу Туркменской ССР. Иосиф Самуилович Шкловский, известный астрофизик, член-корреспондент АН СССР и член многих иностранных академий, работавший в группе Зельдовича во время войны, а затем в Институте космических исследований, рисует нам портрет юного Сахарова, вспоминая о первой встрече с ним в вагоне, везущем студентов в эвакуацию: «... Налево от меня на нарах лежал двадцатилетний паренёк совершенно другого склада, почти не принимавший участия в наших бурсацких забавах.

Он был довольно высокого роста и худ, с глубоко запавшими глазами, изрядно обросший и опустившийся (если говорить об одежде). Его почти не было слышно. Он старательно выполнял черновую, грязную работу, которой так много в эшелонной жизни... Но вот однажды этот мальчишка обратился ко мне с просьбой,

показавшейся совершенно дикой: «Нет ли у Вас чего-нибудь почитать по физике?»-спросил он почтительно «старшего товарища», т.е. меня.

Первое желание было на БАМовском языке послать куда подальше этого маменькиного сынка с его нелепой просьбой. «Нашёл время, дурачок», - подумал я, но в последний момент меня осенила недобрая мысль. Я вспомнил, что на самом дне моего рюкзака лежала монография Гайтлера «Квантовая теория излучения». Книга соблазняла возможностью сразу же погрузиться в глубины высокой теории и, тем самым, быть «на уровне». Увы, я очень быстро обломал себе зубы: дальше предисловия и самого начала первого параграфа я не пошел. «Весёлую шутку я отчебучил, выдав мальчишке Гайтлера», - думал я...

На фоне диких песен и весёлых баек паренёк тихо лежал на нарах и что-то читал. И только подъезжая к Ашхабаду, я понял, что он читал моего Гайтлера. «Спасибо», - сказал он, возвращая мне эту книгу. «Ты что, прочитал её?»- неуверенно спросил я. «Да, а что?» Я, поражённый, молчал. «Это трудная книга, но очень глубокая и содержательная. Большое Вам спасибо», - закончил паренёк. Мне стало не по себе. Судите сами - я, аспирант при всем желании не мог даже прочитать хотя бы первый параграф этого проклятого Гайтлера, а мальчишка, студент 3-го курса, не просто прочитал, а проработал (вспомнилось, что читая, он ещё что-то писал), да ещё в таких экстремальных условиях».

Шкловский продолжает: «В апреле 1943 г. я вернулся из эвакуации в Москву. В конце 1944 г. вернулся из эвакуации мой шеф по аспирантуре. Встретились радостно. Пошли расспросы, большие и малые новости. Между прочим шеф сказал: «А у Игоря Евгеньевича (Тамма) появился совершенно необыкновенный аспирант. Таких раньше не было, даже Виталий Лазаревич (Гинзбург) ему в подмётки не годится!».

«Как же его фамилия?». И в то же мгновение я вспомнил: это мог быть только мой сосед по нарам в теплушке, который так удивил меня, проштудировав Гайтлера. «Это Андрей Сахаров!». Я не видел его после Ашхабада 24 года. В 1966 г., меня выбрали (с пятой попытки) в член-коры АН СССР. На осеннем собрании Академии Яков Борисович Зельдович сказал мне: «Хочешь, я познакомлю тебя с Сахаровым?» Еле протискавшись через густую толпу, Я.Б. представил меня Андрею. «А мы давно знакомы», - сказал тот. Я его узнал сразу- только глаза глубже запали. Странно, но лысина совершенно не портила его благородного облика. В конце мая 1971 г., в день 50-летия Андрея Дмитриевича, я подарил ему чудом уцелевший тот самый экземпляр книги Гайтлера».

Продолжу своё повествование. Диплом о высшем образовании Сахаров получил в Ашхабаде, проучившись там ещё один год, и

завершил таким образом четырёхлетний сокращённый курс . В 1942 году после кратковременной работы на лесозаготовках, был направлен на работу в лабораторию военного завода в Ульяновске. Здесь он встретился с Клавдией Алексеевной Вихиревой, химиком по специальности. Их совместная жизнь была необычайно счастливой, несмотря на все трудности и невзгоды, выпавшие на долю учёного. Ещё в Ульяновске у них родилась дочка Таня, в Москве в 1949 году родилась дочь Люба, а в 1957 году - сын Дмитрий. Семья жила в любви и дружбе. Для Сахарова была настоящей трагедией смерть супруги в 1969 году от рака.

В Ульяновске начинается его научная работа, близкая по тематике с теорией ядра. Свои неопубликованные статьи он пересылает академику Тамму с надеждой в будущем работать под руководством знаменитого физика. В 1945 году он возвращается в Москву и поступает в аспирантуру в Физический Институт Академии Наук СССР (ФИАН). Существует легенда, что путь Сахарова в науке предопределила случайная встреча Тамма с отцом Андрея Сахарова, который якобы сказал: «Игорь Евгеньевич, есть у меня сын Андрюша, он, конечно, не NN, но всё-таки поговорите с ним - вдруг из него выйдет толк». Правда это или нет, но, в конечном счёте, Андрей Дмитриевич стал учеником Тамма. Весной 1947 года он подготовил кандидатскую диссертацию, но защиту отложили на несколько месяцев: Сахаров не смог сдать необходимый для соискателя учёной степени экзамен по марксистско-ленинской философии.

В 1948 году в возрасте 27 лет был включён в группу Курчатова. С 1950 года безвыездно работает в Сарове над созданием водородной бомбы. Следующие три года ознаменовались небывалым взлётом его карьеры. После успешного испытания первой водородной бомбы «Слойка» 12 августа 1953 года ему была присвоена учёная степень доктора наук, его избрали в Академию Наук и он получил свою первую звезду Героя Социалистического Труда. Наибольшим успехом Сахарова в военной тематике было создание и испытание Царь-бомбы в октябре 1961 года.

Хотя инициатива создания её исходила от самих учёных, Сахаров во время посещения Хрущёва Арзамаса-16 заметил руководителю страны, что баланс ядерного оружия между Западом и Востоком уже достигнут и вряд ли разумно строить ещё одну сверхбомбу, на что Хрущёв, загоревшийся идеей её создания, возмущённо ответил: « Существует только одна политика - политика силы. Я был бы таким же слюнтяем, как и вы, академик Сахаров, если бы думал иначе». Присутствующие на встрече решили, что карьера коллеги закончена, однако Хрущёв решил оставить Сахарова руководителем работы за его талант и компетентность.

Но в сознании Сахарова созревало перелом. Через несколько десятилетий он так вспоминал о годах своей работы «на объекте»: «После рабочего дня я приходил в коттедж Игоря Евгеньевича (Тамма-Г.Г.) и мы вели разговоры по душам.... Я однажды признался ему как мне тяжело, мучительно сознавать, каким ужасным всё-таки делом мы занимаемся. Он очень чутко воспринял мои слова, хотя они и были для него неожиданными. Ведь нас захватывало ощущение масштабности, грандиозности дела, которым мы занимались».

Коллега Сахарова по Отделению теоретической физики Борис Михайлович Болотовский вспоминает: «В конце 50-х годов я услышал, будто бы за две недели до каждого испытательного взрыва Сахаров запирается в своём кабинете и начинает вычислять, сколько калек и уродов появится на Земле в результате радиоактивного заражения атмосферы».

После успешного испытания Царь-бомбы в списке награждённых учёных фамилия Сахарова отсутствовала. Ему припомнили «смуту». Однако и на этот раз Хрущёв настоял на заслуженной правительственной награде и собственноручно прикрепил к пиджаку Сахарова третью золотую медаль Героя.

По-настоящему трения учёного с сильными мира сего начались значительно позже, в 1967 году, когда Сахаров выступил против гонки вооружений, в частности, против разработки средств защиты от баллистических ракет. Он написал конфиденциальное письмо руководству страны, в котором объяснил, что создание новых более мощных военных средств неизбежно приведёт к третьей мировой войне. В этом же письме он просил разрешения выступить в прессе для открытой дискуссии. Брежнев проигнорировал это письмо и не позволил никаких публичных обсуждений. В следующем 1968 году Сахаров закончил работу над своим политическим трактатом: «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», который начал распространяться в самиздате, а затем и в зарубежной прессе.

Как следствие, он был отстранён от всех секретных работ и возвратился, по приглашению уже прикованного к постели Тамма, в свой родной ФИАН, где продолжал работать над фундаментальными вопросами теоретической физики. В 1970 году Сахаров основал вместе с диссидентами Валерием Чалидзе и Андреем Твердохлебовым Комитет по правам человека - первую в Советском Союзе неправительственную организацию, борющуюся с многочисленными нарушениями конституционных прав на нашей родине. Число людей, присоединившихся к Комитету, росло. Публичные акции на улицах, у зданий суда, милицейских участков, посольств зарубежных стран, привлекало внимание многих людей по всему миру. Комитет поддерживала Организация Объединённых Наций.

Власти всеми средствами старались задуть это народное движение, первое за всю историю советского государства. Один из сотрудников теоретического отдела ФИАНа Владимир Иванович Ритус по этому поводу пишет о Сахарове: «Его выступления в защиту отдельных лиц ...должны были отнимать у него много времени, энергии и нервов... У него просто не было чувства страха: главное - достижение цели, об ущербе собственной персоне он не думал. Другой раз я спросил его, почему он защищает такое-то дело, казавшееся мне безнадежным. «Если не я, то кто?» - спросил он.

Да, у него были единомышленники, но только немногие из них сумели побороть в себе это чувство страха. Фактически он поступал так, как должен поступать нормальный человек, и своим примером учил нас этому».

Приведу ещё один эпизод, демонстрирующий общественную позицию Андрея Дмитриевича как учёного и гражданина. В далёком 1948 году в Москве прошла августовская сессия ВАСХНИЛ, на которой «разоблачили антинаучную суть буржуазной генетики» и клеймили позором учёных-генетиков во главе с Николаем Ивановичем Вавиловым - выдающимся биологом, родным братом президента АН СССР, физика Сергея Ивановича Вавилова. Возглавил эту позорную расправу академик Лысенко.

В это время Сахаров только включился в группу по разработке термоядерного оружия и был изолирован от внешнего мира из-за своей сверхсекретной работы. Но пришли 60-годы, и Сахаров был одним из первых, кто дал честную и беспощадную оценку лысенковской «биологии». В 1964 году проводились выборы в Академии Наук СССР. Лысенко выдвинул в академики своего ученика Н.И. Нуждина. На общем собрании Академии неожиданно для Лысенко разгорелся настоящий бой между сторонниками Лысенко и группой академиков, называвших «учение» Лысенко мракобесием, позорящим отечественную науку.

Возглавили эту группу академики-физики. Первым на собрании выступил представитель партийной группы членов Академии с предложением голосовать «за». Наступила очередь Сахарова. Приведу только заключительную часть из стенограммы его выступления: « ... Что касается меня, то я призываю всех присутствующих академиков проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы «за», были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нуждиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжёлые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются (аплодисменты)».

Один из сотрудников ФИАНа Сергей Иванович Сыроватский присутствовал на этом собрании и подробно его описал. Он рассказывает, что Сахаров упомянул в своей речи о тысячах генетиков,

которых после сессии ВАСХНИЛ сняли с работы, о том, что многие из них подверглись преследованиям. А закончил Сахаров свою речь, по словам Сыроватского, так: «Пусть за Нуждина голосуют те, у кого руки обгажены кровью советской биологии». Этих слов в стенограмме нет. Возникает подозрение, что она смягчена и в ней не приведены самые резкие высказывания Сахарова. Затем выступили Тамм и Зельдович, которые поддержали Сахарова. Лысенко ждал своей очереди и несколько раз, нервно потирая руки, произнёс: «Уголовное дело!». Взойдя на трибуну, Лысенко назвал слова Сахарова клеветой.

Председательствующий на собрании президент Академии Наук СССР М.В. Келдыш отметил, что не разделяет точку зрения Сахарова, а также думает, что её не разделяет и президиум. Было видно, что Келдыш относился к Лысенко с опасением и что Лысенко остался недоволен Келдышем. Однако при тайном голосовании Нуждин не прошёл. Результаты голосования: приняли участие 137 академиков; «за» было 23, остальные 114 – «против»! По общему мнению, речь Сахарова сыграла решающую роль. Это было его первое гражданское выступление, которое можно расценивать как начало борьбы против попрания правды, чести и совести.

Партийная пресса ополчилась против Сахарова. Лысенко поддержал и Хрущёв. Но Сахаров продолжает борьбу с «сильными мира сего» и пишет письмо к руководителю страны, стараясь убедить его в своей правоте:

«Дорогой Никита Сергеевич!

Упоминание моей фамилии на пленуме ЦК КПСС дает мне смелость обратиться в Ваш адрес с некоторыми разъяснениями. В последнее время в мой адрес раздаются обвинения в клевете (со стороны «обиженного» Лысенко) и в некомпетентности...

...По поводу «клеветы». Я сказал только, что Лысенко несёт ответственность за самый мрачный и позорный период в истории советской науки (это лишь малая доля того, что я о нём думаю)... Но в целом пути лысенкоизма ещё на ногах нашей науки... Иоффе, Курчатов, Мандельштам, С.И. Вавилов взяли в своё время на свои плечи бремя ответственности за целые отрасли физики. В биологических науках одним из руководителей такого масштаба являлся великий учёный и патриот нашей Родины Н.И.Вавилов... Его гибель, гибель десятков других выдающихся учёных - несмываемое пятно на лысенкоизме...

К сожалению, в печати всё ещё встречает затруднения открытое обсуждение вопросов истории биологической науки в СССР. Даже многие руководящие партийные работники не знают этой истории. Но я убеждён, что общее оздоровление политической жизни в нашей стране означает неизбежный и скорый конец лысенкоизма.

30 июля 1964 г. А.Сахаров»

Андрей Сахаров и Елена Боннэр

В 1972 году Сахаров женится второй раз на Елене Георгиевне Боннэр, активной участнице диссидентского движения в стране. Она - дочь видного работника Коминтерна Г.С. Алиханова, уничтоженного в 1937 году, перед войной училась на филологическом факультете в Ленинграде. С первых дней войны оказалась на фронте, была контужена, но после непродолжительного лечения снова пошла на фронт в санитарный батальон. После войны закончила мединститут и работала врачом-педиатром. В 1975 году Сахарову присуждается Нобелевская Премия Мира.

«Брежневские» тучи сгущаются, руководство ФИАНА, в лице его директора академика Николая Геннадиевича Басова, грозит уволить Сахарова с работы. Наконец, после интервью в газете «New York Times», в котором он выразил протест, связанный со вступлением СССР в войну с Афганистаном, а чуть позже и заявлением о провокации КГБ в московском метро (старшее поколение читателей помнит взрыв в одном из вагонов, совершённый «армянским террористом, недовольным советской властью»), чаша терпения властей была переполнена и Сахаров 22 января 1980 года был арестован и сослан в «закрытый» город Горький (ныне Нижний Новгород), недоступный для зарубежных посетителей.

В первые недели после этого газеты среди прочей брани писали, что Сахаров деградировал как учёный. В связи с этим приведу анекдот-быль, быстро распространившийся в академических кругах. Я уже

писал о том, как проходило специальное заседание президиума, где была предпринята попытка лишить Сахарова звание академика. Выступление Петра Леонидовича Капицы предотвратило этот «заказ» Брежнева. Другой академик-атомщик Анатолий Петрович Александров в кулуарах заседания на высказывание крупного партийного чиновника о Сахарове: «Как может быть он членом Академии? Он же давно не работает», ответил: «Знаете, у меня есть член, он тоже давно не работает, но я держу его при себе за былые заслуги!».

Но на самом деле, несмотря на ужасную травлю учёного, он продолжал успешно работать в области теории элементарных частиц и космологии. Так, в отчёте за 1981 год, направленном в отдел теоретической физики ФИАНа из Горького, Сахаров подробно излагает основные идеи новой работы о моделях осциллирующей Вселенной. Отчёт заканчивается словами:

«Работа ещё не оформлена и не вполне закончена. Предполагаю сделать это в ближайшее время. Надеюсь также, что решение волнующего меня вопроса о судьбе невестки даст мне возможность в ближайшее время вновь возобновить научное общение с моими коллегами из теор.отдела ФИАН. С уважением А.Д.Сахаров».

Отчёт датирован 16 ноября 1981года, непосредственно перед началом его первой голодовки. Борис Львович Альтшулер - научный сотрудник теоретического отдела ФИАНа - пишет в своих воспоминаниях: «Всё как всегда, точно рассчитано: написан отчёт, можно приступать к решению другой проблемы. А то, что это связано с риском для жизни, что эти дни могут быть последними - это уже дело второе. Главное- положительный конечный результат. «Важно идти в правильном направлении, а когда упадёшь - это неважно». Понять эту фразу – значит, во многом понять Сахарова...

В те дни теоретики ФИАНа постарались довести до сведения руководства информацию о широком международном признании пионерского вклада Сахарова в решение проблемы барионной асимметрии Вселенной. Независимо от них было направлено открытое «Обращение в ООН» группы советских правозащитников. Так или иначе, но после того, как в начале марта Академия Наук США объявила бойкот советской Академии, высочайшим решением Сахаров был оставлен в ФИАНе и сотрудникам теоротдела разрешили его посещать в Горьком».

Шесть долгих лет ссылки он и Елена Боннэр были под наблюдением сыщиков, недоступные для зарубежной прессы. Несколько раз в знак протеста Сахаров объявлял голодовки. Первый раз в ноябре 1981 года – после отказа правительства разрешить выезд за границу невесты сына Боннэр к жениху. Состояние здоровья Сахарова и Елены Боннэр было критическим. И снова Пётр Леонидович Капица попытался облегчить участь коллеги. Он написал письмо

Брежневу, и в тот же день оно попало на стол к « руководителю» страны. Приведу это небольшое, но эмоциональное послание.

«4 декабря 1981 г.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Я уже очень старый человек, и жизнь научила меня, что великодушные поступки никогда не забываются. Сберегите Сахарова. Да, у него большие недостатки и трудный характер, но он великий учёный нашей страны.

С уважением П.Л. Капица»

Брежнев проигнорировал это письмо.

В 1984 году Сахаров предпринимает третью по счёту и самую продолжительную голодовку с требованием разрешить Елене Боннэр выехать за границу для операции на сердце. Учёный подвергся насильственному «лечению» врачами-психиатрами. 11 мая ему насильно ввели препарат, вызвавший у него микроинсульт. И, видимо, всё лето вводили психотропные средства. Почти месяц после выхода из больницы он не мог и не хотел работать, не подходил к письменному столу.

Приведу отрывок из письма Сахарова президенту Академии Наук СССР Анатолию Петровичу Александрову от 15 октября 1984 года: «... 25-27 мая применялся наиболее мучительный и унижительный, варварский способ. Меня опять валили на спину на кровать, привязывали руки и ноги. На нос надевали тугой зажим, так что дышать я мог только через рот... Чтобы я не мог выплюнуть питательную смесь, рот мне зажимали, пока я её не проглочу. Всё же мне часто удавалось выплюнуть смесь, но это только затягивало пытку...».

В марте 1985 года Горбачёв приходит к власти. Проходит ещё полтора года, прежде чем новый руководитель страны просит политбюро КПСС вернуть Сахарова и его супругу из ссылки. Горбачёв позвонил в Горький и известил учёного, что он может возвращаться. Сахаров в этом разговоре с Горбачёвым сказал, что его возвращение недостаточно и необходимо освобождение всех политзаключённых! 19 декабря 1986 года Сахаров возвращается в Москву. В январе следующего года Сахаров уже участвует в работе международной независимой организации по исследованию глобальных проблем, созданной по инициативе вице-президента Академии Наук СССР, физика Евгения Павловича Велихова. Он предложил Сахарову стать одним из членов Правления.

Одно из первых начинаний этой организации было проведение в Москве международного форума «За безъядерный мир и выживание человечества» в феврале 1987 года. Состоялась встреча участников

форума с Горбачёвым. Каждый из участников круглого стола обращался к Горбачёву с приветствием. Когда очередь дошла до Сахарова, он сказал: «Михаил Сергеевич, когда вы мне позвонили в Горький, я поднял вопрос о других политзаключённых. Сегодня я принёс с собой список этих людей», на что Горбачёв ответил: «Андрей Дмитриевич, мы не можем двигаться так быстро...», но попросил своего помощника взять этот лист. Через год Сахаров мог сказать: «Большинство заключённых освобождены».

Я привожу этот эпизод, чтобы читатель оценил чуткое внимание учёного к судьбам окружавших его людей. Он считал безразличие самым большим грехом и, несмотря на большую занятость и плохое здоровье, не отказывал в участии и помощи. Он становится героем и «глашатаем совести человечества», он награждается за свою правозащитную деятельность почётными званиями, медалями. В 1988 Европейский парламент учредил Сахаровскую премию за интеллектуальную свободу, а в 2006 Американское Физическое Общество учредило Сахаровскую премию учёным-физикам за борьбу за права человека. Восторженные толпы людей встречали учёного и борца за свободу в столицах мира, включая Вашингтон и Нью-Йорк, он беседовал с президентами и руководителями многих стран мира.

В марте 1989 года он был избран депутатом в Верховный Совет СССР. Помню его выступление на предвыборном собрании в московском Доме Кино - скромное, искреннее, без лозунгов и пустых обещаний. Помню также его зажигательное выступление за прекращение позорной войны в Афганистане под улюлюканье и возмущение зала. С большим энтузиазмом в последний год жизни он работал над проектом новой Конституции. Принципы плюрализма и терпимости были положены Сахаровым в основу политической, культурной и идеологической жизни общества. В его проекте гарантировались широкие гражданские права, запрещалась какая-либо дискриминация.

Увы, ему не удалось увидеть распада советской империи. 14 декабря 1989 года в одиннадцатом часу вечера, Елена Боннэр, зайдя в кабинет Сахарова в их квартире, увидела мужа мёртвым, лежащим на полу. Смерть наступила от сердечного приступа.

Сахаров остаётся в памяти людей, в названии улиц, площадей, музеев, памятников по всему миру. Незабываемое впечатление оставляет статуя, стоящая во дворе ЛГУ имени Жданова, - ныне Санкт-Петербургского университета. Сахаров изображён во весь рост со связанными руками за спиной, как и полагалось заключённому.

Владимир Альбрехт

Бостон, США

Об Андрее Дмитриевиче Сахарове

Один академик однажды спросил у другого академика, что тот думает о Сахарове. И тот ответил: «Сахаров! О! Это наша совесть!» — «Как же, однако, удобно, — заметил тот, кто спрашивал, — иметь совесть на стороне». А ведь Сахаров действительно для очень многих был их совестью на стороне. Я видел, как его постоянно теребят какие-то люди. Я знал его телефон 2-27-27-20, я мог позвонить, прийти и что-то передать или выяснить. Но я предпочитал его и Люсю зря не беспокоить. Я и мои друзья никогда не фотографировались с ним. Но имелось множество тех, кому это почему-то требовалось. А когда Сахаровы вернулись из ссылки, мы с Шихом (Ю. А. Шиханович) помогали перетаскивать их вещи. В углу, помню, стояла большущая сумка с письмами от разных людей; её такую ежедневно приносили с почты. К сожалению, всё это некому было читать.

Нет, о своём отношении к нему я предпочитал не говорить, потому что тогда бы пришлось что-то сказать о себе. А зачем? Каждый, кто говорит о нём, обязательно где-то рядом ставит себя. Но однажды мне повезло. Сахаровы очень любили Андрея Твердохлебова — моего друга. Так вот, когда осудили Андрея, я не решился съездить к нему в ссылку и проведать его. По опыту других я знал, что это рискованно. А два пожилых человека, Сахаров и его жена, 14 августа 1976 года, пройдя 20 километров пешком ночью по тайге, смогли его повидать. Они смогли, а я нет. Назад Сахаров вернулся на костылях. Об этом с опасениями за его здоровье (и за себя лично) в ЦК КПСС весьма подробно сообщает Андропов в письме 26.08.76. Ведь его обязанность следить за каждым шагом Сахарова. Но понять этого нельзя, не уяснив, где мы, собственно, жили.

А жили мы в СССР. Но это был никакой не союз, вовсе не советских, совсем и не социалистических, и никак уж не республик. Это была у т о п и я: столовые и продуктовые магазины не открывались

на обед, а закрывались на обед. Во всём мире всё покупают у спекулянтов, а у нас их сажали в тюрьму.

Поэтому в инакомыслящих, правозащитниках, в диссидентах — практически всё население. Все что-то улучшали. А улучшение утопии хоть и длинный, но эффективный способ избавления от любой утопии. Об этом приходится говорить потому, что теперь там тоже утопия: распад СССР считают катастрофой, хотя катастрофа — это возникновение СССР. И Нобелевскую премию Сахарову дали не за его правозащитную деятельность, а за то, что он защищал право на жизнь для всех поколений людей на Земле.

А он знал свою ответственность... И требовал, чтоб и руководство страны тоже знало свою ответственность. Он исходил из того, что при наличии у нас ядерного оружия на нас никто не нападёт. Он убеждал ЦК не бояться демократии. Для начала он весьма деликатно вернул государству крупную сумму, заплаченную ему за его труды. Об этом 15 сентября 1969 года сообщал в ЦК Андропов.

А ведь в 1968 году СССР, огорчённый победой евреев над арабами, чуть было не стёр Израиль с лица Земли. Об этом сообщил журнал «Родина», (1996 год, № 7. В апреле 68-го подводная лодка капитана 1 ранга Шашкова скрывалась где-то у берегов Сирии. Её ракеты должны были создать в Израиле 8 Хиросим. Но от этой безумной затеи, Слава Богу, вовремя отказались.)

Сахарову требовалось правовое государство, он знал, что ПРАВО - это наука, хотя даже в его научном окружении Право не считают такой же наукой, как физика или химия. Да и сам он прежде мог позвонить по «вертушке», скажем, Андропову и что-то спросить. Но в ЦК боялись демократии. Андропов трижды просил, чтоб кто-нибудь из руководителей страны поговорил с Сахаровым, но никто ему не ответил, И вот возникает письмо «академиков» о неизвестно какой Сахарова клевете.. Теперь газеты будут публиковать «отклики трудящихся». В период с 3 по 24 сентября 1973 года в «Известиях» получили 14959 писем. Из них о Сахарове и Солженицыне - 809. 492 из них носят негативный, а порой антисоветский характер. Например. «Мы не можем поддержать заявление рабочих завода Лихачёва, не узнав сути дела. А если эта группа ознакомилась с выступлениями Сахарова, то и нам нужно с ним ознакомиться». (Рабочие Таганрогского механического завода).

«Я являюсь Героем Социалистического Труда, в этом году меня избрали в местные органы власти. Почему вы не предоставляете слова самому академику Сахарову? Давайте дадим ему бой открытый, а не так, как делаете вы. Сахаров сейчас похож на жертву, которой заткнули рот и издеваются». (И. М. Машков).

«Я не знаю, в чём клевета этого Сахарова, но знаю, что во многих городах нет говядины и рыбы..., а недовольство народа - сильнее

водородной бомбы... Я участник войны и прекрасно знаю это...» (Куценко, г. Белгород).

Сысоев М.А. - прокурор Кочубеевского района пишет: «Прочитал письма по поводу Сахарова... Эта затея выглядит лживой. Чтобы исправить положение, я уверен, надо опубликовать саму статью Сахарова с изложением его точки зрения...Чтобы судить объективно, надо выслушать обе стороны...». Аналогичную подборку писем прислали в ЦК из «ПРАВДЫ».

Почти в каждом письме требование, чтобы информировали людей полно и точно. Читая эти письма, каждый понимает, что Сахаров говорит П р а в д у, коли её не хотят напечатать.

Часть 5. Архив

Наталья Нестерова

Александр Якобсон

Иерусалим, Израиль

Дневники Анатолия Якобсона. Тетрадь 5

Тетрадь 5 (27 декабря 1977 - 16 августа 1978)[\[1\]](#)

[На обороте обложки запись: «Цветаева о самоубийстве. 16 авг. 1978. Евграф Живаго» - повторено в последней записи дневника от этого же числа].

27.12.

Вчера передал стихотворение Мицкевича Фромеру. Жду подстрочника[\[2\]](#).

* * *

Том пятый день относительно спокоен. И значит, мы все в мире.

4.1.

Думаю так: хотя достойное отношение к животным ещё не доказывает высокой породы человека, но худое отношение к ним (отчужденность, брезгливость, страх) всегда наводит на грустное размышление относительно породы данного субъекта и целых категорий лиц.

Интересно, справедливо ли в какой-то мере наблюдение, что религиозные натуры (т.е. не просто верующие) есть чаще всего натуры антихудожественные; да, что-то в этом есть.

9.1.

Мой Том. Непреклонность, неукротимость его души. Моя боль и моё счастье. Больше боли, чем счастья, как вообще в жизни.

* * *

Елена, сказать, что я люблю тебя больше жизни, не точно сказать. Дело в том, что я жизнь не люблю; это нуждается в разъяснении. Жизни только своей не люблю (и не любил отродясь), а жизнь как таковую — мировую, всеобщую (биологическую там и проч.) я всегда уважал и — в общем-то любил. Тебя, Лена, я люблю не так, как жизнь, а иначе: изо всех сил; люблю настолько, насколько вообще способен любить.

10.1.

Фима Вольф: смысл жизни — познание и созидание; цель — наслаждение смыслом.

* * *

У евреев есть историческое право [на Землю Израиля].

1300 лет существуют арабы. 350 — американцы.

Садат не сказал о праве евреев на эту землю; Бегин о праве арабов сказал.

18.1.

17-го кончил «К русским друзьям» и дал Фромеру. Когда-то и что-то из его намерений выйдет.

20.1.

«Хроника» № 45, с.75 (25.5.77).

Юрий Федоров[3]: «Насколько я знаю случаи применения наручников, их всегда надевают на 23-25 см. выше запястья. 3/к теряют сознание от адской боли. У меня лично руки не работали трое суток. Наручники применяются произвольно и чаще всего в виде наказания. Меня постоянно терроризируют применением физического насилия — наручников».

21.1.

Ю.Марголин

«Мир не делится на разум без остатка» («Диамат») [критика советской идеологии. Тель-Авив : Маоз, 1971], с.19.

23.1.

Диалектичность есть противоречивость. Диалектика – противоречие.

* * *

Привели дети щенка. Подбитая (надеюсь, что не сломанная) левая задняя. Истощен. Черен с проседью. По виду — смесь чертенка с обезьянёнком. Судя по причиндалам, очень маленький. Несомненно умен. Задняя левая куда хуже была в свое время у Тома. Вряд ли кто возьмет. Ничего, выживем.

25.1.

Насчёт Чиновых причиндалов я наивно осрамился. Чин – сука. Видимо, не менее года. Т.е., взрослая (смотрел Вайскоп). Чина.

* * *

К вопросу о структурности мира.

Организм – организован

Механизм - ?

* * *

12.2.

В [кн.:] Челпанов[4]. «Введение в философию», с.144. Всякое возражение против материализма беспомощно, постольку, поскольку оппонентом принимается само понятие материи (т.е. вещества с т.зр. физики своего времени – со всеми его атрибутами, как-то: пространство и проч.), понятие, думаю, отвлечённо-схоластическое с т. зр. уже современной физики. Если, напр., взять понятие энергии, так ли безусловна (как для старых критиков материализма) само противоположение: физическое и психическое? Безусловно ли обстоит дело с атрибутом пространства, если говорить об энергии, а не о материи? (с.144). Квантовая механика. Поля. Электрон.

С. 145. «...всё психическое отличается от материального мира тем, что к нему не приложимы предикаты протяжённости, в то время, как к материальному приложимы. В этом заключается коренное различие между ними».

Квантовая механика. Электрон. Внутри атома электрон «размазан», нельзя локализовать в пространстве; будучи выделен – в некоторых опытах - локализуется как заряженная частица; то же в принципе – свет.

29.1.

* * *

Публицистическая критика (К.Чуковский).

* * *

Неравны люди по различным признакам, поэтому комбинации неравенства. С какой стати она к ночи помянута?

Марголин – это есть духовный аристократизм нашего народа. Лучший [неразб.] и руководитель в борьбе с хамской стихией.

Аристократизм демократический, обращённый к людям и впитавший в себя лучшие национальные качества;

Внутри каждого народа, каждой национальной культуры вечен антагонизм между этим – демократическим – аристократизмом и названным выше хамским началом, которое подчас выступает с элитарными амбициями ([...]), рядится в тогу учёности, любомудрия – и тем оно вреднее, опаснее неприкрытого духовного плебейства в его непосредственной местечково-простодушной форме.

Ктати, местечковость гнездится не в местечках, а в сердце людей. Знал я аристократов из Жмеринки и Бердичева и плебеев из Парижа и Петербурга. Подаривший нам Марголина Пинск по праву должен быть так же славен, как Витебск, подаривший Шагала.

* * *

Гармоническая личность. Универсализм (полнота), уравновешенность различных духовных начал (интеллектуального, эмоционального,

нравственного, волевого). В этом плане сравним с Герценом; также уравновешенность – поразительная роднит внутренняя свобода, презрение к любому доктринёрству; марскиды[5]; осиновый кол в историческую могилу этого учения, которое давно мертво, но как некий огромный труп, разлагаясь, отравляет мир своими миазмами. Как антитеза всякого рода односторонности, скудости, антитеза всякому догматизму и любой оголтелости; но эта гармоничность, уравновешенность человеческих оснований в Марголине ни в коем случае не есть самоуспокоенность и равнопрохладное (хоть и равноудрое) ко всему в мире отношение. Это страстная гармония. Философ, мыслитель Марголин обладал темпераментом первоклассного борца за правду и человечность.

«Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с закрытыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её. Я думаю, что время слепых влюблённостей прошло. Я полагаю, что мы пришли после других, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суевея» [Чаадаев].

6.2.

Всеволоду послал, на фото:

«Посмотри, Андрей, на моих зверей. Сзади Том с хвостом, мой кумир притом, дивный пёс московский. Вовсе не таковский, но чудесный Глеб. Волею судеб, видно, я недаром взыскан сенбернарном. И с моей Еленой, бабою отменной, познакомиться, брат, вас сердечно рад. А своей Елене поклонись в колени. Сам же ты, Андрюшка, - лучшая зверюшка. А ещё – Серёжка.

Твой приятель Тошка».

* * *

Клюев (подражание природе – по Блоку) – не «достоянье доцента», а добыча профессоров – волчья сыть, травяной мешок – по лености ума профессора его прозвали – до сих пор прозёвывали – но вот очнулись и принялись за него – «за старинное дело своё» - Назаров – Вайскоп. Он – явление книжное, филологическое, филологическая же добыча. Алчность их – «темперамент», хищность – понятна. Искусство и математика первичные (исторически) способы познания. Искусство и математика – с одной стороны – предельная приближённость, привлечённость к предметному миру (математика – счёт, простейшие замеры, измерения). Искусство как «отражение», образ (момент отражения, действительно, есть). И вместе предельная отдалённость, отвлечённость от него, т.е.: преображение («Охранная грамота», ч.2, [7]: «Искусство – запись смещения действительности[6]») мира (ни в одном реальном треугольнике половина высоты, умноженная на основание, не равна площади треугольника: «немного больше или немного меньше», всякий образ тоже немного «больше или немного меньше», т.е. образ дерева не есть копия, отпечаток дерева).

Все остальные способы познания мира – позитивные науки – суть привлечённости по отношению к миру вещей – и только, отнюдь не отвлечённости. Последнее свойство, коренной атрибут математики и искусства – изначально делали их чем-то магическим (сакральным), мистическим (чудесным), чем-то культовым, ритуальным и т.д. Пифагор и

ранее (Египет, Вавилон). Позитивные же науки – воистину прикладные – раз и навсегда намертво приложенные к материальному миру – ничего «священного», понятно, составлять собою не могли. Они и есть науки в собственном смысле (опытные, эмпирика). А математика – нет. Это понял Юм.

«Идеальный газ» - «исключение». Открытая условность. В математике всё условно; любая идея – начиная с идеи математической точки. Безусловен только математизм, т.е. специфический способ мышления. Аналогично – касательно искусства. Формула H_2O – соответствует воде (идеальное – материальному) ровно настолько, насколько развита наша химия, т.е. насколько химия не допустила здесь ошибки. В математике и в искусстве такого рода соответствие принципиально исключено.

Всякая идея (отвлечённость, абстракция) – научно-позитивная, как и любая другая – («житейская») есть модель (вещей). Математическая идея есть модель модели – в том смысле, что она есть самый принцип моделирования (где бы, в какой бы области, научной или иной) он, этот принцип (метод) ни применялся; везде.

Математизм = моделизм – как способ мышления. (Искусство в общем тоже)

Математика (как искусство) живёт по своим внутренним, имманентным законам, -а не по законам вещного мира (как положительные науки). Однако законы природы не безразличны к искусству, влияют на него: линия жизни параллельно-питающая по отношению к линии искусства (не пересекаются ни в одной точке; «пересечения» такого рода – плод вульгарно-социологической методологии (напр., Святополк-Мирский о Маяковском[7]).

Природа оказывает влияние и на математику – опосредованно – тем, что побуждает моделировать вообще, (а затем уже моделировать себя, природу, т.е. конкретные ряды конкретных вещей; другими словами: привнесение математизма - как принципа моделирования – во все науки, во все формы познания).

Наука – способ познания мира путём отражения предметов, их свойств.

Математика, как и искусство – способ познания мира путём преобразования предметов, их свойств.

Мысль (простейшая индукция): лошадь есть копытное – принципиально «ближе к лошади», адекватнее «отражает» её свойства, чем любое – при всей его конкретности, наглядности – изображение лошади, ибо образ лошади (идея-образ) есть модель модели, - модель не лошади непосредственно, а модель представления данного художника о лошади.

Математика – знаковая система, т.е. язык. Язык математики универсален в сфере формально-логической. Язык искусства (которое не сводится к знаковым системам, как и язык в собственном смысле слова) тоже универсален в своей – художественной – сфере, это язык образов (идей-образов).

В науках естественных универсального, т.е. общего им языка, кроме математического, нет и быть не может.

12.2.

М.Каганская «Осип Манделъштам - поэт иудейский» (Сион, 1977, № 20, с.195):

«Его перевели на иврит. Но это перевод с перевода. Мандельштам всегда писал на языке своего духа, своей крови

«Чужая речь» была ему «оболочка» (вот как...) [8]

13.2.

Написал: Юле Шаровской – Люсе Бойцовой – Сергею.

Роза Ляст[9]: Сергей [Ковалев, в лагере] отказался от переписки, не получает и не отправляет писем.

* * *

Ю.Тынянов «Поэтика», [История литературы. Кино. М, 1977], с.54:

«Проза и поэзия, по-видимому, отличаются не имманентным звучанием, не последовательно проведённым в поэзии принципом установки на звучание, а в прозе – принципом установки на семантику, а, в сущности, тем, как влияют эти элементы относительно друг друга, как деформирована звуковая сторона прозы её смысловой стороной (установкой внимания на семантику), как деформировано значение слова стихом».

Т.е.: в прозе звук деформирован смыслом; в поэзии – смысл звуком.

Вот в чём мысль. Пастернак о соответствии значения и звучания слова.

Чувство - не в смысле ощущений в данном случае, а в смысле переживания - есть, конечно, субстанция искусства вообще. Чувство (в этом смысле) часто принимает две - едва ли не полярные по отношению друг к другу - извращённые формы: форму экспрессии (повышенная, нарочитая активность, экзальтация и т.п.) и, с другой стороны, форму сентимента (расслабленной чувствительности, апеллирующей к «доброму сердцу»).

14.2.

Наука об искусстве должна быть — выражая собой имманентный мир искусства, его законы — подобна искусству, как математика; т.е., философия искусства должна быть:

а) сама искусством (искусством прозы!)

б) наукой — не в позитивно-прикладном, естествоиспытательском смысле, где идея живет по законам природы, — а в математико-философском, формально-логическом смысле, где идея хоть не живет по законам искусства (т.е. идея эта не есть ч и с т ы й образ), но подчиняется своим имманентным законам (как математика), а не законам природы.

* * *

«Говорит Москва»... О, если бы! Москва угрожающе молчит: сколько, сколько уже времени нет писем! Лидочка [Л.К.Чуковская], дошло ли до Вас моё!

* * *

См. машинопись «Вакханалии» в контексте...», с.29-30: «Может, вся сила христианской идеи в обожествлении страданий, в облагороженности их как страданий не тела только, но — главное — души; и в этом же скрыт смысл (победительный) идеи-образа Богочеловека («кентавра»). Тема страстей Христовых = страданий человеческих».

См. Борис Пастернак «Люди и положения», ч.2, [«Скрябин»] гл.3: «...с малых лет... я верил в существование высшего героического мира, которому

надо восхищенно служить, хотя он приносит страдания. [Подчёркнуто А.Я.]

По сути *потому*, что он приносит страдания (а не «хотя»).

* * *

Люди, естественно себя ведущие, выступают в довольно редкой роли — в роли самого себя.

* * *

В отношении всякого мастерства человек своего *верха* знать не должен и, в конечном счете, не может. Но должен знать свой *низ*: уровень, ниже которого не должно опускаться его ремесло, т.е. не может опуститься он сам, не роняя себя.

* * *

«Письма из Тулы» [Пастернака]. Старик-актёр: «...расстраивая части речи».

Расстроить человека - переносный смысл, метафора - затёрто.

Расстроить части речи - прямой смысл, открытие (образ).

16.2.

Художественный образ - в идеале, а математическая формула всегда - содержит в себе нечто необходимое, и не содержит ничего лишнего; в то время, как любая научно-позитивная идея, не формализованная до конца (не облекшаяся формулой), неизбежно *избыточна* в каком-то смысле (хотя в каком-то недостаточна, как любая - в том числе математическая, - и как художественная идея).

Речь - о структуре (природе) идей - в данном случае о мере их структурной строгости (точности), а не о глубине.

Вопрос: всякая ли научная идея объективно стремится к формализации? Думаю, нет. Если - да, весь разговор не имеет смысла.

Речь о тяге к строгости различных идей.

* * *

Образ неисчерпаем при переводе его на язык иной - понятийный, при комментировании, изъяснении (но исчерпаем чувственно).

22.2.

Амир [ребенок, сын В.Фромера] по поводу басни «Стрекоза и муравей»: «Муравей был плохой».

* * *

Неделю назад – доклад Сермана[10] – о борьбе двух школ в советском литературоведении: социологической и формалистической.

* * *

Познакомился с человеком. Сеня [**пока не вспомнила, кто это**]. Из Вильнюса; 64 года. «Музыкальный мастер», — произнес несколько раз скромно, с достоинством и убежденностью. Мастер - человек. Ср. А.Пятигорский о слове «мастер» в уничижительно-презрительном контексте в статье «Пастернак и Доктор Живаго» — «Время и мы», 1978, № 25, с.168, сноска первая [11].

* * *

23.2.

Слушал у А.Фельдмана [израильский журналист] запись [своей] речи о Марголине [на вечере его памяти]. Да, фраернулся. Да, профессионально. В жесте. В интонации. Но не в слове.

24.2.

А не начать ли уроки с детьми - если Бог даст - не с толстовского «Бульки», а с чеховской «Каштанки». Хочу показать Наде Тома.

* * *

26-го у нас с Еленой юбилей. Послезавтра.

* * *

«Время и мы», 1978, 25, с.182: «Трагикомичный Дон Кихот»[12]

25. 2.

Не есть ли всякая религия изначально (в стадии зарождения, по крайней мере) племенное самосознание, формализованное, идеологизированное (образ – тоже идея, но не всякая идея – образ., т.е. вынесенное наружу (пусть не только это)?

Библия – идеи-образы и просто идеи.

26.2.

Юбилей нашего с Еленой короткого знакомства: год.

Двадцать шестого февраля

Была тепла ему земля...

Вчера (загорали в горах, я купался), она (земля) была бы ещё теплее, чем год назад.

* * *

Эмиль Коган («Время и мы», 1978, № 25, [с.145], «Происхождение предателя» [13]).

«Смерть (...) не героическое воспарение (...) - лишь (...) цена собственного достоинства».

* * *

«Русская мысль» , №3179 (от 24 ноября 1977, стр. 1,3)

Татьяна Ходорович в «Русской мысли».

Т.Х. (на вопрос: «Продолжается ли издание «Хроники текущих событий»):

- Сейчас у советского режима два основных врага – Фонд[14] и «Хроника» (она возглавила Фонд после ареста А[лександра] Г[инзбурга]. Ни Фонд, ни «Хроника» не объявляли себя таковыми (врагами).

* * *

22-24 часа. Полиция объявила о пропаже двух мальчиков — Йоси и Рами, 8-ми и 12-ти лет — из соседнего, 15-го дома. Через некоторое время, гуляя с псами, видели ищейку на длинной веревке. Видно, шла по следу. За собаководом — еще человек 5-6. Попросили убрать собак. Силы небесные, если бы что-нибудь помогло найти детей! Живых.

27.2.

Утром узнали, что дети найдены. Рами был наказан в школе и прятался от отца.

28.2.

Люди разделили людей на разные группы. И разделение это (в общем) верное. Племена, классы, партии, сословия, касты. Но, может быть, главное — естественное — разделение людей, это: на тех, кому безразлично (так хочется жить!) как (за что, почему) умереть, — и тех, кому не безразлично. Самоубийство (нежелание жить) особый — несколько - случай. (Конечно, образ смерти вытекает из образа жизни, — но не прямолинейно).

* * *

«Советские закупки зерна» («Русская мысль», 1977, 24 ноября, № 3179: «...Министерство сельского хозяйства США недавно предоставило Советскому Союзу право покупать в США до мил. тонн зерна без предварительного согласования с правительством США. По американским данным, советский урожай в этом году составит около 215-ти миллионов тонн. Это, видимо, вынудит Советский Союз увеличить импорт в этом году зерна на 4 мл. тонн» (по американским данным, уже закупили в США от 6-ти до 8-ми мл. тонн; большинство закупок – кукуруза).

Эксперты считают: всего будет куплено 20 мл. тонн; кукурузы – 10 млн тонн. Ещё закупки 1977 г.– в Канаде, в Австралии. Что-то в Аргентине. 2 мл. тонн пшеницы. Пшеницу должна будет поставить Советскому Союзу Индия для погашения предоставленного ей займа.

29.2.

На основании археологии (недавней, вроде бы) известно, что Ур Халдейский 4 тысячи лет назад (выход Авраама) являл собою высоко развитую цивилизацию. Многоэтажные здания, ватерклозеты и т.п. Торговля с очагом цивилизации в долине Инда. Видимо, и с Египтом (еще додинастическим). Таблички. Извлекали корни квадратные, кубические и проч.

Авраам вынес одно: идею монотеизма. И стал родоначальником пастушеского племени.

16.3.

Баргай, рентген, операции Глебу (2 дня назад)

* * *

Сион 22 (некошерный, не «Сион») [А.Воронель и Р.Нудельман, выйдя из редакции «Сиона», основали новый журнал, названный «22» по очередному номеру оставляемого ими «Сиона»].

Для книги о Цветаевой.

1. Шестов-историоборец
2. Горбаневская, поклонница Ахматовой.

* * *

Обломов – положительный герой
«Обломов» (гл. II.)

«...он как-то ухитряется всех любить. Есть такие люди, в которых, как ни бейся, не возбудишь никак духа вражды, мщения и т.п. Что ни делай с ними, они всё ласкаются. Впрочем, надо отдать им справедливость, что и любовь их, если разделить её на градусы, до степени жара никогда не доходит. Хотя про таких людей говорят, что они любят всех и потому добры, а, в сущности, они никого не любят и добры потому только, что не злы».

(Излюбленная моя мысль – см. портрет Игрека – но как сказано!)

* * *

18.3.

Израиль – который день – дерётся в Ливане.

21.3.

Язык – коверкотовый (суконный) и коверкающий.

«Борис Годунов». Спросить Иру Вайскоп: Пушкин о романтическом начале; о Шекспире; о Гюго. Суть романтизма: единство интереса(!) (уничтожено Гюго!)

Самозванец. Пиит, скоморох. Борьба с судьбой.

Судьбоборство.

Отрепьев – персонаж, играющий актёра.

«...Виршеписец

Иль скоморох».

Сцена в корчме:

«Скоморох попу не товарищ».

23.3.

Бунин. «Захар Воробьёв». Русская сила. Бутылку – в небо.

* * *

27.3.

Договорились с Леной: если англичане заплачат, купим щенка чао-чао (о, если бы они, б.... заплатили!!!). Авось заплатят...Ась?

28.3.

Я: - Вот ты, Глеб, когда-нибудь умрёшь; все мы умрём...

Лена: Брось ты эти шуточки...

Я: - А что? И ты ведь умрёшь.

Лена: -Ну, это я как-нибудь переживу!

* * *

Вас. Вас. Королев[15] любил говорить: «Лучше быть один раз трусом, чем всю жизнь покойником». Какое поругание логики! Наоборот: умираешь один раз, а трусом (подлецом, ср. французское «ляш» - трус, подлец) остаёшься на всю жизнь. См. конец XI главы «Хаджи Мурата».

29.3.

Письмо от Ю.Шаровской – уведомление о получении от Белоусова. Связь: Ковалёв – Сахаров.

* * *

«Из уроков Юлия Марголина» - такими словами начинается рассказ одного еврея и классика русской (а заодно и мировой) прозы XX столетия.

А меня - тоже еврея и, надеюсь, человека, который вправе считать себя русским литератором - меня пленила когда-то и продолжает пленять дивная и мудрая жизнь Юлия Марголина.

* * *

Йоги. Мы. Стоять на голове и проч. (моя голова – не чтоб на ней стоять).

Ленин анекдот. Больница в Союзе. Добились по системе Йогов, чтоб сердце очень долго не работало, чтоб замерло дыхание, но не смогли сделать, чтобы оно заработало снова – по той же системе.

* * *

Значок [знак?] ГТО на груди у него... - потрясло в детстве. И сейчас. Русский характер. Искали («Ищут пожарные, ищет милиция, и т.д. - и не могут найти» [16]), к несчастью, не тех и, уж конечно, находили. Разработать сюжет очерка о русском и русско-советском (в хорошем смысле) характере.

Смысл (полный) слов Г.Владимова: «Серые начинают и выигрывают» — вплоть до физической смерти противника и только; это еще не окончательная победа; окончательно (см. Владимов же: «чувство истории») не выигрывают вообще. Что есть конец («окончание»- см. Владимов). Эндшпиль? В шахматах — да; в жизни — еще не конец: чувство истории = Марголин. Из уроков Ю.Марголина (напомнить уроки). Эпиграфы.

Близкий пересказ известной мысли Гегеля. Точнее – не помню. У них нет чувства истории.

Единственный урок истории состоит в том, что у неё (у истории) никто не берёт уроков (не помню, чей афоризм) [точнее: «... что из неё не извлекают никаких уроков» (Бисмарк)]

(Назвал неуклюже, по-школярски и, может, даже несколько канцелярски).

* * *

Католич. церковь: нет спасения вне церкви.

Талмуд: у праведников народов мира есть доля в загробном мире.

* * *

Эткинд – «Время и мы», № 26, с.133,137 (воображ. память) [17]
«Время и мы», № 26 (1978), стр. 152: Р.Н.Редлих «Очерки большевизмоведения» [18].

Стр.151 – конец очерка[19].

Амальрик – герой застенка и мученик свободы

«дурью мучается».

* * *

Лена:

От хамора [осла] до арья [льва]

Много всякого зверья,

Ну, а наша кто хая [зверь]

Знаем только ты да я!

* * *

Открывает щука рот,

Но неслышно, что поёт.

Собаки – дети хозяев, но, к несчастью, только собак потомки.

31.3.

«Несобранное» [Ю.Марголина]

1-й эпиграф [к будущей работе о Ю.Марголине] – Гегель: «Единственный урок истории состоит в том, что у неё не берут уроков (пересказ известной мысли Гегеля[Бисмарка?]).

143 – 2-й эпиграф. [возможно, А.Я. имел в виду цитату: «Человек свободен только в той мере, в какой может обратить в свою пользу случайность, т.е. непредрежённости и открытость исторического процесса».]

7. 3-й эпиграф: «Израиль не санаторий» [продолжение фразы до конца абзаца «:...Расстроенные нервы не лечит. Люди, приезжающие сюда в плохом настроении, рискуют найти много поводов для добавочных огорчений. Для людей, настроенных бодро, - это страна, где жить можно, жить стоит и где всегда найдётся, что посмотреть и чем заняться»]

15-16,52,120 (серьёзность [ситуации в Израиле]),135,138(?)-139,149(?),438 Израиль, Запад, демократия

1).18,19,20,158-159,160 Еврейство, отделить церковь от государства

2). 22-23 Библия и еврейство

79 О «милитаризме» Жаботинского.

81 «Не ново». Неизменность военно-политического положения Израиля

82 Язык Орвелла

88-96 Словесное богатство иврита.

97 «Оставим метафоры поэтам». (К моей теме: метафоризм и антиметафоризм

105 Израиль – страна контрастов. Наша география.

110. Сельский труд

115 Честные люди <-> изуверы

118-120 Юмор, серьёзность. Человек, природа.

133-134 Не легко уничтожить наш народ. Израиль – и западные «друзья».

135 Европейские кумиры и еврейский Бог.

136-137 Цена мира (велика!) Альтернатива – война.

138-139 Аннексионизм наш, мир с арабами (?)

Отмечу, что благородно-демократическая традиция в иудаизме, безусловно, фундаментальна: «Люби труд и ненавидь барство» (Талмуд, Поучения отцов, гл. 1,10)

Тут Марголин отсылает нас [**где? Не нашла в «Несобранном»**] к знаменитым словам Гилеля: «Там, где нет людей, постарайся быть человеком» (Талмуд, Поучения отцов, гл. 2,5).

Анатолий Яковсон. Родился в 1935 г. В Москве. Филолог и литератор. Известен как участник правозащитного движения в России с начала 1966 года. С 1973 г. – в Израиле. Работает в Иерусалимском ун-те.

1.4.

Очерки из книги с горьким названием «Несобранное».

См. № 22 «Сиона» подлинного, но так не названного, журнала вообще безымянного (не путать с тем же номером «Сиона», так названного; там замечательная статья Михаила Ледера о г-же М.Каганской)[20].

* * *

(Да, Бабелю – бабелево. Последующую аналогию, вовсе не претенциозную, иной читатель пожалуй отнесёт к моему излишнему самолюбию, а это не так).

Аналогия вот какая. Меня – тоже еврея – пленила когда-то и продолжает пленять ... – а заодно и мировой прозы XX столетия (...) Юлия Марголина. Я предоставлю ему слово. Будут пространные выписки из Марголина, ради которых и затеяна, главным образом, вся статья. Но это – дальше...,

Кажется, общепринято полагать, [неясно, где конец фразы].

[продолжается перечень страниц и тем из «Несобранного»]

140-141 Израиль и «палестинское гетто» (территории).

143 Случай. Судьба. Человек. История.

145 Американцы (политика) и Европа.

149 Мир с арабами и наши границы.

159 Согласно «Галахе», талмудическому праву, еврейская национальность и религия совпадают. На вопрос «Кто является евреем?» - Галаха отвечает: «Тот, кто родился от еврейской матери и принадлежит к еврейской религии» (здесь «и» надо понимать как «или»)

159 Государство Израиль – государство не теократическое, а правовое.

160 Почему государство Израиль вынуждено регистрировать национальность («Закон о репатриации», льготы). В упреках о. Иоанна [архиепископ Иоанн Сан-Францисский - Дм. Алексеевич Шаховской, 1902-1989. Печатался под псевд. «Странник», возглавлял русскую Зарубежную церковь в Америке. Был сторонником отделения государства от церкви, чем объясняется его упреки израильскому законодательству о браке; **где выражено – неизвестно**] по нашему адресу есть нечто справедливое. Но архиепископ смеет упрекать гос-тво Израиль в расизме, косвенно (даже не слишком косвенно) поддерживая гнуснейшую резолюцию ООН, что сионизм есть расизм. Он, видите ли, не отличает расизма – т.е. дискриминации по крови от религиозно-правовых ущемлений. Ему корректно разъясняет этот вопрос д-р Агурский, с точки зрения галахического (канонического) права, опираясь на авторитет раввина. Сам же о. Иоанн благоговейно (не елейно ли?) ссылается на свой диалог с «незабвенным Ю.А.Марголиным». Так послушаем же на этот счёт самого его, поистине незабвенного Юлия Борисовича, чьё отчество переврано, подозреваю, христианнейшим оппонентом, а не редакцией журнала).

Как видно, вышеназванный поклёп – отнюдь не монополия советской пропаганды – не так ли, Ваше Преосвященство?

* * *

Все всё про себя «понимают» (чувствуют, не отдавая себе отчёта) – и дураки, и графоманы и т.д., и т.п. Отсюда «комплексы», сублимации», «компенсации», т.е. все способы самоутверждения, весь охмурёж ближних и, главное, самоохмурёж.

МАРГОЛИН

А дальше разговор построим так: мы с вами задаём Марголину вопросы о некоторых важных для нас, читателей, вещах, а он отвечает нам.

- Почему тоталитарно-идеологическая зараза – порождающая и питающая, в частности, террористов, наших убийц – распространяется с Востока на Запад? Какова там, на Западе, почва для неё? Как бороться с этой эпидемией?

* * *

Глеб [собака-сен-бернар] – чудище красоты.

Из глебского опыта:

Не всякая дрисня – понос (бывает и нормальная добрая дрисня).

Кн. Вл. Ал. Луговской – мой пратеть [через Л.Голубкину]

Н.М. – тёща от первого брака.

Татьяна [мачеха Е.Каган] - эрзац-тёща.

1.Сила

2. Уравновешенность

Флегматик Слабый уравновешенный (до заторможенности).
Недостаточная активность.

Меланхолик Слабый неуравновешенный

Сангвиник Сильный уравновешенный

Холерик Сильный неуравновешенный

Флегматик – сильный, пассивный

Меланхолик – слабый, пассивный

Сангвиник – сильный, активный

Холерик – слабый [!], активный

Религиозная этика = мораль = нормативная (внеположная личности) нравственность.

4.4.

Мы с Ленкой – мастера спорта по жизни (как: по плаванию)

* * *

Домашние звери ...в пещере .- Том, Глеб – (какая там метафора).

* * *

Быстрота (скорость) есть отсутствие суеты):

Ха коль хевель ве ре'ут руах.

Хевель хевалим.

(Экклезиаст)

* * *

Спал со всех ног, со всех лодыг.

.....
Как только в раннем детстве спят.

* * *

Исключительная интенсивность сна, необычайная полнота самозабвенности.

* * *

У М. и Ж. расхождения относительно истины или: того, что есть истина.

М. полагал: истина в вине

Ж.: истина в жене.

* * *

Глеб – Сус Христос

Том – Иуда Искривирот

* * *

Из уроков Юлия Марголина (попытка реквиема).

5.4.

Сдал в журнал «Время и мы» [очерк о Ю.Марголине](#).

* * *

Сталина – безнаказанно на ты:

Сидит Гитлер на берёзе,

А она не гнётся.

Посмотри, товарищ Сталин,

Как [он] на..нётся.

* * *

Живая, мертвая речь (как живая и мертвая вода). Вот главный словоразличитель, словораздел.

Я –Л.: «Сексуальный бандит».

Он перевел для себя непроизвольно, спонтанно: «Сексуальный маньяк». Перевод живой речи на мертвую.

6.4.

Закрыли Эль-Аль [?] (или?)

«антидемократический способ ущемления мафии-коррупции (Эль-Аль, Эгед и т.п., т.е. диктатуры пролетариата. Bravo! (Ср. происхождение и основание нацизма).

* * *

Интеллектуальность порою (в отдельных, конечно, случаях) – неплохой заменитель (всё-таки суррогат) ума. Напр., В. С ним можно поговорить – и не только о литературе. Безусловно интеллектуален.

* * *

Почему кошка, значительно превосходящая собаку в смысле домашней ориентировки и приспособленности - чаще, чем собака, попадает под машину?

Фромер: Потому что она переоценивает свои силы и бежит вперёд - машине наперерез.

(А собака, которая в этом отношении слабее, чаще выжидает).

* * *

Если чувствуешь, что у тебя мания (мания), так сказать, антидепрессия — выжать из нее все, что можно!

А почему? А потому,
Что был солдат бумажный

7.4.

ФОЛЬКЛОР

- 1). Цыплёнок жареный
- 2) «Из-за леса, леса тёмного».
- 3) Как на Киевском (на Савеловском) – разночтение
 - а). ... поймали без волос...
 - б). 33 ... связали
- 4) Чижик-пыжик, где ты был
Мотив скованности, связанности, неволи.

* * *

Имманентный – вне общего пушкинского контекста разбор «Медного всадника».

* * *

(Владимирам Фромеру и Гершовичу посвящаю)

ВОЗМЕЗДИЕ

И вот она пришла, расплата...
Дом – сумасшедшая палата.
О гарпия, хоть не крылата,
Но как ты зла, жена!

Нет, ты опять неправовата.
Я ухмыляюсь кривовато:
Спроси у Вовчика, у брата, -
Я не пил ни хрена.

* * *

Монстрик-гарпик.
Апрель 1978

ОТ ИМЕНИ СЕМЬИ

Гулять! С собаками и с мужем.

И всех жидов обезоружим.
Глеб! Всё склонится перед ним.
Том! Весь Неве-Яков пленим.

7.4.

8.4.

Графоманы (недографоманы). Род непреодолимой брезгливости к ним. Преумножители плохих вещей в мире. Делатели их. А лучше б ничего не делали. Бездельник – существо (в этом качестве) негативное, с него и взятки гладки. Сам лентяй. (Жизнь не даёт бездельничать чересчур). Графоман – изготовитель эрзац-хлебов в словесной, самой близкой мне кухне. Поэтому к ним – жёстче, чем к прочим бракоделам (ближе к телу).

Графоман – который что-то умеет. Может, лучше бы не умел? Кто его знает! Всё равно он творил бы (не владея и вовсе техникой ремесла), был бы недографоманом. Не знаю, что лучше. Понаторевший графоман граничит всё же с профессиональным литератором, а нередко и является им. Недографоман – чисто отрицательная величина.

Уэллс о бороде Маркса. Когда-то это раздражало.

В области политэкономии (стоимость = труд) Маркс был полным идиотом (см. Марголина «Диамат»). А Ленин – его верный и последовательный ученик. В области же политики (это – искусство захвата и удержания власти) Ленин был гений; и на марксизм плевал. Маккиавелизм беспримесный. Что твоя Карла...

10.4.

Пётр – камень. От Матфея гл.16,18.

Стих 19 – Пётр – ключарь Царства небесного. Матфея, гл.17,27: Пётр – рыбарь. Символика имени: камень и вода.

* * *

Меня держит Сегал в чёрном теле. Хорошо, что держит. Терпимо – что в чёрном, но навсегда ли и надолго ли это терпимо?

Большому организму – большое питание (ср., кроме корабля, Дантоновскую печку [?] – выкрикнутую перед смертью всем робеспьерам).

* * *

Казалось бы, бой (драка) – это прежде всего максимум хладнокровия. Но, с другой стороны, - холоднокровней, «Маня, вы не на работе». След., на работе нужна страсть. Восторг. (Узнал от Синявского: Гоголь – вопреки Пушкину – предпочитал вдохновению (хладнокровию, спокойному соображению понятий) – восторг.

Умом (вкусом) я всё равно – за Пушкина, за хладнокровие. А всем остальным...

* * *

Поганое слово: публикация. Раскин состязается с Сегалом: у кого сколько публикаций. Сегал, вроде бы, недосыгаем. Не работ – публикаций у кого больше.

Соседско-собеседские отношения с девушкой.

* * *

12.4.

Майка: «Единственное оправдание Бога в том, что Его нет». (Это не атеизм; атеисты не считают нужным Его оправдывать, т.е. размышлять о Нем, о Его бытии).

* * *

Тупосердие
Тупоушие
Туполинейность }

* * *

Том! Через Тома можно и в Бога поверить. Не хочу.

13.4.

Лень как порок (напр., сердца) может быть компенсирована. Она компенсируется энергией, интенсивностью отдачи (работы).

* * *

Кестлер: «Человек - ошибка эволюции».
Я в лад ему: выродок среди зверей (недозверь), недоживотное.

* * *

Л.Толстой (темперамент, крайности).

1). Биологический дуализм — плоть-дух. Аскеза — крайнее (как во всем, всегда) насилие над плотью, ее подавление во имя духа — чтобы не вышло наоборот.

2). Природный (экологический, антииндустриальный) инстинкт.

3) Гуманистический инстинкт (во многом — вопреки «звериности», жестокости собственной природы), предчувствие небывалой эпохи (эскалации) насилия. Чуковская: предчувствие грядущего фашизма-коммунизма у Герцена, Толстого, Достоевского).

Инфантильность. Тип мужчины-мальчика; вечный мальчик. (момент безответственности).

* * *

Момент безответственности: детско-эгоцентрическое порхание мысли; мысль стихийно отпархивает (отталкивается) от любого – вне его лежащего – предмета (объекта, субъекта); эта стихийность (спонтанность, произвольность) порхания не фиксируется инфантильным сознанием и не контролируется волей. Фактическое отсутствие последней – вообще едва ли не главная примета мальчика-мужчины.

* * * [...]

21.4.

Мамино: жалко умирать...

* * *

Глеб – мир ему по колено.

* * *

Коробицына [Людмила. Соседка по дому] пела (народное, без аккомпанемента) ...Казнить, рубить комара (Олейников, Заболоцкий и т.п.).

* * *

Такая, например, тема сообщения : Некоторые устойчивые мотивы русской частушки XX века (советского времени). Мотивы как социальные, так и асоциальные - скажем, биологические и т.п.)

* * *

Тёща от первого брака (не моё)
Семья от первого брака – Гершович

* * *

Соломенная вдова
Соломенный сирота (моё)

Цветаева:в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Называемая душа.

* * *

Не надо мне ни дыр...

25.4.

Отдохнуть - сдохнуть
Койка-покой-покойник
Жить - **утомительно**,
Но: смертная **истома**.

Ох!

26.4.

Неравенство:
Отношение к людям
и
Отношение с людьми

28.4.

На том свете отоспимся...
А ну, как и там покоя нет? Ужас.

* * *

Толстовское вегетарианство - от его природной хищности.
30.4.

Бен (математик в кипе, москвич ~ 28 лет)

Иудаизм.

Материя. Косность. Ничт. [?] Назнач. человека:

В человеке неповторимая – индивидуальная («я») – искра Божья, облик и каждое действие человека должно быть выражением его личности, т.е. Бога.

Цадик; абсолютная гармония; каждый его шаг выражает его (Бога); материя – выраженная (человеком) – есть дух.

(N.B. так снимается дуализм духа и материи). Хасидизм.

* * *

Как обстоит дело с предметным миром, к которому не прикоснулся (ещё) человек? Насколько он одухотворён.

* * *

Всевышний создаёт в каждый момент этот мир – любую его частицу – заново, человек должен выявлять это присутствие Божье в любой миг в любой частице своими действиями.

* * *

Человек – последнее из творений (завершение мировой гармонии, её окончательный аккорд).

* * *

Человек – цель и центр мироздания.

* * *

Иерархия чисто духовных миров. Наш – материальный – мир – в самом низу. Душа человека [неразб.] где-то наверху и стремится поднять сей (дольный) мир до уровня горних.

* * *

Нашей области в награду

Дали орден Ленина.

До чего же моя милка

Мне осто...

1.5.

Талант Маяковского, м. б., весь в интонациях, напр. (цикл «Америка»): «Даст он, черта с два» — и т.д. — то есть: опять же *детское* — и только, и все.

Пастернак ~ 1916 год.

«Мельницы» («Стучат колёса на селе...»):

...А над кишеньем всех естеств (Ср. Заболоцкий и т.п.)

То же

«Марбург»:

Сверчки и стрекозы, как часики, тикали.

«Марбург»

Самоустранение

Театр Каждая малость

Жила и, не ставя меня ни во что

* * *

Если не мудрствовать лукаво...

«Душа в заветной лире мой прах переживет». Где здесь традиция? Где сам Пушкин. Сравнить с другими «Памятниками».

Вот пушкинское — материалистическое, видите ли — понимание бессмертия. Вот как!

2.5.

Санька в детстве:

-Папа, покажи мадамово яблоко.

Сегодня: пирог (вечером) пища бабоугодная (имея в виду свою бабу, которая точно знает, что, когда можно и нельзя).

* * *

Бабий угодник

Мужик бабоугодный (богоугодный).

Комариное подворье

Собралось на сельсовет.

На скамьях сидят по двое,

Только застыл белый свет.

* * *

Полетела пчёлка в поле

Собирать цветочный дух.

Цветик взвыл от острой боли,

Покачнулся и набух.

* * *

3.5.

Глебу сделали операцию в Беер-Шеве. Мать звонила. Славно!

* * *

А что есть жизнь, как не игра, если поглядеть с т.зр. этой самой генетики; случайные (ой ли? Да, да!) комбинации генов, мутации и т.д.

А может, всё дело-то и не в генетике (разговор с Гуральником[21] [?] продолжить бы...)

* * *

Мои сны были хороши (один и тот же: переиграл, остался дома, слова: «Я счастливейший человек на свете») - когда жизнь была кошмарнее любого сна.

Может, самое страшное в смерти — неизвестность: что *потом*. Очень надеюсь, что *ничего* нет, *ничто*. Сильнее, чем жажда полноты бытия, может быть только жажда полноты небытия, покоя.

5.5.

С Глебом, кажется, благополучно.

6.5.

О.Ивинская «В плену времени, годы с Борисом Пастернаком. Начало их связи – апрель 1947 г.. Её первый срок ~ 49-53 гг., около 4-х лет.

11.5.

15 марта 1939 г. немцы вступили в Прагу. Шёл XVIII съезд ВКП (б) (10-21 марта).

* * *

Говоря «умственное развитие», констатируют на самом деле развитие интеллектуальное, - это нечто безусловное. Собственно же умственное развитие - дело относительное, поскольку ум - от природы («от Бога») и жизнь только выявляет (лишь в этом смысле «развивает» ум; она его либо укрепляет (т.е. когда благоприятные для этого условия), либо ослабляет (когда наоборот).

* * * Еврейский вопрос

Из-за еврейского вопроса
Потёмкин отошёл от дел.
Узнав об этом, Ломоносов
Екатериной овладел.
Учёный, он боялся сплетен
И только ночью к ней ходил.
Старик Державин их
заметил
И, в гроб сходя,
благословил.

М.Коряков, с.300 [22]

«Кто не с нами, тот против нас». Принцип Ленина и Сталина. Ср. Христос (от Матфея)

«Кто сеет не со мной» (не с нами).

Ср. Коряков, с. 97. Христос жив поднесь.

* * *

9 янв. 77 г. исключ. из ССП Лидия Чуковская, 21 дек. 1974 г. - арест С.Ковалёва.

10 дек. 1975 г. Е.Боннэр получила за мужа Нобелевскую премию мира.

9 дек. в Вильнюсе начался суд над С.Ковалёвым.

В конце 1977 г. Ковалёв с Великановой и Ходорович объявили о возобновлении издания «Хроники текущих событий» и о своей ответственности за её распространение.

* * *

15.5.

«Насмешка над безумием жизни начинается с насмешки над самим собой» (У. Чеймберс)[23].

Что такое конечность вселенной с точки зрения современной физики?

«Жизнь страшна, безумна и бездонна» (Блок). Последнее всего страшней людям. Это невыносимо, им нужно дно (либо крыша) — это и есть Боженька. «Ни дна тебе, ни покрышки» — проклятье.

16.5.

«Вечность, быть может, - опаснейший из мятежников». Далее: «Её действия порывисты, настойчивы, молниеносны». Б.Пастернак. «Чёрный бокал» (конец гл. 2).

Рассмотреть идею в плане психологическом и гносеологическом. Идея вечности - мятежник внутри человеческого духа (имманентный духу): «жизнь...бездонна (и тем страшна, безумна) (Блок). Тут бездна «с своими страхами и мглами» (Тютчев) - вот, в чём мятеж: тьма беспредельности (и запредельности) против освещённости земных пределов.

Религия - способ преодоления страха, безумия и бездонности жизни, спасение от всего этого.

«...чувство греховности и того, что хочется обозначить по-французски «христианизмом», за невозможностью назвать всё это христианством...» («Детство Люверс», гл.1, (Мичиг. изд.), т.2, с.85[24]

«Детство Люверс», с.86,; «Заправские религии...психология, чтобы отвлечь от жизни, чтобы в ней человек не замешивал своей тупости[25]»

* * *

«Чёрный бокал» (конец)

Лирика приравнивается к иносказанию [дефект, неразб.]

18.5.

Выходи на битву, старый рок.
(Блок)

* * *

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?
(«Снова тучи надо мною»)

* * *

«Ни дна тебе, ни покрышки – проклятье. Народ не может без Бога. В вере, напр. Ахматовой – её народность.

В.Фромер: «С миру по нитке – голому верёвка».

18.5.

Матф., 15,13 «...всякое растение, которое не Отец мой небесный насадил, искоренится».

М., 17 [ошибка, надо: 16], 24

«...если кто хочет идти за мною, отвергнись себя...»

* * *

[Сравнение христианства и иудаизма. Из-за дефекта страницы затруднено прочтение. Приводится, в частности высказывание на эту тему Фимы Вольфа]

Гл.17. 1-10 (Моисей, Илия)

Всегдашняя расчётливость Христа (расскажете потом, дорого, дескать, яичко). Никогда – самозабвенность.

Гневается на всех, кто заведомо не может знать, что будет.

Стиль разговора и жизни.

Иисус Унижающий, отца (гл.17, 17), мать (гл.15, 22-28)

Гл.16, 24 «отвергнись себя» - для этого подавить, унизить личность.

19.5.

Slavica, т.3[26], с.382.

С.И.Бернштейн: «Искусство всегда символично: «поэзия – всегда иносказание» (Потебня)».

Ср. с этой темой у Пастернака (см. конец «Чёрного бокала», особо «Охранную грамоту»

Даль, т.4, с.669[27]

Юродивый, безумный, божевольный...

* * *

В «Мастере и Маргарите» - клиника Стравинского – «дом скорби».

Скорбные духом.

* * *

Литературоведение (наука филология) должно быть в лучшем случае литературой, но ни в коем случае не антилитературой (антиэстетическая функция языка современной филологии).

Slavica 3, с.238,

Б.Гаспаров: «Исход Мастера – это гибель и затем «пробуждение» - воскресение для покоя» [подчёркнуто А.Я.][28].

Что может быть п о к о й н е е смерти? Небытия? Берлиоз н а к а з а н небытием. Вся надежда – на т а к о е наказание.

Литература – дом, где ты живёшь (писатель), улица, где ты гуляешь (читатель) или

архив, где ты служишь (филолог)

1, 2) Создавать воздух литературы и дышать им

3) Дышать её пылью и накапливать эту пыль

[похоже, что стрелка указывает на то, что это высказывание должно предшествовать приведённому выше суждению о литературоведении].

Slavica 3, с.242, Гаспаров.

Булгаков на каждом шагу опровергает Евангельский текст.

* * *

Лингвист – профессионально не понимающий литературы,

Филолог – профессионально не понимающий литературы,

Философ – профессионально не понимающий ничего.

* * *

Народу (всякому) нужна и вера, и религия. Объявить государственной – «народной» - религией атеизм (коммунизм-нацизм) – хуже инквизиции, хуже всего.

* * *

Принцип бескорыстности искусства (Кант, в частности)

(В.Драгунский) Мальчик плохо жевал. Рассказывали ему сказки, чтоб жевал. Красная шапочка. Волка убили, извлекли из его живота Красную Шапочку. Мальчик: «Плохо, значит, волк её прожевал, да? Поделом родителям. Глубокая притча, а не хохма.

26.5.

Народам – «паситесь, мирные народы» - нужна религия – «ярмо с гремушками да бич». Каждый народ выбирает ярмо по форме своего загривка и гремушки – по вкусу . Звериные стада исправно пасутся и без ярма.

* * *

Slavica 3, с.75

«Язык – система систем». (Ю.Тынянов, Р.Якобсон)[29].

Там же, с. 86-87

«...Искусство как система, функции которой равнозначны функциям других семиотических систем (философия, историософия) (подумать об этой «равнозначности»)

* * *

29.5.

Публикация. «У меня столько-то публикаций».

«Публикация»! Принципиальная отвлечённость от качества работы (снимается вопрос о качестве). Если книга, статья – естественен вопрос:

какая, хорошая или плохая? Публикация – голая сумма: совокупность хотя бы нулей, пусть даже отрицательных чаще всего) величин; но сумма, непременно означающая – будто бы! – нечто положительное, дающая «научный вес».

* * *

Типы глупости

Глупость крутолобая.

* * *

30.5.

От них скуковеем веет.

31.5.

Царь Ехезкиягу (?) [30] постановил (?), чтобы коганиты, которые, быв (под Ассирией?) жрецами идолов, вернулись к еврейскому Богу, - чтобы они, коганиты, не входили в храм, не были священниками; а в остальном были – как все простые евреи.

Рав Ицхак Зильбер [31]:

Кто был жрецом идолов, пусть, обратившись к Богу истинному, войдёт в Храм, но священником быть не должен.

Ср. гуманистическую, либеральную и проч. активность бывших (Биркенблит [32]) стукачей.

Ленкины экспромты:

1. (Богу): Докажи своё могущество,
Приумножь моё имущество.

2 Не отрывая рыла,
Котлеты жрёт горила.

3. Там кто-то хрюкает за дверью,
И дом наполнен всякой зверью.

4. Что может быть хуже
Любимого мужа?

3.6.

Надпись на часах, даруемых отцом сыну: (Абрам Авербух – сыну Исааку):

«Вставай рано. Почитай всё живое. Вдохновляй любовный труд, как отец твой».

«Русская мысль», № 3203

11 мая 1978

(подписано): Режиссёр Игорь Савич (на голубом глазу): «Несмотря на то, что он был три раза женат, Булгаков глубоко верил в значение четы, а не в значение индивидуума».

К постановке «Блаженство» М.А.Булгакова».

«Всякого только что родившегося младенца следует старательно омыть и, давши ему отдохнуть от первых впечатлений, сильно высечь со словами: «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!»

А.П.Чехов «Правила для начинающих авторов».

* * *

Ахматова.

Мотив свиданий и встреч («невстреч», «небывших свиданий») - не главная ли тема Ахматовой - от начала до «Поэмы без героя». У неё и разлука - встреча (как у Цветаевой и встреча - разлука).

Ильма Ракуша [33].

«Марина Цветаева и Рильке»

«...из писем следует, что Цветаевой была свойственна некоторая психологическая прямолинейность. Рильке был уже очень болен и не согласился на встречу, которой требовала поэтесса. Об этом она позднее писала Пастернаку: «У меня всё начинается с отказа».

Робин Кембелл «Ни с теми, ни с этими» (О М.Цветаевой).

Она всегда оказывается на стороне побеждённых. [Точная цитата: «В самом деле, Цветаева всегда на стороне побежденных»].

* * *

8.6.

Я не верил бы в Бога, даже если бы убедился, что он есть.

10.6.

На поверхностный — хоть и верный — взгляд, страдания либо облагораживают человека, либо, напротив, уродуют его. Более глубокая точка зрения состоит в том, что страдания резко выявляют, подчеркивают то, что есть в человеке, что заложено в нем природой, обнажая благородное или безобразное начало. Путь страданий — путь поляризации личностей (яркий пример тому — теща [34]). А бывает ли так, что страдания утрируют все лучшее и все худшее в одном человеке — одновременно? Вряд ли... Утрированное добро — добро ли это? А уж утрированное зло — точно зло.

* * *

Уважения заслуживает не труд (процесс), а работа (процесс и результат вместе)

Как хочешь ты трудись,

Но приобрести не лъстись...

Идиотизм Маркса на этот счёт (см. «Диамат» Ю.Марголина). Только ли его и его последователей? А как насчёт его учителей, отцов классической, английской политэкономии? Не ослы ли и они в этом? Как с этой т. зр. общая теория стоимости Смита и Рикардо? И если они тоже в этом заблуждались, в чём психологический корень этой ошибки, не коренится ли она в структуре тогдашнего английского производства (мануфактура, разделение труда, простейшие операции, однозначно-примитивные результаты отдельных операций)?

12.6.

Стихопонимание
Словопонимание.

* * *

12.6. [повторяющаяся дата, как и следующая]

Звонок мне из университета. Барышня: диссертация утверждена, но есть проблема – не сдан иврит и английский.

13.6.

В президиумах не сиделец, в редколлегиях не торчалец.

* * *

Расхамсинилось (распогодилось)

Значит, страдания, как и труд, - сами по себе ничего не стоят. Важен («стоит») только их результат, характер их отпечатка на лице (как результат труда – работа)

* * *

«Кое-кто считает себя не только пупом земли, но и светочем вселенной, – свет со всего мира устремляется к нему, дескать, для того, чтобы он отражал его... Не обзаведясь даже простой стеариновой свечкой, эти благодетели бегают по улицам и кричат: «Свет! Свет!» - точно всевышний в своё время, а потом, не будь рядом помянут, Гёте перед смертью».

(Ицхок-Лейбуш Перец «Избранное, М., 1962), [с.230].

* * *

И.Зильбер

Заповеди, закон, завет. Коллективный договор с Богом, народный (народного неумирающего, а только теряющего свои части тела). Послушание – благое воздаяние, вознаграждение. Ослушание – кара.

«И будешь (еврейский народ в галуте) страшилищем для всех царств земли» (Второзаконие, гл. 28). Страшилищем, де, в том смысле, что горестью, убожеством твоей судьбы будут пугать всех, как пугалом... (а нет

ли того смысла, что нас все будут бояться? Ведь боялись же. И, верно, не зря...)

850 лет мы были в Израиле до первого изгнания.

420 лет – до второго.

Сеннахирим – ассирийский царь; книга Исаяи. Вавилонский плен 70 лет. Наказание за ослушания, отступления от Завета.

1978 год – 3250 лет назад

смерть Моисея – окончание Торы – вход евреев в Израиль.

(здоровые бухгалтерские - равновесие дохода и расхода – товарно-денежные отношения Израиля с Богом: деньги (посулы, Завет) – добропорядочное поведение – воздаяние – сохранение племени, а на остальное – наплевать.

Нету крова, нету дна,

И вселенная одна.

(А.Введенский «Снег летит». «Время и мы»,
№ 29, 1978).

«Ни дна, ни покрывки»

* * *

Марк-Туллий Цицерон 1-я филиппика против Антония: «мир – это спокойная свобода» (противопологается рабству, «худшему из всех зол»).

Ср.: «...и полный гордого доверия покой» (Лермонтов)

19.6.

Разочарование в Исааке Рубинштейне [?] я с трудом вынес бы. Стар я уже разочаровываться. Устал, может быть, разочаровываться. Больше не хочу.

* * *

21.6.

«Время и мы», № 28, 1978

А.Б.Иошуа «Боль писателя», заметки об израильской литературе. Идея Конфликта (с прописной буквы, как Катастрофа – неизменное положение Израиля в мире).

«С первого дня своего существования ивритская литература – это литература светская, антиклерикальная. Уже в зародыше она направлена против традиционного иудаизма, где в центре человеческой жизни только Бог, а задачей евреев было служение и повиновение ему. Сионизм с самого начала был движением, в центре которого безраздельно стоял человек. Известно, что традиционный иудаизм готов просидеть в Diasпоре до страшного суда (...)

Немало религиозных людей (...) среди преподавателей университетов, политиков, профессиональных военных. Среди писателей их нет. Исключением был Агнон, может быть самый большой мастер, но единственный среди нас, сумевший найти точку соприкосновения между религией и литературой».

«В писательской среде считалось и по сей день считается малоприличным принадлежать к какой-нибудь партии. Перед выборами все усердно скрывали, кто за кого голосует. Это делалось так старательно, что порой походило на детскую игру»..

(Там же)

«Мы все (писатели – А.Я.) обеспокоены тем, что телевидение и кино становятся единственными культурными ценностями современного человека».

(Ср. с русскими писателями в начале XX в. Напр., тема Блок и кадеты.

НВ. Кадеты – изо льда (где жили, хранились в примороженном состоянии) – в полымя (где погибли), т.е. из самодержавия в Совдепию).

Проблема вообще: писатель и общество, писатель и власть. (Толстой, напр.)

* * *

Там же («Время и мы») В.Соловьёв «Кумир нации или эолова арфа»:

«...размышлял Гончаров:

«Круг образованных и подготовленных к общественной деятельности людей расширился – и беллетристы выделились из этого круга, как выделяются специалисты всякого дела, и составили особый, всегда почётный, но уже не во главе всей интеллигенции стоящий кружок. Иначе и быть не может. Осудить толпу смотреть на мир и образы сквозь призму искусства и отдаваться послушно в команду художникам, хотя бы и творцам, значит обрекать общество на вечное юношество». И ещё резче на полях рукописи: «Осудить на беллетристику – значит осудить на вечную неграмотность и детскость».

Симеотичность суждений Гончарова (знать своё место, место своей системы в культурной метасистеме общества). Писатель говорит. Красиво, благородно.

Т. зрения Солженицына: искусство спасёт мир (нобелевская речь) – и утопична, и нескромна. Но, главным образом, потому, что исходит из нечистых уст.

Деградация современного искусства обязывает к усилиям возрождения, и это порождает некий максимализм. Что есть современный человек как продукт культуры? Что есть остальные (вне искусства) «культурные силы» (соц.-полит. идеологии, религия, наука)? Как они формируют сознание современного человека, когда место искусства далеко не «почётное» (Гончаров) – на Западе, во всяком случае?

26.6.

Чтоб вы были так живы, как мы здоровы!

27.6.

Глупость многолика, как ум, и, может, даже больше.

28.6.

Существование каждого человека («безвредного», «безобидного») - не то, чтобы священо (это вытекает из религиозного сознания: человек - образ и подобие Бога), но неприкосновенно, это вытекает из

общежитейского здравого смысла, из социально-прагматических соображений (которые могут, но не обязательно должны выступать в форме религ. сознания): не делай другому того, чего не хочешь для себя сам.

Не только неприкосновенной, но и священной становится жизнь человека не просто так, но в силу и по мере добра, приносимого им другим людям.

* * *

Койка — покой — покойник. От-дых. Отдышался — окончательно отмаялся, отмучился.

Подлинная полнота — полнота небытия. Нет ничего страшнее мысли о загробном инобытии. Ужас, если не в ничто, не в никуда, не в никогда.

БОРИС ЧИЧИБАБИН

Сними с меня усталость, Мать-Смерть.
Я не прошу награды за работу.
Но ниспосли остуду и дремоту
На моё тело, длинное, как жердь.

На лоб и грудь дохни своим ледком,
Дай отдохнуть — светло и беспробудно.
Я так устал — мне сроду было трудно
То, что другим привычно и легко.

Мне книгу зла читать неумоготу,
А книга блага вся перелисталась.
О, Мать-Смерть, сними с меня усталость:
Покрой рядом худую наготу.

Я верил в дух, неистов и упрям,
Я Бога звал — и видел ад воочью.
И бьется тело в судорогах ночью,
И кровь из носу хлещет по утрам.

Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
Приходит сон, томителен и чуток,
И в сон желанье смерти вселено.

Одним стихам вовек не потускнеть...
Да сколько ж их останется, однако.
Я так устал, как раб или собака.
Сними с меня усталость, Мать-Смерть.

1965

28.6. [дата повторяется]

Анри Волохонский предложил следующую концепцию. Есть две линии в русской поэзии. Одна из них символически выражается так:

Утомлённое солнце
Нежно с морем прощалось.
А вторая:
Лука Мудищев без яиц,
А в ж... семь вязальных спиц.

Мол, графически – иероглифически – это как бы одно и то же; но в обоих случаях одинаковые знаки, иероглифы, выражают собой противоположные смыслы (тенденции поэзии).

29.6.

Дружба - условная необходимость, чреватая безусловной утратой (потеря, разрыв, невосполнимость).

* * *

Имена - все условны; утраты - все безусловны.

* * *Л.

На стене висит картина,
На картине – Буратино.
Сразу видно, от хамсина
У него такой носина.
* * *

Урок родного языка

Ленок, души моей царица,
Запомни: матрица, мокрица –
Вот как по-русски говорится.

1.7.

В основе графоманства, в истоке его и ещё массы интересных, любопытных вещей - жажда высказывания. Вот - объект рассмотрения и б.м. нетривиальных психологических построений.

Жажда высказывания породила всю мировую литературу - всё графоманство и вместе Дантов, Шекспиров и т.д. (Некрасов: «Братья-писатели, в нашей судьбе что-то лежит роковое...») Значит, это благая жажда: одно истинное высказывание (подлинное произвед. искусства) оправдывает множество высказываний пустых и вздорных.

Жаждой деятельности (если отбросить безвредную трудовую рутину) порождено в жизни всё доброе и злое, дурное и хорошее. Но дурное, злое дело - вредное действие - разве оправдано хоть чем-нибудь, любым полезным действием? Нет. Независимо от соотношения добра и зла в мире, от того, преобладает ли что-то одно из них в нём, - боюсь действий, т.е. действователей, делателей.

* * *

Современное западное общество само называет себя о б щ е с т в о м п о т р е б и т е л е й. Какова альтернатива д е л а т е л я м на коммунистический тупик! Какой ужасный тупик!

Где же и в чём выход?

* * *

Коммуникации, контакты людские.

Исаак [как видно, Гиндис, иерусалимский врач-психиатр] рассказал, что кембриджские девочки ездили в экскурсию в Москву — так вот, их поразило, что бабки, сидящие с детьми на бульварах, разговаривают между собой; а у них — не разговаривают.

Исаак намекает: «Впереди Иисус Христос» — свет с Востока, дескать. Я сам писал в «Конце трагедии», что эти слова означают веру в Россию, которая и посейчас не у всех иссякла. Но вера — она и есть вера; и только. А каково неверующим душам? А как в Китае или Уганде — разговаривают бабушки или нет? А, с другой стороны, во Франции или в Германии? Или Штатах? Неужели род людской столь же неизменен, сколько неизменен? Человек — гордое звучанье! — ошибка эволюции (Кестлер[35]), жалкое недоживотное... Что делать? Или: чего *не* делать?

2.7.

Инфантильность — затянувшееся, избыточное, а потому уродливое детство.

2.7.

Иосиф Бродский

Предисловие к стихам Эдуарда Лимонова, «Континент», 15, 1978

«Обстоятельством (...), отличающим Э.Лимонова от обериутов и вообще от всех остальных существующих или существовавших поэтов, является то, что стилистический приём, сколь бы смел он ни был (...) никогда не самоцель, но сам как бы дополнительная иллюстрация высокой степени эмоционального неблагополучия — то есть того материала, который, как правило, и есть единый хлеб поэзии».

(Вот оно, вот оно — на ... намотано!)

6.7.

Он (она) ничего не может слушать, кроме нескончаемой музыки собственного идиотизма, раз и навсегда заведённой в его утробе. Вот оно где — пустоутробие! (ср. Бабель «Аполек»: «нескончаемая музыка слепоты»).

* * *

Некто схватил триппер замедленного действия (вяло-текущий идиотизм).

* * *

Ашкенази («Брут»)[36], Владимов («Верный Руслан») – дай им Бог. Сама идея: человек – по образу и подобию своему – превращает собаку (собаку!) в людоеда.

* * *

6.7. [Та же дата]
(«Наши будни»)

А этот летний месяцочек
Вступил под левый под сосочек.
Башка от лютого хамсина
Растрескалась, как древесина.
Мозг плавится. Иного ада
Нам, грешникам, уже не надо.

* * *

7.7.

Л.: Сокрушается барбос:

Почему не дует в нос?
Почему несчастный псин
Должен мучиться в хамсин?

8.7.

Вестник РХД, № 121, 1977, Феликс Светов «Разделение...» (После ... [«Очерков литературной жизни] А.Солженицына «Бодался телёнок с дубом»)[37].

Апология «Телёнка», инвектива против статьи В.Лакшина «Друзьям «Нового мира» (журнал «XX век»).

Мотивировка заглавия: «Думаете ли вы, что я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (От Луки, 12,51)

Лакшин [считает Ф.Светов] пользуется «взятой напрокат стилистикой». У кого? Неизвестно. Автор [Ф.Светов] берёт её напрокат у Солженицына самым бесстыдным, эпигонским образом (если сам этого не слышит – глух, как чурка, - и похоже на то). Солженицын, по Ф.С., Гомер, Троя; «Новый мир» (Лакшины, так сказать) - Шлиман.

Сам себя автор уподобляет троянским героям: «...об атмосфере «Нового мира». Я к сотрудникам журнала не принадлежал, всего лишь – к благодетельствованным раз и навсегда авторам, а потому в «куче-мале» не участвовал. Может быть, и верно было – прямо как в «некрасовские» времена («куча-мала» - внутрижурнальная, по Лакшину, демократия; так наваливалась редакция на новую рукопись – А.Я.) Хотя, честно сказать, именно в силу этой «благодетельствованности» не очень-то уютно чувствовал себя автор в нашем прогрессивном журнале, хотя всё было там в высшей степени демократично. Ну, примерно так, как и должны были бы себя чувствовать Троянские герои, коль пришлось бы им «запросто» захаживать с визитом к Шлиману» (с.228-229).

Стиль полемики

««В христианство его (Солженицына – Ф.С.) я не верю», - пишет Лакшин; говоря откровенно... не чувствую, не ощущаю искренность его (Солженицына – Ф.С.) веры»; «крестное знамение» Солженицына у гроба Твардовского для него – Лакшина – «театральное прощание»... (...) здесь своеобразная традиция издевательства над откровенностью, покаянием художника – от Белинского до Абрама Терца, до сих пор потешается записная критика над в н у т р е н н е й к л е т ь ю христианина. Уж если «Выбранные места» и «Авторская исповедь» - материал для насмешки и издевательства (Терц – А.Я.), как же за «Телёнка» не ухватиться?

(...) Бог Солженицына, - пишет Лакшин, - слишком мало напоминает христианского Бога с Его заветами добра и самоотвержения. Скорее это то абстрактно почитаемое высшее существо, перед авторитетом которого склоняется в своих мирских целях Великий Инквизитор у Достоевского. Кстати, и понятия те же – помимо авторитета – ч у д о и т а й н а». Что это, как не невежественное жонглирование евангельскими словами и понятиями, переворачивающее всякий смысл легенды Достоевского (Великий Инквизитор «склоняется в своих мирских целях» перед авторитетом «абстрактно понимаемого высшего существа», «чудо и тайна» - «понятия» Великого Инквизитора – что за сон такой?)?. (Почему же сон? – А.Я.). Да, уж после этого не кажется опиской следующее утверждение Лакшина: Солженицын «ощутил себя б о г о ч е л о в е к о м, наподобие инженера Кириллова из «Бесов» (!). Действительно неловко полемизировать с автором, для которого нет разницы между Богочеловеком и человекобогом.

Вот вам и систематическое образование! (с.235)

(Домуправ (2) и управдом (1). – А.Я.)

Упоминание Кенгирского мятежа в связи с долгом Солженицына «перед братьями, перед эками» (с.210).

«...вспомнить судьбу автора «Ивана Денисовича», с юности мечтавшего быть писателем, ещё не понимая, ч т о это такое, и только спустя годы с ужасом, как от морока, откачнувшегося от того, кем он мог стать («Страшно подумать, ч т о б ы я стал за писатель (а стал бы), если бы меня не посадили») ... (с.206)

(...)

«Это и было ч у д о м, несомненно, Промыслительным, что русская литература началась для нас вновь таким характером, другой бы не прошиб той толщи льда, а теперь, спустя полтора десятилетия, понимаешь, что только таким он и мог быть: из породы зэков – п л е м е н н о г о [38] нашего закала» (с.210) (Слово Солж[еницына], надо думать? – А.Я.)

Солженицын стал тем, кем должен был стать. Лагерь выявил, выразил его черты, его облик – со всей определённой, окончательностью. Но, правда, и чудо - «Один день» - явила лагерная судьба не случайно в Солженицыне. Он – сила. И это был благой ход его силы – перед тем, как развернулась вовсю заложенная в нём сила – изуверства и тьмы.

Лакшин – замечательно об этом; в изложении Светова:

««Мои навыки – каторжанские, лагерные», - пишет Солженицын. А Лакшин хватается за эти слова, чтобы написать, что «поведение

Солженицына – поведение не телка, а лагерного волка», что «лагерный микроб» «бушует» в нём и грозит ему «страшным волчьим одиночеством»» (с.232).

(*Н.В. здесь же, как образец жизни, называется, в частности, жизнь Сергея Ковалёва* – [прим. А.Я.]).

И «волк», и «микроб» сидели в Солженицыне всегда – как, на свой манер, в Шаламове. Лагерь только непомерно отрастил, развил в них «волка» и «микроба». Участь обоих – «страшное волчье одиночество». А Ковалёв из всех страданий, мучений выйдет таким, как был, только ещё чище; до конца будет выявлена вся мера его человечности.

* * *

9.8.

Боль, страдание (страсть) из низкого, телесного возведена христианством в степень высшей духовности, облагорожена, очищена – как боль души. Христианский дуализм плоти и души.

Распятие Христа продолжается в течение всей истории в душе каждого истинного христианина.

«Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живёт во мне Христос», - говорит апостол Павел в послании к Галатам (2, 19-20)

По Евг. Барабанову (Из интервью журналу Евреи в СССР, Вестник РХД, № 121 [с.117]), еврейство - это сознание общности судьбы[39]. Похоже на правду.

10.7.

Видел телепередачу — американский кукольный театр «Куклы с Улицы Сюрпризов». Великолепно. Куклы и еще мульти, т.е. гротеск — вот что осталось нам в современном искусстве. Вот что уцелело, избежало распада. И еще: это то, что адресовано детям, что интересно им. Видел мульти — «Фантазию» Диснея. Куклы и мульти - звери, добрые чудовища. В противоположность, например, «Рома» Феллини — люди-чудовища, монстры, сваченные глазом супермонстра, слишком человеческим — при справедливости того, что человек — недоживотное, т.е. уже нечеловеческим, бесчеловечным глазом современного антиискусства.

«Древние (до 2-го Храма? – по уточнению Фимы Вольфа – т.е. до Талмуда?) израильтяне не знали учения о личном бессмертии. Считалось, что душа умершего еврея «прилагается» к коллективной душе народа. Целый народ был субъектом бессмертия» (Игумен Геннадий (Эйкалович). Еврейский мессианизм. – Вестник РХД, № 121,

1977 [с.84].

* * *

«Континент, № 15, 1978.

Владимир Чернявский. «Москва-Мехико» (Эпизод из времён террора). Про мать Рамона Меркадера Каридад дель Рио Эрнандес; её (Москва, 1973 г.), уже разочарованную в коммунизме, - «не переставала пожирать болезненная жажда деятельности».

Не в этом ли – главный источник зла на земле?

16.7.

В.Фромер Как Христос обошёлся с блудницей.

Толпа привела пред Христа блудницу: «Равви, закон велит её побить камнями!»

- Кто из вас без греха, пусть первый бросит в неё камень!

Всем стало стыдно, и толпа оцепенела.

- Вот так с вами всегда: всё сам! – грустно сказал Христос, нагнулся, кряхтя,- и треснул её здоровенным булыжником.

Как Христос обманул Пилата. Пилат спросил: Ты Иисус Христос, царь Иудейский?

-- Посмотрели бы на свои руки, а ещё интеллигентный человек, - сказал Христос.

-- Да, да, - смутился прокуратор, - с этим народом совсем одичаешь, - и пошёл мыть руки. Когда же Пилат вернулся с вымытыми руками, Христа уже распяли евреи. – потому что, наконец, это ему понадобилось.

18.7.

Тоска по истине.

Закрывает паноптикум печальный,

Закончен путь. Очерчен круг.

Я в резвости первоначальной

На обольстительных подруг

Не ринуть более. Оне

В душевной зреют глубине

(«Ужели истина в жене!?») –

Встаёт вопрос сакраментальный.

Всякая работа над текстом – своим или чужим – есть, как известно, борьба – в силу сопротивления материала. Худо, однако, когда борьба эта принимает слишком буквальный, прямо физический характер, когда материал вовсе утрачивает податливость, и уже идёт не лепка (перелепы), а ломка (переломы).

* * *

24.7. ОБ УСТРОЙСТВЕ МИРА СЕГО

(басенный диалог)

«Д а б у д е т!» - в мудрости безбрежной

Верховный произнёс Кощей –

Перед сезоном страсти нежной

И размножения клещей.

(Верти собак – ищи, ищи:

На них клещи, клещи, клещи!)

- Зачем, старик, такая вещь

Тебе нужна, как этот клещ?

К примеру, хоть крупинку рису

Сварганил бы ещё...

- А крыса? –

Ответствует Старик. – А вошь?

А в целом разве не хорош

Чудесный мир моих вещей
И сам я – Господин Кащей?

* * *

Году в 75 было объявление в газете – про новую столовую, реклама:
«Всего за тридцать лир обеды – как у мамы».

* * *

Дрочить – дразнить
драз – драж – дрог
26.7.
В.Ф. [Владимир Фромер]
Что ж, Якобсон, ходи по лезвию –
И, пьяных избегая драк,
По-прежнему вводи в поэзию
Своих любовниц и собак.

Что ж, Я-н, ходи по лезвию!
Живым выскакивай из драк
Вводи по-прежнему в поэзию
Своих любовниц и собак.
30.7.

Шофер Эггеда[40], не впусивший в пустой автобус (конечная 25-го)
двух арабов — бедного, деревенского вида, с узлами, старика и женщину.

Временами думается — и чем дальше, тем чаще — что Израиль для
меня имеет смысл только негативный: это антиосвенцизм, отрицание,
невозможность Освенцима — и всё. А положительное — духовное —
содержание жизни народа для меня не более важно и значительно и, весьма
возможно, менее благородно, чем бытие народа, скажем, португальского
или бельгийского, чтобы не сказать — люксембургского. Принадлежность
моя к этому племени — на уровне субъективного осознания состоит в том и
только в том, что какой-нибудь португальский хам и скот не вызвал бы у
меня в аналогичной ситуации *такого* гнева и *такого* стыда. А стыдятся —
всегда за себя.

Сколько взорванных террористами бомб на совести арабских лидеров-
убийц — это можно вообразить. Но за сколько взрывов и смертей
ответственны эти чугунно-фалафельные морды, на каждом шагу торчащие
и сеющие ненависть, — вот вопрос.

31.7.

Могу заниматься религиозной пропагандой:

Тот, кто в Бога не верит,
Тот не пьян и не сыт,
Хорошо не посерит
И легко не посьят.

* * *

10.8.

Очень жалко, что у меня нет души, а то бы я вынул её, как зубы, и положил в воду, и у меня бы ничего не болело. Почему это ничто так болит?

Л.:

Жена – не «Эггед»:
Всегда не негед [против]

Что может быть хуже
Любимого мужа?

* * *

16.8.

Ольга Ивинская «В плену у времени», стр.189, цитирует Цветаеву:
Самоубийство есть «...трусость души, превращающаяся в героизм тела.
Героизм души — жить, героизм тела — умереть». Откуда это?

Там же, стр.179 (из письма Пастернака):

«...его сводный брат, о котором он только знает понаслышке и всю жизнь считает своим заклятым врагом, приведет в порядок бумаги покойного...»

Там же, стр.209 (из письма СД.Спасского к Пастернаку о романе):

«Заколдованный перекресток» (ср. «судьбы скрещенья» - А.Я.)[41].

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Два письма в Москву

1.Черновик [неотправленного?] письма А.Якобсона Юлию Даниэлю
(конец мая 1974):

Юлька,

Не писал тебе до сих пор, потому что не мог бы написать ни о чем другом, кроме как о своем состоянии, а об этом писать не хотелось. Когда человек испытывает сильнейшую зубную, скажем, боль, он не ведает иных впечатлений, кроме этой боли. А стерпима эта боль постольку, поскольку знаешь, что настанет момент и она пройдет, допустим, врач вырвет зуб. Приговоренный к бессрочной, острой и, главное, непрерывной зубной боли должен в конце концов удавиться. Это аналогия. Аналогий много. Не мне говорить тебе, чем жив заключенный — ожиданием конца срока. Пожизненное заключение далеко не всякий предпочтет смерти.

Сейчас я хочу именно описать тебе свое состояние, имея при этом определенную цель. Уезжая, я чувал, что совершаю почти самоубийство. Оказалось, что без всяких *почти*.

Известно, что люди выносят любое горе. Но не всегда, не все люди. Есть такие, которые не выдерживают смерти близких, разрыва с любимыми, крушения своих идей, оскорбления и т.д. Изгнание у разных народов и в

разные времена было высшей карой, родом казни. Я убежден, что были люди, которые от этого умирали, как умирали от любви. То, что я пошел на это добровольно, из-за каких-то соображений (ты знаешь их), говорит только о том, что я не знал себя. Можно жить, не имея особой охоты к жизни. Такое случалось со мной периодами не раз. Но я представления не имел, что такое лютая, свирепая воля к смерти, когда отчаянно хочется подохнуть, и не вообще хочется, не по временам, а в каждую данную секунду. Все вокруг хором: возьми себя в руки! Но я только и делаю, что с утра до ночи беру себя в руки, чтобы не наложить на себя руки. Юлька, ты должен понять это. Вспомни наши калужские собеседования. Люди меняются ролями. Тогда мой резон, что мы обязаны жить, если не для чего-то, то по крайней мере для кого-то, не казался тебе достаточно убедительным.

Пока я вырвался из сумасшедшего дома, где меня продержали (с перерывами) три месяца, вырвался, начав работать (ты, наверное, слышал — грузчиком на мельнице). Не знаю, навсегда ли и надолго ли вырвался, но знаю наверняка, что никакие врачи и никакие лекарства не помогли и не помогут мне.

«Тоска по родине — давно разоблаченная морока». Я написал Юрке Левину, что мне по ночам снятся бревна дома в Опалихе[42] Он в ответ сострил: надеюсь, дескать, что ты все-таки не по бревнам, а по людям тоскуешь. А люди сейчас бурно перемещаются в пространстве. Да, конечно, по людям, но потерю людской — моей — среды я ощущал одновременно с утратой среды в самом широком биологическом смысле слова. Не дай Бог ему, Юрке, узнать, что это такое, когда хлеб — не хлеб, вода — не вода, земля — не земля, воздух — не воздух. Израиль, собственно, здесь ни при чем, так было бы в любой загранице, попади я туда без надежды на возвращение. Скорее всего, он и не ощутил бы этого на моем месте, на то и говорится: каждый молодец на своей образец. Ностальгия — дело естественное и болезнь многих, но каждый организм болеет по-своему, а бывают, видимо, исключительные, ненормальные, неизлечимые случаи. Что делать, если я именно такая сверхпатологическая особь! Само время должно лечить, постепенно утишая боль, а у меня все наоборот: чем дальше, тем убийственнее сознание, что сие *навсегда*, тем обширнее паралич душевных и всех прочих сил. Юлька, я и физически, и даже физиологически резко деградировал, а в дальнейшем обречен на идиотизм и вырождение. Пока, правда, вырвался... [...]

2. Письмо М.Улановской к [Ю.Вертман](#)

10.10.78.

Дорогая Юночка!

Мне совсем не хочется писать письма, но приехавший на днях человек рассказывает, что у вас ходят всякие слухи о причинах гибели Толи, и мне, вероятно, следует их опровергнуть. Я понимаю, как соблазнительно объяснять случившееся психологическими или объективными причинами, и у нас тоже делаются такие попытки. Но все они напрасны. Толя погиб от болезни и от того, что мы, его ближайшее окружение, не поняли опасности его положения. Ты помнишь, что в каждом письме я писала о его состоянии.

И только в первые месяцы его болезни, в 73-74 году, когда пришлось положить его в больницу, казалось, что он способен на этот шаг.

Майя Улановская 1978 г.

После этого в течение всех этих лет циклы болезни проходили смягченно, и было похоже, что она постепенно пройдет, вернее, будет проявляться как смена настроений. Был у него врач, который лечил его с самого начала и вывел из тяжелого состояния. Врач молодой, но добросовестный. Когда пропала нужда в госпитализации, Толя продолжал с ним встречаться в частном порядке. Наконец, Толю это стало раздражать: стоит ли пользоваться его услугами? Стоит ли беседовать целый час о литературе, чтобы в результате тот ему говорил, сколько таблеток лития он должен принимать? Да еще платить за это деньги! (Кстати, чтобы этот момент не вызвал особенного внимания: деньги небольшие, вполне ему по карману). К тому же и врач относился к этому моменту не просто: жался, мялся, прежде чем сказать, что пора, в связи с инфляцией, и ему надбавить. В какой-то момент Толя, чувствуя себя хорошо, отказался от услуг врача, а когда снова стало хуже, живущая поблизости от нас врач предложила ему свои услуги: просто так, по-дружески. Нас всех возмутило, что, когда два месяца назад у Толи началась его последняя депрессия, она предложила отправить его в больницу. Как же можно подвергнуть человека такому страданию, когда никакой опасности для него совершенно очевидно нет! Он же совсем не в том состоянии, как был когда-то! Стали поступать предложения — найти ему другого врача. Например, в «Хадассе» есть хорошие психиатры. Да, первое, что сделала эта врачиха —отменила литий, который Толя принимал уже несколько лет. Она ему объяснила, что это — сильнодействующее лекарство, которое может разрушить его организм. Я была очень рада, потому что перед моими глазами — пример моей приятельницы, на которую постоянные дозы лития оказывают именно такое

разрушающее действие. Депрессия усиливалась, но, наконец, удалось подобрать для него новый сильный антидепрессант. Тяжелое состояние это лекарство снимало — так уверяли Толя и Лена. Правда, он почему-то не мог заниматься никакой умственной работой. Не только писать, но и читать. Безделье его терзало.

Нам казалось, что все его помыслы нам известны — о своих страданиях он говорил постоянно, я едва сдерживалась, чтобы не попросить его пожалеть меня, не мучить. Невероятно, что ему удалось скрыть от нас свой замысел. Он говорил неоднократно, что, хотя жить ему не хочется, но он понимает, что *этого* делать нельзя. В противоположность первой депрессии, когда он говорил, что ему так тяжело, что он не в состоянии думать даже о матери.

Можно вспомнить о его выступлении в университете на семинаре с докладом, посвященным в значительной степени смерти Маяковского (нет у меня сейчас сил подробно касаться этого прекрасного доклада), о его интересе к этой теме, а также подробности самоубийства Рекубратского и то, что он узнал недавно о том, что у нас, как в каждом доме, есть подвальное помещение для целей убежища.

Приехавший из Москвы человек рассказал: ходят слухи, что Толю сгубила его несовместимость с Израилем. Это не так. Правда, первая его депрессия носила резко выраженную ностальгическую окраску, но позже он очень полюбил эту страну. Несовместим он был не со страной, а с жизнью. Болезнь как бы отгородила его от окружающего. Хотя, как всегда, у него было много друзей — одинок он не был никогда. Да что уж говорить, если ни молодая жена, ни сын не смогли его привязать к жизни! Поверь мне, если я скажу, что в житейском, человеческом смысле он был вполне счастлив. Хотя были и тяжелые моменты. Он боялся, что его уволят из университета, что он будет бременем для жены. Все это так, но не в этом дело.

Ты знаешь, наверное, ужасные подробности этого проклятого дня, 28 сентября. Утром он проснулся, как все последние дни, в хорошем настроении. Каждый день мучение начиналось тогда, когда он садился за стол, пытался писать, и у него ничего не получалось. Лена ушла и сказала, что придет в 4. Часов в 10 он позвонил приятелю [Володе Фромеру], сказал: «Чувствую, что на этот раз я не выберусь», и повесил трубку. Тот тут же приехал. Провел с ним час, говорил, успокаивал. Сыграли в шахматы. Толя блестяще выиграл. Наконец, сказал: «Тебе пора на работу, а я устал. Иди». И тот ушел. Через 15 минут после ухода приятеля позвонила домой Лена. Телефон не отвечал. Она приехала. Его не было дома. Дверь не заперта. Думая, что он у соседей, прошла по этажам, прошла мимо «миклата» (убежища). Вернулась, ждет. Заметила, что нет собачьего поводка. Стала обзванивать друзей. К вечеру заявили в полицию. Я ее уверяла, что ничего он над собой не делает. В худшем состоянии бывал и не решился. Но куда же он мог уйти — один, без денег и сигарет? Он на улицу один без нее в последние дни не выходил. Лена говорит, что завтра она пойдет с друзьями его искать в горы, куда они часто ходили гулять. Похоже было, что произошел несчастный случай. Но зачем он взял поводок? Поздно ночью мы с ней снова анализируем ситуацию. Я говорю: «Если он решил что-то над собой сделать, зачем ему идти в горы? Есть чердак, есть миклат». Вдруг она говорит: «Чердак заперт, а в миклат я заглядывала, там темно». Я с ней

попрощалась, зашла домой за спичками и спустилась в миклат. Зажгла спичку и увидела его.

Столько лет вместе прожито, а я вот уже который день ничего другого не могу о нем вспомнить, кроме этого мгновения, как я увидела его там. Хотя лицо его было совершенно спокойно — он умер не от удущья. И не мучился ни секунды. Тоже, вероятно, обдумал, как ловчее сделать.

Впрочем, мои чувства описывать сейчас — неуместно. Хотя так устроен человек, что не забывает и в такую минуту о себе. И вот я думаю о себе, что довелось мне в конце концов вынимать его из петли. Дальше — напрасные попытки его оживить. Он с утра это сделал, как только его друг ушел, после обычного разговора и игры в шахматы.

Похоронили мы его на Масличной горе. Такое это место прекрасное, но никто оценить этого не может. Народу была масса, хотя из-за приближающейся субботы пришлось поторопиться. «Хевра кадиша» — учреждение, которое этим занимается, не рассматривает случившееся как самоубийство, поэтому все было честь честью, по обряду. Санька прочел кадиш. Его отпустили из армии по такому случаю. Потом мы вернулись домой и устроили нечто среднее между еврейской шивой и русскими поминками, 27-го будут «шлошим», хотя послушать пленки с его голосом. Лена уехала в Хайфу к брату. Томика мы заберем. Удивительно, что собаки ничего не чувствовали целый этот день.

Вот и все, дорогая, целую тебя. Ничего утешительного сказать не могу. Нечем тут утешаться. Разве только тем, что не сделай он этого теперь, сделал бы, наверное, позже. Он очень изменился в последние годы. Болезнь меняла его к худшему. Личность шла на снижение, хотя он и был способен писать иногда замечательные вещи. Как видно, он это чувствовал и прекратил все разом последним усилием воли. Потому что это был акт больного человека, но и волевой вместе с тем.

Прости, если письмо мое местами покажется тебе неудачным или бестактным. Мне трудно. Я ведь даже плакать не умею.

Целую М.

[1] В квадратных скобках – прим. М.Улановской.

[2] А.Я. перевёл стихотворение А.Мицкевича «К русским друзьям» с помощью подстрочника, сделанного В.Фромером. Об истории создания стихотворения и о

переводе его А.Я. см. публикацию В.Фромера в журн. «Континент», Париж, 1984, № 41, с.381-383, вошло в последний вариант воспоминаний Фромера.

[3] Один из осуждённых на «самолётном процессе» в дек. 1970.

[4] Челпанов Г. И. (1862-1936) - русский философ, психолог, логик. Его книга «Введение в философию» (1905) выдержала 6 изданий, неясно, какое цитирует А.Я.

[5] «Марксиды» - герценовское словечко в применении к последователям Маркса.

[6] Точная цитата: «Наставленное на действительность, смещаемую чувством, искусство есть запись этого смещения».

[7] Имеется в виду его статья: Две смерти, 1837, 1930, - в кн.: Смерть Владимира Маяковского. Берлин : Петрополис, [1931]. Переизд. в 1975 в Гааге-Париже.

[8] Это суждение иерусалимской журналистки и литературоведа М.Каганской вызвало большой гнев А.Якобсона, проявившийся, в частности, незадолго до или после этой записи на вечере памяти Марголина в Иерусалиме.

[9] Археолог-античник в Тель-Авивском университете. Там же упоминаются Л.Бойцова, жена С.Ковальёва, и Ю.Шаровская – его знакомая, в связи с попытками А.Якобсона установить с ним контакт.

[10] Серман, И.З. (1913-) -профессор Иерусалимского университета, один из крупнейших исследователей русской литературы XVIII века.

[11] Вот это место в сноске: «Самое забавное и мрачное в этой легенде [о действительном или вымышленном – как допускает автор - звонке Сталина Пастернаку в связи с арестом Мандельштама] то, что в центре её действительно стоит слово «мастер», применение которого, по крайней мере в современном русском, к поэту или прозаику – претенциозно и случайно. Но ведь сам-то Сталин, реальный или вымышленный, в этой истории был типичным представителем сложившейся в восьмидесятых годах прошлого века русско-кавказской колониальной культуры, в которой подобное выражение звучало вполне адекватно».

[12] Выражение из статьи в этом журнале Ф.Баазовой «Дело Рокотова». Бывший советский адвокат вспоминает о процессе 1961 г. в Московском городском суде, когда к обвинённому в валютных операциях был применён задним числом Закон о смертной казни за подобные преступления. Доказывать незаконность этого со стороны защиты значило бы, по мнению автора, играть на процессе безнадёжную роль «трагикомичного Дон-Кихота».

[13] Разбор «военной» повести В.Быкова «Сотников».

[14] Основанный Солженицыным Фонд помощи политзаключённым.

[15] Покойный приятель А.Я., московский врач-психиатр.

[16] Стихотворение С.Маршака.

[17] Имеется в виду, как видно, ссылка (с.133) на «крылатое слово Г.Владимова «Серые начинают и выигрывают» в применении к 7-ми тысячам, числящихся в Союзе советских писателей, из которых 600 погибли от репрессий, и фраза на с. 137: «У нас мало воображения и нет памяти» из статьи Е.Эткинда «Советский писатель и смерть» о трагической судьбе писателей.

[18] О характеризуемой на этой странице книге: Редлих, Р.Н.: Сталинщина как духовный феномен.—2-е изд. – Frankfurt/Main : Посев, 1971. 249 с. (Очерки большевизмоведения; кн.1). Впервые опубликована в 1956.

[19] Неясно, о каком очерке речь. Если о конце главы на этой стр. журнала, то, возможно, А.Я. заинтересовала мысль автора о том, что в Испании коммунисты «воевали не с Франко, а с троцкистами и с анархистскими профсоюзами».

[20] Ледер М.: «Such stuff as madmen tongue and brain not» (Челуха, которую безумцы болтают языком, не подумав мозгами – Шекспир – «Двадцать два», Тель-Авив, 1978, [№ 1], с.218-221. В ответ на статью: Каганская, М.: Осип Мандельштам – поэт иудейский. – «Сион», Тель-Авив, 1977, № 20, с.174-195.

[21] Иерусалимский знакомый-биолог.

[22] Автор, эмигрант 2-й волны, исследует советскую внешнюю политику в кн.: Коряков, М.М.: Живая история : 1917-1975. – [Loughborough (Leics.)] : Esho Press, 1977. 510 с.]

[23] У.Чеймберс - бывший американский коммунист и «ренегат». Цитата из его кн.: Chambers, W.: Witness. London: A.Deutsch, 1953, p.292.

[24] Т.е., Пастернак, Б.Л.: Сочинения в 2-х т. – Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1972.

[25] Цитата целиком: «И чтобы не было суков в душе, - чтобы рост ее не застаивался, чтобы человек не замешивал своей тупости в устройство своей бессмертной сути, заведено много такого, что отвлекает его пошлое любопытство от жизни, которая не любит работать при нем и его всячески избегает. Для этого заведены все заправские религии и все общие понятия и все предрассудки людей и самый яркий из них, самый развлекающий – п с и х о л о г и я».

[26] Slavica Hierosolymitana : Slavic studies of the Hebrew University. Vol.3. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1978. 391 p. Цитата из статьи С.И.Бернштейна «О коммуникативности поэзии». В этом же выпуске на с.302-379 напечатана работа А.Я. «Вакханалия» в контексте позднего Пастернака.

[27] Даль, В.И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. Москва : Русский яз., 1955. 684 с.

[28] В статье Б.М.Гаспарова «Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита», с.198-251.

[29] Неточная цитата из статьи: Больдт,Ф., Сегал,Д., Флейшман,Л.: Проблемы изучения литературы русской эмиграции первой трети XX века: тезисы. Надо: «Структурно-семиотическая точка зрения на статус различных аспектов языковой системы, позволяющая выделять в системе языка набор сложно взаимодействующих друг с другом подсистем, естественным образом сформировалась при рассмотрении явлений, связанных с исторической эволюцией языка (понимаемой как система систем – Ю.Тынянов – Р.Якобсон) [...]».

[30] Хизкиягу, иудейский царь, чьё правление (727-698) упомянуто во многих местах Библии.

[31] Известный религиозный деятель в среде олим из России.

[32] М.Биркенблит, провокатор по делу «Союза борьбы за дело революции», антисталинской молодёжной организации 50-51 г. см. «Историю одной семьи», с.207-208.

[33] Цюрихская писательница, критик и переводчица. Её и (ниже) Р.Кембалла доклады на Международном симпозиуме «Одна или две русских литературы», Женева, 13-15 апр. 1978, см. на комп. сайте: http://nivat.free.fr/archives/pdf/livre_onetwo.pdf . (Из содержания: И. Ракуша (Rakusa). Наднациональность поэта: Цветаева и Рильке; (на материале неопубликованной переписки) [эта цитата в данном варианте статьи не обнаружена] Р. Кембалл. «Ни с теми, ни с этими» - тернистый путь Марины Цветаевой).

[34] О лагерном опыте Н.М.Улановской на основании будущей книги. См. последнее, 3-е изд.: Улановские Н. И М.: История одной семьи. С.-Петербург : Инапресс, 2003. 461 p.

[35] А.Я. познакомился со статьёй в русском переводе: Кестлер, А.: Человек – ошибка эволюции. – «Время и мы», Тель-Авив, 1977, № 17, с.161-174.

[36] Ашкенази, Л.: Брут : рассказы. Пер. с чешского. 2-е изд. Прага : Артия, 1964.

[37] Далее высказывания самого Ф.Светова выделены курсивом, а приводимые Световым цитаты В.Локшина – шрифтом с подчёркиванием.

[38] Разрядка – Ф.Светова, подчёркнуто А.Я.

[39] Точная цитата: «...налицо общность, которую можно определить только как историческое осознание единства своей судьбы».

[40] Эггед - израильская автобусная компания.

[41] Цитаты из кн.: Ивинская О.В.: В плену времени : годы с Борисом Пастернаком. [Paris] : Fayard, 1978. 437 p. Последняя запись. Сделана во время последней, оказавшейся гибельной, депрессии.

[42] В Опалихе под Москвой была дача Д.С. Самойлова, стихотворение которого памяти А.Я. см. в разделе [In memoriam](#).

Ирина Роскина
Иерусалим, Израиль

Леонид Дубшан

Санкт-Петербург, Россия

Наталья Роскина. Из семейного архива. Письма Н. А. Роскиной – Н. Я. Берковскому

Про некоторые календарные годы принято говорить «переломный» или «исторический». 1968 год – один из таких. Этот год ознаменовал завершение периода «оттепели» и постепенное «закручивание гаек», которое продолжалось и дальше. Часть серьезных событий, происходящих тогда, можно вспомнить на материале внешне игривой переписки московского литератора Н.А. Роскиной – читатель журнала «Чайка» знаком с ней по публикациям из ее архива – с выдающимся ленинградским литературоведом Н.Я. Берковским (1901-1972) и его женой.

Часть 1. Московские новости

1. Н. А. Роскина – Н. Я. Берковскому. 10 февраля 1968

<Красным, в виде заголовка>:
ВАМ ПИШУТ ИЗ МОСКВЫ

Дорогой Наум Яковлевич!

Я села писать письма, написала Слонимским[1] и, представьте, Ира[2] велела мне это письмо разорвать, говоря, что оно очень злое! Я сказала: «Тогда я Берковским напишу». Она говорит: «Это – пожалуйста!» Дело в том, что любимая столица встретила нас новыми слухами и сплетнями. Но, конечно, столь сентиментальную новость, как усыновление Евтушенко трехнедельного мальчика из роддома[3], я не предполагала сообщать Мих. Леон-чу; а хотела поведать ему свежую притчу о его серапионовом брате[4], и это-то Ира мне запретила.

Такую фотографию Берковский прислал Роскиной в ответ на ее просьбу. Фотография долго стояла у Роскиной за стеклом на книжной полке на двойном фоне книг – книги на его полках на фотографии и книги на ее полках.

Пришлось ему и Иде Исааквне послать просто несколько слов привет, а уж Вам-то я сейчас напишу со вкусом! Представьте, вот последняя выходка этого брата. Оказывается, набор «Ракового корпуса»[5] для № 12 «Нового мира» был рассыпан по его настоянию. Он заявил, что иначе выходит из редколлегии[6]. Кроме того, он назвал «Раковый корпус» антисоветским романом. Это уже не апокриф о том, как однажды к нему заехал посоветоваться ангел божий[7], а публичный факт. Поистине, надо быть Фединым, то есть бывшим интеллигентом, чтобы скатиться до такого панибратства с черносотенцами![8]

Что касается другого серапиона, Каверина, то я прочитала речь, которую он предполагал произнести на прошедшем съезде писателей, точнее, не предполагал произнести, а написал и подал в президиум съезда; и он там великолепно говорит о романах Солженицына (и о «Круге первом» тоже)[9]. Вообще речь очень остро направлена против руководства СП[10].

Вот, в какие разные стороны всех их развело!

Доехали мы очень хорошо, мы убежденные сторонники сидячего поезда[11]. [...]

Ира побежала в Университет с удовольствием, в новой кофточке, все они радостно встретились. И вот на первую же лекцию пришла инспекторша курса и сказала: «Романо-германское отделение, имейте в виду, что теперь есть специальный человек, кот. будет отмечать посещаемость. Кроме старост». «Кто же это?» – поинтересовались студенты. «Как это – кто? Ведь это же секрет!». Ну, как Вам это нравится? И больше всего меня удивило, что студенты вполне

спокойно это приняли и не кинулись искать его и устраивать тёмную. Привычка замена счастью.[12]

Вы, наверно, уже прочитали памфлет Лифшица на Дымшица в № 1 «Вопросов философии».[13] Кроме того, Москва упивается статьей А. Лебедева в «Новом мире» № 12[14]. Интересно было бы услышать Ваше мнение. По-моему, она совсем не так уж хороша.

Вчера забегала на минутку к Пинскому[15], а сегодня он приглашен у нас обедать. Успела только похвастаться ему знакомством с Вами и почувствовать, что он относится к Вам теплее, чем Вы к нему. Он очень расспрашивал о Вашем здоровье.

В Москве чудесная погода, и вообще, как известно, дома хорошо. Но мы очень жалеем, что заехали так далеко от семьи Берковских, которую мы так полюбили и по которой явно будем скучать!

Если очень соскучимся, то и по телефону позвоним.

Ира должна слазать на антресоли и достать экземпляр папиной книги, которую я хочу Вам послать[16].

Дорогая Елена Александровна[17], свое обещание купить вам туфли я не забуду, но пока что всю импортную обувь ветром сдуло. Обещают, однако, к концу месяца. Если только мне что-то встретится, на мой вкус, подходящее для Вас, я моментально покупаю.

Мы все целуем вас всех.

Влюбленные в вас Н. и И.

2.Н. Я. Берковский – Н. А. Роскиной. 21 февраля 1968[18]

Дорогая и очень милая Наташа,

спасибо за Ваше письмо. Оно тем особенно хорошо, что полностью, капля в каплю похоже на писавшую его. А люди далеко не всегда бывают похожи на собственные письма. Я вижу, – я слышу, а Ваше письмо из числа слышных, что Вам неплохо снова зажилось в Москве. Ну, и слава богу. Почаще обедайте с гостями, только гостей меняйте, чтобы жизнь не останавливалась. Я здесь проектирую блины, но все не могу добиться точности, когда же масленая. Вывелись тетки, которые каким-то особым чутьем все это досконально знали. Я не так давно даже Татьянин день не без труда установил, – нельзя было пропустить именинниц.

В Комарове для меня хороши были в особенности последние дни, когда началась эмансипация от морозов и началось более широкое прогуливанье до калитки и за калиткой. И тут Ваша роль была выдающейся.

Слонимских с той поры не видал. Михаила Леонидовича обижать не стоит, он человек неплохой и, что такая редкость, – доброжелательный к ближним своим. С удручением несет свои болезни, свою забытость, свою малую удачливость в попытках сочинить что-либо новое. Пусть держится за своих Серапионов. Ведь

Серапион он сам, в своем наилучшем виде, как же Вы хотите, чтобы он от себя отказывался, от себя – от них, когда он был кем-то.

Мы тут обсуждали Иру, и, примите к сведению, мы находим, что Вы мало пестуете ее. Нужно бы Иру лучше одевать и лучше причесывать, нужно бы приучить ее, чтобы сама об этом заботилась. У нее такой милый подкупающий взгляд. Так вот, нужно все остальное привести с ним все в соответствие, а не предоставлять ему пастись отдельно среди всяких пустынь и заброшенностей.[19] Не сердитесь за эти высказывания, они от всяческой симпатии к вам обеим.

Я много работаю, семестр у меня весьма загруженный получается и, кроме того, я усиленно читаю и придумываю для новой моей книги[20]. Она нескоро еще будет писаться, но каждое утро час-другой я наскоро прикидываю для нее то или иное.

Прочтите, пожалуйста, моего последнего «Чехова» – вступление к трехтомнику, Москва, Гослит. Мне кажется, там есть вещи, сказанные точнее и окончательнее, чем в прежних двух статьях.[21]

Приезжайте в Ленинград обе почаще, а будучи в Ленинграде, ориентируйтесь, пожалуйста, на нас. Помните, что со второй половины мая начинается диво белых ночей. С 1 июня мы будем жить в Царском и там же принимать гостей.

Каких книг хотелось бы Ире? Вдруг я что-нибудь мог бы ей послать.

Приветы Ел. Ал-ндр. совместно с моими.

Н. Берковский.

P. S. Советую вам обеим прочесть чудный древнегреческий роман – Харитон, Херей и Каллироя[22].

З. Н. А. Роскина – Н. Я. Берковскому. 2 января 1969

Дорогой и драгоценный Наум Яковлевич!

Сегодня, придя из рукописного отдела, была встречена такой речью Иры: «Читаю скучнейшую академическую историю литературы. Вдруг – что такое? – начинается литературоведение как счастье. Оказывается, это Берковский». Это была Ваша глава о Гельдерлине[23]. Она прочла мне вслух несколько кусочков – о его любви к материнскому очагу, о его последних годах, об имени собственном, об отличии метафоры и сравнения, – после чего я вырвала у нее книгу, и ей с большим трудом удалось вернуть ее себе (только под угрозой грядущего экзамена). Кстати, Новый год встречала у нас моя ближайшая подруга Лиля Розенблюм[24], которая слушала Ваш курс в Алма-Ате[25] – она именно рассказывала в новогоднюю ночь, как Вы почти все свои часы употребили на Гельдерлина и с каким упоением они Вас слушали. Между прочим, тот

самый антисемит А.С. Дмитриев[26], которому Ира должна сдавать, в этой самой академической истории немецкой литературы – автор статьи о Гейне[27]. Как это удачно, правда?

[...]

Никогда еще Москва не проводила Новый год столь мрачно. Это мои наблюдения, сделанные на достаточно широком круге знакомых.

Крепко целую Вас и Елену Александровну. Привет Андрюше[28]. Ярчику реверансы[29].

Надеюсь увидеть Вас скоро.

Любящая Вас

НР

Исправьте, пожалуйста, в своей книжке мой адрес: Красноармейская, 27. Нас переименовали и перенумеровали, т. к. кому-то было нечего делать.

4. Н. А. Роскина – Н. Я. Берковскому. 20 января 1969

Н. Я. БЕРКОВСКОМУ

Я приеду в Комарово.

Я увижу вас в окне.

Я предчувствую, что слово

Ваше столько скажет мне.

Обаянье Вашей речи

И семейный Ваш уют.

И в волненьи перед встречей

На крылечке постою.

Под сияньем небосвода,

Под полетом зимних птиц

Собери меня, природа,

Из распавшихся частиц.

И в ответ – ветвей дрожанье.

Скажет мне древесный ствол:

«Да, священно обожанье,

Ибо свято божество!»

И настанет то мгновенье,

Где смогу сказать сама,

Сколь прекрасно омовенье

В волнах Вашего ума!

И я крикну Вам: Осанна!

Полной жизни, долгих лет

Вам, Елена Алексанна,

Вам, учитель и поэт!

5. Н. А. Роскина – Н. Я. Берковскому. 27 января 1969

Ваше величество, Наум Яковлевич!

Я еще пожила в Ленинграде и, тем самым, успела надоесть не Вам одному. Но теперь, похоже, я буду долго жить в Москве, поэтому, пожалуйста, напишите!

В дороге я читала книжку Чуковского «От Чехова до наших дней»[30] и с интересом следила за эволюцией светлой личности ее автора[31]. Помоечная критика! Мне было жаль, что в том же магазине я не купила сборник критических очерков Буренина[32]. Тот же низкий образ мысли, та же цель – не проанализировать литературное произведение, а возбудить к нему физическое отвращение. И как несправедлива судьба: Буренин спит в своей могиле, оплеванный потомками, а Чуковский носится по Переделкину в Оксфордской мантии[33], и все ему нипочем. Читали ли Вы изумительную пародию на него Зощенко в «Вопросах литературы»? [34] Книжка эта вышла в 1908 г., с тех пор он умел приладиться к каждой следующей эпохе, и каждая эпоха пыталась его извергнуть: какие записи о нем есть в дневниках Блока, Хлебникова! [35]

Только дневник Суворина его хвалит. [36]

Перед отъездом я проглядела издание романа Джейн Остин в «Литературных памятниках»[37]. «Гордость и предубеждение» – любимый роман семьи Литвиновых[38], где Иру учили английскому; Таня мечтала его перевести, но молодой Маршак, именуемый до седых волос Элик[39], буквально из-под носа увел у нее эту работу. Его послесловие – три странички – стоит прочесть: такая ограниченность, бездарность и глупость, что в своей законченности имеет даже эстетическое значение.

Дома неуютно, т. е. адски холодно. Лежит груда писем, на которые надо отвечать. А вместо этого пишу Вам, хотя еще совсем не известно, ответите ли Вы. Кстати, среди писем есть и письмо от Егорова[40], который, оказывается, считает Вас гениальным. Он пишет это мне, видимо, желая мне угодить. Его любимая из Ваших работ – статья о Тютчеве[41]. А я ее вообще не читала. Эмма Григорьевна, кот. я сегодня позвонила, чтоб доложить о приезде, рассказала мне, что в заметках Ахматовой о Пушкине – масса откликов на Вашу статью о «Русалке». Эта статья ее взволновала[42].

Теперь, покуриив фимиам, я должна бы по регламенту перейти к дерзостям, но сегодня у меня другой метод.

Перед отъездом я ходила по букинистическим магазинам и увидела книгу моего отца, которую давно ищу для Вас. (Дома не

нашлось). Но ужасно грязный экземпляр! Я постаралась сделать обложку и надеюсь, что вы не обессудите.[43]

Без Вас, Наум Яковлевич, очень скучно, пресно, есть не хочется. Все еще вспоминаю разные Ваши высказывания и вообще живу под эманацией[44] Вашей личности, Вашего ума, на мгновенье материализованного в Вашем имени, и Вашей Лилички, которая так хорошо все делает. Какая я счастливая, что познакомилась с вами.

Объясните мне, почему Вы так любите котов? Харджиев[45] считает, что это не может быть случайно.

Ну, пора остановиться, т. к. я рискую и письменно надоест Вам. Обнимаю Вас.

Любящая Вас, готовая превратиться, ради взаимности, в кота.
НР.

6. Н. А. Роскина – Е. А. Лопыревой. 27 января 1969

Дорогая Елена Александровна!

Ну, вот, мы и явились домой. <...> Позвонила я Харджиеву и сказала: «Берковские просили Вам позвонить, передать привет и послушать, что Вы скажете». Он захохотал – и сразу заговорил о котах. Правда, речь его была в высшей степени почтительна в отношении этой нации. Вам он просил передать, что надеется побывать в Ленинграде в конце февраля. Про Наума Яковлевича он сказал, что это крокодил очарованья, так что я поняла, что не зря Н. Я. настаивал, чтобы я позвонила Харджиеву и послушала, что он скажет. Вами он тоже весьма восхищен. <...>

Папка со стихами, посвященными Анне Андреевне, находится в отделе рукописей Публичной Библиотеки. А. А. озаглавила ее так: «В ста зеркалах». Там есть и мое стихотворение, но это ладно, хуже то, что там – т. е. в архиве – мои письма, которые теперь может читать каждый желающий[46]. Как это ужасно, правда? Я просто похолодела, увидев это. Казалось бы, я, опытный архивный работник, могла бы это предвидеть. Умоляю Вас, тут же уничтожайте мои письма! <...>

7. Н. А. Роскина – Н. Я. Берковскому. 29 января 1969

<В начале письма вклеена вырезка: белка хватается орех, который подан ей человеческой рукой. Подпись Н. Р.: «Е. А. Лопырева на отдыхе»; внизу 1-й страницы – снимок белки.>

Дорогие Елена Александровна и Наум Яковлевич,
пишу вам нарочно, чтобы оторвать вас от работы.

Я тут скучаю до помрачения ума. После самолюбивого, проклятого, пустого, молодежавого Ленинграда[47], после Павловска – я не могу смотреть на аэропортовские хамские девятиэтажные дома. Хоть на улицу не выходи. И после бесед с вами я не в силах точить лясы с местными литературными кадрами. А ими кишат окрестности, а микробы и вирусы так и вьются вокруг них... Я погрузилась в зимнюю спячку. Работать не хочется. Перепечатаваю свои воспоминания о Заболоцком, чтобы впоследствии показать Вам. Мне бесконечно дорого было, что Вы одобрили мои воспоминания об Анне Андреевне.[48] Заболоцкого я – как ни странно – знала гораздо меньше, чем ее; да и любила меньше, просто несравнимо меньше. Может быть, поэтому, как некоторые считают, о нем я написала острее и неожиданнее. Я не оглядывалась, – понравится ли ему, – а хотела только честности от себя.

Сегодня день рождения Чехова, в МХАТ'е «Чайка», у нас есть билеты, но, кажется, Ира без меня пойдет. Не хочется. Зачем в театр? Как будто я читать не умею, или у меня воображения нет!

<Внизу третьей страницы вклеен снимок, похожий на фотографию физического эксперимента: светящаяся область, и из нее – лучи. Подпись Н. Р.: «Н. Я. Берковский говорит»>

Ира ведет себя чудно, натерла полы, занимается немецким, ласкова, но поминутно переходит на обвинительные речи. Говорит моей подруге: «Боже, как я мечтала, чтобы у меня была нормальная мать! Как я была счастлива, когда она купила себе каракулевую шубу, перестала кричать на улице, бросила писать стихи!..» Та спрашивает: «А что, разве мама пишет стихи?» – «Нет, но она все время мыслит образами!».[49]

Ну, я надеюсь, что я уже отвлекла вас от серьезных дел и вселила в вас мысль написать мне. Умоляю! Вы не можете себе представить, какая тут скучища!

Ваша
Н. Р.

<В конце письма фотография пожилого, пишущего за столом мужчины в военной форме с маршальскими погонами. Подпись Н. Р.: «Н. Я. Берковский пишет». Рядом - фотография кошки, поднявшей лапку (кажется, на мышь). Подпись Н. Р.: «Мои метаморфозы»>

Публикация Ирины Роскиной и Леонида Дубшана

[1] Писатель Михаил Леонидович Слонимский (1897-1972) и его жена Ида Исааковна Каплан (1903-1999) тоже были в Доме творчества Комарово в конце января – начале февраля (студенческие каникулы) 1968 г., где Наташа Роскина познакомилась

с Н.Я. Берковским. Слонимских Наташа знала еще со времен войны – в лагере-интернате эвакуированных детей ленинградского Литфонда Ида Исааковна (ее называли Дуся) была с сыном Сережей.

[2] Ира – это я, Ира Роскина. Мне в тот момент было 20 лет, я была студенткой второго курса английской группы романо-германского отделения филологического факультета МГУ. Мы с мамой были в тот год – зима 1967-68 гг. – в Доме творчества Комарово под Ленинградом на мои зимние студенческие каникулы.

[3] Речь идет о новорожденном мальчике, которого усыновили и назвали Петей Евгений Евтушенко и его вторая жена Галина Сокол-Луконина. Вскоре после этого поэтесса Белла Ахмадулина – первая жена Евтушенко - взяла из роддома девочку. Начались разговоры о том, что Ахмадулина, желая девочку, якобы отказалась от мальчика, а Евтушенко благородно пришел младенцу на помощь. Видимо, это были пустые сплетни. Ходила и другая сплетня, состоящая в том, что Евтушенко рвал на себе волосы, узнав, что удочеренная Ахмадулиной девочка была еврейкой: как это он не догадался взять ребенка-еврея, насколько было бы эффективнее!

[4] «Серапионовы братья» – название объединения молодых писателей, образованного в Петрограде в 1921 г., его членами были Лев Лунц, Илья Груздев, Михаил Зощенко, Вениамин Каверин, Николай Никитин, Михаил Слонимский, Елизавета Полонская, Константин Федин, Николай Тихонов, Всеволод Иванов. Из дальнейшего текста ясно, что здесь речь идет о К.А. Федине, а потом – с противоположной уважительной интонацией – о Каверине.

[5] Подробности обсуждений публикации романа, в которых крайне неприятную роль играл К.А. Федин, можно узнать из книги «Дело Солженицына I» 2-е изд. Editions de la Seine, Paris, 1970 – на Интернете: http://www.solzhenitsyn.ru/upload/books/Delo_Solzhenitsyna-Paris_Edition... Роман широко ходил в самиздате, в 1968 г. был опубликован за границей и по-русски и по-английски, а в России был напечатан только в 1990 г. («Новый мир», №6-8). В «Рабочих тетрадях» А.Т. Твардовского в записи от 4.II.68 («Знамя, №8, 2003) приводится письмо Федину В.А. Каверина, где говорилось: «Нет сейчас ни одной редакции, ни одного литературного дома, где не говорили бы, что Марков и Воронков были за опубликование романа и что набор рассыпан только потому, что ты решительно высказался против.»

[6] В редколлегию «Нового мира» входили тогда действующие сотрудники журнала и «почетные члены», то есть писатели с известными именами: Р.Г. Гамзатов, Ч. Айтматов, К.А.Федин, которые как бы прикрывали журнал перед ЦКовским начальством. Интересно, что чуть позже - в феврале 1970 г., когда были уволены ближайшие сподвижники Твардовского (В.Я. Лакшин, А.И. Кондратович, И.И. Виноградов и И.А. Сац, в результате чего Твардовский был вынужден уйти из журнала, а за ним ушли и еще некоторые сотрудники), «почетные члены» были оставлены на своих местах и на них и остались, несмотря на то, что перед этим Федин клялся, что без Твардовского работать не будет – то есть он угрожал своим уходом попеременно то левым, то правым. В результате Федин пробыл в членах редколлегии «Нового мира» с 1941 по 1977 год, буквально до своего конца. (См. об этом, в частности, в «Новомирском дневнике» А.И. Кондратовича).

[7] Апокрифа с ангелом не знаю. Мне кажется (но бездоказательно, просто хочется заодно и это напомнить), что это связано с присуждением Пастернаку Нобелевской премии. В 1958 г. Федин, по требованию приехавшего к нему заведующего Отделом культуры КПСС Д.А. Поликарпова, уговаривал Пастернака отказаться от премии. Поликарпов сидел на переделкинской даче Федина и ждал, пока Федин разговоривал с Пастернаком, чья дача была по соседству. А в 1968 г. Союз писателей СССР предложил выдвинуть на Нобелевскую премию Федина, но Нобелевский комитет отказался рассматривать его фигуру «за давностью заслуг».

[8] «Черносотенцами» здесь именуется неосталинисты, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Октябрь», возглавляемого В. А. Кочетовым. В.А. Каверин сказал про Кочетова, что тот душил литературу «в маниакальном самозабвении». В «Октябре»

отставалось все устаревшее, тогда как вокруг «Нового мира» группировались прогрессивные силы литературы, принявшие политику XX съезда КПСС (за идейные рамки XX съезда ни один издававшийся журнал выйти не мог). Хотя окончательно «Новый мир» был разгромлен в 1970 г., когда А. Т. Твардовского вынудили уйти с поста главного редактора, но и годы перед этим были для журнала крайне тяжелыми - цензура свирепствовала. А все-таки много чего напечатали, и собирались еще больше (например, Твардовский не считал безнадежным делом опубликование мемуаров Н.Я. Мандельштам!).

[9] В своей «Речи, не произнесенной на IV съезде» Каверин выделил главную черту, характеризующую произведения Солженицына: «Могучее стремление к правде, опирающееся на чувство внутренней свободы». В. Каверин. Речь, не произнесенная на IV съезде писателей // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962-1974. М.: Русский путь, 1998, с. 232.

[10] СП – Союз писателей.

[11] С 1963 г. между Москвой и Ленинградом начал курсировать комфортабельный дневной сидячий поезд «Аврора» (кажется немного раньше был уже «Экспресс», но он не был так популярен). Дневной поезд шел быстрее чем ночной (примерно 5-6 часов) и билеты на него стоили существенно дешевле. Однако многие – вне зависимости от идеологических пристрастий - по-прежнему предпочитали фирменную «Красную стрелу».

[12] Фраза из «Евгения Онегина»: «Привычка свыше нам дана: Замена счастию она», заимствованная в свою очередь из Шатобриана, но мне хочется обратить внимание читателя на другое. Какая мать хотела от дочери организации протестов в университете?! Советская власть бы не пошатнулась, а меня бы в минуту из университета выгнали, если бы не нечто похуже. Но моей маме моя практичная трусость была противновата.

[13] Этот памфлет был частью сложной дискуссии об искусстве, которая, не имея отношения к насущным проблемам (а с продуктами ведь и тогда были перебои), воспринималась очень горячо – то время отличалось общественной активностью. Изложу суть. Специалист по марксистско-ленинской эстетике М.А. Лифшиц, за несколько лет до этого прогремевший замечательным памфлетом против писательницы Мариэтты Шагинян, в котором обличалась вся «сталинская интеллигенция», - в узком «своем» кругу он был еще известен и как автор восторженных внутренних рецензий на произведения Солженицына, - выступил против модернизма. Сейчас статья считается в свое время непонятой, и с ее тезисами, например, с идеей, что «культ силы и вкус к разрушению присущи всякому модернизму» многие соглашаются, усматривая в отрицании эстетики прошлого неперемное условие развития авангарда. Однако в тот момент показалось, что Лифшиц, считавшийся либералом, оказался обскурантом, чья статья продиктована «сверху» и является «установочной». При этом сначала с критикой Лифшица выступили не либералы (потом и они выступали), а известный борец с формализмом и «низкопоклонничеством» А.Л. Дымшиц, восхваляющий в своей статье Пикассо. (Заметим в скобках, что своим членством в коммунистической партии, да еще полностью реалистическим изображением голубки как символа мира Пикассо дал возможность советским идеологам и его, когда нужно, использовать себе на руку.) Лифшиц продолжил дискуссию статьей «Либерализм и демократия» («Вопросы философии» 1968, №1), в которой призвал отделить гражданскую позицию от эстетической. То есть Лифшиц в этом памфлете не просто оправдывался, говоря, что он вовсе не запрещает современное искусство, а умело используя марксистскую фразеологию, показывал необходимость давать художнику свободу, в частности открывая запасники, где в СССР многое находилось. В глазах многих, не разглядевших крамольную по тем временам мысль о свободе художника, Лифшиц все равно стал одиозной фигурой. Но не в глазах, например, Твардовского, который, как легко можно заметить по характеру публикуемой в «Новом мире» прозы и поэзии, модернизма терпеть не мог (в «Новом мире» ценили правду и реализм, ее отображающий), и считал,

что «очень здорово и диво, как ему позволили тон и всю его словесность.» (В записи от 8.II.68 - «Знамя, №8, 2003)

[14] В статье А. Лебедева «Судьба великого наследия» («Новый мир», 1967 №12, стр. 202), на первый взгляд анализирующей причины упадка интереса к творчеству русских революционных демократов XIX века, делается попытка поговорить о противопоставлении человека и власти.

[15] Леонид Ефимович Пинский (1906-1981) - филолог, специалист по истории западноевропейской литературы XVII—XVIII веков. Н. А. Роскина знала и глубоко ценила его еще по МГУ, где он преподавал. Знакомство возобновилось и перешло в дружбу после случайной встречи у Н.Я. Мандельштам. Дружбе способствовало соседство в домах жилищного кооператива «Советский писатель» у метро «Аэропорт» (Пинские жили в доме 25). В конце 1960-х гг. Пинский (кажется, совместно с Л. Копелевым) организовал у себя дома нечто вроде семинаров, на которых обсуждались разнообразные культурные вопросы. Первым чтением многих самиздатовских рукописей (например, «Колымских рассказов» Шаламова и стихов молодого И. Бродского) мы с мамой обязаны именно Л.Е. Пинскому.

[16] Речь идет о книге Александра Роскина «Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте» (М., 1959). Обсуждая с Берковским эту книжку своего отца, мама упоминает (в письме от 18 марта 1969 г.): «Отбирая работы для сборника, я не могла взять некоторые его статьи, как раз чрезвычайно острые. Не могла же я включить в сборник его статью о повести Федина «Я был актером», в которой он спокойно и убедительно объяснил, что Федин – это только мучительные потуги на литературу, – не могла, т. к. Федин-то и помог мне тогда выпустить эту книгу». Это особенно интересно на фоне того, что говорится о Федине выше, - вот, как все тогда переплеталось .

[17] Жена Н.Я. Берковского Елена Александровна (дома ее называли Лилечка) Лопырева (1904-1982), литературовед и переводчик.

[18] Здесь и далее письма Н.Я. Берковского печатаются с разрешения его наследницы М.Н. Виролайнен.

[19] В своих воспоминаниях о Н.Я. Берковском (в книге «Четыре главы», Париж : YMCA, 1980) мама пишет, как потрясло ее это высказывание. Но я хочу и от себя добавить, что у нас было принято выглядеть в духе тогдашней американской студенческой моды (как мы ее себе представляли), о чем в Ленинграде не все знали: джинсы, свитера лучше черный, длинные волосы, никакой косметики.

[20] Берковский готовился к написанию монографии «Романтизм в Германии», которая была издана уже после его смерти (Л., «Худож. лит.», 1973).

[21] «Последний Чехов» Н. Берковского – это его работа «А. П. Чехов».— В кн.: Чехов А. П. Избр. произв. в 3 т. Т. 1. М., ГИХЛ, 1967>. А две прежние статьи: Н. Я. Берковский. Чехов, повествователь и драматург.— журн. «Театр». 1960. № 2. [То же – в кн.: Н. Я. Берковский, «Статьи о литературе». М.-Л., ГИХЛ, 1962] и Н. Я. Берковский. Чехов. От рассказов и повестей к драматургии.— журн. «Русская литература». 1965. № 4, 1966, № 1 – эта статья вошла затем в состав книги Н.Я. Берковского «Литература и театр».

[22] Харитон. Херей и Каллироя. Изд-во АН СССР, 1954.

[23] Это было академическое издание «История немецкой литературы». Т. III. АН СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. М.—Л., Наука, 1966. Но мне кажется, что у нас лучше читать книгу Берковского «Романтизм в Германии» (Л. : Худлит, 1973 - (есть на Интернете - http://tif.msk.ru/school/berk_rom_ger_73.htm).

[24] Лия Михайловна Розенблюм (1922-2011), литературовед, специалист по Достоевскому, многолетний сотрудник редакции «Литературного наследства».

[25] Протицируем служебную автобиографию Н.Я. Берковского, копия которой хранится в его домашнем архиве: «Во время ленинградской блокады продолжал свою обычную

вузовскую работу, одновременно выполняя различные задания Штаба С.-Западного фронта, сотрудничая в прессе и в радио осажденного города. Весной 1942 был эвакуирован в г. Алма-Ата, где и находился до осени 1944 года. В Алма-Ата состоял

профессором и завед. кафедрой Запад.-европ. литературы Казахского Гос. Университета. Одновременно состоял профессором Московского Госуд. института Кинематографии,

эвакуированного в Алма-Ата. Также вел занятия с аспирантами в Алма-Атинском Ин-те Иностранных Языков». Л.М. Розенблюм, поступив до войны в ИФЛИ, заканчивала после войны МГУ, но в эвакуации была в Алма-Ате и, видимо, слушала лекции в Казахском Государственном университете.

[26] Дмитриев Александр Сергеевич (1919-2001) – преподаватель кафедры истории зарубежной литературы МГУ с 1953 г.

[27] Напомним, что Г. Гейне был евреем.

[28] Андрей Наумович Берковский (1934-1996), сын Н.Я. Берковского и Е.А. Лопыревой, геофизик.

[29] Ярчик – эрдельтерьер Берковских, которого они обожали, а моя мама, совсем не собачница, то ли притворялась, то ли уж заодно с хозяевами и Ярчика полюбила.

[30] К. Чуковский. От Чехова до наших дней. Литературные портреты и характеристики. СПб.М. [1908].

[31] Нужно отметить, что эволюционировала не только личность Чуковского, но и мамино отношение к нему Роскиной. Сравни в публикациях <https://www.chayka.org/node/7008> и <https://www.chayka.org/node/7630>.

[32] Виктор Петрович Буренин [1841-1926), один из наиболее скандально известных литературных критиков второй половины XIX века, выразитель взглядов реакционной газеты «Новое время».

[33] В мае 1962 г. К.И. Чуковский получил в Оксфорде почетную степень доктора литературы «за свою многолетнюю научную и просветительскую работу». На церемонии полагалось быть в соответствующей мантии, в которой он полюбил потом появляться на людях. Мантия произвела большое впечатление на окружающих, сейчас она хранится в музее Чуковского, которым стала его переделкинская дача. См. <https://goslitmuz.ru/istoriya-eksponata/?ID=387>

[34] См. «Вопросы литературы», 1968, №11, с. 238

[35] Может быть, не в дневниках, а в «Записных книжках». Именно в «Записных книжках» А. Блока встречается такое чудовищное высказывание Блока о Чуковском: «Лезет своими одесскими глупыми лапами в нашу умную петербургскую боль». (Александр Блок «Записные книжки 1901-1920», Москва, «Худлит», 1965, стр. 124). А в «Записных книжках» В. Ходасевича сказано, например, так: «Никаких особенных пошlostей Чуковский не наговорил. О Блоке сказал он даже много верного, но так ловко, хлестко и смачно, что слушать его было неприятно». (цитируется по http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0770.shtml - Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996).

[36] В то время «Дневник А.С. Суворина» читали по изданию, подготовленному М.И. Кричевским (М.-Л., изд-во Л.Д. Френкель, 1923). Н.А. Роскина, часто обращавшаяся к этому источнику в связи с работой по комментированию писем А.П. Чехова, заметив многие нерасшифрованные или неточно расшифрованные места в этом издании, подготовила новую текстологическую версию «Дневника», которая вышла уже после ее смерти. В этой книге такая фраза: «Чуковскому – 23 года. Жена, двое детей. Талант, и искренний.» (London - Москва, Garnet - Изд-во Независимая газета, 1999).

[37] Остин Дж. Гордость и предубеждение. М.: Наука, 1967.

[38] Мама дружила с Татьяной Максимовной Литвиновой (1918-2011), начиная с самого начала 1950-х гг., когда их познакомил К.И. Чуковский. Английским со мной в 1964-1965 гг. занималась мать Татьяна Максимовны, вдова М.М. Литвинова переводчица Айви Вальтеровна (1889-1977).

[39] Элик - Иммануэль Самойлович Маршак (1917-1977), физик. Деталей я не знаю, но случилось что-то, отчего И.С. Маршака отстранили от работы, связанной с секретностью (военная промышленность), и ему пришлось искать себе новое применение.

[40] Борис Федорович Егоров (1926-2020), филолог, специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX века. В то время Берковский и Егоров, переехавший в Ленинград из Тарту, были коллегами по литфаку ЛГПИ им. Герцена (Берковский - профессор кафедры зарубежной литературы, а Егоров – профессор кафедры русской литературы и ее заведующий).

[41] Статья Н. Берковского о Тютчеве напечатана в изд.: Тютчев Ф. И. Стихотворения. М.: Л., 1962 (Б-ка поэта, Малая серия).

[42] Эмма Григорьевна Герштейн (1903-2002), литературовед, автор работ о М.Ю. Лермонтове, знаток творчества О. Мандельштама и А. Ахматовой, автор воспоминаний о них. Вряд ли кто-то, кроме меня, еще помнит Эмму Григорьевну начала 1950-х гг. Ту безработную (она сотрудничала в «Литературном наследстве», где с мамой и познакомилась, но, по-моему, у нее даже справки для домоуправления не было), почему-то бездомную, ночевавшую на раскладушке у нас в шестнадцатиметровой комнате в коммуналке и непрерывно говорящую о тех, кто описан потом в ее мемуарах

- Мандельштамы, Л. Н. Гумилев и А. А. Ахматова. А тут – и двадцати лет не прошло – всё уже благополучно, у всех отдельные квартирки, и разговоры не о посылках Лева (Гумилеву) в лагерь. Наверное, и о других посылках в лагерь уже заговорили – Эмма Григорьевна очень дружила с Т.М. Литвиновой, арест племянника которой и его друзей всех взбудоражил. Но в данном письме только об Ахматовой, которая навсегда в центре, и о тогдашней работе – см., например, «Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине». Публикация, вступительная заметка и примечания Э. Герштейн.- «Вопросы литературы», 1970, № 1 и книгу А. Ахматова. О Пушкине. Статьи и заметки. (Л., «Советский писатель», 1977. Статья Н.Я. Берковского «Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка»)» была впервые напечатана в журнале «Русская литература», 1958, № 1. Позже эта статья вошла в сборник Н.Я. Берковского «Статьи о литературе». М.; Л., 1962. Хочется уточнить, что в предложении «Эта статья ее взволновала» имеется в виду, что статья Н.Я. Берковского взволновала А.А. Ахматову.

[43] Александр Роскин «Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте». М., 1959.

[44] Эманация - это философское понятие перехода от высшей сферы к низшим. Моя мама обычно не употребляла таких «умных» слов, просто очень уж хотела подольститься к Берковскому.

[45] Николай Иванович Харджиев (1903-1996), историк литературы и искусства XX века, текстолог, коллекционер. Мама знала его с 1950-х гг. и по «Литературному наследству», и через Э.Г. Герштейн. Знакомство Берковского с Харджиевым относится к середине 1930-х гг. Первое письмо Берковского к Николаю Ивановичу датировано декабрем 1934 г. В 1942 г. оба они оказались в эвакуации в Алма-Ате. После войны много переписывались, иногда встречались.

[46] Свое стихотворение «На Неве» мама приводит в воспоминаниях об Ахматовой:

Наспех брошенные блики,
Львов естественный оскал.
Раньше здесь поэт великий
Одиночества искал.
И теперь по свету бродит,
Прячется среди камней
Солнце, теплое к природе
И холодное ко мне.

О судьбе архива А.А. Ахматовой

см. <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/dokumenty/kaminskaya-o-zaveschani-ahmat...>

Разговоры об этом архиве помню бесконечные, а о маминых письмах к Ахматовой мне ничего не известно.

[47] В стихотворении О. Мандельштама о дореволюционном Петербурге «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931) «Самолюбивый, проклятый, пустой, млажаваый...»

[48] Воспоминания Н.А. Роскиной о Н.Я. Заболоцком и А.А. Ахматовой в те годы были неприемлемы для публикации в СССР, они были изданы в Париже, объединенные с написанными позже воспоминаниями о Н.Я. Берковском и В.С. Гроссмани в книжку «Четыре главы» (Париж : YMCA, 1980). В России были напечатаны только две главы из этих воспоминаний: об Ахматовой («Звезда», 1989, №6) и о Берковском («Звезда», 1990, №7).

[49] Мама перестала писать стихи, когда ей было лет двадцать пять, только что-то «на случай» еще сочиняла.

Комментарии Ирины Роскиной

Часть 6. Воспоминания

Наталья Нестерова

Ирина Роскина
Иерусалим, Израиль

Письмо Лене Рабинович. Послесловие к публикации Натальи Роскиной

Твои слова о переводческих семинарах напомнили мне эпизоды из моей жизни, первый из которых я, как ни странно, никому никогда не рассказывала, хотя вообще ужасно любила вытрепывать всю свою жизнь.

После восьмого класса я перешла в школу рабочей молодежи. Может быть, ты помнишь, тогда начались «уклоны» - на этот раз не партийные, а школьные, всякая там профилизация. У меня были неплохие способности к математике, и я вполне готова была учиться на программиста – тогда это было модно, да и от мысли о филфаке меня всячески хотели отвадить в силу бесперспективности этой неспециальности. (Это вообще-то глупый концепт: широкое, неспециализированное образование делает человека более гибким и помогает потом устроиться на любую работу, недаром в английских банках работают клерками выпускники Оксфорда).

Но в класс программистов меня не взяли именно в силу его модности и моей национальности, а определили в фармацевты, что тоже неплохо, но совсем мне не подходило из-за моей жуткой экземы, которая тогда еще не называлась аллергией. В общем я перешла в хорошую ШРМ, как и некоторые другие дети из интеллигентных семей. Да, ты ведь знала Саню Фейнберга, он был на класс меня старше.

Мы посещали школу три раза в неделю в первую смену, а во второй смене учился рабочий класс. Свободного времени оставалось много, и я вволю читала, подметала, бездельничала и упражнялась в переводе. Но все-таки хотелось каких-то рамок, какого-то официального наставничества. В начале десятого класса я пошла в университет узнать, нет ли там каких-то подходящих для меня курсов и семинаров.

Н.М.Любимов

И оказалось, что по переводу должен быть семинар Н.М. Любимова – по мастерству художественного перевода, независимо с какого языка, - но то ли Любимов болен, то ли еще что, так что непонятно, когда семинар начнется. А при всей несвободе свобода-то была фантастическая – свободный вход в университет, возможность бесплатного посещения и т.д. И мне дали телефон Н.М., чтобы я ему позвонила и узнала, когда на семинар приходиться. Мне тогда очень нравился любимовский «Дон-Кихот», - и я была в восторге от перспективы учиться у Любимова.

А фамилия у меня была по отцу – Бориневич. Я эту фамилию всегда не любила: не потому что еврейская, она даже на самом деле и нееврейская была, а сербская: какой-то сербский крестьянин неизвестно зачем пришел в Одессу, потом его сын или внук основал там всю российскую статистику, внучка стала пушкинистской, к ней прислали из Москвы нежелавшего учиться племянника, ставшего потом моим отцом, а тут война, оккупация, а за пребывание в оккупации лагерь – всё своим чередом. Я просто эту фамилию своей не чувствовала, меня все вокруг называли Роскиной, и только в школе, в атмосфере противоположной всему родному, надо было откликаться на Бориневич. Родители мои давно разошлись, да и бабушка, мать отца, сто лет назад разошлась с отцом отца – Бориневичем, была замужем за человеком с совсем другой фамилией (Каценельсон), и

именно он любил меня как положено любить дедушкам - больше всех на свете, - но умер рано. С отцом я общалась по обязанности и, возможно, во многом была к нему несправедлива. В общем мама обещала мне, что в будущем я сменю фамилию на Роскину.

Звоню я Любимову, объясняю, что хотела бы ходить к нему на семинар. А он спрашивает, как моя фамилия. Я возьми и скажи: Роскина. Но он не разобрал, - я звук «р» не выговариваю и вообще от застенчивости всё говорила крайне нечетко. И вдруг мама как заорет, даже не помню, что именно она закричала, и прямо замахнулась на меня, и лицо у нее было зверское. Любимов переспросил, как меня зовут, я ответила «Ира Бориневич», он, по-моему, и это не разобрал, мы распрощались, а мама сказала, что нехорошо быть самозванкой, она мне свою фамилию не давала и давать не собирается. Ничего я не поняла, ну да ладно.

Семинар по времени совпал с одним из трех дней, в которые надо было ходить в школу. Я прогуливала два урока физики и ходила в семинар к Любимову. Очень мило, но вообще-то ерунда. Подбирали синонимы, обсуждали, какая фраза звучит лучше. Старалась одна я. В конце года (или семестра? - не помню) получила большое удовольствие, так как он при всех попросил меня подать ему зачетную книжку, чтобы поставить мне зачет особенный, почетный. Зачетки у меня, естественно, не было, он порадовался, что слушать его ходят из чистого интереса, вот и всё. Честно говоря, мне Любимов не особенно понравился, показалось, что позёр. Да и «Дон-Кихот» мне с годами разонравился. А с физикой пришлось трудновато.

Потом был еще одиннадцатый класс, в университете у нас блестящих лекторов не было, всех уже извели, но все-таки всё вместе как-то складывалось в нечто культурное. Образованщина. Я окончательно выросла, художественным переводом не занималась, поступила (с огромным трудом, после года безработицы) на службу, и меня стали звать там Ириной Валентиновной Бориневич, а все знакомые по-прежнему - Ирой Роскиной.

А в доме у нас были лифтёры. Не в смысле в лифте ездить и на кнопки нажимать, а как вахтёр - сидеть в подъезде, за порядком присматривать, на ночь запирают и спать у лифта на скамейке, своим на звонки открывать. То старушки, которые, конечно, стучали в КГБ, но беззлобно; а то наоборот кто-то из диссидентов, которых никуда на работу не брали; а то просто какие-то несчастные, полусумасшедшие.

Один несчастный все время в большой тетрадке что-то писал. Непрерывно. Я умирала от любопытства. Наконец удалось его отвлечь и подсмотреть в тетрадку. Там было одно слово: джинсы. Он всё время писал одно и то же слово - непрерывно, одно и то же слово: джинсы. Одет был во что-то чудовищное, но, видимо, мечтал. Как-то этот несчастный мальчик мне говорит: «А я знаком с вашей сестрой». Я

думаю: «Ну, больной, что тут поделаешь», - и отвечаю максимально вежливо: «У меня нет сестры». Он говорит: «Ну как же нет, если я ее знаю. Да вы и сами ее завтра увидите – Таня Бориневич, поэтесса. Она нарочно в вашем подъезде работать хотела, чтоб вы ее с другими поэтами познакомили, чтоб она у них поучилась».

Таня продержалась на работе только один день – тот завтрашний. Там что-то было с наркотиками – может, не настоящими, типа крепкого чая, но хватило для непригодности к должности. А поэтессой она стала – не такой, чтоб я ее стихами увлеклась, но вижу на Интернете, что она называется «известной сетевой поэтессой». И фотографии ее видела на фоне буфета моей бабушки – безвкуснейший модерн, резной виноград. Буфет был высок для современных квартир, так что верхнюю часть убрали, срезали, - и это видно мне на фотографиях.

Наверное, я и к Тане была несправедлива, но мне ужасно не захотелось иметь ее в сестрах. И ужасно возмутило поведение отца, который удочерил ее за моей спиной, не сказав мне ни слова о новоявленной родственнице. А так как я была беременна и волноваться мне было вредно, то мама бросила: «Да ладно, возьми уж мою фамилию». В ЗАГСе статья Роскиной оказалось на удивление просто, а уж какие неприятности принесла мне эта смена документов потом в Израиле, где их сочли нарочно подмененными и не поверили в подлинность моего еврейского происхождения (в конце вырубил нос), - теперь наплевать.

Кстати сказать, через тридцать лет у моей дочери тоже обнаружилась сестра-поэтесса, но это уж очень уведет нас в сторону, сейчас эту похожую историю рассказывать не буду. Это я только к тому, что вся жизнь идет по кругу, истории или повторяются, или замыкаются – главное, не успеть забыть начало.

А с моим началом про Любимова вот что вышло. Через пятьдесят лет читаю я письма моей мамы твоему дедушке (1951 год). Мама, конечно, просила твоего дедушку эти письма никому не показывать, уничтожать по получении и т.д., но он как истинный просветитель ей в этом отказал. Я долго сомневалась, этично ли мне их читать. Но ведь если мама, получив эти письма назад, их не уничтожила (а про нее нельзя сказать «не успела» или что-нибудь в этом роде, все она понимала и распоряжения давала четкие), значит, она хотела, чтобы я их прочла. И оказывается, что у мамы был с Любимовым роман. А я не догадалась, даже и не подумала. Твоему дедушке Любимов не нравился.

Часть 7. Полемика. Из двух углов

Наталья Нестерова

Яков Шульман

Москва, Россия

О притче

Сначала небольшая цитата из книги Петра Вайля и Александра Гениса «Родная речь». Из главы, посвященной И.А. Крылову: «Главный нравственный источник христианского мира – Писание – многомыслен и альтернативен. Даже самая определённая из речей Иисуса – Нагорная проповедь – допускает множество толкований. Даже когда «ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ:...потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (От Матфея 13:10–15) – это снова иносказание. И так со всеми евангельскими притчами: истина, скрытая в них, всегда неоднозначна, сложна, диалектична».

Очень хорошо помню, что, когда в 1991 году ко мне попала Библия, Книги священного писания Ветхого и Нового Завета, канонические в русском переводе, с параллельными местами, напечатанная в Финляндии в 1991 году, меня очень удивила притча о заблудшей овце. Я подумал, что разумный пастух так не сделает. До сих пор так считаю. Судите сами:

Евангелие от Матфея Глава 18

Стих 12 Как вам кажется, Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдёт ли искать заблудившуюся?

Стих 13 И, если случится найти её, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти не заблудившихся.

Евангелие от Луки Глава 15

Стих 4 Кто из вас, имея сто овец и, потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдёт за пропавшею, пока не найдёт её?

Стих 5 И нашед, возьмёт её на плечи свои с радостью;

Стих 6 И пришед домой, созовёт друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною, я нашёл мою пропавшую овцу.

Задумав написать об этом статью, я решил заглянуть в Интернет: ведь, не может быть, чтобы на эту неразумность за прошедшее время никто не обратил внимание.

Вот что написано в Википедии: Лео Таксиль [«Забавное Евангелие» (Жизнь Иисуса), 1884, Глава L] пишет, что «настоящий пастух никогда не бросает своё стадо, где попало («в горах, в пустыне») ради поиска отбившегося животного, потому что в его отсутствие на стадо напали бы хищники».

Ещё несколько цитат из Нового Завета и небольшой комментарий. Евангелие от Матфея

Глава 13 стих 13 Потому говорю им притчами, что они, видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют.

Глава 8

Стих 21 Другой же из учеников Его сказал ему: Господи! позволь мне пойти и похоронить отца моего.

Стих 22 Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов.

Глава 10

Стих 34 Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч;

Стих 35 Ибо Я пришёл разделить человека [сына] с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её.

Стих 36 И враги человеку—домашние его.

Каждый разумный человек может сам оценить, насколько адекватны и миролюбивы эти высказывания.

Особенно удивительно звучит в наши дни притча, изложенная в главе 15 Евангелия От Матфея, и вывод из неё:

15.11 Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека.

15.15 Пётр же отвечая, сказал Ему: изъясни нам притчу сию.

15.16 Иисус сказал: неужели и вы ещё не разумеете?

15.17 Ещё ли не понимаете, что всё, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон?

15.18 А исходящее из уст—из сердца исходит; сие оскверняет человека;

15.19 Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления;

15.20 Это оскверняет человека; а есть неумытыми руками—не оскверняет человека.

В качестве комментария я могу добавить, что, приведенные высказывания, к разумным не отношу. Также как не отношу к произведениям изобразительного искусства картину Казимира Малевича, «Чёрный квадрат», (на мой взгляд, это относится к искусству «софистики» [использование умышленно ложных

умозаключений, построенное на неправильных положениях] для доказательств заведомо ложных положений; умышленное усложнение и запутывание вопроса во время спора или дискуссии»–Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов–10-е изд., стер.–М.: Рус. яз., 1988).

Как говорит русская пословица: «Птицу кормом, а человека словом обманывают». Слова эти называются демагогией.

Недобрые слова и сокрытие истины никогда не приводили к добру.

Сергей Бычков

Москва, Россия

О притче с точки зрения богослова

Современный человек, читая Евангелия, часто спотыкается о притчи, которыми широко пользовался основатель христианства — Иисус Христос. Чаще всего, это происходит от того, что притчи Христа воспринимаются буквально.

К примеру, евангельский совет вырвать свой глаз или лишиться ноги, если они соблазняют тебя, многих отталкивают и кажутся дикими. Слушатели Христа были людьми начитанными и достаточно просвещенными в Священном Писании, поэтому никогда иносказания не воспринимали буквально.

Но проблемы, поставленные в притчах, заставляли их мыслить и находить нужный ответ. Конечно же, в данной притче речь идет не о теле человека, а о тех, кто окружает его и может вовлечь в соблазн. От них-то и необходимо избавляться, каким бы болезненным ни было это расставание. Святитель Иоанн Златоуст считал, что Иисус использовал притчи, «чтобы сделать слова Свои более выразительными, облечь истину в живой образ, глубже запечатлеть её в памяти и как бы представить глазам.»

Священник Александр Мень отмечает: «Притчи невольно захватывают слушателя и читателя, заставляют их включаться в переживания действующих лиц. Лаконичная и яркая образность притч, их поэтическая структура и изобразительные средства (гиперболы, метафоры, контрасты, неожиданные концовки) помогали их быстрому запоминанию наизусть.» Притчи — древний жанр, присутствующий и в Ветхом Завете.

«Книга притчей Соломоновых» заучивалась книжниками наизусть, ее читали и часто цитировали. Новозаветные притчи - иногда краткие речения: «Вы — соль земли!», иногда же - развернутые рассказы, в которых мы различаем все составляющие литературного произведения — композицию, сюжет, фабулу. Все попытки буквально понять притчи терпят неудачу. Может ли в реальной жизни пастух оставить стадо и отправиться на поиски одной потерявшейся овцы? Слушатели Христа даже не пытались перенести реалии этой притчи в каждодневную жизнь. Они внимательно следили за развитием повествования и радовались вместе с пастухом, нашедшим потерявшуюся овцу.

Многим кажутся чрезмерно жестокими слова Христа: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты следуй за Мной!» И здесь мы имеем дело с притчей. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в одной из своих проповедей коснулся этой темы: «Казалось бы, что может быть естественнее желания похоронить отца своего? Но Господь Иисус Христос ответил, как никто никогда не мог бы ответить, сказав: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Что же это такое? Это значит, что все мертвые дела, заботы о мертвых, которые кончили путь свой и предстали пред очами Божиими, не должны обременять сердца наши. Заботы о мертвом, о всех мертвых делах, должны быть чужды сердцу нашему. К жизни, к вечной жизни, светлой и радостной жизни должны мы стремиться. Смерть и всё, что сопряжено с нею, должно быть чуждо нам, ибо пред нами надежда жизни вечной, вечной славы.» Так он раскрывает иносказание данной притчи.

Распространено мнение, что Священное Писание, в том числе и Новый Завет, лишены такого необходимого человеческого элемента творчества, как юмор. Современный ученый Антонио Людовичи даже нашёл нечто “зловещее” в природе юмора. «Во всём Новом Завете, — считает он, — нет ни единой шутки... смех в Библии почти всегда выражает презрение, но не веселье (за единичными исключениями в Книге Псалмов и Иова).»

Это ошибочное мнение. Достаточно внимательно прочесть притчи Христа. Они полны добродушного юмора. Как наверное смеялись слушатели Христа, когда Он рассказывал им притчу о богаче, собравшем небывалый урожай и мечтавшем сломать старые сараи, чтобы на долгие годы сохранить зерно, не подозревая о том, что

смерть уже в эту ночь готова забрать его душу. Юмор как неотъемлемая черта человеческого мировоззрения ощутимо присутствует в текстах Священного Писания.

Чтобы понять, насколько не правы те комментаторы, которые утверждают, что чувство юмора было совершенно чуждо Христу как нечто греховное, прямо противоположное понятию священного, важно перечитать притчи Христа. Он создал новый жанр, существенно отличающийся от ветхозаветных притч. Не будем забывать, что его слушателями были преимущественно простые люди – земледельцы, рыбаки, строители, землекопы. Поэтому Он говорил на их языке, стремясь донести до их сознания важнейшие истины. В синоптических Евангелиях насчитывается 30 притч. Большая часть – 18, запечатлена только евангелистом Лукой. От ветхозаветных притч их отличает наличие сюжета. По сути, это небольшие, но законченные, легко запоминающиеся рассказы.

Многие притчи приближены к развернутым метафорам и наверняка сопровождалась улыбками или тихим смехом слушателей: «..Никто не приставляет заплатки к ветхой одежде, отодрав от новой одежды: а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплатка от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие: а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут.» (Лк.5, 36-37)

Стоит вспомнить комическую фигуру русских сказок – Ивана-дурака, который умудряется делать все вопреки здравому смыслу. Слушатели Господа наверняка усмехались, представляя себе «мудреца», вырезающего из нового плаща заплатки, чтобы починить старый и прохудившийся. Как не рассмеяться, представляя себе незадачливого виноградаря, который в поте лица вырастил урожай, собрал его под палящим солнцем, долго месил его в давильне, но вливает молодое вино, которому еще предстоит перебродить, в старые мехи?

Юмористическая нотка проскальзывает даже в центральной, трогательной до слез притче о блудном сыне (Лк.15,11-32). Пир в разгаре, когда старший сын возвращается с поля. Услышав пение и ликование, он призывает одного из слуг, чтобы узнать о причине веселья.

Узнав причину и осерчав, он не хочет даже войти в дом и присоединиться к пирующим. Когда же к нему выходит отец и приглашает его, он с горечью упрекает его: «...Вот я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими. А когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка.» (Лк. 15, 29-30) Эти слова старшего брата наверняка вызывали усмешку у слушателей – как он

мог забыть, что возвратившийся - не только сын его отца, но и его родной, единокровный брат? Об этом напоминает отец: «...Сын мой! Ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надо было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.» (Лк. 15,31-32)

Впрочем, тема юмора в Священном Писании требует особого исследования. Важно, чтобы современный читатель понимал и вчитывался в древние тексты Писания — они не утратили своей актуальности и сегодня. Обращаясь к поэтике Священного Писания, важно помнить существенное отличие ее от поэтики поздних художественных произведений: «Библия никогда не преследует чисто эстетических целей.

Изобразительные приемы играют в ней служебную роль. Основная мысль священных авторов направлена на деяния Божьи в жизни людей. Отсюда отсутствие литературного портрета, условность пейзажа. «В отличие от поэтики греческой литературы Библия не создает законченных, сформированных характеров. Люди даны в динамике их бытия перед лицом Божиим. Пластика библейских описаний далека от завершенной статики: она вся в движении, в порыве. Мир всегда находится на грани чудесного. Невыразимость соотношения Бог – творение подчеркивается парадоксами концептуальной символики.» И это вполне оправдано, поскольку: «Все художественные приемы поэтики библейских книг служат намерению показать, что только в Боге и через Бога человек обретает свою высшую ценность.»

Напоследок напомним глубокие и парадоксальные строки Бориса Пастернака:

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.
В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.
Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

Александр Орфис

Бесы и Ангелы. Пьеса-Гротеск по сюжету романа Ф. М. Достоевского «Бесы»

*Посвящается Александру и Алексею Глаголевым**

И Карамазовы, и бесы жили в нём.
(Иннокентий Анненский «К портрету Достоевского»)

История, как писал Маркс, повторяется дважды, вначале как трагедия, потом как фарс... (Но) на закате цивилизации трагедии и фарсы так мешаются, что становятся почти что неотличимы друг от друга.

Григорий Козинцев «Пространство трагедии (Дневник режиссера)»

ДОМ ШАТОВА

РАССКАЗЧИК. Крыльцо пустого дома, в котором квартировал Шатов, было незаперто; но, взобравшись в сени, Ставрогин очутился в совершенном мраке и стал искать рукой лестницу в мезонин. Вдруг сверху отворилась дверь и показался свет; Шатов сам не вышел, а только свою дверь отворил. Когда Николай Всеволодович стал на пороге его комнаты, то разглядел его в углу у стола, стоящего в ожидании.

СТАВРОГИН. Здравствуйте, Шатов. Значит правда, что вы вернулись из Америки.

К вам там плохо относились?

ШАТОВ. Да к чёрту этих пиндосов! Знаете ли вы (нагибается вперед на стуле, сверкая взглядом и подняв перст правой руки вверх пред собою) Знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный народ - "богоносец", грядущий обновить и спасти мир именем нового бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова... Знаете ли вы, кто этот народ и как ему имя?

СТАВРОГИН. По вашему приему я необходимо должен заключить, и, кажется, как можно скорее, что это народ русский.

ШАТОВ (не замечая иронии). Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков.

Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо.

РАССКАЗЧИК. Полвека спустя эти слова цитировал Геббельс.

ШАТОВ (входит в раж). Если великий народ не верует, что в нем одном истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ (с надрывом) Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ-"богоносец" - это русский народ,

СТАВРОГИН. Извольте, я хотел лишь узнать: веруете вы сами в Бога или нет? Не «в первостепенную роль великого народа», не в «народ-богоносец», а в Бога вообще?

ШАТОВ (стусевавшись) Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... –

СТАВРОГИН. А в Бога? В Бога?

ШАТОВ. Я... я буду веровать в Бога (оживляясь). Кстати, фраза про народ-"богоносец" есть только заключение нашего с вами разговора, происходившего с лишком два года назад, за границей, незадолго пред вашим отъездом в Америку. (насмешливо) Или вы уже про это забыли?

СТАВРОГИН (смутившись). Не забыл, но... Остыл я с тех пор...

ШАТОВ (многозначительно). Гм. Правда ли, что вы принадлежали в Петербурге к скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркиз де Сад мог бы у вас поучиться? Правда ли, что вы заманивали и развращали детей? Может быть, именно потому остыли?

СТАВРОГИН (после долгой паузы). Это... всё... неправда...

ШАТОВ. Слушайте, сходите к Тихону.

СТАВРОГИН. К кому?

ШАТОВ. К Тихону. Тихон, бывший архиерей, по болезни живет на покое, здесь в городе, в черте города, в нашем Ефимьевском Богородском монастыре. Я с ним знаком. Он вам обязательно поможет.

СТАВРОГИН. Спасибо. В первый раз слышу и... никогда еще не видывал этого сорта людей. Благодарю вас, схожу. Хотел бы и вам дать совет - берегитесь Верховенского!

Это такой человек, что, может быть, нас теперь подслушивает, своим или чужим ухом, в ваших же сенях, пожалуй. А агентов у них много, даже таких, которые и не знают, что служат обществу.

ШАТОВ. Верховенский?! Да стоит мне донести в высшую полицию, как он окажется на виселице, а вся организация на каторге!

СТАВРОГИН. Боюсь, что высшая полиция про организацию уже давно знает. И о вас. И о том, что Верховенский может вас истребить в любую удобную минуту.

ШАТОВ (разочарованно). Значит, уже кто-то донёс. А почему никак не арестуют?

СТАВРОГИН. Боюсь, именно потому, что донёс сам Верховенский. Когда я его прямо спросил «А слушайте, Верховенский, вы не из высшей полиции?», то он ответил: «Да ведь кто держит в уме такие вопросы, тот их не выговаривает.»

ШАТОВ (смеясь). Выходит, что Верховенский на высшую полицию работает ?

СТАВРОГИН (серьёзно) Верховенский работает только на себя. Он сам хвастался «Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха!» (задумчиво) Предлагал мне стать новым Стенькой Разиным (громче) А вам он не предлагал стать новым Малютой Скуратовым?

ШАТОВ. Да вы совсем запутались! Ещё раз советую - сходите к Тихону!

РАССКАЗЧИК. Около половины одиннадцатого Ставрогин дошел, наконец, к воротам Спасо-Ефимьевского Богородского монастыря, на краю города, у реки.

ПРИХОЖАЯ

Ставрогин, два послушника

СТАВРОГИН (первому послушнику). Доложи отцу архимандриту, что пришёл Ставрогин... Николай Всеволодович...

ПЕРВЫЙ ПОСЛУШНИК. Слушаюсь (уходит)

ВТОРОЙ ПОСЛУШНИК (тихо, оглядываясь по сторонам). Вы барин...поберегитесь отца Тихона... Он и книги такие читает...

СТАВРОГИН. Что, еретические?

ВТОРОЙ ПОСЛУШНИК (ещё тише). Ой, еретические - не еретические, а только такие, что с ними ...по совести человека убить можно!

Возвращается первый послушник

ПЕРВЫЙ ПОСЛУШНИК. Входите, барин

ВТОРОЙ ПОСЛУШНИК. Христос с вами.

КЕЛЬЯ ТИХОНА

СТАВРОГИН. Шатов предупреждал вас обо мне?

ТИХОН. Нет. Но он много о вас рассказывал.

СТАВРОГИН (вздвигнув). Значит, вы уже многое... про меня знаете. (замечает на столе географическую карту) Что это у вас там за карта?

ТИХОН. Я сравнивал её с одним объемистым и талантливим изложением обстоятельств последней войны.

СТАВРОГИН (вспоминая). Войны? Ах да, двадцать лет назад... С французами и британцами из-за черноморских проливов...

ТИХОН (гневно) С католиками и лютеранами и-за истинной веры! Лютеранство – это молоканство, а католичество — антихрист, блудница! (ехидно) Воинствующий католицизм, не только теперь, но и с самого начала решительно и со страстью, как всем известно, взял под свою защиту правозверную Турцию против схизматической России. (уверенно) Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого там и не знали!

СТАВРОГИН (заминяясь). Я могу... и позже зайти, батюшка.

ТИХОН (несколько успокоившись). Ой, да у вас печатные листики. Для меня? (не дожидаясь ответа) Дайте сюда (надевает очки и начинает читать)

Продолжительная пауза

ТИХОН (откладывает в сторону листы) Ну и что?

СТАВРОГИН (растерянно). Вы, что не поняли? (мучительно) Я изнасиловал девочку... Лет четырнадцати... (пересиливая себя)...нет, ей было только десять! Она повесилась..

Ой, горько мне, отче (рыдает) Опубликую листки...пойду в полицию.

ТИХОН. Мысль эта - великая мысль, и полнее не может выразиться христианская мысль. Дальше подобного удивительного подвига, который вы замыслили, идти покаяние не может, если бы только...

СТАВРОГИН. Если бы что?

ТИХОН. Если б это действительно было покаяние и действительно христианская мысль.

СТАВРОГИН (растерянно). Я писал искренно.

ТИХОН (елейно). Сын мой! Тебя ослепил бес гордыни! Многие грешат тем же преступлением, но живут со своею совестью в мире и в спокойствии, даже считая неизбежными проступками юности. Есть и старцы, которые грешат тем же, и даже с утешением и с игривостью. Всеми этими ужасами наполнен весь мир. (льстиво) Ты же почувствовал всю глубину, что очень редко случается в такой степени! (после небольшой паузы) И кроме того, что вы... ведь вы уже сознаетесь, Николай Всеволодович (так, кажется, ваше имя и

отчество?), что если огласите ваши листки, то испортите вашу участь... в смысле карьеры, например, и... в смысле всего остального.

СТАВРОГИН (запинаясь). К-к-арьеры ?!

ТИХОН. (почти просительно) К чему же бы портить? К чему бы, казалось, такая непреклонность?

СТАВРОГИН (несколько осмелев). Но ведь по Евангелию больше преступления нет и не может быть. Там сказано "Если соблазните единого от малых сих" - помните? По Евангелию ... Вот в этой книге!

ТИХОН. (с умилением). Я вам радостную весть за сие скажу: и Христос простит, если только достигнете того, что простите сами себе... О нет, нет, не верьте, я хулу сказал: если и не достигнете примирения с собою и прощения себе, то и тогда Он простит за намерение и страдание ваше великое... ибо нет ни слов, ни мысли в языке человеческом для выражения всех путей и поводов Агнца, "дондеже пути его въявь не откроются нам". Кто обнимет его, необъятного, кто поймет всего, бесконечного!

СТАВРОГИН. Отче, я одну книжку читал... Там христианка говорит преступнику: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!»»

ТИХОН. И кто-же эта христианка?

СТАВРОГИН (смущённо). Простит ...блудница, отче...рассказавшаяся.

ТИХОН (гневно). Я вам не блудница! И мне каяться не в чем! Я - служитель веры, царя и отечества! Ко мне приходят люди и из самого простого народа, и из знатнейших особ! Ясно?

СТАВРОГИН (испуганно). Ясно, отче...

ТИХОН (вкрадчиво). А книга эта в России издана? Цензурой одобрена? Духовной тоже?

СТАВРОГИН (небрежно и с досадой). Да вам просто-запросто очень не хочется скандала, и вы ставите мне ловушку, добрый отче Тихон. Короче, вам хочется, чтоб я остепенился, пожалуй, женился и кончил жизнь членом здешнего клуба, посещая каждый праздник ваш монастырь. Ну, эпитимья!

ТИХОН (с жаром). Нет, не та эпитимья, я другую готовлю! Я знаю одного старца не здесь, но и недалеко отсюда, отшельника и схимника, и такой христианской премудрости, что нам с вами не понять того. Он послушает моих просьб. Я скажу ему о вас всё. Подите к нему в послушание, под начало его лет на пять, на семь, сколько сами найдете потребным впоследствии. Дайте себе обет, и сею великою жертвой купите всё, чего жаждете и даже чего не ожидаете, ибо и понять теперь не можете, что получите!

СТАВРОГИН. Просто-запросто вы предлагаете мне вступить в монахи в тот монастырь? Ну так я вам даже признаюсь, что в минуты малодушия во мне уже мелькала мысль: раз заявив эти листки всенародно, спрятаться от людей в монастырь хоть на время. Но я тут же краснел за эту низость. Но чтобы постричься в монахи - это мне даже в минуту самого малодушного страха не приходило в голову.

ТИХОН. Вам не надо быть в монастыре, не надо постригаться, будьте только послушником тайным, неявным, можно так, что и совсем в свете живя (многозначительно) Я знаю, старец вам поможет, как я помог Шатову.

Сделает вас твёрдым и сильным. Направит великую праздную силу вашу, ушедшую нарочито в мерзость, в правильном направлении.

СТАВРОГИН (странным голосом) Спасибо за совет.

ТИХОН. Только одно дело осталось. Бродит по нашему городу хромоножка одна помешанная да брат её – шантажист и пьяница. Нехорошие вещи о вас рассказывают.

СТАВРОГИН (вздрыгнув). Так что?

ТИХОН (тоном офицера, отдающего приказ). А то, что вы броситесь в новое преступление как в исход, чтобы только избежать обнаружения листков!

СТАВРОГИН. (задрожав от гнева и почти от испуга) Нет не убью!

ТИХОН (кричит). Убьёшь! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Православие, самодержавие, народность! (хватает Ставрогина за воротник сюртука)

СТАВРОГИН (вырывается). Изыди, Сатана! (выбегает из кельи)

СНОВА ДОМ ШАТОВА

Тихон, Шатов, послушники

ПЕРВЫЙ ПОСЛУШНИК (отрываясь от газеты): А правда ли, что жиды на пасху детей крадут и режут?

ШАТОВ. Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут несомненно они виноваты.

ТИХОН. Евреи не захотели Христа, остались во всей своей прежней узости и прямолинейности, а потому вместо всечеловечности обратились во врагов человечества, отрицая всех, кроме себя, и действительно теперь остаются носителями антихриста, и, уж конечно, восторжествуют на некоторое время. Это так очевидно, что спорить нельзя: они ломаются, они идут, они же заполонили всю Европу; всё эгоистическое, всё враждебное человечеству, все дурные страсти человечества - за них, как им не восторжествовать на гибель миру!

РАССКАЗЧИК. Религиозный фанатизм, слитый с национальной ксенофобией, это гремучая смесь.

* Отец и сын, священники, спасавшие евреев, во время погромов (отец) и в годы ВОВ в Киеве (сын). Алексей Александрович Глаголев и его семья удостоены звания Праведники мира (прим. редактора).

Часть 8. Америка с разных сторон

Н. Нестерова. Limours (диптих), 1992

Яков Фрейдин

США

Патриархальная Америка

Первые двадцать лет в Америке наша жизнь была спокойной, размеренной и весьма безопасной — мы даже в доме не запирали двери. Однако, за последующие без малого четверть века обстановка стала напряжённее: сейчас двери не только запираем, но установили в доме сигнализацию, а мои более решительные друзья даже обзавелись оружием. Впрочем, я хочу поговорить не о сегодняшнем дне, а о временах сравнительно давних, даже патриархальных, когда в США отношения между людьми были доверительные — люди свято уважали закон и верили друг другу на слово, которое порой имело такую же силу, как подписанный контракт. Ментальность у среднего американца была примерно такая: я законопослушный гражданин, а значит, и все вокруг меня такие же честные и добропорядочные.

Когда в 1977 мы с женой эмигрировали из СССР, советские власти не позволили нам взять с собой никакие документы — ни аттестаты, ни дипломы, ни свидетельства о браке и рождении, вообще ничего. Единственным нашим удостоверением была бумажка с выездной визой в Израиль. Я поначалу волновался — сможем ли мы в Америке устроиться на работу без документов? Зря волновался, у меня и моей жены никогда не спросили никаких дипломов или свидетельств, верили на слово. Уточню: так было в те далёкие годы, а ныне доверие к иммигрантам сильно упало — слишком много понаехало врунов. Мы немало встречали таких самозванцев: если он инженер — то в СССР был «главным конструктором», если что-то преподавал — значит, был «профессором», а если где-то учился музыке, то непременно работал «концертмейстером оркестра». Помню, когда в 1978 году моя жена пошла наниматься в американский оркестр и сказала, что закончила в СССР консерваторию, диплома у неё не спросили, но предложили взять в руки скрипку и сыграть. Как сыграла — сразу поверили и больше вопросов не задавали. Или, когда я при оформлении на работу в университет сообщил, что у меня есть учёная степень и показал

список из 60 научных статей по-русски, мне сказали: «Мы по-русски не читаем, но отныне пишите по-английски». После того, как я опубликовал первую статью по-английски, про меня сказали: у него 61 работа, то есть одна по-английски подтвердила все русские. И так было во всём — верили не бумажкам, а делам. Однако, повторю ещё раз — те благодатные времена ушли в прошлое. Раньше американцы, со своей доверчивостью, были весьма беспечные и даже наивные. Вот вам про это несколько историй.

Через полгода после прибытия в Америку мы полетели во Флориду познакомиться с моими дальними родственниками, предки которых поселились в США ещё в 1914 году. Познакомились, а потом мой американский дядюшка одолжил мне на несколько дней свой Кадиллак и мы стали по полуострову ездить на машине. Однако, с моим тогда весьма корявым английским, да ещё без американского опыта вождения и задолго до изобретения навигаторов GPS, на первых порах ориентироваться по картам и дорожным указателям было непросто. В отличие от Европы, где на дорогах везде понятные знаки, в Америке многие дорожные указания даны просто словами по-английски. На одном шоссе я не разобрался, что там было написано на зелёном щите, свернул не туда, куда надо, и через пять минут моя машина упёрлась в огромные стальные ворота, у которых стояла вооружённая военная охрана. Над воротами большими буквами было написано что-то вроде «Военно-воздушные силы США. База стратегических бомбардировщиков». Когда до меня дошёл смысл этих слов и увидел я, что к моей машине направляются несколько человек с оружием, у меня душа в пятки ушла: сейчас услышат мой русский акцент (это был 1978 год — Холодная война набирала обороты) и заинтересуются: неспроста ли сюда заехал этот человек из СССР? Однако всё обошлось совершенно дружественным образом. Когда я сказал охране, что заблудился и свернул не туда, на мой акцент никто внимания не обратил, документов не спросили и даже стали извиняться за то, что дорожный знак был не очень убедителен. Подробно объяснили, как мне выехать на нужную дорогу, подарили на прощание пару бутылок холодной воды и пожелали счастливого пути. Я сразу вспомнил, как лишь за год до того тоже по ошибке оказался у советского секретного объекта (см. про это мой рассказ), и подумал — какая всё же огромная разница между советскими людьми и американцами!

Вот ещё эпизодик на ту же тему. В фирме, где я в те годы трудился, разработал я электронный прибор для измерения артериального давления в домашних условиях. Для массового производства в него надо было встроить специальный чип. Мы стали искать компанию, которая такой чип могла бы для нас разработать, и вскоре остановились на предложении фирмы Хьюз Эйркрафт в Калифорнии. Основным бизнесом этой фирмы в г. Ньюпорт-Бич была авионика —

электронное оснащение для боевых самолётов, так что медицинский чип для них не являлся слишком сложной задачей. Я отправился на эту фирму для обсуждения технических деталей. Нет нужды говорить, что это было весьма закрытое производство и меня беспокоило, как я, недавний иммигрант из СССР, туда попаду без допуска (это был 1981 год. После вторжения советских войск в Афганистан Холодная война достигла уровня суровых заморозков). Однако, всё оказалось до смешного просто — я прилетел в Ньюпорт-Бич, работники Хьюза заехали за мной в гостиницу и повезли на фирму. Подошли к проходной, вынесли мне жетон с надписью «посетитель» и лишь попросили, чтобы я в присутствии охраны рот не раскрывал — иначе, сказали они, из-за моего русского акцента, могут возникнуть проблемы. В проходной я рот не раскрывал, проблем не возникло и меня, малознакомого им человека из Советского Союза, без допуска провели по всем отделам и лабораториям, с гордостью показали новейшие разработки авионики, к медицинским приборам совершенно не относящиеся, и вообще массу такого, что посторонним глазам видеть не стоит. Удивительно доверчивый был народ! Как теперь стало известно, СССР немало этой доверчивостью попользовался.

Или вот такой, более серьёзный случай. В большой компании я руководил группой по разработке медицинских приборов. Моя маленькая группа в несколько человек располагалась в углу огромного инженерного зала, где остальное открытое пространство занимал закрытый отдел, который разрабатывал роторные гироскопы — навигационные приборы для военных самолётов и ракет. Хотя тот отдел был закрытый, не только стен, но даже перегородок в зале не было, и я свободно ходил туда поболтать с инженерами или просто посмотреть на чудеса техники тех времён — роторные газовые гироскопы.

Однажды ко мне подошёл мой босс Алан Виллис, начальник отдела, и сказал, что они приняли на работу инженера, недавнего иммигранта из Польши, и решили, что ему место в моей группе. На следующий день я познакомился с новеньким, который назвался Стасом. Лет ему было около сорока, невысокий блондин, оказался он неплохим инженером, кроме польского свободно говорил по-английски, французски и немецки. Меня весьма удивило, когда он сказал, что пять лет назад уехал из Польши на работу во Францию, потом пару лет работал в ФРГ, а сейчас решил перебраться в Америку. Удивился я потому, что тогда Польша была социалистической страной и мне не верилось, что обычному инженеру можно было просто сесть в Варшаве на поезд и уехать на работу в капстрану. Я пошёл к Алану:

— Ал, — говорю я, — этот Стас мне кажется несколько странным. Как он мог вот так запросто поехать на работу из соцстраны в капстрану? Из СССР это было бы невозможно, и мне кажется, из

Польши тоже. Да ещё такой полиглот! И почему он всё время меняет страны? У нас здесь делают гироскопы, и меня беспокоит, что он может...

— А Стас хороший инженер? — перебивает меня босс.

— Да, как инженер он на уровне, но ведь в этом зале секретные разработки, а он...

— Господи, какие вы все из России параноики! — раздражённо говорит Алан. — Ты тоже из соцстраны, но мы же тебя приняли и ты тут работаешь, так почему нам не принять инженера из Польши? Закрытые разработки вон там, — он показал рукой в сторону зала, — а наш отдел ведь не секретный. Впрочем, если тебя это беспокоит, скажи Стасу чтобы он на ту сторону, где делают гироскопы, не ходил. Вот и всё решение проблемы. А коли он хороший инженер, так не морочь мне голову, пусть спокойно работает.

На том разговор закончился, и Стас продолжал работать. Человек он был скрытный, молчаливый, и о своей жизни не распространялся, я даже не знал, есть ли у него семья или родственники. Прошло месяца два, и однажды он не вышел на работу. Не вышел и на второй день. Когда не появился он на третий день, я позвонил ему домой, но телефон не отвечал. Короче говоря, Стас исчез. Никто не знал, куда он подевался. Прошёл ещё месяц, и однажды ко мне подошла секретарша и попросила зайти в кабинет к боссу. Алан сидел за столом, и вид у него был, как у побитой собаки. Напротив него были два господина с суровыми лицами, которые представились мне как агенты ФБР. Они стали меня расспрашивать про Стаса, но я о нём знал мало и сообщить им мне было особенно нечего. Алан мне потом сказал, что мои подозрения оказались верными. Больше мы о Стасе не слышали.

Зимой, году эдак в 1981-м, когда у нас с женой не только гражданства, но и «зелёной карточки» ещё не было, нам ужасно захотелось поехать в отпуск куда-нибудь в жаркие экзотичные места, лучше всего на острова Карибского моря, овечьные пиратской романтикой из книг детства. В турагентстве нам объяснили, что без документов за границу нельзя, но можно поехать на американский остров, например, на Сан-Томас. Так как это территория США, то надо просто купить билет на самолёт и всё, а формально границу пересекать не надо. Мы купили билеты, прилетели на Сан-Томас и провели там чудную неделю — купались, загорали, ныряли с аквалангами. Когда настало время лететь обратно на материк, мы приехали в аэропорт, получили посадочные талоны и направились к трапу самолёта. И тут с ужасом увидели, что у трапа стоят офицеры американской пограничной службы и спрашивают пассажиров: «Где вы родились?» В те годы при въезде в страну достаточно было сказать, что ты родился в США, а стало быть, гражданин и никаких документов

предъявлять было не нужно. Верили на слово. Увидев, что пограничники спрашивают пассажиров о месте рождения, мы поняли, что если скажем, что родились в СССР и не имеем при себе никаких документов, кроме водительских прав, нас в самолёт могут не пустить и будет большая морока с доказательством того, что мы имеем законное право лететь на материковую часть США. Что делать? Мы тогда ещё не избавились от советской привычки не откровенничать с властями (кстати, в нынешние времена и с американскими властями откровенничать не рекомендуется), поэтому решили на маленький обман – соврать, что мы родились в Нью-Йорке. Впрочем, враньё это было вовсе не безобидное – в Америке обман официальных лиц есть серьёзное нарушение закона.

Вот мы втроём, то есть моя жена, шестилетний сын Рома и я, подходим к трапу и слышим вопрос: «А вы где родились?» Жена спокойно говорит «Нью-Йорк» и её пропускают в самолёт. Я тоже говорю «Нью-Йорк» и начинаю подниматься по ступеням трапа, но тут наш честный ребёнок громко заявляет: «А я родился в Сибири!» Мы оцепенели от ужаса. Поняли — всё, доигрались! Прямо сейчас не только ссадят нас с самолёта, да ещё за враньё влетит по первое число. Но неожиданно пограничники хватаются за животы и начинают помирать со смеху:

— Нет, вы только посмотрите на этого маленького шутника! Ведь что придумал хохмач: папа родился в Нью-Йорке, мама – в Нью-Йорке, а он, вы только представьте себе – в Сибири! И откуда он слово такое знает? Марш в самолёт, врунишка!

Да, патриархальные были времена...

В заключение, расскажу ещё одну историю о том, какие законопослушные были американцы в прошлые годы. Для них не было принципиальной разницы между законами природы и законами, принятыми в обществе, — и те и другие не подлежали сомнению, но безусловному исполнению. Произошла эта история более сорока лет назад. Мы с женой, которая тогда была на сносях, и пятилетним сыном путешествовали на машине по американскому северо-востоку, то есть по патриархальной Новой Англии. Была середина лета, мы заезжали в маленькие городки, босиком бродили по прохладному прибою вермонтских пляжей, на опушках сосновых лесов собирали маслята, а потом в кемпингах их жарили на костре. Плана путешествия у нас не было, ехали куда глаза глядели, наугад. Гостиницы, мотели и кемпинги не резервировали, полагая, что всегда найдём какое-то пристанище, чтобы переночевать. В багажнике машины лежала палатка и прочие туристические штуки.

Тёплым июльским днём мы двигались в западном направлении от океана. Прячась за кронами высоких сосен, солнце склонялось к закату, и мы решили, что пора подумать о ночлеге. На карте разыскали

ближайший кемпинг и поехали туда. Зашли в офис и увидели надпись «Мест нет». Спросили у хозяина, что же нам делать, может поблизости есть какой-то другой кемпинг? Он развёл руками и ответил:

— Да вы что, ребята, сегодня ведь 4-е июля, праздник! Будет салют, куча приезжих. Все кемпинги и мотели забиты под завязку. Приезжайте завтра, а сегодня, извините, мест нет.

— А где же нам ночевать сегодня? – спросили мы. Он только плечами пожал. Мы для верности ещё с час покружили по окрестностям: заехали в пару других кемпингов, проверили в округе все отели и мотели, но, как он и сказал, мест нигде не было. Смеркалось. Мы уж совсем отчаялись, как у дороги увидели съезд в густой лес. На придорожном столбе была надпись: «Парк Штата. Добро пожаловать. Разжигать огонь и оставаться на ночь запрещено». Жена говорит:

— У нас выхода нет. Давай найдём в лесу какую-нибудь полянку, поставим палатку, переночуем, а рано утром тихонько уедем. Сегодня праздник, все гуляют, нас тут никто не заметит.

Дорога была пустынная, вдали виднелись огни какого-то посёлка, стрекотали цикады, и на небо медленно забиралась луна. Мы сошли с дороги, заехали в лес поглубже, среди зарослей нашли подходящую полянку, запарковали машину под деревом и быстро поставили палатку. Надули матрасы, забрались внутрь, рассказали ребёнку сказку, выключили фонарик и собрались спать.

Вдруг я услышал звуки моторов и невнятные голоса; на брезентовых стенах и потолке палатки заметались красные и белые сполохи. Что такое? Я выглянул наружу и увидел четыре машины, три из них были с мигалками. У машин стояли вооружённые полицейские и мощными фонарями светили на нашу палатку и машину. Щурясь от яркого света, мы выползли наружу, хорошо понимая, что влипли.

От группы незваных визитёров отделился пожилой человек в штатском и направился к нам. Подошёл, протянул мне руку и очень приветливо сказал:

— Добрый вечер, господа, поздравляю вас с 4 Июля. Меня зовут Билл, я мэр городка, что в двух милях отсюда. Позвольте узнать, почему вы здесь поставили палатку? Вы разве не видели надпись, что в парке оставаться на ночь запрещено?

Я пожал мэру руку, тоже поздравил его с праздником и пояснил, что нам негде ночевать, мы объездили все отели, мотели и кемпинги — мест нет нигде. Пообещал: мы только тут переночуем, никаких костров разжигать не будем, а рано утром всё за собой уберём и тихонько уедем. Но мэр вздохнул и грустно сказал, что по закону здесь ночевать нельзя и мы должны немедленно снять палатку. Закон штата запрещает ночевать в парках, а потому при всём к нам сочувствии он ничего с этим поделать не может. Я пытался его уговорить войти в

наше безвыходное положение. Объяснил, что жена моя на 8-м месяце и неважно себя чувствует (что было весьма заметно), ребёнку пять лет, и он капризничает, мы ужасно устали. Обещаем вести себя тише воды, ниже травы, не мусорить, только позвольте нам тут на полянке переночевать.

Мэр опять горестно вздохнул, покачал головой и сказал, что он лично рад бы нам позволить, но ведь это Закон и ничего с этим поделаться невозможно, а потому нам надо сматываться. Мы втроём опять начали его упрашивать чтобы он сделал исключение, но он только удивлённо на нас смотрел и никак не мог взять в толк, какое тут может быть исключение, если это Закон, а из законов ни для кого не бывает исключений! Ну разве можно уговорить, скажем, солнце, чтобы оно в виде исключения к вечеру ушло не на запад, а на юг?

— Вы, господа, поймите, — втолковывал он нам, — в нашей стране все люди перед законом равны. Если я позволю вам, то буду вынужден позволять и всем прочим, и что тогда станет с законом? Он превратится в пустую бумажку! Если нарушить этот закон, значит, можно будет нарушать и все прочие законы нашего штата. А если нарушать штатные законы, значит, можно нарушать и федеральные! Это неизбежно приведёт к краху демократии и в стране наступит хаос и беззаконие. Вот к какой катастрофе может привести ваша ночёвка на этой полянке!

Постепенно до нас стала доходить вся глубина нашего морального падения и нам стало стыдно за то, что своей ночёвкой в лесу мы можем невольно разрушить стройное здание великой американской демократии. Положение казалось безвыходным, но вдруг мэр широко улыбнулся и спросил:

— Ну а если я вам найду место в кемпинге, вы уедете отсюда добровольно?

Мы в один голос закричали, что только рады будем! Тогда он подошёл к полицейской машине и стал с кем-то говорить по рации (мобильных телефонов тогда ещё не было). Потом кивнул полицейским, чтобы помогли мне снять и упаковать палатку, а затем всем кортежем мы выехали из леса. Впереди шла полицейская машина с мигалками, за ней ехал мэр в своём джипе, затем мы, и замыкали процессию два полицейских круизера, тоже с мигалками. В ночном небе уже взрывались петарды и радужными блёстками мерцал праздничный салют. В сиянии небесных огней и грохоте канонады торжественной колонной мы проехали через городок под изумлёнными взорами зевак, которые вероятно думали, что не иначе как на праздник к ним приехал сам Президент. Таким важным манером прибыли мы в тот самый кемпинг, где до того не было мест. Мэр велел нам подождать в машине, зашёл в офис, через минуту вышел оттуда с хозяином и сказал, что, по его просьбе, для нас будет выделено место для

палатки. Опять поздравил нас с праздником, пожелал приятно провести отпуск, и они все уехали. Вот такой хороший человек — уважил закон, спас американскую демократию, да и нам помог. А ведь мог бы и выдворить взашей...

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Джефф Безос: Безжалостный гений

Прошлым летом состоялось онлайн заседание антимонопольного комитета палаты представителей Конгресса США, на котором был заслушан доклад о результатах годового «Расследования конкуренции на цифровых рынках». Перед Конгрессом, в роли обсуждаемых, впервые одновременно предстали все четыре титана виртуального мира —соответственно виртуально: Джефф Безос (Amazon), Тим Кук (Apple), Марк Цукерберг (Facebook), и Сундар Пичаи (Google). Суммарная капитализация их компаний уже превысила \$5 трлн. Пятый — Билл Гейтс (Microsoft), не присутствовал по причине непричастности к «движущей силе потребительской революции». Все они известны, как Big Tech или «Большая пятерка», доминирующая в индустрии информационных технологий США.

Акулы цифрового мира подверглись жесткой критике со стороны конгрессменов. Их обвиняли в злоупотреблении своим безграничным влиянием, в монополизации рынка и подрыве здоровой конкуренции, в том, что они поглощают другие компании и вообще ведут себя, как кибербароны — «разрушительным, вредным образом». Особая тревога высказывалась относительно Amazon — мирового лидера электронной коммерции, контролирующего уже большую половину всех розничных интернет-продаж Америки.

Пять с половиной часов Безос, Цукерберг, Пичаи и Кук были под перекрестным огнем конгрессменов... Да только что с того?

Не дали результатов и антимонопольные расследования со стороны Министерства юстиции и Федеральной торговой комиссии

Соединенных Штатов. Похоже, «Большая пятерка» настолько заматерела, что ей никто уже не указ и нет на нее управы. Она диктует свои условия не только компаниям-«спутникам», но и государственным деятелям, бесцеремонно затыкая им рты (твиттерская история с Трампом тому наглядный пример), устанавливая в хорошо организованном цифровом пространстве свои законы и правила.

Но ведь все эти интернет-компании работают на нас – пользователей-потребителей. Широчайший спектр бесплатных онлайн-услуг и высокий уровень обслуживания делает их желанными, востребованными, необходимыми. И всем нам нет дела до того, что эти услужливые, трогательно предупредительные невидимки незаметно и ненавязчиво вызревают – где-то там, в параллельном мире – в триллионовых «кибербаронов», в «частные правительства», поглощающие, прибирающие к рукам мировую экономику, топчущие и уничтожающие всё, что им кажется устаревшим, неконкурентоспособным. (Если бы только онлайн!)

Предлагаю устроить «раздевалку» одному такому кибербарону – хозяину империи Amazon.

Для кого-то начало, для кого-то конец

Начинал Джефф Безос скромно, с продажи книг онлайн, и до сих пор уделяет им особое, я бы сказала, отеческое внимание. Но уже тогда, почти четверть века назад, предрекал: «Мы в Amazon строим бизнес, который переживет всех нас». Первые 6 лет созданная им компания приносила одни убытки. Следующие 10 лет приходилось

балансировал на грани. Книжный магазин перерос в «магазин всего». А попутно к нему столько всего добавилось, что и разбираться не стоит, чтоб не запутаться.

Трудно сказать, чем руководствовался Джефф, подыскивая в 1994 году название для задуманной им интернет-компании, когда остановился на «Relentless», что означает «Безжалостный». Скорее всего, в основу будущей империи, идущей к цели по чужим головам и судьбам, он хотел заложить одному ему известные беспроектные свойства собственной натуры. Потом он все же переименовал компанию в Amazon – по аналогии с самой большой на планете и самой загадочной рекой, во что, собственно, ее и превратил. Но первое название на своем сайте бережно сохранил.

К намеченной цели Безос шел под девизом: «Или мы первые, или мы проиграли». Чтобы стать первыми, всю свою прибыль компания вкладывала в развитие бизнеса – вплоть до 2001 года. А дальше, быстро наращивая обороты, Амазон начал превращаться в гиганта электронной коммерции, монополизируя рынок и поглощая одну компанию за другой. Давно ставшие привычными для американцев – как само собой разумеющееся – магазины и старейшие торговые сети, не выдерживая конкуренции, банкротились и переставали существовать.

J.C. Penney, компания, продававшая дешевую обувь и одежду, закрыла 9300 своих торговых точек и ушла в небытие. Исчезла добрая сотня магазинов Sears и Kmart. Macy's закрывает около 20 своих магазинов. Toys «R» Us, продававшая игрушки, одежду и другие товары для детей, обанкротилась, вышла из бизнеса и закрыла больше 2 500 магазинов по всему миру (из них 800 – в США). Еще целый ряд торговых компаний-банкротов в общей сложности закрыл 3 720 магазинов. О мелких частниках мы уже не говорим.

В 2013 году Безос купил за \$250 млн гордость Америки – газету The Washington Post, обладателя 69 «пулитцеров». И, вопреки ожиданиям, помог знаменитой редакции пережить цифровую трансформацию, превратив ее в «медийную технологическую компанию», утроившую число онлайн подписчиков (до 3 миллионов) и увеличившую штат журналистов до 800 человек.

В 2017-м он поглотил Whole Foods, выкупив за \$13,7 млрд всю сеть супермаркетов натуральных, экологически чистых продуктов. Теперь он добрался до аптечного бизнеса, грозя всей сети разорением. В 2018-м за \$1 млрд Амазон купил перспективную интернет-аптеку PillPack, специализировавшуюся на доставке лекарств по рецептам пациентам с хроническими болезнями. Получил все необходимые лицензии, а затем объявил, что запускает собственную интернет-аптеку Amazon Pharmacy во всех штатах Америки. Отныне на Амазоне можно купить всё, что связано со здоровьем, включая лекарства по

рецепту. Понятно, чем это обернется для многочисленных американских Pharmacy, традиционно обслуживавших клиентов. Акции фармацевтических гигантов Walgreens, CVS Health и Rite Aid уже начали стремительно падать.

Можно, конечно, равнодушно пожать плечами – се ля ви, такова цена очередного прогресса, и Амазон – лишь один из его фигурантов.

Всех отраслей, куда дотянулись длинные руки Безоса, все равно не перечислить. Диапазон его интересов безгранично широк – от IT технологий до собственной киностудии Amazon Studios. Но на особом месте его второе, после Амазона (если не первое), любимое детище – аэрокосмическая компания Blue Origin, основанная им в 2000-м году на своем ранчо в Техасе.

Джефф Безос, как Илон Маск (SpaceX) и британский магнат Ричард Брэнсон (Virgin Galactic), мечтал стать основоположником космического туризма (добавим – коммерческого) на многоцветных космических кораблях, да время, видно, пока не пришло. Несмотря на многомиллионные контракты NASA, Blue Origin пробуксовывает, оставаясь убыточной. Безос не унывает. Он, похоже, вообще никогда не унывает – просто продает свои акции Amazon – на \$1 млрд в год, чтобы финансировать проекты Blue Origin и содержать свой собственный космодром.

А космодром у него знатный – на территории, купленной там же – в Техасе, площадью 770 км². Здесь заранее все предусмотрено для приема и подготовки космических туристов. А еще бизнесмен-мечтатель приобрел во временное пользование пусковой комплекс 36 ВВС США на мысе Канаверал, переделав его в частный космопорт. Но, поскольку при жизни Безосу, как он сам считает, космических туристов уже не дождаться, его аэрокосмическая компания перекаленичилась на орбитальный технологический бизнес, в качестве поставщика ракетных двигателей для других компаний.

Однако вернемся к Amazon. Количество сотрудников мегакорпорации давно перевалило за миллион – на данном этапе 1 125 300 человек. (Правда, Амазону еще далеко до Walmart, где работает 2,2 миллиона человек по всему миру.) Глобальная Штаб-квартира компании со дня своего основания – после того, как она вылупилась из гаража Безоса – находится в Сиэтле. Чтобы разместить более 45 000 корпоративных сотрудников – технических специалистов и управленцев, Амазон построил там, или арендовал, сорок зданий, осовременив заодно инфраструктуру облюбованных районов города.

Пару лет назад компания решила осовременить и свою Штаб-квартиру, по примеру таких же процветающих конкурентов, Google и Apple. Сохранив за собой большую часть занимаемых зданий, Amazon построил современный кампус, стоимостью \$4 миллиарда. Художественным дополнением к трем башням из тонированного

стекла и бетона служат гигантские стеклянные шары, мгновенно ставшие новой достопримечательностью Сиэтла. Три взаимопроникающие сферы выполнены в форме дельтоидального гексеконтаэдра. Заковыристые здесь не только геометрические термины, но и сами футуристически-фантастические конструкции.

Штаб-квартира Amazon в Сиэтле

The Spheres («Сферы»), и их содержимое настолько интересны, что компания раз в неделю разрешает туристические туры для всех желающих познакомиться с «тропическим офисом Амазона», как его прозвали. Сферы представляют собой этакий мудреный (облачный) ботанический сад. Там размещено 40 000 саженцев и собраны уникальные растения и деревья (которые внедряли прямо с вертолета, через ячейки сфер) - 400 видов с пяти континентов, из пол сотни стран.

Среди экзотической природы разместились бар, ресторан, офисные площадки – в тени деревьев или нависающие над садом, где сотрудники могут встречаться с коллегами, с инвесторами, с представителями заинтересованных в сотрудничестве компаний, с перспективными специалистами, которых стоит переманить, и просто посидеть в одном из райских уголков Сфер в творческом одиночестве, размышляя об очередных инновациях для родной компании.

Офисные небоскребы комплекса и его Сферы имеют уникальную отопительную систему тепловой энергией, спрятанную в искусственных пнях «тропического сада», в бетонных полах, и даже – в поручнях лестничных пролетов на верхних этажах зданий.

Экскурсия по «Сферам» Штаб-квартиры
Amazon. https://www.youtube.com/watch?v=MRwLyefu0G0&feature=emb_rel_pause

Закончив первую помпезную штаб-квартиру, Амазон начал подыскивать место для второго головного офиса, потому как в Сиэтле им уже оккупирована пятая часть всех офисных площадей. За право предоставить ему такую возможность борются мэры 240 американских городов.

Начав с США, Amazon разбросал свои центры по всему миру – в Канаде, Бразилии, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Польше, Испании, Индии, Китае, Японии, Австралии. Помимо штаб-квартиры в Сиэтле, есть еще европейская штаб-квартира – в Люксембурге. И в Лондоне, с венчающей комплекс 15-этажной башней Principal Place. На крышах зданий лондонского комплекса, для отдыха офисных сотрудников компании, разведены сады, открыты рестораны и фуд-корты, баскетбольная площадка, теннисный корт, бассейн.

Штаб-квартиры, центры, офисы, склады различных назначений. И всё это люди, люди, люди – колоссальное, созданное Амазоном, количество рабочих мест. Не компания уже, не корпорация, а гигантская умная торговая машина без конца и без края, обеспечивающая потребителей всем, что только их душа пожелает, всемирная империя по обслуживанию населения Земли на высочайшем уровне, с широким использованием последних достижений в области высоких технологий и искусственного интеллекта.

Вряд ли найдется сегодня человек, не пользующийся услугами Amazon (А кто не пользовался – пандемия заставила). Мне лично этот виртуальный «джентельмен» помог купить мебельный гарнитур, обувь и одежду для всех членов семьи, бытовую и электронную технику, и даже запчасти к ним. Заказал для меня из Африки, из Австралии и доставил на дом саженцы и семена редких растений. Снабдил всеми видами витаминов, масками и перчатками – с началом пандемии. (Правда, цены на них по сей день выделывают бесконтрольные кренделя.) Когда сын подарил мне попугая, я нашла на Amazon всё, что необходимо для его содержания и развлечений, вплоть до cuttlebone (кости каракатицы). Да, господа, куда труднее назвать то, что не продается в этой лавке чудес.

Покупателю иметь дело с Amazon одно удовольствие – прекрасный сервис и абсолютное удобство. Мгновенное оформление покупки – одним нажатием кнопки, без нудного заполнения анкетных данных, если вы постоянный клиент. Нереально быстрая доставка заказанных товаров. Оперативное решение возникающих проблем –

как правило, в пользу клиента. Если покупка оказалась неудачной – бесплатный возврат, не выходя из дома.

Всё это обеспечивает Prime Membership, дающее множество преимуществ, включая one day delivery и пятипроцентный денежный возврат с каждой покупки, который, суммируясь, делает вам приятные сюрпризы.

Бурно развиваясь, цифровой Amazon нуждается в непрерывном притоке свежих умов инженеров-программистов, специалистов по обработке ИИ-данных и других технологий автоматизации, менеджеров для управления рабочей силой с помощью систем компьютерного зрения, и конечно – богатых, влиятельных инвесторов. На повышение квалификации своего персонала (ста тысяч специалистов) Amazon ассигновал свыше \$700 млн. Постоянно осуществляются поиски и наем талантливых специалистов в центры Amazon по всему миру. Их, этих центров, огромное количество – 15 штук в разных штатах США, два в Канаде, 16 – в Европейских странах, в Японии, Израиле (2), Индии (4), по одному – в Южной Африке и Центральной Америке.

Цифровая элита трудится в офисных зданиях с высоченными потолками, панорамными окнами, тропическими садами, ресторанами и спортивными площадками в кампусах или на крышах. А сортируют, пакут и доставляют заказы клиентам совсем другие люди, чей труд (в нашем-то XXI веке!) мало чем отличается от труда рабов, которым даже в туалет лишний раз пойти возбраняется – работниками, едва сводящими концы с концами, вынужденными пользоваться государственными подачками в виде фуд-стемпов, чтобы прокормить свои семьи. И это в богатейшей, фантастически успешной компании, хозяин которой еще вчера был самым богатым человеком планеты.

Джефф Безос парадоксален как личность, и, соответственно, парадоксален его Amazon. Вне сомнения, он – гений в сфере бизнеса. И как все гении – со своими завихрениями. Но одно дело, когда завихрения у гения-одиночки, и совсем другое, когда в его турбулентность оказываются втянутыми сотни тысяч людей.

«Кажется, что Amazon не имеет смысла, – пишет Bloomberg Gadfly. – Это самая странная компания в мире. Она продает мыло – и выпускает мыльные оперы. Продает вычислительные мощности правительству США – и может прислать вам на дом курьера со средством от простуды. Она расширяет свое влияние вопреки логике, чем пугает конкурентов, воспринимающих ее как угрозу...»

Но ведь Amazon такой лапочка, такой услужливый, безотказный, с таким сумасшедшим сервисом! В чем же его парадоксальность? А в том, что трогательно хорош он, увы, только по отношению к потребителю, поскольку Безосом изначально была дана установка – себе и своим сотрудникам: всё для потребителя, потребитель превыше

всего. Вот мы, согласно установке, и купаемся в ласковых объятиях Безоса, помогая ему, в свою очередь, купаться в миллиардах, растущих с невероятной скоростью – всё поровну, всё справедливо.

«Успех Amazon поддерживается условиями труда, напоминающими потогонные фабрики из произведений Диккенса, - заканчивает свою характеристику Bloomberg Gadfly. - Но это не мешает ее популярности в народе.» (Конечно, не мешает. Ведь нам с Амазоном так хорошо.)

Речь идет об огромной армии бесправных, замученных непосильным трудом трудяг, обеспечивающих нам комфорт, а Безосу богатство. Одно из правил миллиардера: «лидеры начинают с клиента и работают в обратном направлении», маниакально выполняемое его менеджерами, привело к бесчеловечным перекосам во внутренней структуре компании.

Национальный совет по охране труда и здоровья США опубликовал список Dirty Dozen, в который занесены самые неблагоприятные и опасные рабочие места в стране. Склады Amazon украшают собой эту «Грязную дюжину».

Работники расцениваются там исключительно как средство обслуживания клиентов. Их и за людей-то не считают – так, придатки к робототехнике, за ней, за этой самой техникой, на свою беду, не поспевающие. Роботы на складах появились не сразу, и большой вопрос, когда людям было легче – с ними или без.

Безосовская компания, как мифическое дитя, растущее не по дням, а по часам, и сама едва поспевала за собственным ростом. Джефф, на пару со своей умницей женой, выпестовывал ее с гаража в какой-то горячечной спешке. Так, «на скаку» компания и функционирует по сей день, сама превратившись в одного гигантского робота.

Бизнесмен-новатор, не выпускающий плети из рук, по натуре скаредный тиран-трудоголик, отдающий бизнесу всего себя, и того же требующий от своих подчиненных – работу на износ, без выходных, без сверхурочных, за одну голую зарплату, причем заниженную. Не соответствующих – за борт.

Организация труда на складах Amazon с самого начала имела свою специфику, очень смахивающую на эксплуатацию, с нарушением всех прав человека, за которые Америка так рьяно борется. Протесты и жалобы на компанию не действуют. В этом жестоком царстве коммерции свои, драконовские законы: если ты не клиент, то ты – раб. Компанию интересует только одно – все более и более высокая продуктивность. Все, что этому мешает – отсекается. А что может мешать? Человеческий фактор – травмы, отгулы, перерывы на обед, болтовня во время работы, телефонные звонки, отлучки по нужде.

Телефоны отбираются на входе. Отгулы в компании не только не приветствуются, но и таят в себе угрозу увольнения, причем без

предупреждения, поскольку решения принимает электронное всевидящее око.

Травмы, полученные на рабочем месте, – статья особая. Из-за чрезмерной утомляемости и снижения внимания они всегда присутствовали и резко увеличивались во время праздничной запарки, когда работникам приходилось колесить по необъятному складу, наматывая за смену до 20 километров.

Пострадавших отправляют домой в неоплачиваемый отпуск. А если кто-то вздумает потребовать компенсации, его увольняют. Есть много свидетельств тому, что люди, получившие травмы на складах Amazon, теряли не только работу, но и жилье, в буквальном смысле оставаясь на улице без средств к существованию. Причем речь идет не о серьезных, дорогостоящих увечьях, а о временных проблемах, решаемых за недели.

Из страха потерять работу далеко не все сообщают о полученных травмах.

Amazon – компания высокотехнологичная, не то, чтобы идущая в ногу со временем, а действующая на опережение. Одной из первых в Америке она начала оснащать свои склады робототехникой восьмого поколения – для ускорения процесса доставки. Безосу приглянулась компания Kiva Systems, разработавшая и производившая на заказ принципиально новую систему складских беспилотных роботов для перемещения целых стеллажей товаров по маршрутной сетке. Чтобы не делить заказы с конкурентами, в 2012 году Безос купил сразу всю компанию за \$775 млн. И теперь Kiva Systems, переименованная в Amazon Robotics, производит роботов исключительно для складов Amazon.

Нет, это еще не тотальная роботизация, какую китайцы, например, уже используют в Шанхае. Здесь пока люди и роботы трудятся сообща. Проблема в том, как трудятся. Роботы, не знающие усталости и не нуждающиеся ни в перерывах, ни в отлучках, работают слишком быстро. Чтобы им соответствовать, персонал складов обязали повысить производительность труда в 4 раза. То есть живых людей пытаются приравнять к роботам, рассчитывая их движения по секундам. В результате люди пребывают в состоянии постоянного стресса, порождающего не только физическую, но и эмоциональную усталость, депрессию, нервозность.

«От меня требуют переместить каждый товар с области приёма на полку за 12 секунд, не больше, - рассказывает молодая укладчица. - Между каждым движением есть ещё 5 секунд. Если за неделю я не выполнила норму хотя бы на 80%, я получаю выговор. Мне нужно найти ритм, и работать на предельной скорости. Даже тяжелые вещи нужно двигать очень быстро, иначе я потеряю свою работу. Я

перемещаю где-то 600 товаров на полку. Потом она уезжает, и я начинаю всё сначала.»

Издание Reveal, осуществившее масштабное журналистское расследование положения складских работников в компании Amazon, обнаружило, что в 2019 году на его 150 складах было зарегистрировано 14 тысяч травм. В числе шокирующих подробностей, опубликованных Reveal, есть, например, такие:

«Роботизация увеличила количество травм на 50%; менеджерам рекомендовано не регистрировать тяжёлые травмы, находить способ отговорить травмированного от жалоб и обращения за медицинской помощью; за неделю работы без травм рабочих угощают пиццей – многие жалобе предпочитают кусок бесплатной еды; в результате «сотрудничества» Amazon с медучреждениями, последние стараются не регистрировать травмы складских работников, дабы не привлечь внимание инспекторов и прессы, не прописывать лекарства и не отправлять пострадавших на больничный. В противном случае компания меняет клинику на более сговорчивую.»

Под нажимом всесторонней критики компания в конце концов сделала вид, что пошла на уступки. Она увеличила минимальный оклад для своих работников, аж, до \$15 в час. Казалось бы, победа, и все довольны. Ан нет – все, кроме самих работников. На следующий день после повышения зарплаты были аннулированы льготы на приобретение акций компании и прекращены выплаты за сверхурочные (а перерабатывают там практически все поголовно – таков, заданный Безосом, стрессовый стиль их работы). В результате складские работники снова оказались в проигрыше.

По-своему решил Amazon и проблемы травматизма на роботизированных складах, зачастую связываемые со столкновениями роботов с работниками. Чтобы помочь роботам лучше ориентироваться – где стеллаж, а где живые люди, для сотрудников изготовили специальные жилеты, оснащенные системой датчиков и сенсоров. Насколько безопасно и удобно человеку десять часов в день носить на себе наверняка не легкий, напичканный электроникой жилет, неизвестно.

А чтобы подстегнуть неповоротливых хомо сапиенс, пробудить в них азарт и соответственно – стимул двигаться повеселее, программисты Amazon придумали развлекалку, геймифицировав рабочий процесс. А что, великолепная идея – превратить монотонный, изнуряющий однообразием труд в веселую игру. Но не стоит обольщаться.

Как играют сортировщики и укладчики? Видеоигры выводятся на дисплей сканера-пистолета, который они не выпускают из рук, маркируя товар. Сюжеты варьируются – можно сразиться с виртуальными драконами или погонять на «Феррари», можно

построить целый замок, или отправиться в космическое путешествие. Графически все это выглядит продуманно примитивно, чтоб игрок не отвлекался на детали и художественные изыски.

Соревнуются между собой – через игру – отдельные работники, команды и целые этажи – в скорости сбора заказов и их упаковки, в снижении количества ошибок. Игрокам насчитываются очки, а победителей ждет вполне себе приличное вознаграждение.

Почин Amazon, как водится, подхватили и другие крупные компании. Через геймификацию работодатели добиваются роста производительности. Правда, практика показала, что попытка замаскировать тяжелый труд под игру через месяц-другой себя изживает, и работники теряют к ней интерес. Особенно те, что постоянно проигрывают.

По сути это лишь дополнительная эмоциональная нагрузка на человека, и без того находящегося на грани срыва. Вспомним, что с роботизацией процесса, складские работники вынуждены работать в 3-4 раза быстрее. Цель игры – еще больше ускорить этот процесс.

Amazon создал беспрецедентную систему контроля на своих складах. Она не только фиксирует каждое движение работника, скорость выполнения задания, паузы, промедления и отсутствие на рабочем месте, но и, по своему ИИ-усмотрению, анализирует его действия с позиций рентабельности и качества. И сама рассылает уведомления. Если работник не соответствует установленным нормам, не научился работать со скоростью роботов, он сначала получает одно или несколько ИИ-предупреждений, а потом – ИИ-сообщение об увольнении. Так – автоматически – было уволено несколько тысяч человек.

Для слежки используются и видеокамеры, повсюду установленные на складах. Работникам запрещается собираться группами и разговаривать, что, помимо снижения темпов труда, таит в себе угрозу объединения в профсоюзы.

Кому-то пандемия враг, а кому – иначе

Локдаунам, вызванным пандемией, вынужденно подчинялись большие и малые бизнесы. Крупные интернет магазины, такие, как Apple, Nike, Patagonia, тоже закрывались, чтобы не заражать своих и не способствовать распространению инфекции. А как повел себя Amazon?

Ему было не до локдаунов. Известно, что shopping – самое любимое занятие американцев. Закрывающие свои двери магазины, необходимость сидеть дома, страх заражения и просто вынужденное бездействие побуждают людей в разы чаще обращаться в онлайн

торговые точки, в первую очередь – в милый, услужливый Amazon. Разве мог Безос упустить такой момент.

Компания еле поспевает выполнять заказы. Деньги текут рекой. Собственные работники складов не справляются с нагрузкой. Людей катастрофически не хватает. И Amazon, игнорируя объявленный карантин, открывает дополнительные 100 тысяч рабочих мест для людей, временно потерявших работу в связи с пандемией.

Только вот зловерный коронавирус никого не щадит. В первые же месяцы пандемии работники более десяти складов Amazon оказались зараженными. Компанию это не особо смутило. Она не закрыла склады на карантин, и даже не позаботилась об элементарных средствах защиты и дезинфекции. А возникшую ситуацию сколько могла скрывала, и не только от прессы, но и от собственных сотрудников.

Заболевших отправляли домой, только когда симптомы становились слишком явными... А ведь носители смертоносной инфекции, помимо того, что рискуют собственной жизнью, еще и подвергают опасности миллионы заказчиков – нас с вами! Не граничит ли такая халатность руководства – цена которой человеческая жизнь – с преступлением?

Только осенью, под давлением защитников труда, после того, как несколько тысяч сотрудников Amazon в США и Европе подписали петицию протеста, а происходящее в компании привлекло внимание прессы и широкой общественности, Amazon вынужден был обнародовать статистику, признав, что на его американских складах коронавирус был обнаружен почти у 20 тысяч человек.

Цена бесплатной Prime доставки

О том, каково это работать на складах Amazon, соглашаются рассказать в основном те, кого уже уволили (работающие не рискуют.) Вот пример бесхитростных откровений 20-летней работницы ночной смены, опубликованный американской журналисткой Justine van der Leun:

«По сути, вся моя жизнь проходит на складе. Я отсыпаюсь весь день, встаю в 3-4 вечера. Ем и еду на работу к 17:30, стараясь перед дорогой сходить в туалет. Ситуация с туалетами — настоящий кошмар. За 10-часовую смену у меня есть два 15-минутных оплачиваемых перерыва, и один 30-минутный, неоплачиваемый – на обед. Склад огромный, и просто дойти до туалета и обратно занимает 7-10 минут. Так что делать всё нужно быстро, а терпеть – долго. Причем мне приходится много пить, потому что работа физическая. Хорошо помыть руки времени нет. Иногда приходится терпеть целый день, чтобы не отстать от графика и не получить выговор.»

Вообще туалеты на складах Amazon – камень преткновения для его работников и едва ли не самая большая проблема. «Я помочился в ящики для заказов, потому что боялся не добежать 270 ярдов до туалета, – признается один из них. – А что мне было делать, ведь я не хочу лишиться работы.» Услышав такое, не сразу и сообразишь, какая связь между физиологической потребностью человека и страхом остаться без работы.

По данным Worker rights platform Organization, 74% работников избегают пользоваться туалетом из страха пропустить целевые очки. Темп работы на складах Amazon настолько высок, что большинство работников держит при себе пластиковые бутылки для малой нужды, только бы производительность их труда не пострадала. Об этом впервые стало известно, когда протестующие, с плакатами «Мы не роботы», вышли на улицы по всей Великобритании, требуя нормальных условий труда.

После критики в СМИ и массовых протестов Amazon снова пошел на уступки (если можно назвать уступками очередной садизм) – складским работникам порекомендовали носить... подгузники для взрослых, дабы не тратить драгоценное время на хождение в туалет. И предложили десятипроцентную скидку на покупку оных, предупредив, что привыкать к ним следует не на работе, а дома.

Стоит вспомнить, что Amazon сначала купил за \$500 млн Quidsi – дочернюю онлайн-компанию Diapers, торговавшую подгузниками, а потом, с помощью серии отработанных приемов, съел и саму Diapers. Так что за подгузниками далеко ходить не надо – есть свои. А если учесть, что на складах компании трудятся сотни тысяч человек, «нововведение» должно принести ей неплохой навар.

Беспокойство сенаторов-демократов США по поводу данной ситуации руководство компанией отвергло, спокойно возразив, что их сотрудники не имеют возможности нарушать рабочий ритм частым хождением в туалеты.

Понятно, что такой тюремно-военный режим долго выдержать невозможно. Тяжелейшие условия работы вынуждают сотрудников Amazon обращаться в рабочие союзы, к сенаторам, тысячами выходить на улицы с акциями протеста. Забастовки прошли в десятках стран, включая США, Великобританию, Германию. Люди требуют послаблений надзора, улучшения условий труда, повышения заработной платы и средств индивидуальной защиты от пандемии.

Прошлым летом перед домом Безоса, в Вашингтоне, анонимные амазоновцы установили импровизированную гильотину, виртуально казнив своего ненавистного босса. В Нью-Йорке устроили забастовку сортировщики центра Amazon (JFK8), где работает 4500 человек. Они требовали провести полную дезинфекцию рабочих мест, снабдить

каждого необходимыми средствами защиты, на пике пандемии отправить людей в двухнедельный оплачиваемый «локдаун».

Возглавлявший стачку заместитель управляющего центром Кристиан Смоллс обвинил руководство и основателя компании Джеффа Безоса в плохой организации защиты своих работников от коронавируса, в том, к примеру, что их заставляют менять резиновые перчатки всего два раза в неделю.

Как среагировала компания на критику, угадать несложно. Требования бастующих были проигнорированы, а зачинщика уволили. «Я разочарован, но не удивлен, – сказал Кристиан Смоллс. – Amazon всегда поступает подобным образом, когда речь заходит о правах и безопасности ее сотрудников.»

Постоянно придумывая что-то новое, чтобы ублажать, восхищать и привязывать своих Prime клиентов, руководство Амазона ввело очередное новшество – скоростную доставку заказов (one day delivery). Нам – клиентам, очень удобно, чего не скажешь о тех, кто приводит его в исполнение. Потому что им теперь, в принудительном порядке, приходится отбывать, так называемую, ночную 10-часовую смену – с 1:20 ночи до полудня. И неважно, что такой график, разбивающий и день, и ночь, людям (имеющим, между прочим, детей, семьи) крайне неудобен.

Скупость или рациональность?

Джеффа Безоса обвиняют в скупости. Да если бы он не был скуп, разве стал бы он, будучи самым богатым человеком планеты, высасывать последние соки из людей, обеспечивающих ему успех.

Ему ставят в упрек, что он один из немногих миллиардеров, не пожелавший присоединиться к филантропической инициативе «Клятва Дарения», запущенной Биллом Гейтсом и Уорреном Баффеттом, по условиям которой миллиардеры берут на себя обязательство жертвовать на благотворительность не меньше половины своего состояния. (К «Клятве дарения» присоединились 204 миллиардера из 23 стран.)

А вот его бывшая супруга, Маккензи Скотт, став после развода одной из самых богатых женщин мира, за первые же четыре месяца пожертвовала на благотворительность 4,2 миллиарда долларов, и собирается продолжать в том же духе, тем более, что ее новое состояние, вместе с прибылями Амазона, постоянно растет.

В оправдание Безосу можно сказать, что, в отличие от него, Маккензи не озабочена проблемами и задачами гигантского бизнеса, не вкладывает баснословные средства в его рост и развитие – в десятках направлений, не содержит миллионный штат сотрудников, не строит постоянно новые производственные здания, станции доставки,

сортировочные центры и прочее и прочее. Да нет, это не оправдание. Если я правильно понимаю, всё выше перечисленное делается за счет средств корпорации, а не из собственного кармана.

В 2018 году Безос с женой основали благотворительный фонд Bezos Day One, на сумму \$2 млрд, в задачи которого входит поддержка бездомных семей и финансирование образовательных программ (сети дошкольных учреждений) для малоимущих.

Второй некоммерческий фонд, Bezos Earth Fund – с бюджетом \$10 млрд – был основан им в 2020 году. (К нему мы еще вернемся.)

На территории фешенебельного кампуса штаб-квартиры Amazon, в Сиэтле (того самого, со стеклянными шарами), Безос построил восьмиэтажный дом, весь из тонированного стекла, и открыл в нем большой приют для бездомных, рассчитанный на 200 семей. В приюте отдельные комнаты и коммунальные удобства, какие не в каждом обычном доме бывают (например, не только душевые, но и ванны). Жест поистине «звонкий».

Один пользователь сетей оставил под этим известием едкий комментарий: «Клёво, теперь сотрудникам и владельцам бизнесов, не выдержавшим конкуренции с Amazon и разорившимся, будет где жить!»

2021 год Amazon начал с добрых дел, создав, по примеру Google (Alphabet), Apple, Microsoft и Facebook, благотворительный фонд «Amazon Housing Equity Fund» – для строительства доступного жилья малоимущим семьям, инвестировав в него \$2 млрд. Строительство будет проходить в трех регионах США, где у компании сконцентрированы крупные объекты, иными словами – для обустройства своих работников.

Кстати о благотворительности. Осенью 2019 года Amazon запустила программу Fulfillment by Amazon Donations, задача которой отдавать нераспроданные или возвращенные товары соответствующим фондам и организациям. Странно, что общепринятая в Америке практика дошла до Безоса и его сотрудников так поздно. Ведь с амазоновских складов миллионами выбрасывали на свалку или уничтожали абсолютно новые, но залежавшиеся, невостребованные товары...

Продолжение статьи в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/11908>

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

Джонни Кэш: «Я в своих песнях никогда не врал». Из цикла «Памятные встречи»

- Этот парень в чёрном - лучший музыкант в стиле кантри.
- В своих песнях он говорит только правду.
- Он живая легенда.

...Так говорили почитатели таланта певца Джонни Кэша, побывавшие на его концерте в национальном парке Беар Маунтин под Нью-Йорком. Около десятка тысяч зрителей собралось на гигантской лужайке перед открытой эстрадой. Стараниями нашего телевизионного продюсера Раисы Черниной (ставшей потом моей женой) нам удалось поговорить с артистом за несколько минут до его выхода на сцену.

- Чем вы можете объяснить непроходящую любовь американцев к стилю кантри?

- Это народная музыка, музыка народа Америки. В традиции фольклорных баллад.

- Испытывает ли кантри влияние других музыкальных стилей и оказывает ли влияние на них?

- Я думаю, кантри влияет на рок больше, чем рок влияет на кантри. В свою очередь кантри испытывает влияние таких стилей, как госпел, блюз или традиционный фолк. Ведь раньше кантри вообще называли фолком.

- Теперь на другую тему. Многие талантливые люди прошли через тюрьмы и ссылки. Это и Достоевский, и Солженицын... Отсидевшие в тюрьме смогли потом написать много глубоких, философских сочинений. Хемингуэй считал, что настоящий мужчина должен пройти войну и тюрьму. Чтобы стать серьёзным писателем или сочинять хорошие песни, надо ли провести какое-то время в заключении?

- Не обязательно. Достаточно иметь богатое воображение. Для творчества важнее иметь хорошее воображение, чем собственный опыт. У меня были проблемы с законом, но я никогда не сидел в тюрьме, не был признан виновным в каких-либо преступлениях. Если ты сочиняешь музыку не только для себя и своих родственников, но для своего народа, ты должен представлять себе жизнь разных групп населения, в том числе жизнь тех, кто нарушал закон и был за это наказан.

- Вы в своих песнях иногда говорите о надежде на помощь свыше.

- Господь, в основном, помогает тем, кто помогает себе сам. Важно поступать в соответствии с заповедями. Помощь свыше надо заслужить. Не Бог, а ты сам выстраиваешь свою судьбу, так что не надо потом обвинять Всевышнего в своих ошибках, мол, это Он не уберёг меня, не предупредил.

- Почему современная музыка, современная песня иногда пробуждает у слушателей звериные, животные инстинкты, желание не строить, а разрушать?

- Да, влияние может быть как положительным, так и отрицательным.

Причём, музыка может разрушительно воздействовать не только на слушателей, но и на самих сочинителей и исполнителей. Мы, артисты, выступающие перед публикой, должны чувствовать ответственность за своё влияние. Если люди приходят, чтобы послушать меня, если им нравится моя музыка и они верят мне, моим песням, я не могу их обманывать, не могу проповедовать насилие.

Песни есть плоды моей фантазии, хотя в основе некоторых из них могут лежать подлинные события. Даже если я пою от имени человека, осуждённого за убийство, это не значит, что я его оправдываю и верю в право на убийство

Джонни Кэш (в центре), Александр Сиротин (с микрофонами) и телеоператор Александр Беликов (с телекамерой). Фото Раисы Черниной

. Вовсе нет. Большинство песен – результат полёта фантазии.

- Если бы вы поехали на гастроли в Россию, какие бы песни там пели, с чем обратились бы там к людям?

- Мне было бы интересно поехать в Россию. Раза два-три я уже планировал эти гастроли, но каждый раз они срывались по каким-то причинам. Если я всё же поеду, то буду исполнять свои лучшие песни кантри, фолк, чтобы рассказать русским людям о людях Америки. Заодно я бы воспользовался случаем побывать в роли туриста, посмотреть как можно больше, познакомиться с жизнью россиян, чтобы набраться впечатлений, которые потом, возможно, легли бы в основу новых песен. Я хотел бы своими песнями помочь пониманию между людьми, но не поучал бы, не читал проповеди, а только свидетельствовал, дабы люди обретали веру. И ещё я бы пожелал им мира и счастья. Ведь люди рождаются на свет божий не для войн и страданий, а для мира и счастья. Вообще я убеждён, что антагонизм между странами – результат амбиций и действий политических лидеров. А народы не хотят конфронтации, которая слишком дорого обходится. Музыка объединяет людей, а политика и идеология разъединяют. Кантри, классический рок, джаз – это музыка радости, мира, любви.

- Кстати, о любви. Какую роль играют в вашем творчестве женщины?

- Моя вторая жена Джун Картер изменила мою жизнь к лучшему. У меня большая семья: 6 дочерей, 1 сын. И все они – и жена, и дети - вдохновляют меня на создание песен.

В концерте Джонни Кэша участвовал писанист и бэк-вокалист Эрл Пул Болл (Earl Poole Ball). Он много лет играл и пел с Джонни Кэшем, а также записывался со многими кантри-рокерами.

Я спросил у него, какая из песен Джонни Кэша его самая любимая?

- Любимая и самая известная - «Огненное кольцо».

Это мнение профессионала. Когда я задал тот же вопрос зрителям, они назвали ещё добрый десяток песен, среди которых прежде всего Folsom Prison Blues («Блюз тюрьмы Фолсом»), Man in Black («Человек в чёрном»), I walk the line («Я переступаю черту»). Был снят художественный фильм Walk the Line («Переступить черту»), в основу которого легла биография Джонни Кэша. Картина была высоко оценена и кинокритиками, и зрителями. В роли Кэша снялся Хоакин Феникс, номинированный за эту роль на «Оскара», а Риз Уизерспун, сыгравшая Джун Картер, получила премию американской киноакадемии за лучшую женскую роль. Хоакин Феникс сыграл простоватого сына фермера, обыкновенного американца, на которого снизошла благодать огромного поэтического, музыкального и исполнительского таланта. Джонни Кэш и сам будто не совсем понимал, за что его полюбила Америка и почему по миру разошлось более 90 миллионов его дисков.

Где-то я наткнулся на фразу, что Джонни Кэш для американцев это всё равно что Владимир Высоцкий для русских. Я не люблю сравнений вроде «Иосиф Кобзон это русский Фрэнк Синатра». Помню, как киноактёра Владимира Гусева когда-то называли советским Аленом Делоном. Есть в таких штампах попытка встать на цыпочки, приподнять себя до мирового уровня. Мол, «догоним и перегоним»...

Это типичный для нашего брата комплекс неполноценности, прикрытый манией величия. У американцев я такого не встречал. Например, Тину Тёрнер в Америке никогда не называли американской Ларисой Долиной. Сравнение же Джонни Кэша и Владимира Высоцкого возможно только потому, что оба могли с помощью фантазии перевоплощаться в героев своих песен, да так убедительно, что публика верила, будто они сидели в тюрьме, были пиратами, альпинистами, сельскими парнями или рабочими на конвейере...

Стена из конвертов для пластинок Джонни Кэша

Будучи в столице музыки кантри городе Нэшвилл, штат Теннесси, я, конечно же, не мог не побывать в музее Джонни Кэша, в Зале славы и музее музыки кантри и в концертном зале Гранд Оле Опри, за кулисами которого Джонни однажды встал на колени перед Джун Картер и объяснился в любви, после чего она вышла замуж за другого, а он женился на другой, но продолжал любить Джун. Так Джонни Кэш попал в обжигающее кольцо любви и рассказал об этом в песне Ring of Fire («Огненное кольцо»).

- Джонни, - спросил я, - что вы ставите себе в заслугу прежде всего?

- То, что я в своих песнях никогда не врал, - ответил он, - не врал ни публике, ни себе самому.

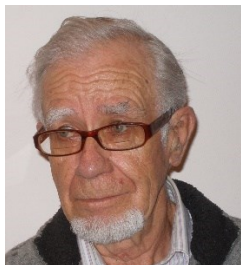
Часть 9. Литература и ИСКУССТВО

Наталья Нестерова

Владимир Солунский

Милуоки, США

К поэзии 60-х. Геннадий Шпаликов

«Не верю ни в бога, ни в чёрта,
Ни в благо, ни в сатану,
А верю я безотчётно
В нелепую эту страну.
Она чем нелепей, тем ближе,
Она - то ли совесть, толь бред,
Но вижу я, вижу я, вижу
Как будто бы автопортрет.
(Г. Шпаликов)

ВГИК. Перед входом три скульптуры, символизирующие эпоху - Геннадий Шпаликов, Андрей Тарковский и Василий Шукшин. 60-е, « оттепель», время надежд и разочарований.

Левая скульптура - это Г. Шпаликов, сценарист, т.е. киношный профессионал, наименее заметный для широкой публики. Вот актеры и режиссеры - это другое дело, они всегда на виду. А ведь Шпаликов - родоначальник совершенно особого вида кино! А еще он писал стихи! Но обо всем по порядку...

Родился Геннадий Федорович Шпаликов в 1937 году. Отец, майор Красной Армии, пропал без вести в январе 1945 года, а эта трагедия усугублялась еще и тем, что по законам того времени семьям «пропавших без вести» не выплачивались ни пенсии, ни пособия. Однако в этой ситуации на помощь семье пришел дядя Шпаликова, целый генерал-полковник, и по его ходатайству десятилетний Гена был принят в Киевское Суворовское Училище.

О, эти послевоенные Суворовские училища!

21 августа 1943 года было принято Постановление "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от

немецкой оккупации", в котором, в частности, говорилось: "Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов, организовать... девять суворовских военных училищ, типа старых кадетских корпусов, по 500 человек в каждом, всего 4500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников..."

И вот за прошедшие несколько лет, к 1947 году, эти училища уже обустроились и набрали силу.

А сами суворовцы... О них в эти годы писали стихи, сочиняли романы и снимали кинофильмы. Ну еще бы! Их ведь там учили, вдобавок ко всему, еще и фехтованию, танцам и пр. и пр...

Мне в последующие годы приходилось сталкиваться с суворовцами этих лет. Могу вас заверить, что это были люди достаточно хорошо образованные, со своим каким-то чувством собственного достоинства, чувством чести и кодексом поведения. Они быстро продвигались по лестнице военной службы, а вот в семейной жизни, по моим наблюдениям, многие из них испытывали трудности. И это как раз понятно – училище, по сути, было тем же детским домом, только более высокого уровня, и опыт жизни в своей собственной семье у воспитанников почти отсутствовал.

В 1955 году, после окончания Училища, Геннадий Шпаликов был зачислен в Московское пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР (так называемая «кремлевка»), но проучился там недолго...

К этому времени ему все яснее становилось, что армия - это не то, что нужно лично для него. Он с детства сочинял стихи, пара из них была даже опубликована, а теперь стал писать и прозу, рассказы... Но вот что было в его письме этого времени к одному из товарищей: «Хочу показать, как в условиях общего закрытого воспитания вырастали разные люди, люди, годные к армии и непригодные, славные ребята и подлецы. Как у некоторых хватило сил, чтобы сразу порвать с армией, и как другие, мучась и думая, приходили постепенно к тому же... Думаю, что к концу 56 года кончу, но это в случае ухода отсюда».

А еще он всю жизнь пишет нечто вроде дневников. Это были своеобразные дневники, где было перемешано и то, что происходило реально, и то, что могло бы происходить, по Станиславскому, «в предлагаемых обстоятельствах». Затем, уже во время его сценарной деятельности, некоторые эпизоды дневников целиком переходили в сценарии.

И вот в большинство его биографий вошел страшный рассказ о том, как младший сержант Шпаликов во время зимних учений получает тяжелую травму ноги, как едва не раздавивший раненого танк вытаскивает его из-под снега, и т.д. Травма действительно была, но один из друзей того времени, Борис Захаров, вспоминал: «Он мне говорит: неохота идти на экзамен. Слушай, ударь меня по ноге! Ну, я и ударил, но, видимо, перестарался».

Н-да, если Захаров прав, это как-то не «по-суворовски»...

И как результат - заключение медицинской комиссии: «в результате разрыва мениска младший сержант Г. Шпаликов к строевой службе непригоден».

А дальше - ВГИК.

«...Не получился лейтенант,
Не вышел. Я - не получился,
Но, говорят, во мне талант
Иного качества открылся...»

Сценарный факультет. Здесь 19-летний Шпаликов со своей кадетско-гусарской выправкой сразу становится всеобщим любимцем. Он активен, доброжелателен и, как все отмечают, красив (режиссер А.Митта говорил - «неправдоподобно красив»), чего совершенно не передают сохранившиеся фотографии. Видимо, понятие «красота», это что-то особенное, связанное не только с чертами лица. В общем, все прекрасно! Но вот учебное задание - написать сценарий короткометражного фильма. И Шпаликов представил такое:

«Доска объявлений. К ней в беспорядке приколоты кусочки бумаги. Кривые, дрожащие буквы... Буквы складываются в слова.

Среди объявлений: «Деканат сценарного факультета с грустью сообщает, что на днях добровольно ушёл из жизни Шпаликов Геннадий». И диалоги приятелей: - Как это его угораздило?

-Говорят, повесился.

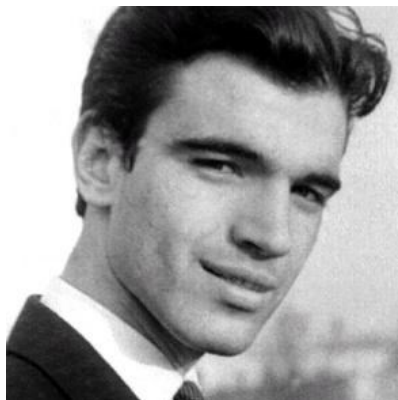
-Повесился?

-Ага, в уборной.

-Не кинематографично. Лучше бы с моста или под поезд. Представляешь, какие ракурсы?

-Не понимаю, что он этим хотел сказать. Но вообще - это в его духе. Цветочки, ландыши... Сен-ти-мент... »

Сценарий в духе черного юмора, шутка.
Но «в каждой шутке есть доля шутки!»

«Оттепель». Поколение, которое потом назовут «шестидесятниками». Время ярчайшего (и очень короткого) взлета Геннадия Шпаликова, этого «Моцарта оттепели», по выражению А.Митты. По его сценариям поставлены фильмы: «Я шагаю по Москве» (1963), «Мне двадцать лет» (1964),

«Я родом из детства» (1966). Это совсем особое кино, кино без интриги. Лучше всего его охарактеризовал недовольный Н.Хрущев, мол, какие-то оболтусы шляются по Москве и ни черта не делают. Ну, у него (у Хрущева) свой вкус. А у нас - свой. Классное кино! Но пусть это обсуждают специалисты...

Очерк написан не ради этого - Шпаликов с детства писал стихи!

Вот первоначальный вариант песни, давшей название всему кинофильму:

«Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске.
Что такое – сквер направо

И налево тоже сквер.

Здесь когда-то Пушкин жил,
Пушкин с Вяземским дружил,
Горевал, лежал в постели,
Говорил, что он простыл...

...В доме летняя еда,
А на улице – среда
Переходит в понедельник
Безо всякого труда.

Голова моя пуста,
Как пустынные места,
Я куда-то улетаю,
Словно дерево с листа.»

Вот эта типично Шпаликовская расслабуха. Но если не нравится композитору А.Петрову и режиссеру Г.Данелия, если им нужно чего-то радостного, то почему это не сделать, прямо здесь, не уходя со съемочной площадки?

«Бывает все на свете хорошо, –
В чем дело, сразу не поймешь, –
А просто летний дождь прошел,
Нормальный летний дождь.

Мелькнет в толпе знакомое лицо,
Веселые глаза,
А в них бежит Садовое кольцо,
А в них блестит Садовое кольцо,
И летняя гроза.

А я иду, шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу
Соленый Тихий океан,
И тундру, и тайгу.

Над лодкой белый парус распушу,
Пока не знаю, с кем,
Но если я по дому загрузу,
Под снегом я фиалку отыщу
И вспомню о Москве.»

Да и почему бы не порадоваться, если тебе двадцать лет, ты талантлив, все возможно и все впереди?

К своим стихам Шпаликов относился не слишком серьезно. Он писал их, что называется, по случаю и немедленно раздаривал друзьям. Впервые книжка его стихов, собранных вместе, появится только через пять лет после смерти Шпаликова. А широкой публике больше известны те стихи, причем, без указания авторства, которые стали песнями. Несколько песен подхватил Сергей Никитин. Вот, в частности:

«...Пароход белый–беленький,
Легкий дым над трубой.
Мы по палубе бегали –
Целовались с тобой....
...Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай,
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал.»

Или это:

«Городок провинциальный,
Летняя жара,
На площадке танцевальной
Музыка с утра.
Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год...»

То, что позже назвали авторской песней, тогда еще только зарождалось. И отношение к этому было совсем другое. Можно было спеть в компании чужую песню, не указывая автора (все общее!!!), можно кое-что переделать по своему усмотрению, если тебе кажется, что так лучше. А в «центральной тусовке» все знали всех. Среди знакомых Шпаликова в это время и Б.Ахмадулина с Евтушенко, как звал его Шпаликов, В.Высоцкий и старшие - В.Некрасов, А.Галич, Б. Окуджава и другие. Шпаликов среди них - самый молодой, поэтому старшие не видели ничего зазорного в том, чтобы преподать молодому пару уроков или даже дописать его стихи.

Вот угадайте, что здесь написано Шпаликовым, а что Галичем?

«У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца,
И лошадь на парады выезжала,

И маршалу про это ни словца!

А маршал, бедный, мучился от рака,
Но тоже на парады выезжал,
Он мучился от рака, но, однако,
Он лошади об этом не сказал!

Нам случай тот Великая Эпоха
Воспеть велела в песнях и стихах,
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала умер где-то в Соловках!»

Тут и долго думать не надо - третий куплет написан А.Галичем. Вот он прошелся «кистью мастера» и припечатал! А еще - у Шпаликова (он, вообще-то, классическим диссидентом не был) маршал «страдал от скарлатины»...

А вот тут уже никто не разберет, где Шпаликов, а где Галич:

«Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами - вожди.

Там трава несмятая,
Дышится легко,
Там конфеты мятные
"Птичье молоко"...

...Там и фауна, и флора,
Там и галки, и грачи,
Там глядят из-за забора
На прохожих стукачи...

...А ночами, а ночами
Для ответственных людей,
Для высокого начальства
Крутят фильмы про блядей!...

...Мы устали с непривычки,
Мы сказали:
- Боже мой! -
Добрели до электрички
И поехали домой.

А в пути по радио
Целый час подряд
Нам про демократию
Делали доклад...»

Впрочем, лично мне, больше всего нравятся те стихи Шпаликова, где ему никто не мешает:

«В желтых липах спрятан вечер,
Сумерки спокойно сини,
Город тих и обесцвечен,
Город стынет.
Тротуары, тротуары
Шелестят сухой листвою,
Город старый, очень старый
Под Москвою...»

Это про Можайск. Или просто об улице. «Улица - мое спасение», писал Шпаликов.

«Я разучил ее течение,
Одoleвая, обомлел,
Возможно, лучшего леченья
И не бывает на земле.
Пустые улицы раскручивал
Один или рука в руке,
Но ничего не помню лучшего
Ночного выхода к реке.
Когда в заброшенном проезде
Открылись вместо тупика
Большие зимние созвездья
И незамерзшая река.
Все было празднично и тихо
И в небесах и на воде.
Я днем искал подобный выход,
И не нашел его нигде.»

А вот еще:

«Влетел на свет осенний жук,
В стекло ударился, как птица,
Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут,
Я счастлив собираться, торопиться.
Там на столе грибы и пироги,

Серебряные рюмки и настойки,
Ударит час, и трезвости враги
Придут сюда для дружеской попойки.
Редеет круг друзей, но — позови,
Давай поговорим как лицеисты
О Шиллере, о славе, о любви,
О женщинах — возвышенно и чисто...»

Хочу предупредить, стихи Шпаликова после его смерти собирались по строчкам, по кусочкам. Они существуют в разных вариантах. А вот песни на его стихи знали все. И, цитируя их, я придерживаюсь тех вариантов, которые знал лично. Вот например:

«Глухо лаяли собаки
В затухающую даль,
Я явился к вам во фраке,
Элегантный, как рояль.
Было холодно и мокро,
Жались тени по углам,
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.
Вы лежали на диване,
Двадцати неполных лет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.
Расположен книзу дулом
Сквозь карман он мог стрелять,
Я стоял и думал, думал -
Убивать, не убивать?
Но от сырости и лени
Превозмочь себя не смог,
Вы упали на колени
У моих красивых ног.
Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
Ничего теперь не жаль.
Он (Я) лежал к дверям ногами -
Элегантный, как рояль.»

Сколько разночтений в этом популярном тогда тексте! Собаки лаяли и «тихо», и «бешено»... Так вот, уверяю вас, - они лаяли «глухо»! Мы тогда воспринимали страшненькое ЭТО, как некую пародию, уже не на Остапа Бендера или Беню Крика, а на эдакого Джеймса Бонда во фраке Вертинского. А вот когда, при каких

обстоятельствах, в последних строчках «Он» превратилось в «Я» (это логичнее, но еще страшнее), я не знаю.

«Оттепель» - это доклад Хрущева на XX съезде партии, это - «Революция сдохла! (Юнна Мориц)». «Нет, революция заболела. Ей надо помочь! (Б.Ахмадулина)». «Оттепель» - это высшие судьи - «комиссары в пыльных шлемах» Булата Окуджавы. А еще - это дружба и дружеские посиделки-застолья. С большим количеством горячительного. Я никому не судья. Все мы, всё поколение, проходили через это. Но если у тебя наследственная предрасположенность к ЭТОМУ, то дело плохо. (Вот, видимо, так и случилось со Шпаликовым, этой слабостью страдал его отец. Да и первоначальная фамилия отца была Шкалик. Обучаясь в Академии, он для благозвучности заменил одну букву.) Дружба - это хорошо, дружба - это прекрасно, но уже к тридцати годам заполучить цирроз печени... Хотя, как говорили друзья, работать он мог в любом состоянии. А «оттепель», на то она и «оттепель», оказалась скоротечной. Уже в 1963 году начало резко подмораживать, а в 1968-ом, вместе с танками в Праге, стало ясно - это уже что-то другое.

А в этом другом Геннадию Шпаликову места не нашлось. Его сценарии отклонялись, иногда из-за содержания, а иногда от нежелания иметь дело с непредсказуемым автором. Фильм, который ему удалось снять вместе с С.Урусевским («Пой песню, поэт») разрешили выпустить аж в шестнадцати (!) копиях. Цитирую Д.Быкова: «Шпаликов был единственным советским сценаристом, в чьей гениальности не сомневался почти никто — и в чьем профессиональном существовании почти никто не нуждался.»

И вот так вдруг оказалось, что он даже своей собственной семьи прокормить не в состоянии. Чтобы не быть в тягость, ушел из семьи, началось бродяжничество с ночевками то у тех, то у других друзей, а то и на чердаках. Иногда выручало «Переделкино» (он ведь все же член Союза писателей).

Друзья уходили - умер В.Шукшин, уехал выдавленный из страны В.Некрасов. Об этой потере Шпаликов писал:

В.П. Некрасову

«Чего ты снишься каждый день,
Зачем ты душу мне тревожишь?
Мой самый близкий из людей,
Обнять которого не можешь.
Зачем приходишь по ночам,
Распахнутый, с веселой челкой,
Чтоб просыпался и кричал,
Как будто виноват я в чем-то.
И без тебя повалит снег,

А мне все Киев будет сниться.
Ты приходи, хотя б во сне,
Через границы, заграницы.»

Говорят, что стихи он писал, заходя на почту, на телеграфных бланках.

«Я к вам травую прорасту,
Попробую к вам дотянуться,
Как почка тянется к листу
Вся в ожидании проснуться...
...Желанье вечное гнетет,
Травой хотя бы сохраниться —
Она весною прорастет
И к жизни присоединится.»

2-го ноября 1974 года, когда Шпаликов не вышел из комнаты, которую он снимал, Г.Горин забравшись с улицы на второй этаж и выдавив стекло, обнаружил, что все закончилось - Геннадий Шпаликов повесился на своем шарфе, том самом, что изображен на скульптуре, только, говорят, тот был красный. И на столе среди разбросанных листков: « Не могу я с вами больше жить... Не грустите... Устал я от вас.»

Дальше рассказывает А.Гладилин: «Я, естественно, ... побежал ... к той старой даче, где снимал комнату Гена Шпаликов. У крыльца толпились писатели, отдыхающие в Доме творчества, зеваки, шныряли взад-вперед представители администрации. Пока у крыльца обсуждали, что, как и почему, а в комнате Гены Шпаликова врачи заполняли необходимые формуляры, прогрессивная писательская общественность быстренько сообразила и проявила инициативу. А именно: скинулись, кто сколько мог, и послали делегацию в ближайший магазин. И из ближайшего магазина приволокли водку, сырки, огурчики, вареную колбаску — словом, все необходимое для того, чтобы оставшийся вечер в теплой товарищеской обстановке посвятить памяти покойного».

«Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе,-
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут...»
Ну, вот и поплакали...

А в 1988 году М. Хуциеву удалось почти восстановить тот первый, еще не изуродованный цензурой, вариант фильма по сценарию Г.

Шпаликова - «Застава Ильича». Это его куцый остаток мы смотрели в 1964 году под названием «Мне двадцать лет». Ждать пришлось всего-навсего четверть века.

«Поколение 1937 года рождения столкнулось со своим 1937-м в семидесятые - он их догнал. Этот ужас при взгляде в собственную жизнь и собственную душу шестидесятники в семидесятых испытывали чаще всего по ночам и заливали водкой либо глушили пространствами. Самоубийство Шпаликова было так же символично, как его жизнь, как его взлёты и удачи; в 1974 году шестидесятые закончились бесповоротно и ни в каком виде не вернутся уже никогда. (Д.Быков)» И еще он пишет, что дальше поколение шестидесятников ожидало «выживание, приспособление и в конечном счете вырождение», а «смыслом существования стала расслабленная снисходительность к своим и чужим порокам».

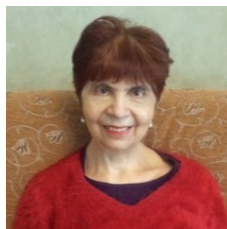
Ну, что же, в оценке поколения шестидесятников Дмитрий Львович, может быть, и прав. Он родился на 40 лет позднее, во время, когда прежних идеалов в обществе уже не было, ломаться было нечему. Да и вообще - других судить легко! А вот в том, что самоубийство Шпаликова было символичным, Быков прав безоговорочно. Что смогло на этом переломе дать наше поколение? Семерку героев на Красной площади в 1968 году, пару десятков твердокаменных диссидентов. А остальные отстранились тем или иным способом, пусть и не таким, как Шпаликов, покончивший с собой. «Ну и ладно! Пусть у вас там что угодно, меня это не касается». «А я еду, а я еду за туманом!» Можно «за туманом» под гитару на кухне, можно в реальности окунуться в альпинизм - туризм, можно и в бардовскую песню...

А «восхищенные потомки» придумают для нас словечко - «демшиза»...

«Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит...»

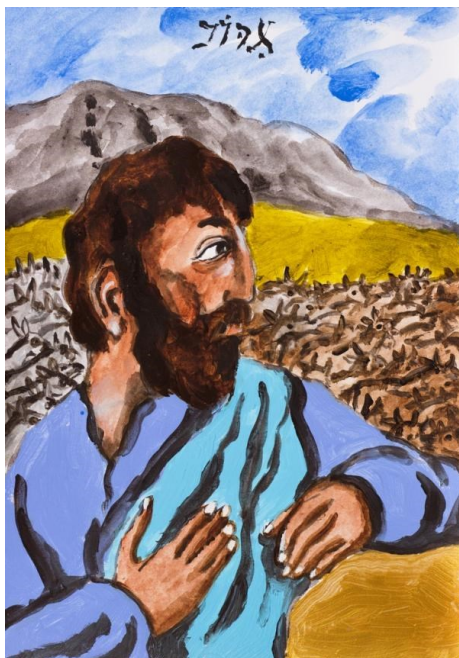
Вера Чайковская

Москва, Россия

Счастье после катастрофы. О рисунках Натальи Нестеровой к "Книге Иова"

Художница мощного темперамента, умная и ироничная, Наталья Нестерова - проиллюстрировала одну из самых сложных для понимания книг Ветхого Завета. При этом она «не мудрствует лукаво», не ищет символические подтексты, а прямо, просто и с невероятной эмоциональной подключенностью следует за библейским текстом.

Ведь и сам Иов, человек из земли Уц, был вовсе не философ и не книжник, во всяком случае, автора повествования заинтересовало в

нем другое, то что он «прост, праведен и богобоязнен». Художница таким его и изображает в немного наивной, детской манере, - простосердечного, бородатого, наряженного в простую ярко-синюю хламиду с голубой опояской. В книге он претерпевает «ни за что» совершенно нечеловеческие муки.

На самом деле, это Бог его испытывает «под нажимом» Противоречащего, которого Нестерова рисует в виде лохматого коричневого чудовища с рогами и клыками. Таким обычно представляют Сатану.

Он выступает в роли двоечника с последней парты и берет Бога, яростного старичка, явившегося «Сынам Божьим» в белом облаке, на «слабо». Вот, мол, есть такой безупречный Иов, но попробуй лишить его всего, и тогда поглядим, что он запоет. И Бог поддается «провокации». Иов лишается богатства, десятерых детей и наконец покрывается неисцелимыми язвами, так что даже жена советует ему умереть, «похулив бога».

Художница дает несколько сцен их с женой отчаяния - жена вопит, а он молитвенно преклоняет колени или закрывает лицо руками. Но когда Бог, по совету Противоречащего, дотронулся «до кости его и плоти его», Иов, со вставшими дыбом, разом поседевшими волосами, в отчаянии распростерся по Земле. Это именно Земля с большой буквы - планета, серо-белую, круглящуюся поверхность которой художница изображает сверху, в обратной, «иконной» перспективе. В последующих иллюстрациях эта «планетарность» изображения персонажа сохраняется.

Потрясенный Иов уединяется куда-то в пустынное место и проводит время в бесконечных прениях с тремя своими друзьями, пришедшими его утешить. На рисунке друзья - полуобнаженные крепко сбитые и загорелые мужички, - увидев безобразного старика со стоящими дыбом седыми волосами, в ужасе посыпают головы пеплом. Иов им красноречиво доказывает, что он прав перед Богом. В самом деле, за что страдает такой праведник?

Этот вопрос раздается до сих пор, в разных вариантах, вплоть до цветаевского: «Мой милый, что тебе я сделала?». И можно ли надеяться на возрождение после такой катастрофы? Возможно ли искусство после Холокоста? Можно ли забыть о гибели безвинных детей? И заменят ли их новые? Вопросов у нас множество. Между тем, у «Книги Иова» - совершенно сказочный финал. Бог являет Иову свое лицо и дает ему новое богатство и новых детей в прежнем количестве.

Даже автор небольшого предисловия Анна Пожидаева считает, что полученная компенсация в «родоплеменном виде» страшновата для современного читателя. Но дело, мол, не в ней. Важно само явление Иову Бога.

А вот художница, на мой взгляд, заостряет именно проблему «нового счастья» после ужасной катастрофы. Для нее важна не «божественная» метафизика, а жизненные чудеса. Не прежние и теперешние «головные» философические споры, а непостижимость и чудесность реальной жизни.

Наталья Нестерова очень динамично и ярко, с большой эмоциональной силой, показывает нам путь героя к финальным чудесам.

Он предельно трагичен. Вот на рисунке художницы Иов в черном одеянии съехался на Земле, обхватив седую голову руками, а от него удаляются равнодушные ноги, а с другой стороны на него издевательски указывают человеческие руки (автор использует свой излюбленный прием, который в литературоведении называется «синекдоха» - часть вместо целого). Видимо, иллюстрируется стих: «Они гнушаются меня, обегают меня»...)

Но поразительно! Среди бесконечных сетований Иова и горестных утешений его друзей внимательный читатель может отыскать истинно поэтические строчки, в которых сохранилась мечта о возрождении

(«О, стать бы мне, как в прежние дни, как в месяцы, когда хранил меня Бог»).

Они и оказались для художницы путеводными. Ведь даже в отчаянии Иова она старается отыскать минуты просветления. Вот на прекрасном рисунке герой сидит на зеленом пригорке в окружении шакалов и страусов («Сделался я шакалам брат и для страусов пустыни друг»), а в руках у него древний струнный инструмент, напоминающий мандолину (« в рыдание обратился струнный звон и в плачевные вопли - напев флейт»).

Ах, так Иов музыкант и изливает свои чувства в музыку? Удивительная догадка художницы! К таким же «отрадным» рисункам можно отнести и те, где Нестерова как бы поет хвалу открывшемуся Иову «божественному творению», бесконечно одушевленному и прекрасному. На одном - животные - лев и крысы - прячутся от снежной бури в своих норах и пещерах («Когда велит Он снегу : «На землю пади! – или дождю и ливню даст приказ, тогда уходит зверь в свою нору»). На другом - среди гор прохаживаются страус и баран, раскрыл разноцветные перья павлин, художницей явно

присоченный для пущей красоты, в небе летит ястреб, а в реке видна голова бегемота («Весело страус бьет крылом, хоть не может, как аист или ястреб, взмыть»). Мир многолик и неохватен.

И за всем, буквально за всем «следит» божественное око. Не обошлось и без Левиафана, громадная, зубастая и языкастая, морда которого занимает всю страницу. И он тоже в неотступном ведении Бога!

Финал рассказа об Иове - торжество героя, выдержавшего божественное испытание. Он снова «богат и славен», как пушкинский Кочубей, закончивший, правда, гораздо печальнее. Он, уже более умудренный и чуть седой, стоит среди гор в окружении несметных стад или сидит, задумавшись, посреди новых детей, таких же резвых и глазастых. О чем он думает? Мы можем только гадать. Но в рисунках художницы нет разочарования и горечи. Во взгляде Иова - печаль и благодарность. Как говорится, смешанные чувства...

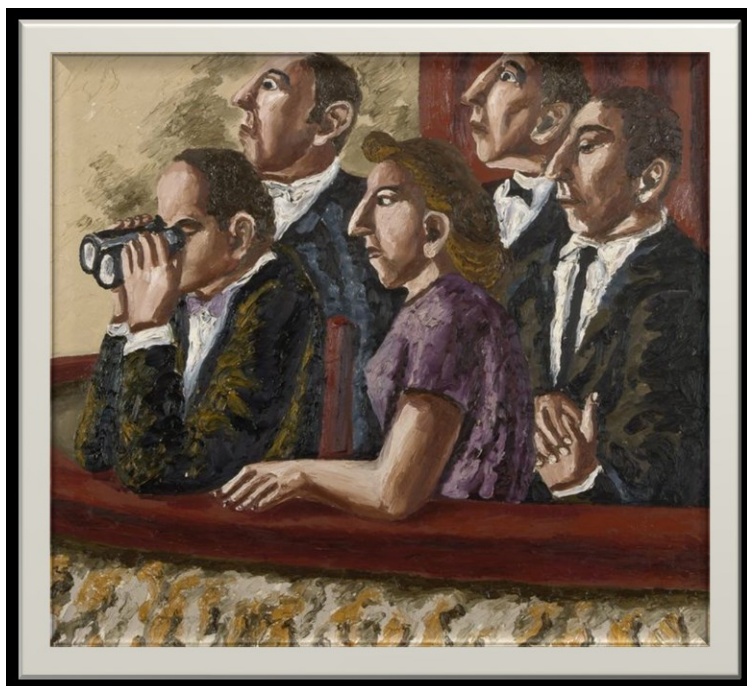
А мне припомнился праведник 20-го века, нобелевский лауреат по физике Петр Капица, спасший из сталинской тюрьмы другого будущего Нобелевского лауреата - Льва Ландау. Так вот, этот Петр Капица в молодости, в советской России потерял умерших от испанки отца, жену и двоих детей. Но позже чудесным образом обрел новую любимую семью. Сына - Сергея Капицу - крупного ученого и замечательного ведущего авторской телевизионной программы о науке, - многие помнят. Значит, бывает?

Наталья Нестерова живо и поэтично прочувствовала и передала нам в своих рисунках акрилом и акварелью невероятный духовный накал «обнадеживающего» библейского послания человечеству.

Рисунки Нестеровой к «Книге Иова» осуществлены в 2019 году в рамках проекта «Точка отсчета», предложенного галеристом Вадимом Гинзбургом. В его московской галерее «Открытый клуб» состоялась и их презентация. В журнале «[Чайка](#)» я уже писала о библейских иллюстрациях Льва Табенкина и Семена Агроскина, тоже сделанных в рамках этого проекта.

Статья в сокращенном виде опубликована в «Лит. России» от 18 марта 2021 года

Часть 10. Кино, Театр

Н.Нестерова. Вох (ложа). 2004

Борис Голубицкий
Санкт-Петербург, Россия

Рассказы о знаменитых. Миронова и Менакер

Этот эстрадный дуэт по популярности шёл сразу за Аркадием Райкиным. У Марии Владимировны амплу агрессивной жены-мещанки, у Александра Семёновича - интеллигентного мужа-подкаблучника. Тексты для них сочиняли литераторы первой величины. И они создали новый жанр - Театр двух актёров. Интонации их персонажей врезались в память навсегда...

Мой дебют в театре имени Горького в Ростове-на-Дону, в этом уникальном "тракторе", состоялся в 1970 году комедией Питера Шеффера "Тёмная история". Поставить тогда современную зарубежную пьесу считалось большой удачей - их доля в репертуаре театров тщательно дозировалась. На репертуарных совещаниях в Москве шла настоящая торговля: за двух-трёх "верных" советских авторов могли разрешить одного "неверного", но проверенного, иностранца - лишь бы он нигде не засветился против "советов". Премьера имела успех, публика с удовольствием ходила и отлично принимала.

И вот однажды после спектакля прибегает ко мне за кулисы встревоженный администратор: "Вас там просят выйти на зрительскую сторону!" - "Кто?" - "Увидите!" В опустевшем уже фойе вижу делегацию: Марина Ладынина, Пётр Глебов, Мария Миронова и Александр Менакер. Они, оказывается, смотрели спектакль и захотели встретиться с режиссёром.

От имени группы разговор вёл Менакер: "Мы здесь с гастролями, выступаем на стадионе. Сегодня свободны, увидели в афише вашу постановку и пришли. Нам всем очень понравилось. (Все дружно подтвердили это.) Не думали, что вы такой молодой. Примите наши поздравления. Мы очень смеялись, а нас рассмешить нелегко. Ваши артисты отлично владеют жанром, даже молодые. Кстати, Германа

Гуровского я помню по Ленконцерту, правда, тогда он был просто Гуревич. Словом, молодцы! Очень живой спектакль. (Снова общее согласие.)

Мария Миронова и Александр Менакер

Но у нас с Марьей Владимировной есть и отдельная просьба. Дело в том, что мы с нею входим в худсовет Вахтанговского театра. Там режиссёр Леонид Варпаховский предложил эту пьесу к постановке. Но Юлия Борисова категорически против, она не разрешает. Мы, конечно, расскажем им о замечательном ростовском спектакле, но не могли бы и вы написать Леониду Викторовичу, поддержать его. Нам кажется, это бы ему очень помогло." Обескураженный происходящим, я согласился, не слишком понимая - чем бы я мог оказаться полезным?.. Проводил их к выходу, тепло попрощались. Они пригласили меня на своё представление "Мы из кино! "

На стадион я не пошёл, а письмо Варпаховскому написал. Он был легендарным режиссёром, учеником и соратником Мейерхольда, который под пытками назвал его своим "сообщником", много лет провёл в лагерях в Магадане, служил в том печально знаменитом тюремном театре.

После реабилитации режиссёр редкой культуры и благородства ставил в столице прекрасные спектакли. Я писал, что рад выразить глубокое уважение коллеге, что видел его работы, полные силы и художественного обаяния, рассказал о своём дебюте в Ростове и выразил уверенность, что его встреча с этой пьесой принесёт много радости театру и зрителям.

Мария Миронова и Александр Менакер в спектакле "Мужчина и женщины"

Ответ получил не скоро. Он коротко сообщал, что вопрос о постановке "Тёмной истории" для него закрыт. Цензура шла, как видим, не только сверху, но и "снизу". Конечно - играть много лет софроновскую стряпнуху было куда как надёжнее. Когда Рубена Симонова, верного ученика Вахтангова, спрашивали - как можно допускать запах этой стряпни на прославленной сцене? - он кокетливо отвечал: "Я веду наш театр элегантно!" Никакой здесь элегантности не было. А было страшное давление цензуры и - трагедия большого художника...

Прошло несколько лет, я уже работал в другом городе, поставил острую пьесу Самуила Алешина "Гражданское дело". Она игралась в театре имени Маяковского в Москве, но в провинции не рекомендовалась. Возникли проблемы с местными властями. Неожиданно повторяется ростовская мизансцена: после спектакля зовут на зрительскую сторону, пришли Миронова и Менакер. «Мы здесь на гастролях, наш друг Самуил Алешин просил посмотреть вашу постановку, - говорит Александр Семёнович. - Мы сегодня свободны, вот посмотрели. Что вам сказать? Спектакль понравился, но пьеса... Знаете, мы много ходим по театрам, если не нравится - просто уходим, но иногда это невозможно сделать. Тогда у нас есть такая формула: "Нет слов!" Эта пьеса - нет слов! Из-за чего весь сыр-бор? Честно скажем Самуилу - нет слов! Завтра мы играем в зале филармонии наш спектакль "Мужчина и женщины", приглашаем вас. Придёте? Это Борис Александрович Львов-Анохин поставил. " - " Конечно, мы с женой придём, спасибо большое! Я так рад вас видеть! "

Судьба этого " Гражданского дела" сложилась невесело. На премьеру приехал автор, известный советский драматург. Пока он

гостил, начальство вело себя вежливо, а как уехал, стали атаковать - уберите из репертуара. В пьесе шла речь об установлении отцовства в суде, и похоже, кому-то лично это пришлось поперёк. Но мы с главным режиссёром не сдавались. Тогда вызвали из Москвы "тяжёлую артиллерию" в лице самого мерзкого критика того времени Ю. Зубкова. Он прикинулся большим поклонником автора и пьесы и обещал поддержку. Спектакль играли для него одного, днём.

Он вышел из зала по окончании и, не сказав ни слова, отправился напрямиком в обком партии. Там устроил нам полный разгром и потребовал снять спектакль. Начальство, получив такую мощную поддержку, закусило удила. В случае неповиновения меня грозили уволить с "волчьим билетом", а с главрежем расправиться по партийной линии. Тот, конечно, такой пытки не вынес - и "Дело" закрыли...

А "Мужчина и женщины" были великолепны. Блистала Миронова. Она играла нескольких персонажей, демонстрируя чудеса перевоплощения. Некоторые зарисовки - просто шедевры. Запись этого спектакля иногда показывают по телевидению и сегодня, невозможно оторваться. Её характеристики убийственно точны, смешны и остроумны. Разве можно забыть её врача-психиатра, которая обижена на весь мужской род?! Или сексуально озабоченную поэтессу? Менакер в спектакле выглядел скромнее, он как бы старался не мешать бурному напору темперамента жены-партнерши, давал ей выразиться полностью и открыть новые грани её удивительного таланта. Но и в своём амплуа казался очень убедительным, был, что называется, на месте. Театр двух актёров получил очень сильное подтверждение, это была эстрада нового уровня. Текст Леонида Зорина, режиссура Бориса Львова-Анохина, музыка и декорации - всё было на высоте. Об этом мы разговаривали в их грим-уборной после спектакля. Мария Владимировна традиционно молчала, изредка вставляла односложные реплики. Премьера свежая, волновали их оценки зрителей. Я всё же высказал такое соображение: «Зрителям нелегко привыкнуть к новому образу вашему. Может, стоило бы включить в ткань спектакля одну-две сценки с узнаваемыми и любимыми персонажами, тем более, что драматургия позволяет?» Видимо, это обсуждалось, Менакер сразу возразил. А Миронова встрепенулась: "Вот и Андрюша про это говорил!- И тут же предложила. - Мы бы очень хотели, чтобы вы с Андреем познакомились. Он сейчас пробует себя в режиссуре, ставит в своём театре спектакль - называется «Маленькие комедии большого дома». Будете в Москве - позвоните нам, пожалуйста, предварительно." С этим и распрощались.

Прошло время, и перед поездкой в Москву я им позвонил. "Как удачно, как раз в эти дни идёт спектакль Андрюши! - радостный голос

Александра Семёновича. - Мы обо всём договоримся, ждём вас! " Спектакль был дневной, Андрей Александрович подкатил к служебному входу точно в назначенное время. Познакомились. "Зайдёте после спектакля?" - спросил. - " Конечно! " И я отправился смотреть.

А.Миронов и С.Мишулин. "Маленькие комедии большого дома"

Признаюсь, я не был горячим поклонником этого театра. Там работали замечательные актёры, но в кино они казались гораздо более интересными. Необходимость оправдывать название театра сильно сказывалась на качестве их игры. Смешить любой ценой - не слишком перспективная цель для артиста. Это понимал и руководитель театра Валентин Плучек.

Он всячески старался изгнать "дух кабачка 13 стульев", но, похоже, они все уже были заложниками этого имиджа. Когда через много лет мы с ним обсуждали название для возможной постановки и я предложил пьесу Леонида Андреева, он сразу её отвел: "Андреев - не наш автор." Вера Васильева, всю творческую жизнь отдавшая этому театру, десятилетиями ждала новых ролей - тоже не наша? Мне кажется, Андрей Миронов, безусловный лидер, отчётливо понимал уозость амплуа театра Сатиры, но в спектакле "Маленькие комедии" полностью находился в его плену - и как актёр, и как режиссёр. Эстрадный способ существования, игра на зрителя - эти свойства просматривались в постановке и не были мне близки. Всё искупал талант актёров - Папанов, Пельтцер, Мишулин, сам Миронов - их игра завораживала. Спектакль записан на плёнку, его часто показывают, и сегодня каждый может дать свою оценку мастерам прошлого. Но тогда это было наше настоящее. И об этом мы разговаривали со знаменитым

артистом после спектакля. Позже я позвонил его родителям - поблагодарить. "Это мы должны Вас поблагодарить, - сказал любезный Александр Семёнович. - Андрей очень доволен разговором. Будете в Москве - звоните, заходите!"

Но больше мы не встречались...

Евгений Соколинский

Санкт-Петербург, Россия

Кабала театра. «Кабала святош» М. Булгакова в Молодежном театре на Фонтанке

130 лет назад (15 мая 1891 г.) родился Михаил Булгаков. Дата не громкая для классика. Ее почти и не заметили. Молодежный театр на Фонтанке, нежно любящий Булгакова, – на его счету «Дни Турбиных», «Дон Кихот» - тоже забыл про юбилей и назначил премьеру «Кабалы святош» на 14 мая случайно. Года три они спектакль готовили, не к юбилею. Но неважно все это.

Шел я на Фонтанку с сомнением. В натруженных критических мозгах мелькали Армен Джигарханян из спектакля А.Эфроса в московском Ленкоме (1968), Юрий Любимов и Леонид Броневой из телеспектакля того же А.Эфроса («Всего несколько слов в честь господина де Мольера».1973), наконец, неописуемо красивый Людовик XIV - Олег Басилашвили из спектакля Сергея Юрского в БДТ (1976). Остальное сливается в смутное пятно, хотя и позже были: Олег Ефремов, Иннокентий Смоктуновский (МХАТ), Александр Ширвиндт (Театр Сатиры). «Ну, что еще можно сказать нового про «Кабалу святош»?» – думал я.

Мольер - С.Барковский. Фото: Юлия Кудряшова

Прелесть всякого театра в том, что он обманывает снова и снова. Каждый раз театры пробовали что-то иное. В 1973 и 1976 г. режиссерам недостаточно было «Кабалы». Эфрос скрещивал пьесу с «Дон Жуаном» (молодой А.Ширвиндт), Юрскому было интересно, кроме «Мольера» поиграть еще фарс («Летающий доктор») и забытый «Версальский экспромт». Эфросу в 1968 г. нужен был неприятный, «царапающий» Мольер (Джигарханян - третий исполнитель роли) с королем (Броневым), влюбляющим в себя публику. Юрский представлял блистательного гистриона. Он был тогда очень молод, всего 35. У Любимова-Мольера, напротив, лицо пожилого, измученного человека. Эфросу было не до булгаковского юмора. Но неважно все это.

«Кабала святош» непременно оборачивается лирическим высказыванием. Высказывание Спивака, естественно, ничем не похоже на предшествующие версии. Может быть, только в одном единство с БДТ: это про театр, артистов, художника, в широком смысле слова. О чем же еще? Так написано.

Семен Спивак в 2021 г. не стал искать дополнений из других произведений Булгакова. Достаточно двадцати шести рукописных, машинописных вариантов именно этой пьесы. Из нескольких сложился сценический текст, с неизбежными сокращениями и перестановками. В советское время мы знали цензурованную и мхатовскую редакцию – обе калечили подлинник. Теперь опубликована авторская версия 1929 г. Она и легла в основу нынешнего спектакля, поэтому непривычна. В брежневские времена была непроходима.

Итак, что же мы видим в Молодежном? Спектакль должен «разогреться», и для начала «шарлатан с клавесином» (Александр Куликов), пытая, утирая пот, толкает вдоль сцены клавесин. Клавесин – это «ружье», оно «выстрелит» в конце первого акта. В инструменте сидит обольститель и доносчик Захария Муаррон.

Следом за клавесинной интермедией нас забирает напряженность, лихорадочность действия. Безумие закулисья – вот оно. В зрительном зале Пале-Рояля главный «начальник», а тут накладки и некстати задуманная свадьба Мольера с Армандой. Главе труппы хочется слугу Бутона побить, Арманду мимоходом обнять, а надо произнести «экспромтом» спич в честь Короля. Тут еще ворвался одноглазый тип, маркиз д' Орсиньи (Алексей Одинг) с королевским кошельком. Валентин Гафт у Эфроса его обаятельно демонизировал – у Одинга он тощ, туповат и скользит гадюкой.

Спектакль Юрского был стремителен, Эфрос мучил зрителя тягучими ритмами. Спивак работает на контрастах: от резкого пролога-королевского представления к лирической мягкости сцен с Армандой и Мадлен. В свое время К.С.Станиславский требовал от Булгакова максимально показать гения в творчестве. Сергей Барковский-Мольер много пишет. Правда, не величаво восседая в кресле, а лежа на животе, на полу, на бегу. Неважно все это.

Шаррон - Р.Нечаев и Людовик - А.Шимко. Фото: Юлия Кудряшова

Наиболее выразительно драматургическая природа Мольера показана в сцене любовного объяснения с Армандой (Анастасия Тюнина). Он не умеет проговаривать свои чувства - поэт, драматург обрушивает их на бумагу, ежесекундно перебрасывая любимой новые

листки. Это «скорострельный» обмен письменными репликами. И глупая улыбка Барковского-Мольера до ушей. Влюблен, совсем влюблен! А девушке подобная любовь внове, смешная игра. Не то с Мадленой Бежар (Светлана Строгова). Здесь Мольер чувствует себя усталым ребенком, прижавшимся к груди матери. А ей нужно совсем другое. Он этого не хочет понять.

Характеры, ритмы, ситуации сменяют друг друга, не давая выдохнуть.

Сцена во дворце поначалу ввергает в шок. Только что был XVII век, с историческими костюмами Софии Зограбян. А гримерки, кулисы во все времена примерно одинаковы. Неожиданно мы переносимся в сегодня, вернее, в «объятыя» новой элиты. Не важно, какая элита: олигархи, звезды спорта, министры. Это не фельетон, не политическое обличение.

Потом мы успокаиваемся, начинаем адаптироваться к режиссерскому замыслу. Действительно, было бы нелепо в 2021 году состязаться с Басилашвили, его роскошным камзолом и старинным париком, в обрамлении эффектных шандалов. Олег Валерьянович-Людовик был величав, брезглив и говорил веско. Андрей Шимко тощ, с бритой головой, игрун. Приказания о тюрьме произносит, чуть ли не пугаясь. При этом у него белый жилет-броня фехтовальщика. Защищён и очень опасен. Он лучший «дуэлянт», чем маркиз д.Орсиньи, прозванный «помолись», хотя Король и не вонзает шпагу ни в чью грудь. Людовик-Шимко не обязательно король. Никаких королевских и французских атрибутов, демократ. Главное, перед нами человек при власти и богатстве. Однако ж симпатичен, спортивен. В глазах сверкают искорки смеха. Только раз король рыкнул во втором акте на Мольера, между партиями тенниса. Гигиенист в условиях пандемии. Перед завтраком тщательно протирает каждый пальчик салфеткой.

С Мольером они договариваются о «реабилитации» «Гартюфа», словно заговорщики. Уж очень хочется Людовику по-мальчишески досадить архиепископу-зануде. Не случайно в предпоследней сцене Мольер (по редакции театра) фамильярно называет короля «куманёк». Людовик завтракает на вершине пандуса, что не удобно, но по чину. А рядом шеренга вышколенной, холодной obsługi в белых рубашках с черными галстуками. Молодые люди искательно глядят на «шефа». Потом эта же служба, во втором действии, накинёт монашеские облачения, не меняя своей сути.

Спивак изображает двоимирие. Первый - суматошный, добрый, человечный мир театра, хотя и в нем попадает паршивая овца. Вот из клавирина выпростался молодой, опять же из сегодня, человек, Муаррон (Сергей Яценюк). И такая в нем наглая уверенность в своем праве на всё, что становится жутко. Пожалуй, жутковато и объекту его вожделения, когда он называет её с издевательским нажимом:

«маменька» (в пьесе «мама»). Ироничная Наталья Тенякова-Арманда-76 в БДТ сама была цинична и даже царственна. «Не-го-дай» низким голосом произносила она, растягивая слово, не без восхищения, когда Геннадий Богачев-Муаррон добирался до ее коленок. Она позволяла, не увлекаясь. Тюнина (Арманда) – простая женщина. Не произносит жалкие слова, что есть в оригинале: «Девой пречистой клянусь, не пойду ни за что!». Зачем попусту клясться? Арманда сбрасывает чепчик на пол, отрезая себя от семейного, спокойного брака, быта, и обреченно входит в «комнату грехопадения». Без радости. После сцены измены Муаррон-Яценюк, изысканно фехтуя палкой, избивает приёмного отца, буквально, сбивая Мольера с ног. Спокойно, без злобы. Ничего личного. Предательство поражает Мольера еще до наказания Короля. Уже в конце первого акта Мольер – человек конченный.

За исключением Муаррона, актерское братство - теплое и верное. По крайней мере, так хотелось бы думать. Оно защищает своих. Замечателен эпизод, когда Лагранж (Андрей Кузнецов) бросается со шпагой на опытного дуэлянта Орсиньи. И ему еще надо удерживать на спине повисшего в обмороке Мольера. Когда перед финалом зал Пале-Рояля заполнили агрессивные мушкетеры, вся труппа готова защищать своего главу, отца, великого актера и писателя.

В сцене закулисной «тайной вечера», когда пришедший в себя Мольер сидит за столом со своими учениками, он прощает даже Иуду-Муаррона, и тот честно старается искупить свое предательство. «Тайная вечеря», конечно, метафора режиссера, но потаенная переключка с «Мастером» у Булгакова имеется. Только реализовать эту ассоциацию в 1936 г. (МХАТ) было невозможно по цензурным причинам.

Однако есть другой, противоположный актерскому, мир - корыстный, готовый убить, распять, пытать. Не обязательно связывать его с религиозным фанатизмом или с политическими интригами. Это может быть и «кабала» людей от искусства, далеко от него отступивших. Не исключено, режиссер представлял себе каких-нибудь злых критиков.

Во втором акте Спивак отказывается от «спивакина», психологической мягкости, шутливости. Здесь уже не будут петь французские песенки. У композитора Игоря Корнелюка сцена наступления «кабалы» сопровождается маршем, чем-то даже напоминающим фашистский. Корнелюк, знакомый больше по песням, музыке кино, после значительного перерыва («Страсти по Мольеру» (1996), «Последнее китайское предупреждение» (2013) вновь появился в «Кабале» как театральный композитор. Музыкант помогает обострить драматический финал.

Однако вернемся к «кабале». Враги у Спивака не одной краской мазаны, хоть и глядятся в полумраке (начало второго акта) зловещей массой. Архиепископ Шаррон (Роман Нечаев) может припугнуть Муаррона пыткой, но он не только мрачный фанатик. Вспомним вкрадчивый хохоток в случае с краплеными картами маркиза де Лессака (Роман Рольбин). У себя, в церковном подвале, Шаррон по-иезуитски благодушен. А через несколько минут его облачают в богатые церковные одежды с золотым шитьем, и сутулый «гномик» вырастает до представителя Бога на земле, инквизитора. В известном смысле, у «святош» тоже свое братство, по крови (или на крови). Поэтому мне кажется спорным апофеоз смерти Мадлены Бежар у «кабалы». Разумеется, ее не берут на небо после отпущения грехов. Она и покоя не заслужила, в отличие от Мастера из романа. Мадлену-Строгову «засасывает» «земля» на верху пандуса. Сценический люк - как бы адская пропасть. Да еще багровая подсветка.

Мольер - С.Барковский, Арманда - А.Тюнина. Фото: Юлия Кудряшова

Кстати, о пандусе. Приглашение в Молодежный художника Степана Зограбяна (он оформил свыше 200 спектаклей) обернулось новым для театра метафорически-архитектурным решением пространства - театр чаще склонен к традиционному павильону. Пандус – и Голгофа, и вершина власти, и вершина творчества, и гора, на которую надо лезть во что бы то ни стало. В спектакле театральный быт перетекает в условность, обобщение. Для МХАТ в 1936 году все было ясно: вот конкретный драматург Мольер, вот исторический французский король. Ни в сталинскую, ни в брежневскую эпоху нельзя

было вообразить, чтобы «артистишко» высказал в лицо все, что он о своем государе думает («тиран», «золотой идол», «бессудная власть»). А Барковский-Мольер это делает. Текст, понятно, булгаковский. Только отповедь эту Мольер в драме произносит среди актеров. А здесь Людовик-Шимко, находясь уже в метафизическом пространстве (не в зале и не за кулисами), кротко выслушивает хулу своего «шута», насмешливо хлопает три раза и удаляется молча, прищелкивая пальцами.

А Мольер, освобожденный от вечного лицемерия, «лизания шпор», счастливо заливается детским, счастливым смехом. А затем подпрыгивает и танцует полечку с простодушной Риваль в короткой юбочке (Нина Лоленко). Тут не надо бы медленно опускать черный занавес в виде гильотины. И в музыке звучит скрежет, словно шею перепиливают. Смерть героя – в данном случае, не наказание. Смерть – неизбежность, или, как говорит Лагранж, – судьба.

Барковский в Молодежном не пытается доказать: Мольер – великий актер и драматург. И ничего не играет из мольеровских текстов, хотя мог бы. Не даром он главный в «Тартюфе» (спектакль Молодежного 2008 г.), пьесе Булгакова, из-за которой погиб Мольер. Неважно все это.

Когда-то, после премьеры «Семьи Сориано» («Филумена Мартурано» Э.де Филиппо), я позволил себе «неприличное» заявление: Сергей Барковский разнообразнее суперзвезды Марчелло Мастроянни (в фильме «Брак по-итальянски»). И сейчас готов это подтвердить. Барковский закончил в Университете философский факультет. Не знаю, помогает ли ему это. Наверно, помогает. Неважно всё это. У него был ещё и другой «университет»: моноспектакли («История села Горюхина», «Авдей Флюгарин», «Жуковский. Прощание»). В моноспектакле нужно быть универсальным. Наедине с публикой в течение полутора часов не станешь скользить по поверхности. А еще сыграны десятки ролей: три короля, В.И. Ленин (дважды в кино), Иоанн Кронштадтский, Фрэнсис Бэкон, Бенкендорф, адмирал Октябрьский, герцог Болингброк, швейцары, убийцы и следователи, юродивые (157 ролей в кино и 26 в театре). В принципе, он способен сыграть все, кроме младенца. Да и то. Барковский может предстать на сцене и экране ребенком и старцем-повелителем, эгоистом и покровителем, смешным и трагичным. Эти лики человека, творца, он демонстрирует в роли Мольера.

За последние три года Семен Спивак выпустил три прекрасных спектакля: «Нас обвенчает прилив» Ж.Ануя, «Загадочные вариации» Э.Шмитта и «Кабала святош». В двух из них главную роль играет Сергей Барковский. Они с режиссером нашли друг друга. И если в финале «Кабалы» ты испытываешь нешуточное волнение, в этом, прежде всего, «повинен» тандем актера (лауреата премий имени

Смоктуновского и «Фигаро») с режиссером, в свои семьдесят желющим, умеющим быть творчески свободным. Барковский и Спивак даже похожи внешне. Правда, у Спивака очки. Но не в очках дело.

Поклоны в этом спектакле необычны. Мольер-Барковский раз за разом поднимается по черному пандусу, в силуэтно освещении, подхватывая свою (и мольеровскую) актерскую команду. С каждым поклоном соратников становится всё больше. Финал на генеральных прогонах у Спивака менялся несколько раз. В конечном итоге, Мольер Молодежного не умирает на сцене, во время представления «Мнимого больного». Он будет кланяться до изнеможения – прекрасная и трудная «кабала» театра втягивает в себя актерскую душу и тело.

Ирина Чайковская

Мужество обреченного. Михаил Булгаков

С Михаилом Булгаковым у меня связаны два незабываемых воспоминания. Первое – чтение романа «Мастер и Маргарита», напечатанного в журнале МОСКВА за 1966-1967 гг. Два драгоценных номера хранились в читальном зале, куда мы с сестрой приходили на школьных летних каникулах каждый день, к открытию библиотеки. Уже после я узнала, что публикация была кастрированная, со множеством купюр и цензурных искажений. Тогда же чтение было

захватывающим. Все, что связано с лирической темой, - тайной любовью Мастера и Маргариты, - а также с темой исторической - страстным путем Иешуа Га-Ноцри, - поднимало над обыденностью, давало ощущение приобщения к чему-то очень важному и запретному. Такого я еще не читала.

Второе, и тоже очень стойкое воспоминание, связано с публикацией писем Михаила Афанасьевича Булгакова Сталину. Во время Перестройки в одном из толстых журналов («Новый мир»?) были они опубликованы. Читая их, я испытала настоящий шок. Сейчас уже не в первый раз попробовала отыскать их на Интернетe. Нету. Есть какие-то отрывки, пересказ, блоки, составленные из кусочков.

А полностью всех писем – нет. И мне кажется, это не случайно. Ведь не зря я тогда вырезала эти письма и хранила на своем столе – как «настольную книгу». Эти письма говорили о невероятном мужестве и полной свободе человека, вступившего в разговор с верховной властью. Властью, готовой его раздавить. А он – он ее не боится, не боится как власть имеющий, как свободный человек, как тот же Иешуа Га-Ноцри в разговоре с наместником Иудеи – игемоном Понтием Пилатом.

Сегодняшняя власть испытывает патологический страх перед мужественными и свободными, ее окружают лизоблюды и палачи, типа центуриона Марка Крысобоя... Письма Булгакова для них – острый нож, подтверждение их мелкости и ничтожества.

А вспомнила я о Михаиле Афанасьевиче Булгакове вот по какой причине. Несколько дней назад увидела в программе канала КУЛЬТУРА название «Театральный роман» - и решила посмотреть. Не пожалела. Все два часа, пока смотрела этот трагикомический фильм-фарс, непрерывно смеялась.

Показанное значилось «фильмом» (режиссеры Юрий Гольдин и Олег Бабицкий, 2002 год), но форма у него была исключительно театральная – с условными декорациями, со снегом, падающим на сцену, с громом и молнией в ударных местах, с классической музыкой, великолепно окрашивающей сюжет, с ярким гримом и странными костюмами, с театральным наигрышем, с мизансценами – в лабиринте театрального подземелья и на свалке отслужившего и полусгоревшего хлама, и главное – с Людьми Театра, особой человеческой породой, представленной актерами и режиссерами, завлитом и билетером и всеми прочими «театральными». Они как единая команда противостоят одному человеку. Чужаку. Пришломu. Другому. Он автор романа, затем переделанного в пьесу. Его зовут Сергей Леонтьевич Максудов.

Станиславский

Булгаков погибал многожды, погибал в том смысле, в каком Пастернак сказал «Я кончился, а ты жива». Он погибал вместе со своими детьми – пьесами. Его гениальным детям в советском театре была уготована судьба незавидная. Их брали к постановке (а их гениальность – извините за назойливый повтор этого слова, но другого не могу найти, так вот, их гениальность не могла не броситься в глаза), а потом запрещали – или сразу, или в ходе репетиций, или после нескольких спектаклей.

Эти пьесы Тому Театру не подходили - были принципиально другими. Их автор не подстраивался под существующую идеологию и не старался понравиться новой власти. Все в итоге были запрещены – «Дни Турбиных» (пьеса, возникшая из романа «Белая гвардия»), «Бег», «Кабала Святош», «Зойкина квартира», инсценировка по «Мертвым душам» Гоголя и по «Собачьему сердцу» на основе собственной повести и даже «Александр Пушкин» («Последние дни») [1]. Было принято специальное постановление (март 1929 года) «об изъятии всех пьес Булгакова из репертуара советских театров» (!). Было, оказывается, и такое...

Уму непостижимо, сколько нужно было усилий, чтобы уничтожить одного Мастера... Он ушел из жизни, а вернее, был доведен до смерти, в 48 лет (май 1891- март 1940)[2].

Самая первая гибель была связана с романом «Белая гвардия, позднее переделанным для МХАТ(а) в пьесу «Дни Турбиных» (первая редакция в 1925 году). Злоключения, выпавшие на долю автора-новичка, попавшего в адисце театра и при этом – необъяснимо - ощутившего: «этот мир – мой», составили содержание «Театрального романа», или, как он назывался в авторской рукописи, «Записок покойника».

Немирович-Данченко

Итак, Сергей Леонтьевич Максудов. Как точно ложится на это имя имя самого автора - Михаил Афанасьевич Булгаков. Имя-отчество абсолютно параллельны, что до фамилии, то и она дана автобиографическому персонажу неспроста. Максудов - бесспорно фамилия тюркская. Но оказывается, и «Булгаков» имеет тюркское происхождение. Если верить Википедии, она происходит от старинного тюркского слова «булга» - тревога, суета, мятеж, смятение...

Максудов

«Записки покойника» Булгаковым не закончены, фильм же кончается «положением во гроб». При этом он ужасно смешной, как и булгаковский роман, разящий наповал.

Вполне понятно желание Михаила Афанасьевича, когда его отношения со МХАТОМ окончательно прервались, взглянуть на них со стороны, подчеркнуть абсурд и нелепость, с которыми он столкнулся.

Недаром Максудов (артист Игорь Ларин) смотрит на все происходящее широко открытыми «детскими» глазами, словно спрашивая: это мне снится? Или действительно происходит?

Посудите сами, можно ли принять за правду следующие факты:

1. Два отца-основателя «Независимого театра» (читай МХАТа) пребывают в многолетней ссоре и работают независимо друг от друга.

2. Главный отец-основатель этого театра, он же Иван Васильевич, ездит в театр дважды в год, тогда ему нанимают извозчика.

3. Его сподвижник, он же Аристарх Платонович, находится в длительной командировке в Индии и оттуда присылает актерам рекомендации, как играть.

4. Иван Васильевич советуется по поводу постановок только с тремя близкими людьми, среди которых его почти выжившая из ума тетушка.

Иван Васильевич

5. Главные вопросы, задаваемые Иваном Васильевичем при встрече с драматургом: «Кто ваш отец» и «Как вы относитесь к гомеопатии?»

6. Иван Васильевич панически боится выстрелов на сцене и требует от драматурга замены огнестрельного оружия на кинжал.

7. Невеста в пьесе, по требованию Ивана Васильевича, должна быть заменена на мать, что объясняется возрастным составом трупы – самому младшему – 58 лет.

8. Вывод, которым заканчивается встреча Ивана Васильевича с драматургом Максудовым, прочитавшим ему свою пьесу «Черный снег»: «Ваша пьеса очень хорошая. Осталось ее только сочинить».

Абсурд! Не может такого быть! Что за выдумщик и пасквилянт этот Булгаков!

А хотите сыграем с вами в игру «Ложь или правда?»

Году эдак в 1998 я приобрела прекрасно иллюстрированное издание, посвященное 100-летию МХАТа (был основан, как мы помним, в 1898 году). Очень надеялась, что издание прояснит ситуацию с МХАТом, о которой я могла догадываться, прочитав наконец-то напечатанный в «Новом мире» «Театральный роман» Михаила Булгакова (1965 год!)

Однако ни там, ни в других материалах о Главном театре страны ничего похожего на описанное Михаилом Афанасьевичем не было.

Правда пришла намного позже.

Большую роль в ее обнаружении сыграл булгаковед, многолетний летописец МХАТА и исследователь его архивов Анатолий Смелянский. В его статьях и кинорассказах об истории МХАТа засвидетельствовано, что Булгаков, создавая свой «пасквиль» на Художественный театр и его корифеев, опирался на реальные факты.

Михаил Афанасьевич Булгаков, естественно, хотел чтобы его пьеса «Дни Турбиных» пошла на сцене. Для этого пришлось пойти на многочисленные уступки театральной цензуре. Пьесу терзали и корежили. Дошло до того, что в финале спектакля зазвучал «Интернационал». Ставить «Турбиных» разрешили только «МХАТу» - и при этом спектакль несколько раз снимали со сцены. Только после звонка Сталина Булгакову (апрель 1930 года) было получено «высочайшее дозволение» играть «Дни Турбиных». Сталин следил за спектаклем из-за занавески, считается, что он посетил его 15-20 раз.

Но вот психология тирана! На многочисленные письма Булгакова, в которых больной, загнанный в угол, регулярно на все лады ругаемый советскими критиками, практически не печатаемый и не поставленный автор просил отпустить его за границу, Сталин не отвечал. Похоже, для писателя была придумана такая игра - мучения с продолжением. В 1934 -м Булгаков с женой Еленой Сергеевной были обнадужены известием: впереди поездка в Париж вместе с труппой МХАТа. Их попросили принести документы для оформления командировки. Появилась надежда на жизнь. Там, в Париже, Булгакова ждал младший брат Николай, сделавший карьеру ученого-бактериолога. Но... случилось необъяснимое. Артисты МХАТа в Париж уехали, а Булгаковы остались «на перроне». Им в поездке отказали.

Был Михаил Афанасьевич страстотерпцем, но пока хватало сил и жизни, боролся с мучителями с помощью своих писаний. Одно из них – «Записки покойника», или «Театральный роман».

Максудов перед труппой

Фильм, о котором я говорю, прошел незамеченным, не завоевал никаких наград, но ей-богу, - посмотрите его! На мой взгляд, это весьма достойная работа. А сколько прекрасных артистов вы в нем обнаружите – тут и Валерий Золотухин, и Зинаида Шарко, и Эммануил Виторган, и замечательная Оксана Мысина в роли секретарши. Театроведа играет Михаил Швыдкой, почти не изменившийся с тех пор, а вот кого я почти не узнала в одной из исполняемых им ролей – это Максима Суханова. В картине у него две роли, и вот в гриме Станиславского (Иван Васильевич) он не сразу был мною угадан. Великолепное перевоплощение!

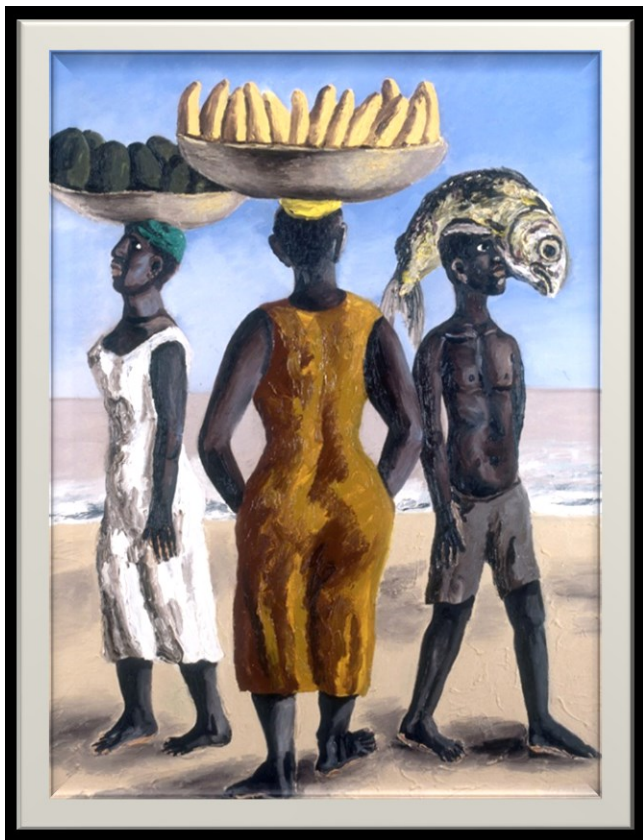
Напоследок скажу, что свой «театральный роман», я думаю, могут написать многие драматурги. Отношения их с театром складываются, как правило, не гладко, все же эта особая область искусства. Но не знаю, выпали ли на долю еще кого-нибудь такие мучения, как Михаилу Булгакову. И не знаю примера такого хлесткого и разящего ответа мучителям. Для такого ответа нужно было иметь мужество. Все же он посягнул на «святое», замахнулся на культивируемый наверху "миф" о МХАТе и его основателях!

Михаил Афанасьевич, без сомнения, был человеком мужественным. Однако в той стране и в те времена это было мужество обреченного.

[1] Пьеса о Пушкине (в которой отсутствовал Пушкин) была впервые поставлена через три года после смерти автора, во МХАТе.

[2] Пишут, что Булгаков умер от хронической почечной недостаточности, как и его отец, но стоит прикоснуться к этой жизни и узнать ее подробности, - и не понимаешь, как, при такой бешеной травле, он мог дожить до 48.

Часть 11. Путешествия

Наталья Нестерова

Юрий Брилль

Екатеринбург, Россия

Еще ночь впереди. Пустыня Негев.

Часть 1

Был конец января, и была весна. И был я. Я достиг наконец пределов Негева.

Я стоял в центре пустыни, на краю одной из самых больших ям на Земле, кратера древнего вулкана Махтеш Рамон (40 км вдоль, 8 км поперек, 0,3 км вглубь). Ахнул и застыл в изумлении, не в силах враз окинуть взглядом и отразить. Внизу, в этой природной циклопической котловине, среди желтой накипи песка и камня дремали похожие на кошачью семейку черные, отлитые вулканом лавовые горы, струились овраги, по которым росли тамариски и копны пустынных колючек. Отвесные стены котловины являли собой разнящиеся цветом геологические ступени – от белых меловых и светло-охристых до поджаренных жаркой лавой красных и темно-коричневых. Спуститься вниз, пощупать их – значит открутить время на двести миллионов лет.

Восходящее солнце ломало восточную стенку кратера, со дна поднимался пар – казалось, и сегодня, прямо сейчас, при мне, с моим непосредственным даже участием, варилось время, творилась история Земли. А в сущности, возраст Земли и возраст человечества несоизмеримы: даже из этих трехсот метров глубины истории, в которую я заглядывал, человеческая биография – лишь тонкий гумус в несколько сантиметров, моя же биографическая составляющая и вовсе ничтожна. Однако в единении с этим вечным эволюционным процессом я захлебывался глуповатым, пенящимся через край души восторгом. Я уже испытывал похожие вершинные переживания: заглянул однажды в жерло Авачинского вулкана, увидел дымящиеся фумаролы, вдохнул сернистый газ...

Сейчас думаю, может, и не надо делать подобных движений – зрелище сильнодействующее и потому небезопасное, но тогда я возгордился, сочтя, что прошел посвящение, приобщен к некоей глубинной тайне и отныне мое сознание и сознание Земли неразделимо связаны.

И вот сейчас с этой новой вершины я увидел себя снова молодым и полным сил, и даже не помнил о своей болезни. Несмотря на ночь, проведенную в автобусе, я был бодр и весел, мускулы наполнились сладкой истомой, предвкушающей физическую радость шагать налегке. Передо мной снова открывалась дорога к новым сияющим вершинам. И я забыл о дворнике, разговор с которым оставил меня в некотором недоумении.

Вечером я выехал из Хайфы, добрался до Эйлата, там перепрыгнул на другой автобус и прибыл в Мицпе Рамон. Так, делая крик, мне было удобнее добраться до исходной точки моего маршрута.

Улицы городка были пустынные, только дворник помахивал метлой, что имело скорее ритуальный, чем практический, смысл – розовые пластиковые прутья метлы шоркали по белому камню мостовой, которая и без того блестела и светилась чистотой.

– Вы говорите по-русски?

– А как же! – воскликнул дворник, как будто ждал этого вопроса двадцать лет.

Я и не надеялся, что встречу здесь русскоязычного, хотя ничего сверхъестественного в нашей встрече не было – кому-то надо мести улицы, и почему не выходцам из СССР?

– Скажите, коллега, как пройти на Махтеш Рамон?

– А вы тоже дворник?

– Ну да, в том смысле, что я за чистоту...

– А что, я не жалею. Двадцать лет на одном месте, зарплата четыре с половиной тысячи шекелей – могу позволить себе...

Собственно говоря, я лишь хотел сориентироваться, однако пришлось выслушать его историю. Дворник проникся ко мне еще больше, когда обратил внимание на мои ботинки.

– Суперские. У меня такие же.

Действительно, у нас были одинаковые ботинки.

– Брат прислал из Германии.

– А мне друг подарил, когда я гостил у него в Херфорде.

– Эти у меня уже вторые. Одни такие гиены сожрали.

– Так и сожрали?

– Так и сожрали. Пять лет носил и нахваливал. Когда брат прислал новые, старые я отнес на помойку, положил на поребрик, рядом с контейнером, думаю, может, кому нужны. Как сейчас помню, там еще лежали лепешки и булки, тоже благотворительные. В воскресенье утром как обычно беру метлу и начинаю мести. Вижу, эта сволочь, гиена, жрет мои ботинки.

– Не нашла ничего более съедобного?

– Обратил внимание, как у нас тихо? Кошка не мяукнет, собака не залает. Где, спрашивается, животные?.. – Он многозначительно помолчал. – То-то же! Детей выпускать на улицу опасно. Зашугали

народ. В одиночку никто не выходил. Неделю террор – хуже фундаменталистов! А потом исчезли. Представь, прямо на глазах у меня жрет мои ботинки. Ну, не наглость ли?! Я ей в харю черенком метлы, а она – хрумс! – и откусила кончик, ровно как бритвой срезала. Смотри! – Метла, и вправду, была коротковата. – Потом вижу, из-за другой помойки еще две сволочи выскакивают, в зубах благотворительные лепешки – я их...

Прервав его бредовое красноречие, я повторил вопрос.

– Зачем тебе туда? – строго спросил он.

– Надо! – сказал я. Этот дворник начинал меня раздражать. Какое ему, собственно говоря, дело?

– Не надо! – сказал он.

Мне даже смешно стало от такого странного разговора. Ему лучше знать, что мне надо, а что нет! Вероятно, в советском прошлом он был начальником, на что намекала и его шляпа времен застоя, что вызывающе диссонировала с его рабочей формой. Ладно, я и сам соображу, куда. Уже сообразил.

– Топай в сторону заправки, затем возьми правее, – крикнул он мне вслед. – Только потом не говори, что я тебя туда направил.

«Мицпе» – по-русски значит обзорная площадка. В самом названии городку определялось быть приложением к яме, пусть даже самой большой в мире. По нашим масштабам две тысячи населения – это скромный поселок. Тут – город. Первые поселенцы были не в пример амбициозны и вознамерились центр пустыни превратить в центр туризма. Для привлечения празднующихся построить казино, сделать Мицпе Рамон маленьким богатеньким Монте Карло. Надежды

не оправдались: казино не разрешили – туристы сквозили мимо, предпочитая приморский Эйлат с его легким и веселым нравом. Энтузиасты сникли: город без рулетки обречен на прозябание. Кстати, казино есть в Эйлате. И это несмотря на существующий в стране запрет игорных заведений. Еврейские мудрецы устроили казино на корабле. Отплывет кораблик в нейтральные воды, а там уже законы государства не действуют – оттягивайся, крути рулетку до последнего шекеля.

В свое время я отдал дань азартным играм, а теперь, как и полагается на склоне лет, искал совсем иное, и наверное, подобных мне паломников было бы здесь предостаточно, если бы они знали, что именно здесь, в настоявшейся тысячелетиями пустоте и безмолвии, звучало Слово Божье.

Мало кому известно, что именно здесь, а не в Египте, находится истинный Синай. Увидите тропинку, идущую влево от кратера, ступайте по ней и придете на плато Карнак. Вот место, где Господь вручил Моисею скрижали. Я это знаю от итальянца Эмануэле Анати. И это подтверждает Библия, его археологические находки описаны в ней. К примеру, жертвенник. «И устрой там жертвенник Господу, Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа», – говорил Господь Моисею. Как раз такой и нашли, сделанный из необработанного камня. А рисунки на камнях – их более сорока тысяч на плато Карнак – красочно проиллюстрировали Святое Писание и жизнь переселенцев.

На одном из камней значится имя Бога, из чего следует, что народ, написавший его, говорил на арамейском. Известны еще около двух десятков предполагаемых мест, где Господь вручал Моисею скрижали, но ни одно из них не имеет археологической основы, в том числе египетский Сион, который представляется мне не более как удачным проектом туриндустрии.

Не всегда, стало быть, центр Негева был так безлюден. В Ветхом Завете указывается число переселенцев: 600 тысяч. Имеются в виду только мужчины. Прибавьте сюда женщин и детей. Да, когда-то здесь бурно кипела жизнь. Такая судьба: быть Богом выделенным и Богом забытым местом.

Дальше – больше: когда я мысленно открыл еще некоторое время назад, городок в центре пустыни мне представился морским и портовым. Дело в том, что в ямище, к которой он приткнулся, да и вокруг нее на многие мили, лет эдак миллионов двести назад плескался океан. Поэтому место, с которого я начал свое путешествие, условно называю «порт». Поначалу, уже в новой эре, в двадцатом столетии, когда еще кипел энтузиазм, первожителю разбили здесь сад камней, напоминающий Стоун Хедж. Я погулял среди этих вполне неолитических конструкторов, пощупал тут и там натканные железные

и порядком уже поржавевшие артефакты: типа поющих под ветром свирелей, цветных гирлянд.

Свирели молчали, лампочки не включались... Меченые краской камни еще напоминали, что здесь начинается туристская тропа. Мало заметная, не притоптанная и, по всему видно, необитаемая...

Да и слава богу, что так. Я и хотел прогуляться в одиночестве. И сейчас, когда меня просто распирало от нетерпения выдвинуться подальше от городка, я высокомерно подумал, что в меченых камушках не нуждаюсь. Ведь это было, и было со мной: шел и даже и не думал о направлении. Шатался, как лось, по лесам – и всегда выходил туда, куда намечал. Но однажды – и это тоже было со мной – испугался... Обернулся – кругом болото, воды по грудь, а я не знаю, куда идти. Красный шар солнца коснулся болотины, вошел в нее и был немедленно поглощен ею, вспорхнул черный аист, ночь, я поставил на голову рюкзак, набитый под завязку голубикой, шагнул – вода до подбородка, еще шагнул... Господь вывел, а я на долгие годы потерял, что называется, нюх и стал предельно осторожным. Мне казалось, сейчас Махтеш Рамон вернул мне тот счастливый дар: беспечно, не оборачиваясь, шагать по миру. Я забыл о своем увечье и наслаждался тем, что могу еще дышать полной грудью, могу еще видеть и слышать, могу шагать, сколько хочу, и мне будут открываться все новые и новые дали. Дышалось легко, солнце особенно не донимало. Доставая из рюкзака коробку с гранатовым соком, прихлебывал время от времени.

Был конец января, и обычно серая пустыня, с избытком впитавшая дожди, оживилась бледно-сиреневым цветением. Цвел журавельник, невзрачная колючка атрактилис украсилась зелеными листьями и

фиолетовыми пампушками. Тропа опасно топталась у края впадины, порой приближалась к самому обрыву, порой огибала гору, удаляясь от нее на значительное расстояние. Когда мне казалось, что крюк неоправданно большой, срезал путь, шел краем пропасти, заглядывая в нее. На животе у меня болтался Canon, его память была предварительно вычищена, и я щелкал без счета. Вдали сквозь туманную дымку я увидел каменный мыс, вдающийся в котловину, – удобный ракурс, чтобы сделать снимок самой большой и наиболее впечатляющей черной горы семейства кошачьих.

Снова попался на глаза меченый камень, напомнивший, что я далеко не первооткрыватель, а чуть дальше – еще один, уже вполне сказочный, с тремя нацарапанными стрелками: налево пойдешь – в Авдад придешь, прямо пойдешь – в Махтеш Рамон попадешь, направо... Направо стрелка перечеркнута. Действительно, путь направо, то есть вниз, на дно котловины, был закрыт. Для наглядности тропу направо-вниз перегораживала когда-то красная, теперь выгоревшая на солнце и ставшая серой ленточка, привязанная к двум ржавым штырям. Конечно же, у меня в плане было спуститься вниз, но кажется, я окарался* – спуск Михмаль значительно восточнее, спуск для джипов Маале Ноах тоже далековат. Этот же, устроенный для туристов, давно обветшал и пришел в негодность. Кое-где липли к стенке деревянные лестницы. Чистый сюр: от одной к другой можно было пройти только со специальным снаряжением.

Меньше всего мне хотелось поворачивать на Авдад. Споры нет, древние набатеи – народ загадочный. Мало что о нем известно: бедуинское племя, сказочно разбогатевшее на торговле. Именно здесь

проходила тропа, по которой нагруженные пряностями верблюды тащились из Петро через Беэршеву в Древний Рим. Богатство набатеев вызывало зависть у многих народов, но даже римлянам не удалось их завоевать. В сущности, я пресытился развалинами, к тому же, вполне очевидно: то, что я увижу здесь, не сравнится с Петро. Вырубленный в розовом камне город – и есть самое настоящее чудо света. Нет, набатеи – это была другая тема, другое путешествие. Все же я поперся на Авдад. Пригляделся – показалось, уже вижу развалины. Сбегаю – полкилометра не крюк. Но это был не Авдад и не развалины – просто гора, сложенная природой из отдельных камней. Тем не менее, я продолжил идти путем набатеев, итожа свои жизненные неудачи тем, что всегда отвлекался от главного.

Тропа набатеев была достаточно однообразной, а вскоре и вовсе приблизилась вплотную к дороге на Беэршеву и довольно долго и утомительно тащилась вдоль нее. Убив три часа, я достиг места, которое наглядно демонстрировало умение набатеев накапливать в пустыне воду. Осмотрел канавки на косогоре, по которым стекала дождевая вода, полюбовался накопленным озерком, в центре которого блаженствовал тамариск. Сидя на камне, попивая гранатовый сок, думал: что мне набатеи? И что тем более я набатеям?

Солнце было еще высоко, когда я снова оказался у развилки. Рассчитывая на ужин в гостинице и мягкую постель, следовало бы прямо сейчас повернуть назад. Я был не готов к этому: еще не надыхался, не нагяделся на пустыню. Только сейчас я, как мне кажется, стал ее понимать, и потому она стала мне интересной. В юности больше тянули горы, потом леса, тундра... А в сущности, сейчас мы очень похожи. После того, как мне поставили диагноз, который плохо совмещался с жизнью, и врачи провели курс лучевой терапии, мое нутро напоминало выжженную пустыню.

Мне было все еще хорошо, но я уже не витал в облаках – опустившись на землю, реально топал по камням и в ногах чувствовал досадное неудобство. Надо сказать, я плохо подготовился к походу. Вернее, совсем не готовился. Носки, к примеру, надел первые попавшиеся, а не те, что у меня были специально предусмотрены под мои суперские ботинки. Прошел не больше двадцати километров, а уже набил мозоли.

Еды и воды взял только на день, и теперь следовало быть экономным: я уже не пил вдоволь, а только смачивал растрескавшиеся губы, делал маленький глоток. Шагал безостановочно, наверстывая потерянное на тропе набатеев время. И между прочим, по привычке бродяги приглядывал местечко для ночлега. Поставить палатку на камнях мало радости. Негев – пустыня еще не старая, нужны миллионы лет, чтобы горы и камни разрушились, размельчились до песка.

Наблюдая этот инволюционный процесс воочию, я видел результат: шелковый песочек уже присутствовал в оврагах, низинках, но там еще держалась влага недавнего дождя – на мокром месте ставить палатку опять же не дело. По правую сторону от тропы я приглядел пещеру. Большой она быть не могла, поскольку сама горушка была невысокой и ограничивалась с тыльной стороны обрывом кратера. Невелика, но построена природой с большим вкусом и изяществом – образец индийских храмов, украшенный резьбой по камню от макушки до подножия. Я подумал, великий Рашби прожил в пещере семь лет – ночь-то как-нибудь перекантуюсь.

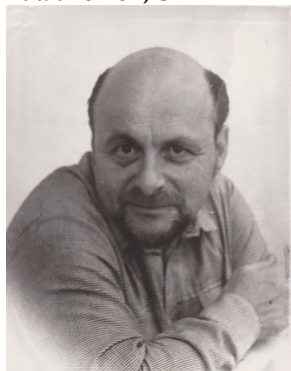
Наскоро обследовав пещеру, я обнаружил за камнем у входа скорпиона. Отломав ветку тamarиска, я с ее помощью выгнал постояльца. Чую ветку, он подтягивался, хватал клешней – в это время я тащил его прочь из пещеры. Потом он отцеплялся, и я снова совал ему ветку. Устраиваться на ночлег казалось преждевременным, манившая черная гора все еще не была снята с намеченной точки.

А когда я еще выберусь в Негев, чтобы пройти дорогами древности, где Моисей вел свой народ и разговаривал с Господом? Пустынные пространства и абсолютное безмолвие казались неправдоподобными, не вязались с картинами моего воспалившегося воображения.

**Окараться - (свердл.) ошибиться, потерпеть неудачу (из Викисловаря, прим. ред.)*

Семен Белкин

Вашингтон, США

Памяти погибших кораблей. Часть 10. Теплоход «Челюскин»

Прошло несколько месяцев после фантастического успеха парохода «Александр Сибиряков», который впервые в истории мореплавания прошел Северным морским путем за одну навигацию (см. журнал «Чайка» 2 апреля 2021 г). Естественно, это достижение было подано как бесспорное доказательство преимуществ социалистического строя. Сибиряковцев встречали как героев, Отто Шмидт стал знаменитым полярником, «главным конструктором покорения Севера», как писали в центральных газетах.

И уже в декабре 1932 года, правительство Советского Союза приняло решение о создании Главного управления Северного морского пути, которое возглавил (кто же еще?) О. Ю. Шмидт. Чтобы закрепить успех «Сибирякова», руководители вновь учрежденного управления решили послать Севморпутем уже не ледокольный, а самый обычный пароход.

Для похода выделили грузопассажирское судно «Лена», которое весной 1933 года должно было сойти со стапелей датской верфи «Бурмейстер и Вайн». Оно было куплено советским правительством для дальневосточной торговли и имело по регистру Ллойда категорию «усиленное для навигации во льдах». Но всё же это был не ледокол, не ледорез, а обычный пароход водоизмещением 7500 т, с двигателем мощностью 2400 лошадиных сил, способный развивать скорость до 12,5 узла. «Лена» вошла в состав советского торгового флота, но по инициативе Шмидта судно передали Главсевморпути, а чтобы подчеркнуть исследовательский характер парохода, его переименовали в честь знаменитого русского полярника XVII века, участника Великой северной экспедиции Семена Челюскина.

Портрет О. Ю. Шмидта. С картины художника М. Нестерова

Многие авторитетные специалисты выступили против этого рискованного эксперимента, в том числе и сам полярный ас капитан В. И. Воронин, которому начальник Севморпути О. Ю. Шmidt предложил повести «Челюскин» в этот ответственный рейс.

Старый поморский капитан был уверен, что «Челюскин» совсем не то судно, на котором можно пробиться сквозь арктические льды: пароход слишком большой, машина на нем слабая, шпангоуты [1] расставлены редко, ледовых подкреплений почти нет. Он открыто называл «Челюскин» шаландой и волжской баржей, а поход на нем в арктические воды — безнадежной авантюрой.

Возникла конфликтная ситуация, и тогда была образована специальная комиссия, в которую вошел академик А. Н. Крылов и другие ведущие специалисты. Комиссия, тщательно осмотрев судно и ознакомившись с технической документацией, пришла к неутешительному выводу: набор [2] парохода недостаточно крепок, шпангоуты расставлены редко, ширина корпуса слишком велика, а пароход недостаточно маневренный для плавания во льдах.

Одним словом, комиссия почти слово в слово повторила доводы капитана Воронина, который, хотя и не постиг глубин корабельных наук, но, обладая колоссальным практическим опытом, мог судить о достоинствах и недостатках арктического корабля не хуже любого специалиста высшей квалификации. Вывод комиссии был однозначен: судно для выполнения поставленной задачи не подходит.

Но энтузиазм Шмидта, его убежденность и непререкаемый авторитет победили. Он убедил своих оппонентов в необходимости подобного эксперимента, уломал несговорчивого помора капитана Воронина, и рейс состоялся. В дневнике Воронина появилась горькая

запись: «Я знаю, что меня ждет, как мне трудно будет вести это суденышко через арктические льды».

Разумеется, опасения капитана Воронина и мнение авторитетной комиссии заставили руководителя похода Шмидта еще и еще раз продумать детали экспедиции, внести необходимые коррективы в маршрут и график плавания, с особой требовательностью отнестись ко всем вопросам технического обеспечения рейса.

Предполагалось, что «Челюскин», насколько возможно, будет идти своим ходом, а, если возникнут трудности с преодолением ледяного покрова, на помощь придет ледокол «Красин», который в это же время будет осуществлять проводку трех грузовых пароходов в устье Лены. Для передачи на ледокол «Челюскин» принял на борт 1000 тонн угля.

«Челюскин» во льдах

На случай возможной зимовки запасы продовольствия были рассчитаны не на короткое полярное лето, а на полтора года. Не исключался вариант вынужденной высадки на лед, для чего на борт парохода было принято необходимое снаряжение, чтобы, в случае нужды, можно было разбить лагерь. Последующее развитие событий показало, что все эти меры были весьма нужными: трудно представить себе, как бы закончилась челюскинская эпопея, если бы не всесторонняя и тщательная подготовка похода.

На борту «Челюскина» находилась мощная по тем временам радиостанция и самолет, на котором летчик М. С. Бабушкин регулярно производил разведывательные полеты.

16 июля 1933 года «Челюскин» вышел из Ленинграда. Пароход провозжали тысячи людей, гремели оркестры, звучали трогательные

речи, участников экспедиции засыпали цветами, на проводах присутствовали корреспонденты всех советских газет. Вера Шмидта в победу передалась всем: и экипажу «Челюскина», и провожающим. Без происшествий пароход обошел Скандинавский полуостров, принял в Мурманске груз, а также участников экспедиции и 10 августа вышел в Северный Ледовитый океан.

Всего в плавание отправились 52 члена экипажа, экспедиционная группа в количестве 29 человек и 29 пассажиров — персонал научно-исследовательской станции и рабочие для высадки на остров Врангеля, куда, из-за неблагоприятной ледовой обстановки, уже 4 года не могли подойти суда. Таким образом, на борту «Челюскина» находилось 110 человек. Но во время рейса численность экипажа и пассажиров увеличилась еще на двух человек. Первый — это «заяц», архангельский кочегар Михаил Субботин, который в Мурманске тайком пробрался в угольный бункер и просидел там двое суток. Пришлось взять «зайца» с собой, и о своем решении Воронин ни разу не пожалел — работником Михаил Субботин оказался отменным. А второй путешественник появился в Карском море. Елизавета Борисовна Васильева (по официальной версии - жена зимовщика, но, как будет сказано ниже, по другой версии, - жена совсем другого человека - С.Б.) родила девочку, которую в честь Карского моря назвали Кариной. Таким образом, на пароходе находилось 112 человек, в том числе двое детей.

Поражала пестрота экипажа и пассажиров «Челюскина». Здесь были русские и обрусевшие немцы, латыши и украинцы, белорусы и поляки, люди преклонных лет и маленькие дети, маститые ученые и малограмотные рабочие. Среди челюскинцев было немало ярких, неповторимых личностей. Это, прежде всего, сам О. Ю. Шмидт, капитан В. И. Воронин, будущие герои-папанинцы Э. Т. Кренкель и П. П. Ширшов; библиотекарем на судне был будущий народный художник СССР Ф. П. Решетников; в походе приняли участие известный поэт и писатель Илья Сельвинский и будущий знаменитый кинооператор, режиссер и киносценарист Марк Трояновский.

Первая половина пути прошла относительно благополучно, но в Восточно-Сибирском море пароход подвергся настолько яростному натиску льдов, что корпус не выдержал: несколько шпангоутов погнулось, один лопнул, в обшивке появились вмятины и обнаружилась течь. Однако под руководством капитана Воронина самые опасные повреждения удалось устранить. В этой трудной ситуации пример самоотверженного труда показал Шмидт. Забыв о своем высоком звании начальника Севморпути, он работал как простой матрос, работал самозабвенно, заражая всех своим энтузиазмом, сознанием высокого долга. Люди следовали примеру руководителя

экспедиции и ликвидировали тяжелые последствия столкновения со льдами. Плавание продолжалось.

Впоследствии было немало аналогичных ситуаций: когда льды становились особенно агрессивными - капитан объявлял аврал и члены экипажа, вооруженные топорами, ломami, кирками, а если требовалось, и аммоналом, выходили на лед и вели со стихией отчаянный рукопашный бой.

И свершилось невероятное: вопреки прогнозам скептиков 4 ноября 1933 года пароход, правда, беспомощный, зажатый льдами, кормой вперед, но все-таки вошел в Берингов пролив. До открытой воды оставалось рукой подать — не более 5–6 километров. Люди переодевались в чистую одежду, плясали, кричали «ура». И тут капризная стихия, как бы спохватившись, решила их за что-то наказать. Внезапно ветер сменил направление, «Челюскин» вместе с ледовым полем был отнесен обратно в Чукотское море, а еще через некоторое время капитану Воронину ничего не оставалось делать, как доложить начальнику экспедиции, что выбраться из ледовых тисков нет никакой возможности.

Лагерь Шмидта

В степени опасности руководители похода давали себе полный отчет. Было понятно, что в любой момент ледовое сжатие может погубить корабль, и поэтому в первые же дни вынужденного дрейфа

Воронин и Шмидт собрали наиболее сознательных членов экипажа, объяснили им всю меру нависшей угрозы и поручили им скрытно, ночами, чтобы понапрасну не деморализовать людей, начать подготовку к высадке на лед.

В этих трудных условиях моряки и ученые продолжали нормально работать — несли вахты, вели наблюдения, причем особенно старались научные работники, которые получили в свое распоряжение огромную лабораторию, по существу, весь корабль вместе с окружающим его бескрайним ледовым полем. Не теряли времени и доморощенные изобретатели, которые замучили Шмидта самыми невероятными предложениями, как вывести «Челюскин» из плена.

Так, один из прожектеров представил Шмидту предложение прорубить канал для вывода «Челюскина» на чистую воду. По расчетам автора, на осуществление этой операции потребовалось бы всего 20 дней. Но блестящий ученый Шмидт быстро нашел в расчетах ошибку и показал незадачливому Эдисону, что при самых ударных темпах на прокладку канала уйдет как минимум... год.

Другой изобретатель предложил устроить направленный костер и растопить во льду полосу, достаточную для выхода парохода. Однако Шмидт был вынужден разочаровать и этого энтузиаста.

Более трех месяцев пароход дрейфовал по Чукотскому морю. Тяжелые льды методично подтачивали борт корабля. Обшивка трещала по швам, а заклепки вылетали из корпуса. Ситуация значительно ухудшилась в феврале, но экипаж успел подготовиться к наиболее печальному варианту развития событий. В случае гибели парохода людей организованно пересадили бы на лед. То, что эвакуация однозначно понадобится, стало понятно в ночь на 13 февраля, которая выдалась особенно тревожной из-за частых сжатий и сильного торошения льда. Во время очередного сжатия произошло то, что предрекали члены комиссии, обследовавшие «Челюскин» перед выходом его в опасное плавание: пароход затонул, причем корпус не выдержал именно в тех местах, где предсказали специалисты во главе с А.Н.Крыловым.

В 13:30 внезапным сильным напором разорвало левый борт на большом протяжении — от носового трюма до машинного отделения. Одновременно лопнули трубы паропровода, что лишило возможности пустить водоотливные средства. Ровно через два часа «Челюскин» затонул в 155 милях от мыса Северный и в 144 милях от мыса Уэлен. За это время команда организованно выгрузила на лед аварийный запас провианта, палатки, спальные мешки, стройматериал для возведения барачков, самолет и радио. Эвакуация продолжалась до того момента, пока нос корабля не погрузился в воду. Последними на лед сошли капитан судна Владимир Воронин, начальник экспедиции член-корреспондент АН СССР Отто Шмидт и завхоз Борис Могилевич.

В этот момент произошла трагедия. Оставшийся на корабле груз внезапно сместился, одно из бревен покатило по палубе и придавило Могилевича, который упал в воду и погиб.

«После гибели парохода, хотя и с большим трудом, мы извлекли изо льда бревна, доски, дрова и прочее. Выгрузка была произведена исключительно дисциплинированно. Не было ни одного проявления паники, ни одного нарушения порядка», — рассказывал Шмидт.

Сегодня с высоты нашего времени и многоопытности мы можем упрекнуть энтузиастов за проведение этого рискованного эксперимента, закончившегося трагически. Но ведь без известной доли риска наверняка не было бы ни открытия Америки, ни погружения на дно Марианской впадины, ни проникновения в космос, ни атомных кораблей. Без риска нет и не может быть ни географических открытий, ни технического прогресса. Можно спорить только о том, в какой степени риск был оправдан в данном конкретном случае.

Летчики – первые Герои Советского Союза – участвовавшие в спасении челюскинцев

Дальнейшие события нам хорошо известны. В далеком Чукотском море на большой льдине был разбит знаменитый лагерь Шмидта. Начало жизни в ледовом плену не предвещало ничего хорошего. Об этом мало кто знает, но в лагере начал назревать бунт: часть команды отказалась подчиняться Шмидту — они считали, что нельзя оставаться на месте и ждать помощи, а нужно всем идти в сторону земли. Логика в этом была, но и риск был огромный, учитывая, что в команде были женщины и дети, а средств передвижения практически не было. Отто Юльевичу пришлось проявить характер — когда аргументов не

осталось, он вынул из кобуры маузер и пообещал застрелить любого, кто нарушит его приказ. Угроза подействовала.

Шмидт понимал, что главной проблемой для эмоционального настроя зимовщиков может стать вынужденное безделье, поэтому старался занять людей любым способом. Кроме обслуживания ежедневных потребностей лагеря, они занимались спортом (даже футбольное поле соорудили), читали и слушали научные лекции, устраивали концерты, проводили партсобрания, даже издавали стенгазету. На льдине регулярно работали курсы по подготовке к поступлению в морские техникумы и мореходные училища, кружки английского и немецкого языка и даже... курсы по подготовке будущих красноармейцев и краснофлотцев. На этих курсах изучали оружие, теорию и практику боевой стрельбы и другие воинские премудрости. Штурманы продолжали делать обстоятельные записи в спасенном с «Челюскина» вахтенном журнале.

Очень много сил и энергии уходило на подготовку поля для посадки самолетов, поскольку на помощь с воздуха возлагались основные надежды всех: и спасателей, и спасаемых.

Несмотря на яростные натиски стихии, которая в несколько минут уничтожала то, что создавалось упорным трудом за дни и недели, люди неутомимо расчищали новые посадочные площадки взамен разрушенных. Достаточно сказать, что за время дрейфа на льдине челюскинцы построили 13 аэродромов.

Настроение людей ощутило повысилось после того, как была установлена радиосвязь с Большой землей и в лагерь Шмидта пришла следующая радиограмма: «Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой... Сталин, Молотов, Ворошилов». Теперь люди поверили, что страна придет к ним на помощь и сделает все возможное и невозможное, чтобы вернуть их на Большую землю.

Надо сказать, что Сталин долго колебался, как отреагировать на гибель «Челюскина», и на это были свои причины, о которых мы расскажем ниже. Многие из окружения Сталина были поражены, что великий вождь всех народов категорически отверг помощь со стороны иностранцев и, в первую очередь США, которые со своих близко расположенных территорий были готовы незамедлительно снять челюскинцев со льдины.

Но Сталин знал, что делал. Его задачей было ни при каких обстоятельствах не допустить присутствия иностранцев в районе гибели советского парохода, а почему – узнаем очень скоро. А чтобы за границей не возникло большого шума по этому поводу, он организовал собственную шумиху у себя дома и вместо того, чтобы расстрелять организаторов экспедиции за вредительство, как это было принято в те годы, возвел их и всех находившихся на борту погибшего

парохода в ранг героев. Кстати, по свидетельству очевидцев, сам Шмидт, всегда полный оптимизма, в момент гибели судна потерял самообладание: «Всё, это «вышка». Потерянный корабль нам не простят!» - заявил в тесном кругу своих приближенных начальник экспедиции. И, учитывая реалии тех лет, это было очень похоже на правду.

Буржуазные газеты в те дни были наполнены мрачными пророчествами, что люди с «Челюскина» обречены на гибель, что снять их со льдины невозможно, что скоро у них кончатся продукты и терпящие бедствие в голодном безумии съедят друг друга...

Ни одно из этих зловещих предсказаний не сбылось. По велению вождя спасение челюскинцев стало делом и первостепенной заботой всей страны. Для их спасения была создана правительственная комиссия под председательством В. В. Куйбышева. На помощь устремились самолеты, пароходы, ледоколы. Гибель «Челюскина» не отпугнула, а наоборот, зажгла в тысячах молодых людей неистребимое желание посвятить себя Северу. В те дни в ЦК ВЛКСМ поступило множество заявлений от юношей и девушек со всех концов страны с просьбой направить их немедленно на освоение Северного морского пути.

Всем было ясно, что единственное возможное средство спасения челюскинцев – это авиация. Снаряжать для этой цели специальное судно было бессмысленно: на это ушло бы слишком много времени. К счастью, в Советском Союзе недавно было сформировано Управление полярной авиации, в котором служили прекрасные летчики-полярники. Первым летчиком, которому после 29 неудачных вылетов в пургу и метель 5 марта 1934 года удалось пробиться к лагерю челюскинцев и приземлиться на крохотный участок ровного льда, расчищенный зимовщиками, размерами всего 150 на 450 метров, стал Анатолий Ляпидевский.

На своем самолете он снял со льдины десять женщин и двух детей. Каждая посадка самолета на льдину – это отдельная смертельно опасная операция, проявление высшей квалификации и бесстрашия. Рассаживали спасенных в самолеты, проявляя чудеса изобретательности – даже в парашютные ящики, в которых можно было только сидеть скрючившись, подобрав под себя ноги. Но сумели спасти всех до единого человека. Беспрецедентная операция, начавшаяся 5 марта, была завершена 13 апреля.

Героев-челюскинцев чествовала вся страна — по пути из Владивостока их поезд торжественно принимали в каждом городе. Апофеозом стала встреча в столице, когда автомобильный кортеж в сопровождении кавалерийского эскорта медленно ехал через переполненные восторженными москвичами улицы. Главными триумфаторами были летчики: Анатолий Ляпидевский, Михаил

Водопьянов, Иван Доронин, Николай Каманин, Сигизмунд Леваневский, Василий Молоков, Маврикий Слепнев. Они стали первыми героями Советского Союза. Техников, в том числе двух граждан США, наградили орденами Ленина, а полярников всех без разбору от начальника экспедиции до уборщиц— орденами Красной Звезды. Знаменитый британский драматург Бернард Шоу, говоря про эпопею челюскинцев, заметил: «СССР — потрясающая страна: даже трагедию вы превратили в триумф».

Ну а теперь о некоторых фактах и предположениях, которые остались за парадной стороной экспедиции Шмидта. Начнем с нескольких вопросов: 1) Почему Сталин так долго размышлял над тем, как реагировать на трагедию «Челюскина»; 2) Почему он категорически отверг предлагаемую помощь американцев по спасению челюскинцев? 3) Почему опытейшие полярные асы в течение целого месяца не могли найти лагерь Шмидта, если Москва располагала точными координатами места гибели парохода? Так может быть, эти официальные координаты были сфальсифицированы? Но по какой причине? Вот по этому поводу существует одна страшная версия, а, скорее, легенда, которая вполне могла возникнуть и в которую вполне можно было поверить в те мрачные времена, когда еще только начинал раскручиваться маховик сталинских репрессий.

Первое публичное упоминание о тайнах, связанных с экспедицией «Челюскина», появилось в газете «Известия» в 1997 г. Автором публикации был Анатолий Стефанович Прокопенко, историк-архивист, который в прошлом возглавлял знаменитый Особый архив и в 1990 году представил в ЦК КПСС неопровержимые документальные свидетельства о расстреле под Катынью польских офицеров. После Особого архива он был назначен заместителем председателя Комитета по делам архивов правительства РФ, являлся консультантом Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ. В упомянутой статье было сказано буквально следующее: «Из фонда знаменитого полярного летчика Молокова можно узнать, отчего Сталин отказался от иностранной помощи при спасении экипажа ледокола «Челюскин». Это произошло оттого, что, волею судеб, поблизости вмерзла в лед баржа-могила с заключенными».

Советское правительство категорически отрицало наличие второго корабля в экспедиции Шмидта. Но в 1992 году специальная комиссия, назначенная президентом Ельциным, обнаружила в архиве Политбюро ЦК КПСС за 1933 год два любопытных документа — две ноты правительства Дании правительству Советского Союза. В первой ноте речь идет о пароходе «Челюскин», а во второй — сразу о двух пароходах: «Челюскине» и «Пижме».

Итак, читаем: «Королевское правительство Дании выражает серьезную озабоченность в связи с решением советских властей

направить корабли «Челюскин» и «Пижма» в самостоятельное плавание из Мурманска на Дальний Восток через моря Северного Ледовитого океана. «Челюскин» и «Пижма» не являются ледоколами, как это утверждается в советской печати. Оба корабля относятся к классу самых обычных грузопассажирских пароходов и поэтому совершенно не приспособлены к плаванию в северных широтах. В случае гибели хотя бы одного из названных кораблей незаслуженно пострадает престиж кораблестроительной промышленности Дании».

Говорят, что вождь народов на эту ноту прореагировал чисто посталински: «Господа капиталисты, как всегда, заботятся о своих прибылях. Мы заплатили им сполна, и теперь эти корабли наши. Мы будем распоряжаться ими так, как сочтем нужным. Никто не имеет права вмешиваться в наши внутренние дела».

В феврале 2005 г в газете «Промышленные ведомости» была описана детально версия о наличии второго корабля в экспедиции «Челюскина». Автором этой статьи под названием «Тайна экспедиции «Челюскина» был Эдуард Иванович Белимов. Он изложил свою версию событий со ссылкой на воспоминания гражданина Израиля Иосифа Закса, сына человека, выжившего после гибели второго парохода «Пижма», ведомого «Челюскиным».

Последний утверждал, что зимой 1934 года в Чукотском море, по указанию Сталина, был взорван и затоплен корабль "Пижма", который якобы сопровождал легендарный "Челюскин". По словам Закса, на борту этого судна, а точнее, в трюмах, находились 2000 заключенных. Среди эзков была большая группа священнослужителей, а также несколько инженеров- радиотехников. Вина этих специалистов заключалась в том, что по их проекту в Москве была построена одна из самых мощных в мире радиостанция и у каждого из них дома была любительская радиостанция с длинным списком иностранных корреспондентов.

На Лубянке действия этих людей квалифицировали как попытку создания шпионского центра и отправили их вместе с другим заключенными на разработку месторождений олова и других цветных металлов на Чукотку под конвоем сотрудников НКВД. Начальником конвоя был грозный офицер Кандыба, который в самое ближайшее время рассчитывал получить звание комбрига, что в Красной армии и в НКВД было промежуточным званием между полковником и генерал-майором.

Как мы уже рассказывали, во время рейса на «Челюскинце» родилась девочка Карина, и этот факт широко освещался в советской прессе, но нигде не был опубликован факт, что мать Карины Елизавета Борисовна занимала на пароходе роскошную каюту «люкс» - такую же, как капитан Воронин и начальник экспедиции Шмидт. Иначе пришлось бы объяснять, что такой чести эта женщина была удостоена потому,

что она была женой не зимовщика Васильева, как утверждала официальная пресса, а супругой начальника конвоя Кандыбы, и он пожелал, чтобы она находилась не на пароходе с заключенными, а на рядом идущем «Челюскине».

Согласно имеющимся источникам, всесильный кандидат в генералы один раз на аэросанях посетил «Челюскин», чтобы посмотреть на новорожденную дочь.

Когда ледовая обстановка достигла своего критического предела, Кандыба выполнил секретный приказ и взорвал «Пижму», но почему-то не все заряды сработали, в результате чего «Пижма» пошла ко дну не сразу, а через 8 часов.

За это время заключенные радиотехники сумели добраться до запасного комплекта радиопередатчика и их позывные услышали на базах американской авиации. Правда, американские летчики успели спасти немногих. Среди спасенных был и отец Иосифа Закса. Если поверить в эту версию, то всё становится на свои места: стало быть, у Сталина действительно, были весьма веские причины долго раздумывать, что делать: то ли уничтожить лагерь Шмидта, чтобы скрыть следы потопления плавучей тюрьмы «Пижма», то ли засекретить фактическое место гибели обоих пароходов. И, конечно, ни в коем случае не допускать американцев к спасательным операциям.

В августе 2004-го к месту гибели судна отправилась очередная научно-исследовательская экспедиция по поиску затонувшего «Челюскина». Руководитель экспедиции, директор Русского подводного музея Алексей Михайлов, заявил, что причиной неудачи является фальсификация данных о месте гибели парохода. Это вызвало большое изумление ученых. Как же тогда спасли членов экспедиции 70 лет назад?

Данные с особой тщательностью записал ни кто иной, как легендарный Отто Шмидт, который возглавлял экспедицию. Где на самом деле лежит знаменитый пароход? Лишь два года спустя еще одна группа исследователей сообщила сенсационную новость о нахождении «Челюскина». Координаты места не только расходятся с официальными данными на десятки километров, но и ведут в совершенно другую сторону.

Но как могло случиться, что у организаторов экспедиции отсутствовали координаты места крушения, когда в этом районе был организован вошедший в историю ледовый лагерь Шмидта, позволивший просуществовать спасенным, включая детей, в условиях полярной зимы на льдине много недель? Как могло случиться, что ни разу не поднимался вопрос о необходимости проверки версии о затоплении в этом же районе второго корабля идентичной конструкции? Ведь летчики-спасатели многократно достигали лагерь

зимовщиков поневоле. Трудно себе представить, что это было возможно без знания его координат. Заметим, что вследствие дрейфа могли меняться координаты ледового лагеря, но не координаты дна, где покоится затонувший корабль.

Что значит, что координаты были сфальсифицированы? Это означает, что с первого дня данные о месте катастрофы, занесенные в судовой журнал, были засекречены, что все сведения, многократно публиковавшиеся в печати о месте гибели «Челюскина», были ложными. В нормальных условиях это может показаться невозможным, но тогда, в эпоху кровавых репрессий малейшее отступление от официальной версии влекло за собой неумолимый расстрел для человека любого ранга.

Хочу еще раз подчеркнуть, что у версии с плавучей тюрьмой «Пижма» есть столько же сторонников, сколько и противников. Может быть, когда и если откроются другие сверхсекретные документы сталинских времен, появятся новые подробности о великой челюскинской эпопее, но пока нам приходится довольствоваться только теми фактами и теми мифами, которыми мы располагаем.

[1] Шпангоут - поперечное ребро корпуса судна

[2] Набор корпуса – система продольных и поперечных балок, формирующих корпус судна и обеспечивающих его прочность

Часть 12. История

Н. Нестерова. Книга Иова. Иов и Елиуй (Элиу)

Лев Бердников
Лос-Анджелес, США

Открыватель Тавриды. К 200-летию со дня смерти Карла Габлица

Этот замечательный род, прославивший Отечество именами академика-натуралиста Карла Ивановича Габлица (1752-1821), а также его потомков композитора Александра Николаевича Серова (1820-1871) и живописца Валентина Александровича Серова (1865-1911) – некоторые современные историки называют “прусским”. Да и словарная статья о К.И. Габлице включена в авторитетный справочник “Немцы России”.

Между тем, до нас дошло надёжное свидетельство о его еврейском происхождении. Видный деятель культуры Владимир Стасов вспоминает, как в 1840-е годы был завсегдаем в доме Серовых и давал уроки музыки даровитому отпрыску рода Габлицов Александру Серову и его сестре. “Однажды, - рассказывает Стасов, - я нашел [Александра] со старшей сестрой Софьей в необыкновенном, еще не виданном состоянии духа. Они прыгали и били в ладоши около фортепиано, на котором только что играли, и громко кричали мне: “Вольдемар, какое счастье! Какое счастье! Вообразите – мы жиды!”...

Они подбежали ко мне и, продолжая хлопать в ладоши, объявили мне, что вот только сейчас мама рассказывала им, что они оба такие способные и живые прямо в дедушку, Карла Ивановича, ее отца, а он был еврей родом. И мы все вместе принялись радоваться: у нас давно евреи считались самым многоспособным и талантливым народом”. Видно, что память о еврейских предках передавалась из поколения в поколение и была предметом гордости в семье. Ведь говорили же о наружности самих Серовых, “еврейский физический тип с годами все больше и больше обозначался в самых резких чертах”.

К.И. Габлиц

По словам того же Стасова, Александр Серов "всегда с радостью пускался в рассмотрение своего еврейства" (он потом, кстати, и женится на еврейке). Антисемит этому, конечно, не возрадуется и попеняет рассказчику, если не на сионистские, то во всяком случае, на юдофильские интенции. Думается, что говорилось это, однако, антер ну: потомки Габлица не афишировали громогласно свое еврейство, опасаясь гонений и преследований.

Оно и понятно: в Пруссии, откуда происходил основатель этой семьи Иоганн Венцель Габлиц, иудеям запрещалось вступать в купеческие гильдии, заниматься типографским делом. И Иоганн Венцель, дабы стать типографом, вынужден был принять протестантизм. В том же, что он оказался востребованным в России, заслуга обер-камергера, первого куратора Московского университета Ивана Шувалова. Тот озаботился обустройством "словолитни", для коей требовался многоопытный литейщик. А такового ни в Петербурге, ни в Первопрестольной столице приискать не сумели.

Тогда-то Шувалов послал командующему армией в Пруссии, оккупированную русскими во время Семилетней войны, генералу Виллиму Фермору депешу: найти типографа "с прибавлением жалования того, что он в Кенигсберге получал, в полтора". И Фермор в письме от 16 апреля 1758 года указал на "словолитного мастера" Иоганна Венцеля Габлица, который "добрую репутацию в искусстве своем имеет". После столь лестной аттестации с Габлицем заключили долговременный контракт, положили немалое жалование и тот с

многодетной семьей благополучно достиг Белокаменной и приступил к новому делу. За время его двадцатилетней беспорочной службы было выпущено в свет около тысячи изданий. Только в 1779 году, когда типография была передана в аренду просветителю Николаю Новикову, Иоганн вышел в отставку с сохранением ему полного пенсионера и поселился в Курске, где и окончил свой век.

Его старший сын Карл приехал в Россию в шестилетнем возрасте и был определен отцом в гимназию Московского университета, где штудировал арифметику, геометрию, историю, географию, логику, метафизику, риторику; постигал латинский, греческий и французский языки, и шестнадцати лет от роду, он как один из лучших выпускников был произведен в студенты.

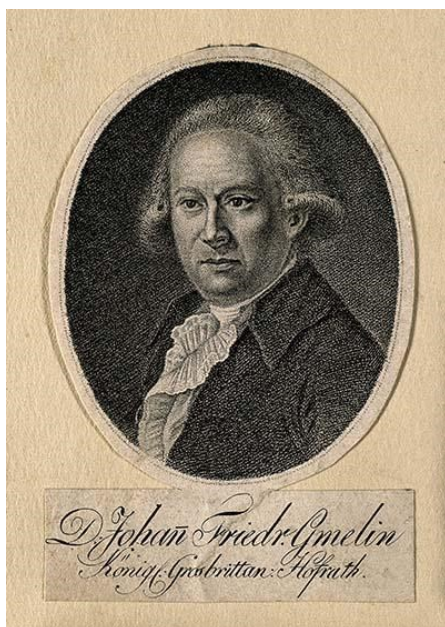
Габлиц-старший хотел, чтобы сын стал искусным врачом. И хотя тот твердил, что он "великую склонность к путешествиям" имеет, отец настоял-таки на своем. Карл начал слушать лекции на Медицинском факультете, хотя при этом "скушал школьную жизнь в университете". Может статься, Карл в конце концов выбился бы в эскулапы, и в эскулапы изрядные. Но случилась судьбоносная встреча.

На излёте лета 1768 года дом Габлицов посетил молодой профессор ботаники Самуил Готлиб Гмелин (1745-1774). Он тогда готовил экспедицию Петербургской Академии наук на юг России и в Персию для физических наблюдений - и вербовал туда людей пытливых и умом острых. И не случайно вовсе он обратил внимание на Карла, оценил его смекалку, словом, нашел в нем своего горячего сподвижника.

Но тут опять вмешался отец: он нипочем не хотел отпускать сына вдаль из университетских пенатов. Да и сам Гмелин, хотя и профессор, но так непозволительно молод! Всё же, в конце концов, старик сдался, и наш зелёный студент стал готовиться к экспедиции, разрешение на участие в которой было получено в марте 1769 года. "И тогда же я, на семнадцатом году от роду, - напишет впоследствии Карл, - оставя впервые родительский дом, отправился в путь до Воронежа, где Гмелин зимовал. По прибытии моем туда, он принял меня весьма ласково и вскоре полюбил меня так, что до самой кончины своей... оставался мне другом".

Путешествие было сопряжено с огромными трудностями: исследователи страдали от жары, тяжелых лихорадок, испытывали множество лишений. Кроме того, жизнь их зависела подчас от самовластных восточных царьков и князьков. Карл Габлиц вместе с другими изучал науку о природе, поспешая медленно, хотя, по его словам, "в первый же год путешествия приобрел особую склонность к естественной истории, а особливо к ботанике, в коей упражняться более имел случая и которую Гмелин преимущественно занимался".

Юноша энергично помогал Гмелину собирать растения и составлять их точные описания, а также заведовал дорожной библиотекой.

Самуил Готтлиб Гмелин

В нем поражала особая одержимость, без чего не вышел бы он ни в какие испытатели природы. "Я в сие время так пристрастился к своим занятиям, что забыл весь мир", – признавался он. Так уж повелось, что "одержимость" часто сопрягается в нашем сознании со словом "еврейская". И хотя это свойство встречается у людей самых разных племен, все же чаще - у еврейских интеллектуалов. А потому едва ли натянутой покажется мысль о том, что таковая одержимость имеет национальные истоки. Ведь та же отрешенность до самозабвения, то же бездонное углубление в свой предмет отличали экстатическую и страстную натуру его соплеменников - мыслителей из местечек, одушевленных Торой, Талмудом и синагогальными идеалами.

В 1772 году Самуил Гмелин оставляет его в Астрахани для изучения в губернских архивах сведений по истории калмыков, а в 1774 году ученый отправляет его в Гилянские горы для изысканий и сбора уникальных экспонатов. Сам же начальник экспедиции летом того же 1774-го года в возрасте тридцати лет - от унижения, от глубокой тоски - умрёт в кайтагском плену (в Дагестане). Весть о трагической кончине профессора настигла Карла только по его возвращении в Зелинский порт. Трудно было передать его горе – ведь

Гмелин был для него всем! Но надо было служить делу, которому мэтр был верен до конца.

В Северную Пальмиру Карл прибыл только в июне 1775 года и на первом же заседании Академии представил собранную им коллекцию, а также “заметки и примечания” о путешествии в Гилянью. И вот первый успех – ученые мужи изъявили по сему поводу “полное свое удовольствие”, распорядились “заметки” опубликовать, а их составителя произвести в академические переводчики. При этом знания и опыт Габлица были оценены столь высоко, что директор Академии наук Сергей Домашнев обратился с просьбой к всеильному тогда светлейшему князю Григорию Потемкину-Таврическому – подыскать своему новоявленному протеже достойное место. И в октябре 1776 года Карл Иванович был назначен в Астраханскую Садовую контору помощником директора. При этом Академия объявила его своим членом-корреспондентом.

В 1781 году Потемкин озаботился поиском удобного места для торговли россиян с Востоком и Индией. Тогда-то из Астрахани в Каспийское море отправили новую экспедицию, капитана II ранга графа Марко Войновича, в ходе которой намеревались “делать физические и другие наблюдения, к приращению познаний о Каспийском море служить могущие”. И уже вполне искусившийся в естествознании Габлиц был к ней спешно прикомандирован.

Огромный научный интерес представляет его отчет о плавании. Во всех представленных описаниях природных явлений, растительного, животного мира видны и зоркость и умная наблюдательность ученого. На острове Огурчинском его внимание привлекают тюлени, “красные гуси” (фламинго), розовые скворцы; на горе Балхан; “барсы, кабаны, волки, лисицы, дикие волки или так называемые джайраны и каменные бараны”; в устье впадающей в Каспий реки Карасы он удивлен несметным числом “знатных рыб” по весне – белуги, осетра, севрюги, “так что, ловя их тогда баграми, можно в короткое время нагрузить несколько судов”. Этот труд был в конце 1782 года представлен Потемкиным Екатерине II, и государыня пожаловала Габлицу в надворные советники. А в 1783 году Вольное Экономическое общество избрало его своим действительным членом.

И Габлиц оказался сразу же востребован на новом поприще: летом 1783 года Потемкин поручает ему составить естественнаучное описание новоприсоединенного Крыма “по всем трем царствам природы” и снабжает всем необходимым для топографических съемок. Уже в декабре 1784 года “Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем царствам природы” было завершено, а в 1785 году по Высочайшему повелению издано за казенный счет.

Этот классический труд стал первым геологическим, ботаническим и биологическим описанием полуострова. Многие термины, названия,

дефиниции, характеристики географических объектов Крыма введены в научный оборот именно им. Карл Иванович обнаружил известковые, глинисто-сланцевые, вулканические горные породы, исследовал почвы различной мощности и качества; отметил значительную крутизну южных склонов горных гряд и пологий характер северных, а также неровности плоских вершин в горах и ледяные пещеры, впервые описал двадцать рек, в том числе и неизвестный доселе водопад Учан-Су.

Благодаря Габлицу в России узнали о минеральных богатствах Тавриды, о соли ее озер, нефти Керченского полуострова, железной руде, мраморе, серном колчедане, железистой глине, белом мергеле. Рассказывая о флоре Крыма, он не только раскрыл богатства травянистой растительности в степи, а лесной – в горах, но и указал на ее многообразные родственные связи с растительностью южной Европы, Азии, северных областей. Всего же в списке растений Габлица, который называют “первым научным ботаническим реестром Крыма”, - 511 видов, в том числе лекарственных, кормовых, технических трав. Поведал он и о том, что здесь в обилии произрастали гранаты и оливки, дикие финики, фисташки и рай-деревья. Столь же интересны сведения о животных края: например, о многочисленных диких мустангах и волках, а в Севастопольской бухте в изобилии обитали тюлени.

Показательно, что, рассказывая о географических объектах края, Габлиц уделил здесь внимание и еврейским обитателям полуострова. Вот, к примеру, его описание так называемой Жидовской крепости близ Бахчисарая: “[Она] состоит на самой вершине крутой каменной горы и положением своим ясно доказывает, что она построена древним, угнетенным и искавшим себе безопасности и убежища народом. Теперь обитают в ней с давних уже времен одни Жиды, и они, не взирая на недостаток там воды, которую с великим трудом должны возить на лошаках вверх от самой подошвы горы, избрали место сие для своего пребывания”. Видно, судьба еврейского народа отзывалась в его душе. Очень скоро о совершенствах Тавриды узнали в Европе. В 1788 его труд был переведен на французский, а в 1789 году - на английский и немецкий языки.

Потемкин никак не оставлял Габлица своими милостями: в 1786 году он пожаловал Карла Ивановича виноградным садом в Судакской долине, а также одной из лучших дач близ Балаклавы. Эта дача, называемая Чоргунь (ныне поселок Черноречье под Севастополем), вскоре стала аттестоваться местными жителями Карловкой - по имени ее хозяина. Она и ныне утопает в зелени. “Габлицевы сады достойны вкуса того, кто описал нам произведения Крыма”, - отметил в своем “Путешествии в Полуденную Россию” Владимир Измайлов (1773-1830). В конце 1787 года у самых берегов Крыма шли баталии с турками. Не

исключалась высадка на полуострове вражеского десанта. А потому Карлу Ивановичу пришлось на некоторое время оставить науку и сосредоточиться на вопросах обороны и снабжения российской армии продовольствием и фуражом.

К тому же, в феврале 1788 года его произвели в коллежские советники и назначили вице-губернатором Таврической области, коим он оставался до 1796 года. Летом же, когда губернатор Михаил Каховский (1734-1800) был отозван под Очаков, Габлиц на пять месяцев принял на себя обязанности правителя Тавриды, что в ту военную пору было задачей многотрудной. И он с ней справился.

Примечательна переписка Габлица с прославленными русскими полководцами. Великий Александр Суворов знал его лично и называл "высокоблагородным и высокопочтенным". Самые добрые отношения связывали его и с адмиралом Федором Ушаковым, который в те годы командовал Севастопольской эскадрой. Сохранилась корреспонденция Габлица с тогдашним послом в Турции Михаилом Кутузовым.

Это при Габлице население Симферополя увеличилось с 815 жителей (1783) до полутора тысяч (1792); появились первенцы промышленности - пивоваренный, винокуренный и кирпичный заводы; открылись первая аптека и Главное народное училище (1793) - первое в Крыму среднее учебное заведение; закладывались виноградники, разбивались парки, сады. Ему доверили надзор над Таврическим соляным промыслом. И он удвоил соляные доходы, за что в феврале 1796 года был пожалован в статские советники. В том же году Карла Ивановича избрали в действительные члены Академии наук.

По восшествии на престол Павла I Габлица увольняют с должности вице-губернатора и отзывают из Крыма, что толкуется некоторыми историками как государева опала. На самом же деле, этот взбалмошный император прогневался вовсе не на Карла Ивановича, а на... саму Тавриду, освоению и превращению которой в цветущий край столько сил отдали Екатерина, Потемкин, да и сам Карл Габлиц. В пику византийским проектам матери Павел в декабре 1796 года одним росчерком пера упразднил Таврическую область, переименовал Севастополь в Ахтияр, Феодосию в Кафу, а Симферополь из областного города разжаловал в уездный.

Наш герой покидал дорогу ему Тавриду "с прискорбным сердцем". Но оказалось, что лично к Габлицу этот венценосец относился с "отличною милостью", и именно на краткое царствование Павла выпал наивысший взлет служебной карьеры Карла Ивановича. В день коронации Павла 5 апреля 1797 года Габлицу было пожаловано 250 душ крестьян в Нижегородской губернии. В сентябре его производят в действительные статские советники и назначают первым товарищем министра Департамента уделов. Помимо прежних забот, в

его ведении оказались еще и все удельные имения империи с полумиллионом человек, каковые надлежало "привести в должное устройство".

"Неусыпные труды мои не остались без наград", – не без удовлетворения скажет Карл Иванович. И действительно, в 1798 году ему сверх жалования была определена пенсия 2000 рублей в год. В 1799 году он получает орден св. Анны 1-й степени; наконец, в 1800 году – высокий чин тайного советника (равный армейскому генерал-лейтенанту). Вообще, при императрице и трёх императорах наш герой был востребован и весьма успешен на государевой службе.

Вто и новый император Александр I сразу же привлек Габлица к работе Комитета по устройству Новороссийских губерний. А в июле 1802 года Карла Ивановича командируют в Поволжье инспектировать иностранные колонии.

Император остался доволен инспекцией и в своем указе 19 декабря 1802 года учел все предложения Габлица. Он пригласил тайного советника к монаршему столу, имел с ним беседу и пожаловал Карлу Ивановичу столовые деньги 300 рублей в месяц. В декабре 1802 года его назначают президентом Мануфактур-коллегии, а в 1803 году - одновременно -управляющим Экспедиции государственного хозяйства и Лесного департамента в звании главного директора государственных лесов.

Заслуги Габлица в развитии лесного дела России были самые впечатляющие. Именно по его инициативе в Царском селе в 1803 году открылось Практическое лесное училище, ставшее первым высшим учебным заведением по лесоводству не только в России, но и в Европе! Габлиц же разработал Устав и Положение об училище. В ознаменование заслуг перед Отечеством в 1810 году он получил бриллиантовые знаки к ордену св. Анны 1-й степени.

Что до вероисповедания, то наш герой любил говорить, что жил и работал "не из самолюбия и не для тщеславия, но единственно в честь и славу Всевышнего Творца". Относительно же своего неафишируемого еврейства, Карл Иванович имел все резоны вслед за поэтом Семеном Надсоном сказать соплеменникам: "Твоих преданий мир, твоей печали гнёт мне чужд, как и твои ученья". В Карле звучал голос крови, однако он не знал веры предков, воспитывался и жил в нееврейском окружении и, как и его отец, исповедовал протестантизм. Позднее он примкнул к лютеранской церкви гернгутеров, основанной в Саксонии моравскими братьями и гуситами, а в царствование Елизаветы Петровны довольно распространенной среди новоявленных российских немцев.

Вероучение адептов этой секты называют иногда "религией сердца" (интересно, что постулирование гернгутерами чувственное приближение к Богу и мистическое единство с Ним несколько

сближает их с хасидами). Главное внимание уделялось ими не догматике, а морали, не столько просвещению ума, сколько "образованию сердца". Благодушие, непоколебимость веры и аскетизм были категорическим императивом Карла Ивановича. Известный литератор Николай Греч сказал о нем: "Муж отличного ума, глубокой учености, редких добродетелей". А, по словам того же Стасова, Габлиц "до глубокой старости сохранил весь свой чудесный, благородный и великодушный нравственный склад, всю силу прямого и светлого ума".

Немало душевных сил и энергии отдал Габлиц миссионерству и благотворительности. Он стал попечителем Петербургской Евангелической церкви св. Анны, вкуче с евангелическим сиротским домом; вошёл также в комитет Российского Библейского общества, став его вице-президентом и т.д.

Но символично, что самая последняя его почетная обязанность связана с возлюбленной им Крымской землёй, которой он отдал столько сил, ума и таланта. В 1819 году он стал председательствующим в Комитете по рассмотрению жалоб, принесенных императору касательно Таврической губернии, и оставался в сей должности до конца жизни.

Однако последние свои дни Карл Иванович провел вдали от благословенного крымского неба с крупными звездами, куда всегда рвалась его душа, и скончался он в дождливый петербургский день 9 октября 1821 года на 70-м году жизни. Он погребен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге.

Имя его присвоено Карстовой полости в Крыму и трехметровому многолетнему вьющемуся растению - кавказскому шпинату со съедобными листьями, или *Hablitzia tamnoides* (Габлиция). Трудам же нашего героя Господь стяжал бессмертие. Так этнический еврей, прусский уроженец, тайный советник, выдающийся академик-натуралист Карл Габлиц вошел в историю как подлинный "открыватель Тавриды".

Анатолий Валюженич

Нур-Султан, Казахстан

Советские вожди в творческой судьбе В.Маяковского. К 100-летию поэмы Маяковского «150.000.000»

Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.
А. Грибоедов

Принято считать, что В.Маяковский был в фаворе у вождей советской власти, безоговорочно признававшей его трибуном революции, лидером в советской поэзии. Но было так не всегда.

С 1919 года В.Маяковский работал над поэмой «150 000 000», названной так по числу населения в тогдашней советской России. Первоначально было намерение озаглавить ее «Иван (Былина. Эпос революции)».

В поэме описывается борьба революционного пролетариата в лице одного собирательного образа «Ивана» с мировой буржуазией в лице опять-таки собирательного образа «Вудро Вильсона».

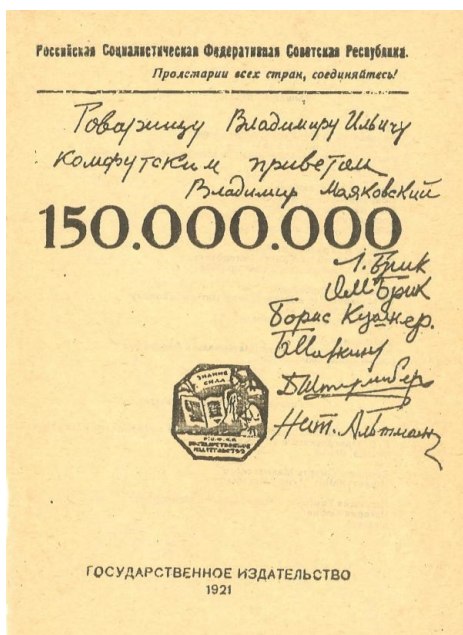
Отрывки из поэмы неоднократно печатались в газетах и журналах, поэт выступал с их чтением на своих творческих вечерах. Они пользовались успехом у слушателей.

В апреле 1921 года поэма «150 000 000» вышла из печати отдельным изданием без указания имени автора 1.

Кто назовет земли гениального автора?

Так
и этой
моей
поэмы
никто не сочинитель.
И идея одна у нее –

Сиять в настоящее завтра.

Три экземпляра были изданы с клеенными шмуц-титулами, на которых напечатаны фамилия автора: «В.Маяковский» и посвящение: «Л.Ю.Б.» [Л.Ю.Б.].

А один из первых экземпляров этой ультрареволюционной книги было решено отправить вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину. Маяковский и его друзья на обложке книги написли:

«Товарищу Владимиру Ильичу с комфутским приветом
Владимир Маяковский
Л.Брик
О.Брик
Б.Кушнер 2
Б.Малкин 3
Д.Штеренберг 4
Н.Альтман 5»

Имя Л.Брик в этом перечне не случайно, не «по знакомству». Она – активный участник деятельности комфутов. Только недавно, в январе 1921 г., она присутствовала на Первом

Комфуты – «коммунисты-футуристы» - так называла себя группа литераторов, сплотившихся еще в 1918 году в редакции петроградской

газеты «Искусство коммуны». Ими была сделана попытка организовать в рамках коммунистической партии фракцию «передовых пролетарских писателей», которые определяли бы передовую, идеологически выверенную линию в советской культуре, естественно, футуристического направления. Но эта попытка организовать некую фракцию внутри партии была отклонена.

С переездом в 1919 году большинства комфутов вслед за правительством в Москву была попытка реанимировать эту идею, но безуспешно.

Книга «150 000 000» с дарственной надписью В.И.Ленину была незамедлительно через Б.Малкина или Н.Альтмана, входивших в Кремль, передана адресату, и отправители ожидали благодарственную реакцию на подарок.

Но, увы...

Лишь спустя какое-то время, Анатолий Васильевич Луначарский, часто встречавшийся с комфутами, принес безрадостное сообщение.

Как много позднее вспоминал А.В.Луначарский, В.И.Ленин крайне отрицательно отнесся к этой поэме. «Новые художественные и литературные формации, образовавшиеся во время революции, походили большей частью мимо внимания Владимира Ильича. У него не было времени ими заняться. Все же скажу – «Сто пятьдесят миллионов» Владимиру Ильичу определенно не понравились. Он нашел эту книгу вычурной и штукарской»⁷.

«Маяковскому не пришлось встретиться с Лениным, увидеть его вблизи, говорить с ним. Маяковский всю жизнь не мог себе простить, что не добился этого свидания»⁸.

Только в 1958 году впервые были опубликованы записки В.И.Ленина, касающиеся издания этой поэмы В.Маяковского⁹. Они были адресованы А.В.Луначарскому и члену коллегии Наркомпроса М.Н.Покровскому.

Они были написаны 6 мая 1921 года во время одного из заседаний.

Луначарскому Ленин писал:

«Как не стыдно голосовать за издание «150.000.000» Маяковского в 5000 экз.?

Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность.

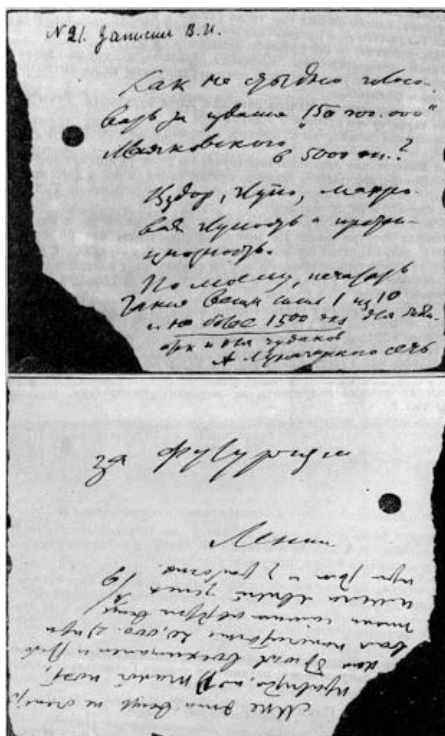
По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков.

А Луначарского сечь за футуризм. Ленин».

На обороте этой записки Луначарский отвечал:

«Мне эта вещь не очень-то нравится, но: 1) такой поэт, как Брюсов, восхищался и требовал напечатания 20 000; 2) при чтении самим автором вещь имела явный успех, притом и у рабочих».

Вторая записка Ленина – М.Н.Покровскому:

Записка Ленина

«т. Покровский! Паки и паки прошу Вас помочь в борьбе с футуризмом и т.п.

1) Луначарский провел в коллегии (увы!) печатание «150 000 000» Маяковского.

Нельзя ли это пресечь? Надо это пресечь. Условимся чтобы не больше двух раз в год печатать этих футуристов и не более 1500 экз.

2) Киселис, к<ото>рый говорят, художник-«реалист» Луначарский-де опять выжил, проводя-де футуриста и прямо и косвенно.

Нельзя ли найти надежных антифутуристов. Ленин».

Хотя записки В.И.Ленина, отражавшие его отношение к поэме «150 000 000» и ее автору не были в то время опубликованы, но это отношение сразу же прочувствовалось и самим Маяковским, и издателями, с которыми он сотрудничал.

Так прошел год.

И вот 6 марта 1922 года В.И.Ленин, выступая на коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, похвалил стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся»:

«Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно».

Речь Ленина была напечатана в «Известиях» 8 марта 1922 г.

Луначарский вспоминал: «Прозаседавшиеся» очень насмешило Владимира Ильича, и некоторые строки он даже повторял».

Это был триумф.

Но вскоре В.И. Ленин отошел от руководства, а в январе 1924 года скончался. Это было тяжелым ударом для В. Маяковского. Свои чувства он отразил в поэме «Владимир Ильич Ленин» (1925).

К власти пришел новый вождь – Сталин.

Отношение к нему у Маяковского было неопределенное. Он только однажды упомянул его в своем стихотворении «Домой!» (1925), да и то с некоей иронией.

Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...».

Доброжелатели советовали ему написать в честь нового вождя поэму «Сталин», но он уклонялся; ему казалось непозволительным ставить эти два имени в один ряд.

Между тем, приближался 1929 год, и Маяковский захотел как-то публично отметить в декабре 20-летие своей поэтической деятельности.

Но власти отклонили это намерение: в декабре исполнялось 50 лет вождю и намечалось широкое проведение юбилейных мероприятий. Поэту предложили повести свой юбилей в начале 1930-го года.

Владимир Маяковский. Портрет Л.Ю. Брик. 1916

Всё же ближайшие друзья поэта собрались в конце 1929 года в его квартире на Таганке в Гендриковом переулке и отметили 20-летие творческой деятельности Маяковского «в узком кругу».

21 января 1930 года Маяковский выступил на траурном вечере памяти В.И.Ленина в Большом театре с чтением третьей части поэмы «Ленин». На вечере присутствовал Сталин, которому это выступление понравилось, и он наградил поэта аплодисментами.

1 февраля 1930 г. состоялось открытие выставки «20 лет работы» в клубе писателей. К большому огорчению Маяковского, ни Сталин, ни его соратники из Политбюро, которым поэт разослал приглашения на открытие выставки, не явились. И вообще, она была мало замечена и средствами массовой информации, и общественностью, и даже коллегами.

Это стало одной из причин подавленного морального состояния поэта в те дни, приведших к его трагическому концу.

14 апреля 1930 года Маяковский застрелился.

Его трагическая кончина всколыхнула всё общество. На прощание с ним 17 апреля пришли тысячи человек. Люди были в недоумении: «Как?», «Почему?», «Чего ему, признанному поэту, не хватало?», «Ведь он только недавно осудил такую же кончину Сергея Есенина?».....

Но время потекло дальше. И постепенно имя поэта и его роль в советской поэзии стали забываться. Сократились издания его произведений.

В 1934 году, на Первом, учредительном съезде советских писателей, его имя в выступлениях мэтров называлось где-то во вторых рядах упоминаемых поэтов.

Такое положение не осталось незамеченным Л.Ю.Брик, и она решила написать письмо «самому товарищу Сталину».

Она писала:

«Дорогой товарищ Сталин,

после смерти поэта Маяковского, все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня.

У меня весь его архив, черновики, записные книжки, рукописи, все его вещи.

Я редактирую его издания. Ко мне обращаются за матерьялами, сведениями, фотографиями.

Я делаю всё, что от меня зависит, для того, чтобы стихи его печатались, чтобы вещи сохранились и чтобы всё растущий интерес к Маяковскому был хоть сколько-нибудь удовлетворен.

А интерес к Маяковскому растет с каждым годом.

Его стихи не только не устарели, но они сегодня абсолютно актуальны и являются сильнейшим революционным оружием.

Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского и он все еще никем не заменен и, как был, так и остался, крупнейшим поэтом нашей революции.

Но далеко не все это понимают.

Скоро шесть лет со дня его смерти, а «Полное собрание сочинений» вышло только наполовину, и то – в количестве 10.000 экземпляров!

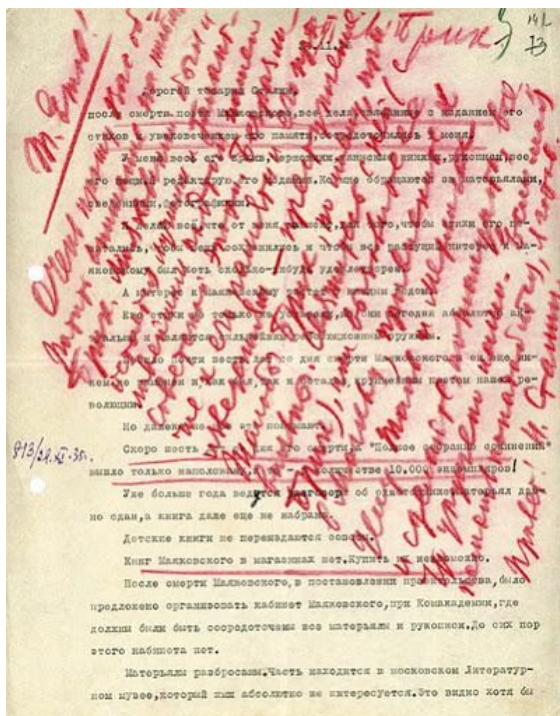
Уже больше года ведутся разговоры об однотомнике. Матерьял давно сдан, а книга даже еще не набрана.

Детские книги не переиздаются совсем.

Книг Маяковского в магазинах нет. Купить их невозможно. После смерти Маяковского, в постановлении правительства, было предложено организовать кабинет Маяковского при Комакадемии, где должны были быть сосредоточены все матерьялы и рукописи. До сих пор этого кабинета нет.

Матерьялы разбросаны. Часть находится в московском Литературном музее, который ими абсолютно не интересуется. Это видно хотя бы из того, что в бюллетене музея о Маяковском даже не упоминается.

Года три назад райсовет Пролетарского района предложил мне восстановить последнюю квартиру Маяковского и при ней организовать районную библиотеку имени Маяковского.

Резолюция Сталина на письме к нему Л.Брик

Через некоторое время мне сообщили, что Московский Совет отказал в деньгах, а деньги требовались очень небольшие.

Домик маленький, деревянный, из четырех квартир (Таганка, Гендриков пер. 15). Одна квартира – Маяковского. В остальных должна была разместиться библиотека. Немногочисленных жильцов райсовет брался переселить.

Квартира очень характерная для быта Маяковского – простая, скромная, чистая.

Каждый день домик может оказаться снесенным. Вместо того, чтобы через 50 лет жалеть об этом и по кусочкам собирать предметы из быта и рабочей обстановки великого поэта революции – не лучше ли восстановить всё это, пока мы живы.

Благодарны же мы сейчас за ту чернильницу, за тот стол и стул, которые нам показывают в домике Лермонтова в Пятигорске.

Неоднократно поднимался разговор о переименовании Триумфальной площади в Москве и Надеждинской улицы в Ленинграде – в площадь и улицу имени Маяковского. Но и это не осуществлено.

Это – основное. Не говорю о ряде мелких фактов. Как например: по распоряжению Наркомпроса, из учебника современной литературы на 1935-ый год, выкинули поэмы «Ленин» и «Хорошо». О них и не упоминается.

Всё это вместе взятое, указывает на то, что наши учреждения не понимают огромного значения Маяковского – его агитационной роли, его революционной актуальности. Недоценивают тот исключительный интерес, который имеется к нему у комсомольской и советской молодежи.

Поэтому его так мало и медленно печатают, вместо того, чтобы печатать его избранные стихи в сотнях тысяч экземпляров.

Поэтому не заботятся о том, чтобы пока они не затеряны, собрать все относящиеся к нему матерьялы.

Не думают о том, чтобы сохранить память о нем для подрастающих поколений.

Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованность и сопротивление – и, после шести лет работы, обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследство Маяковского.

Л.Брик
24.11.35

Мой адрес: Ленинград, ул. Рылеева 11, кв.3
Телефоны: коммутатор Смольного, 25-99
и Некрасовская АТС, 2-90-69 ».

Лиля Юрьевна жила тогда в Ленинграде и была женой заместителя командующим Ленинградским округом Примаковым В.М.10. Он как раз собирался по вызову в командировку в Москву и взялся отвезти это письмо Сталину.

Уже 29 ноября письмо Л.Брик легло на письменный стол вождю. Прочитав его, Сталин на нем же написал свою резолюцию, распоряжение Н.И.Ежову11:

«Т.Ежов!

Очень прошу Вас обратить внимание на письмо БРИК. МАЯКОВСКИЙ был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей Советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведением – преступление.

Жалоба БРИК, по моему, правильна. Свяжитесь с ней (с БРИК) или вызовите ее в Москву, привлечите к делу ТАЛЫ12 и МЕХЛИСА13 и сделайте пожалуйста все упущенное нами.

Если моя помощь понадобится – я готов.

Привет!

И.СТАЛИН»14.

Н.Ежов пригласил Л.Брик в Москву. Они встретились и переговорили. Л.Ю. переписала себе резолюцию Сталина на ее письме. Они наметили шаги по исполнению указания вождя.

5 декабря 1935 года на 4-й странице «главной газеты страны» - «Правды» - была напечатана редакционная статья под заголовком «Владимир Маяковский» и несколько сопровождающих ее материалов.

Статья, указывая на значение Маяковского в советской литературе, констатировала, что «к сожалению, есть еще у нас товарищи, не понимающие этого». Произведения Маяковского выходят недостаточно. Наркомпрос исключил из школьной программы поэму «Ленин», ничего не делается по созданию музея поэта, кабинета, где должны там быть сосредоточены все его рукописи и материалы.

Статья заканчивалась так:

«Когда до товарища Сталина дошли все эти сведения, он так охарактеризовал творчество Маяковского:

– Маяковский был и остается лучшим, талантливым поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление.

Надо популяризировать лучшие произведения Маяковского. Пора покончить с безразличием к памяти лучшего, талантливого поэта нашей советской эпохи».

Но что это? Почему поэт здесь назван «талантливым», а не «талантливейшим», как написано в резолюции Сталина? Опечатка? Да! И где – в словах самого вождя!

Опечатка была обнаружена Лилей Юрьевной сразу же, по выходе газеты. «Правда» незаметно поправила ее в номере за 17 декабря.

Слова Сталина о Маяковском были восприняты как божественное откровение. В запрототолированной сентенции была заключена привычная для партийных резолюций столь ценная для ритуала эпохи цепочка: причины, следствия, констатация факта и программы действия, а вслед за тем и кары за непринятие вердикта. Сам вождь

давал понять, что какое бы то ни было обсуждение его высказывания расценивалось как преступление.

Так, с резолюции «вождя всех народов» началось посмертное признание Маяковского. «Все» стали любить Маяковского, писать о Маяковском, защищать о нем диссертации, потому что «не любить» его – «преступление», и пришло время, когда эта формулировка понималась карательными органами буквально.

Это письмо Л.Брик Сталину и его резолюция на нем позднее защитили и саму Лию Юрьевну. В июне 1937 г., когда был расстрелян ее муж – В.М.Примаков в группе высокопоставленных командиров Красной Армии, НКВД передало Сталину на утверждение последующих репрессий список «жен изменников родины», в котором была и Л.Ю.Брик. Вождь вычеркнул ее из этого списка с припиской:

«Не будем трогать жену Маяковского. И.Сталин»15.

Злопыхатели, правда, стали нашептывать на ухо новую остроту, называя «Поэта Революции» Маяковского «поэтом одной резолюции» («хи-хи!»).

Много позднее Борис Пастернак с горечью и иронией писал:

«Были две значимые фразы о времени. Что жить стало лучше, жить стало веселее и что Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом эпохи. За вторую фразу я личным письмом благодарил автора этих слов, потому что они избавляли меня от раздувания моего значения, которому я стал подвергаться в середине тридцатых годов к поре Съезда писателей.

Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен»16.

Цитату о «лучшем и талантливейшем поэте» знали все, а вот кому и по какому поводу сказал эти мудрые слова Сталин (которые были потом воспроизведены в «Правде»), не знал никто или практически никто и разузнавать об этом тогда не было принято или, скорее, не положено.

Впервые о том, что эти слова были написаны Сталиным на письме к нему Л.Брик было сказано лишь в 1978 г. (уже после смерти Л.Брик) в книге Пабло Неруды «Признаюсь: я жил»17.

Следом за публикацией резолюции Сталина Триумфальную площадь в Москве переименовали в Площадь Маяковского, на которой позднее поставили памятник ему и под которой открыли станцию метро «Маяковская». В доме, где жил Маяковский, в Гендриковом переулке, стали спешно оборудовать Библиотеку-музей В.Маковского. Вышли в свет многочисленные издания его произведений и книг о нем.

Так продолжалось два десятилетия.

Но в марте 1953 г. скончался «вождь всех народов Иосиф Сталин». В июле того же года должно было отмечаться 60-летие со дня рождения В.Маяковского. К этой дате в СССР была выпущена

почтовая марка с портретом поэта и резолюцией Сталина. Уходя из этого мира, Сталин как бы завещал потомкам руководствоваться его мудрыми словами при оценке творчества поэта.

Но всё пошло не так. Скорее, наоборот. Новые вожди развенчали «культ личности» Сталина, сделанные им утверждения и оценки были признаны ошибочными. И маяковское направление повернуло свое направление вспять.

Площади Маяковского вернули ее прежнее название, Музей перевели с Таганки, где он жил вместе с Бриками («гнездо разврата!»), на Лубянку, где в своем рабочем кабинете он и застрелился. Но сейчас и этот Музей в течение нескольких лет закрыт на какой-то бесконечный ремонт и нет никакой уверенности, что он здесь возродится.

В 2013 г. Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН и Издательство «Наука» приступили к изданию академического Полного собрания произведений В.Маяковского в 20 томах. Но за прошедшее время вышли только первые 4 тома ПСП-20. Сложно спрогнозировать, когда можно будет увидеть (да и сбудется ли это?) два десятка томов этого ПСП-20.

Вдохновляет только уверенность В.Маяковского в стихотворении «Во весь голос», написанном буквально накануне его смерти, в том, что вся эта чехарда вокруг его имени и его творчества пройдет:

Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.

Примечания

1. М.: ГИЗ, 1921 г., 5000 экз.
2. Кушнер Борис Анисимович (1888-1937), литератор, общественный деятель. Репрессирован, расстрелян.
3. Малкин Борис Федорович (1891-1938) литератор, общественный деятель. Репрессирован, расстрелян.
4. Штеренберг Давид Петрович (1881-1949) художник, живописец и график.
5. Альтман Натан Исаевич (1889-1970) живописец, художник-авангардист.

6. Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933), русский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед.

7. А.Луначарский. Ленин и искусство. Сб. «Ленин о литературе». М., 1941, с. 289.

8. О.М.Брик. Ленин в стихах Маяковского. «Литературный критик», 1934, №4.

9. Факсимиле записок В.И.Ленина, хранившихся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, были опубликованы в «Литературном наследстве», т.65, М., 1958, с.208, 209, 211.

10. Примаков Виталий Маркович (1897-1937), воинское звание – комкор (с 1935). Советский военачальник, в Гражданскую войну – командир украинского Червоного казачества. После Гражданской войны выполнял ответственные дипломатические поручения. С 1930 по 1937 гг. был в браке с Л.Ю.Брик.

11. Ежов Николай Иванович (1895-1940). В 1930-1934 гг. – зав. Орграспредом и зав. Отделом кадров при ЦК ВКП(б), с 1935 г. – секретарь ЦК, председатель КПК при ЦК ВКП(б). В 1936-1938 гг. – нарком внутренних дел. Расстрелян.

12. Таль (Криштал) Борис Маркович (1898-1938), публицист, партийный работник, редактор газеты «Известия».

13. Мехлис Лев Захарович (1889-1953), партийный и государственный деятель. В 1920-е гг. – один из секретарей Сталина. В 1930-1937 гг. – зав. отделом печати ЦК ВКП(б), одновременно член редколлегии газеты «Правда».

14. Впервые факсимиле «резолюции Сталина» на письме к нему Л.Ю.Брик было опубликовано в «Независимом расследовании» Валентина Скорятина «Зевс» осведомляет. Документы ОГПУ о гибели Маяковского. ж.«Журналист», 1993, №1, с.69.

15. А.Валюженич. В поисках первоисточника слов Сталина / Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения поэта. М.: ИМЛИ РАН, 2018 г., 300 экз., 560 с.. С. 495-502.

16. Пастернак Б. Люди и положения. М.: Сов. писатель, 1983 г., С.458.

17. Пабло Неруда. Признаюсь: я жил. Предисловие К.Симонова. М.: Политиздат, 1978, 438 с. С.399.

Лазарь Фрейдгейм

Калифорния, США

Цветы от Маяковского — лирика и действительность

Имена Владимира Маяковского и Татьяны Яковлевой связаны историей пылкого увлечения, возникшего мгновенно при поездке поэта в Париж. Это могла быть любовь на всю жизнь, но она оказалась кратковременной. От неё осталась легенда о цветах "от Маяковского", которые в течение многих лет доставляли женщине посылные даже после смерти поэта. При быстром прочтении — красиво, слезливо, романтично.

Стою в Манхэттене на берегу Гудзонова залива. Вижу вдали символическую статую Свободы, некогда по морям, по волнам приплывшую из Парижа. 30 лет тому назад на нью-йоркском кладбище была похоронена Татьяна Яковлева. Закрываю глаза- и вместо памятника чудятся отблески увлечения Маяковского... И как бы прибрежные волны покачивают большой букет ярких цветов. На ленте, опоясывающей букет, надпись: цветы от Маяковского. Дыханье мгновенно перехватывает: прошёл почти век, а цветы всё идут. Ни время, ни континенты, ни океаны им нипочём! Вы скажете, что нечего завирать. Отвечу: не хуже, чем в рассказе. При внимательном сопоставлении с реальностью — развесистая клюква.

Я не ставлю себе задачу познакомить новых читателей с рассказом о цветочном романе Маяковского и Яковлевой. Прочсть такой рассказ можно на множестве сайтов интернета. Я хочу сконцентрироваться на двух моментах, не лишённых субъективности в оценках. Во-первых, на спекулятивности использования известных имён в недокументированных историях. Во-вторых, на версии авторства сентиментальной фантазии "Цветы от Маяковского".

Романтика рассказа — *О цветах и пр.*

По сути, это рассказ о мерещащемся счастье. Если отойти от реальности несостоявшейся любви, то можно с девичьей слезой проглотить цветочную историю.

Мне не известен, так сказать, канонический текст рассказа, публикации имеют нюансы. Трогательная история произошла с Маяковским в Париже, когда он влюбился в Татьяну Яковлеву. Пересказ рассказа дан с небольшими купюрами.

Владимир и Татьяна... Казалось, между ними не могло быть ничего общего. Он — современный поэт. Она вообще не воспринимала ни одного его слова — даже в реальной жизни. Яростный, неистовый, идущий напролом, живущий на последнем дыхании, он пугал ее своей безудержной страстью.

Маяковский сделал ей предложение, но уехал в Москву один. От этой мгновенно вспыхнувшей и не состоявшейся любви ему осталась тайная печаль. Ей остались цветы.

Весь свой гонорар за парижские выступления Владимир Маяковский положил в банк на счет известной парижской цветочной фирмы с условием, чтобы несколько раз в неделю Татьяне Яковлевой приносили букет самых красивых и необычных цветов — гортензий, пармских фиалок, черных тюльпанов, чайных роз, орхидей, астр или хризантем.

Парижская фирма с солидным именем четко выполняла указания сумасбродного клиента — и с тех пор, невзирая на погоду и время года, из года в год в двери Татьяны Яковлевой стучались посыльные с букетами фантастической красоты и единственной фразой: "От Маяковского".

Его не стало в тридцатом году — это известие ошеломило её, как удар неожиданной силы. Она уже привыкла, что он где-то есть и шлёт ей цветы. Они не виделись, но факт существования человека, который так её любит, влиял на всё происходящее с ней. Она уже не понимала, как будет жить дальше — без этой безумной любви, растворённой в цветах.

Говорят, что великая любовь сильнее смерти, но не всякому удаётся воплотить это утверждение в реальной жизни. Владимиру Маяковскому удалось. Цветы приносили в тридцатом, когда он умер, и в сороковом, когда о нем уже забыли.

В годы Второй Мировой в оккупированном немцами Париже она выжила только потому, что продавала на бульваре эти роскошные букеты. Если каждый цветок был словом "люблю", то в течение нескольких лет слова его любви спасали её от голодной смерти.

Потом союзные войска освободили Париж, потом она вместе со всеми плакала от счастья, когда русские вошли в Берлин, — а букеты всё несли. Цветы от Маяковского стали теперь и парижской историей...

Советский инженер Аркадий Рывлин услышал эту историю в юности, от своей матери и всегда мечтал узнать её продолжение. В семидесятых годах ему удалось попасть в Париж. Татьяна Яковлева охотно приняла своего соотечественника. Они долго беседовали обо всем на свете. В какой-то момент он спросил, правду ли говорят, возможно ли, чтобы столько лет подряд...

в этот момент в дверь позвонили. Он никогда в жизни не видел такого роскошного букета. И из-за охапки этого сверкающего на солнце великолепия голос посыльного произнес: "От Маяковского".

Вспоминаются слова дуэта из великолепной оперетты Имре Кальмана "Сильва":

Пусть это был только сон, но какой дивный сон!

Я бегло прочёл этот рассказ со слезами умиления. Я не сентиментальный человек. Жизнь за многие годы немало потрепала мою душу. Но нежность проникает глубоко и находит отклик. Не сентиментальная сторона моего восприятия проскрипела сходу на деталях, плохо укладывающихся в положение и отношения исторических героев. Сразу подумалось: вот чего бы не хватало этому душевному рассказу, если бы его героев звали просто Таня и Володя и не было бы никакого упоминания о Маяковском и Яковлевой?.. Впрочем, я знаю, тогда бы слёзы полились потоком, потому что

"миллион-миллион алых роз" не надо было бы совмещать с событиями реальной жизни. А она всегда хуже сказки.

Штрихи биографий — даты, даты, даты

Попробую телеграфным стилем отметить несколько событий и дат, важных для сущностного восприятия рассказа. Голос сухих дат как-то порождает вопрос: чего в реальных событиях больше — идиллии или трагедии?.. Хорошо проверить "на зуб", где реальность, а где сахарный сироп. А может, всё это только подводка к рекламе никому не известной поэмы?

Приезд Маяковского в Париж — 15 октября 1928 г.

Знакомство с Татьяной Яковлевой — 25 октября 1928 г.

Предложение в Париже о замужестве — 1928 г.

Отъезд из Парижа — 2 декабря 1928 г.

Второй приезд в Париж — 22 февраля 1929 г.

Отъезд из Парижа — апрель 1929 г.

Знакомство и начало романа с Вероникой Полонской — 13 мая 1929 г.

Переписка с Яковлевой — сбой с августа 1929 г. Последнее письмо Маяковского отправлено 5 октября 1929 г.

Смерть Маяковского — 14 апреля 1930 г.

Замужество Татьяны — январь 1930 г., муж Бертран дю Плесси (1902—1940), французский дипломат. 25 сентября 1930 г. — рождение дочери Франсис дю Плесси.

Эмиграция в США — 1941 г.

Второй брак — 1942 г., муж Александр Либерман (1912—1999), французский и американский художник, скульптор и редактор.

Смерть Татьяны Яковлевой дю Плесси-Либерман — 28 апреля 1991 г., Нью-Йорк (85 лет).

Было бы несправедливо, на наш взгляд, не обратить внимания на ещё одного героя рассказа — советского инженера Аркадия Рывлина, гостя Татьяны Яковлевой. В силу неизвестности его имени обычно он не попадал в поле внимания читателей. Отмечаем важное обстоятельство: он автор давно написанной поэмы "Цветы от Маяковского".

Член Союза писателей СССР — с 1948 г.

Публикация поэмы "Цветы от Маяковского" — Киевское издательство Радянський письменник, 1965 г.

Феерическое начало знакомства Маяковского и Яковлевой в октябре 1928 г. и быстрый конец отношений с обеих сторон: Маяковский перестаёт писать, Яковлева уже в январе 1930 г. выходит замуж. Затем всего через несколько месяцев последовал мрачный исход: Маяковский застрелился.

В предсмертном письме Маяковский написал: «В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет. Лиля — люби меня. Товарищ правительство, моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская». В этих строках нет имени Татьяны Яковлевой. Это точка в лирике цветов от Маяковского. Без всяких десятилетий...

Поэма "Цветы от Маяковского"

Поэма "Цветы от Маяковского" — это лирический пересказ событий истории о Владимире и Татьяне. Подобно классическому вопросу, что появилось раньше, курица или яйцо, возникает вопрос о взаимосвязи рассказа и поэмы. Я бы даже сказал, что сам рассказ о вечном букете мог не состояться без возникшего в конце рассказа советского инженера Аркадия Рывлина. На самом деле, он в этой истории важен не как инженер, а как поэт и член Союза писателей СССР.

Мне представляется, что он здесь движущая сила. Совсем не важно, что недавно вы не знали этого имени, а слышали только о Маяковском и его пассии Яковлевой. Он автор небольшой поэмы в две сотни строк. Заметим: поэма написана до мифического появления в Париже у Яковлевой, а сама Татьяна уехала оттуда задолго до описанной встречи. Эта поэма является главным источником информации, упомянутой в рассказе. Многих из этих обстоятельств невозможно найти ни в воспоминаниях Т. Яковлевой, ни в каких-либо других источниках. Не греша против известных фактов, можно сказать, что многое явилось плодом фантазий автора.

С большой степенью вероятности, на основе этого возникает предположение, что имя автора рассказа — Рывлин. Или как компромиссное решение — автор - человек из круга Рывлина, искавшего пути рекламы подзабытой поэмы... С тех пор многократно повторяется в интернете его имя в сентиментальном рассказе. В некоторых публикациях за рассказом следует текст не получившей признания поэмы "Цветы от Маяковского".

Кажется, что все усилия автора рассказа сосредоточены на том, чтобы многократно повторить название поэмы малоизвестного киевского автора и зафиксировать его имя — Аркадий Рывлин. В икебане с известными именами вплетается неожиданное имя. Сухая веточка в искусных руках обретает голос. Все прелести развесистой клюквы прорисовывают "Цветы от Маяковского".

Эмоции, цветы и реальность — сумрачная композиция

Всмотримся в даты. Очное и заочное общение Маяковского и Яковлевой вмещается, увы, всего в полтора года. Окончательная точка

— уход поэта из жизни. Букеты цветов в дополнение к личным — сугубо личным — письмам-телеграммам — это увлекающая романтика. Вполне естественно представить, что уезжающий на пару месяцев поэт поручает цветочной фирме еженедельно доставлять любимой женщине букет роз. На обозримом интервале, в ожидании скорой встречи...

Мифические ритуальные цветы годами из рук случайного посыльного со стандартным односложным сопровождением "От Маяковского"— это уже не признания в любви. Может быть, это провокатор воспоминаний, наследство по неписанному завещанию... У меня это, вместе с сумрачной слезой, ассоциируется с букетом к памятнику - как оплата услуг по уходу за погостом. Уж простите за такое восприятие.

"Цветы от Маяковского" возведены в ранг трафарета. Но в небольшом рассказе почти в каждом абзаце присутствуют утверждения, не имеющие реальной основы. Приглядимся к некоторым деталям. Возможно, с излишней строгостью, без романтизма отметим основные из них.

В рассказе сказано, что Татьяна была воспитана на русской классической поэзии и не понимала Маяковского. В действительности, она поразила поэта своим знанием русской поэзии, в том числе его собственных стихов.

Личные проблемы взаимоотношений, по-видимому, были у каждого из них. Эльза Триоле писала, что Татьяна заблуждалась относительно подлинного смысла происходящего: «Откуда ей было знать, что такое у него не в первый раз и не в последний? Откуда ей было знать, что он всегда ставил на карту всё, вплоть до жизни? Откуда ей было знать, что она в жизни Маяковского только эпизодическое лицо?» Появление В. Полонской в жизни Маяковского через две недели после второго возвращения из Парижа в 1929 г. чётко подтверждает это.

Татьяна Яковлева, в свою очередь, писала матери в период ожидания второго приезда Маяковского в Париж: «У меня сейчас масса драм. Если бы я даже захотела быть с Маяковским, то что стало бы с Ильей (Мечниковым), и кроме него есть ещё двое. Заколдованный круг».

"Я всё равно тебя когда-нибудь возьму, одну или вдвоём с Парижем!" — из «Письма В.Маяковского к Т.Яковлевой». В другом, не стихотворном, письме 3 января 1929 г. он с обезоруживающей нежностью писал "Танику" (как поэт звал Татьяну): "...если бы дать запись всех, моих со мной же, разговоров о тебе, ненаписанных писем, невыговоренных ласкостей то мои собрания сочинений сразу бы вспушли втрое и всё сплошной лирикой!"

Татьяна в начале 1930 г. выходит замуж. Мужем становится виконт Бертран дю Плесси, с которым, кстати, она встречалась еще до знакомства с поэтом. Виконт был дипломатом и организатором первой эскадрильи Свободных французских военно-воздушных сил де Голля. В 1940 г. он погиб, самолёт был сбит над Средиземным морем.

Странно читать, что Татьяна продавала в оккупированном Париже цветы из букетов для спасения от голода. Недолгое военное время до эмиграции Татьяна имела мужа-аристократа и вряд ли голодала без цветов от любовника, ушедшего из жизни за десятилетие до этого.

В конце рассказа, отнесенного к 1970-м годам (40 лет после смерти поэта!), появляется советский инженер Аркадий Рывлин, который как бы фиксирует для нас бесконечность букетов "От Маяковского".

Если оценить трезво и строго, то рассказ "Цветы от Маяковского" это, пожалуй, не о Маяковском. Мгновения его жизни используются для реанимации имени другого поэта, которого обошла известность. Вспомнилось образное выражение из монологов язвительного Аркадия Райкина: "Два пишем, семь на ум пошло". Вот эти "два пишем" — Маяковский&Яковлева, а "семь на ум пошло" — это "Цветы от Маяковского"&Рывлин. Здесь "Цветы от Маяковского" по совпадению оказываются названием поэмы гостя Татьяны Яковлевой. Так вот получается, такая круговерть... За каждой строкой — развесистая клюква, фантазии в обход реальности. На путях поиска популярности документальными остаются только имена героев. В остальном — скопление исторических и личных неточностей, фантазий и ошибок.

Мелкое субъективное соображение. Человек делает женщине предложение, предлагает переехать в Россию, надеется на скорое объединение — создание новой семьи. Представляется, что в лаконичной записке к букету будет написано: от Володи, цветы от Володи. А тут: "Цветы от Маяковского" ("Fleurs de Mayakovsky" - ?)... Особенно это неестественно для стран Запада, где обращение по фамилии носит сугубо официальный характер. Я бы сказал, что это прокол автора, в котором педалируется обращение к названию поэмы Рывлина. Есть и вариант рассказа, где в букеты были вложены визитки поэта с короткими посвящениями Татьяне. Попробуем представить человека, подписывающего гору карточек на годы. Вы можете такое представить? Я — нет.

Совсем не все заработанные в Париже деньги поэт потратил на цветы для Татьяны. Он купил машину Рено для Лили Брик. Лиля постоянно дополняла поручения. Вот фрагменты поручений: «Рейтузы розовые 3 пары, рейтузы чёрные 3 пары, чулки дорогие, иначе быстро порвутся... Духи Rue de la Paix, пудра Houbigant и вообще много разных... Бусы, если ещё в моде, зелёные. Платье пёстрое, красивое, из крепжоржета, и ещё одно, можно с большим вырезом для встречи

Нового года...» «Спасибо за духи и карандашики. Если будешь слать ещё, то Parfum Inconnu Houbigant'a»...

В рассказе дан изощрённый перечень цветов, входивших в букеты, приносимые каждые несколько дней. Заметим, что перечень цветов повторяет названные в строках поэмы "Цветы от Маяковского". Татьяна же в письме в конце 1928 г. однозначно указывает: «Я получаю каждый день телеграммы и каждую неделю цветы. Он распорядился, чтобы каждое воскресенье утром мне посылали розы».

Слеза выдавливается историей спасения Татьяны от голодной смерти продажей в оккупированном Париже "цветов от Маяковского". Полвека несут цветы несуществующему парижскому адресату... Вы чувствуете это перерастание из скромного букета роз по воскресеньям в вековой букет необычайных цветов? Приземистая болотная клюковка — в развесистый куст...

Совсем шутейно выглядят подробности визита автора поэмы "Цветы от Маяковского" к Татьяне Яковлевой в Париже. Так уж была устроена советская жизнь, что получить визу для поездки за границу простому человеку было практически невозможно. Да ещё и маленькая деталь: к тому времени Татьяна Яковлева уже три десятилетия жила в Америке. После гибели супруга Татьяна Алексеевна переехала с дочерью в Нью-Йорк. Здесь она снова вышла замуж за эмигранта из России Александра Либермана. Но, пожалуйста, никаких сомнений и претензий к рассказу. Вот она - сочная ягода с развесистого куста: гость в парижской квартире; прямо в его присутствии доставляют очередной гигантский букет от Маяковского.

Всё это было бы смешно,

Когда бы не было так грустно...

Что же в итоге остаётся от канвы рассказа, если исключить бульон из сомнительно подобранных фрагментов? Пушкин как-то заметил:

Что такое?.. Ничего!..

Ничего, иль очень мало...

Сам же Маяковский писал о чувстве, разбившемся о быт.

Я не спешу, и молниями телеграмм

Мне незачем тебя будить и беспокоить.

Как говорят, инцидент исперчен.

Любовная лодка разбилась о быт.

С тобой мы в расчете. И не к чему перечень

Взаимных болей, бед и обид.

В памяти сейчас все вехи страстей истории Маяковского-Яковлевой. Представим реальность к началу 1930 года. Переписка приостановилась. Маяковский увлечён Полонской. Яковлева выходит замуж за потомка французского аристократа дю Плесси. Скоротечные заоблачные страсти рассеиваются. Кругом бытовые ошметки, которые

трудно вместить в жизнь... Легенда "Цветы от Маяковского" на десятилетия как бы реанимирует уже ушедшее. Пустое дело...

* * *

По мне, так очень привлекательно, когда романтическая история ложится на душу и ты чувствуешь себя как бы героем страстного действия. Ты любишь, ты радуешь любимого человека... Или ты любима, ты в восторге, что тебя так ценят... Это всё рядом, для этого не надо исключительных условий, больших имён и больших доходов. В сознании у меня картина возникшей, как молния, большой любви. Хотелось бы, чтобы в душе осталась идиллия сказочной верности и восторга, соединяющая в любви этот и тот свет.

В этом отношении "лучший и талантливейший Маяковский" до некоторой степени изничтожает сладость сюжета. Нет, нет, нет — это чувства, доступные мне, тебе, нашим приятелям... Позвольте мне так воспринимать и так хотеть. Тем более, когда жизнь только подсказала идею, а остальное родилось уже на столе автора.

Казалось бы, должно быть простое правило: если ты хочешь писать об известных людях, держи себя в прокрустовом ложе фактов. Если ты сочиняешь лирический опус, не используй имена известных людей.

Создаётся впечатление, что вся эта история появления текста это своего рода подношение не памяти Маяковского и его музы, а неизвестному поэту А. Рывлину, когда-то написавшего небольшую поэму с таким же сюжетом. Представляется, что реанимация небольшой поэмы совсем не плохое дело, но это не повод, чтобы снимать урожай с развесистой клюквы.

Очень жаль, когда рассеивается сладкая легенда, когда прямо на глазах карета превращается в тыкву. Но водить себя за нос - тоже бессмысленно.

Часть 13. Проза

Наталья Нестерова

Андрей Бильжо

Москва, Россия

Старый еврей

Он стал после шестидесяти, довольно быстро стареть. Он это чувствовал физически. До этого ему было по внутренним ощущениям двадцать восемь. А тут вдруг...Труднее стало делать то, се. И этих «то» и «се», становилось больше и больше. Да и делать их, «то» да «се», было не охота. Драйв, сопровождавший его всю жизнь, вдруг стал, как воздух из проколотого мячика, уходить. Свист слышен, мячик становится дряблым, а прокола не видно. И в этом - прикол. В этом был процесс его старения. Физического и, к сожалению, психического. Он понимал, что и окружающие тоже замечают его старение. Но своеобразно. «Ты, Лева, я заметил, все больше и больше становишься похож на еврея», -- говорили ему друзья.

Это очень точное наблюдение. С ним, кто понимает, спорить бессмысленно. Это аксиома.

Наружу, в прямом смысле, то есть, на лицо, стала вылезать эта вековая грусть и вековой поиск себя, вместе с поиском смысла жизни и тревогой за будущее, вместе с безжалостной иронией и самоиронией. Такой мощный замес. Такой форшмак. И все это, я повторю, с этим специфическим юмором, который кто-то очень точно назвал еврейским.

И вот это все, весь этот «гефельтафиш», прячется у старого еврея в морщинах на лбу, в носогубных складках, в мешках под глазами. В самих глазах, которые становятся больше, как будто удивляются окружающему, мол, ни х.я себе. А видят глаза при этом хуже. Старый, подслеповатый еврей, видимо, таращась на мир, пытается его лучше разглядеть. Но тяжелые верхние веки, стараются прикрыть, слегка на выкате, глазные яблоки, как бы говоря: «Слушай, ты можешь успокоиться, или как? Или ты еще не видел этого сраного мира? Послушайте нас, мы висим над вами всю нашу жизнь. Дайте нам опуститься и прикрыть вас. Чтобы вы таки отдохнули и не ох ...ели от него. От кого? От этого сраного мира. Сколько можно повторять. Нам пора спать!».

Лев Яковлевич Белкин в свои восемьдесят два держал спину прямой, не сутулился. Его атлетическое телосложение осталось только в его памяти. Однако, рост 182 см и плечи 52 размера, напоминали о том, что когда-то Лева был чемпионом района по боксу. Так тогда он чувствовал себя увереннее. Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что он практически не сталкивался с антисемитизмом. Никому не приходило в голову, что Белкин, может быть не русской фамилией, а еврейской. И тут вспоминается, конечно, русский Иван Петрович Белкин, родившийся в селе Горюхине, которого подарил нам А.С. Пушкин. Безусловно так. Но! Белкин – это и еврейская фамилия. Белкин – сын – Беллы. Он же Бельман, Беллинзон, Бельман. Бильмонд... ну и так далее. Далеко не все это знают. К счастью. Поэтому евреем Белкина не считали. Плюс бытовавшая точка зрения, что евреи маленького роста, в очках и с большим носом, тоже не работала. Лева, как говорилось выше, был атлетом.

Мама Левы служила стоматологом. И хорошим. Так в графе «национальность» в паспорте Левы, появилось слово «русский», а у паспортистки - золотые коронки. В середине 50-х это было модно. Среди паспортисток. Белкин рос без отца, плавно переехавшего из немецкого концлагеря Заксенхаузен в Норильский, где не дождавшись недели до смерти Сталина, совершил побег и был расстрелян. Потом, конечно, как водится, реабилитирован. Мама Белкина умерла от рака, когда ему было девятнадцать. Он закончил Второй Московский Медицинский институт имени Николая Ивановича Пирогова, будучи уже женатым. С Ирккой он познакомился в троллейбусном парке, под названием «Голубой Дунай». Троллейбусы ночью там отдыхали. Они стояли в ряд, а двери их были открыты. Трахались в "Голубом Дунае" три института. Кроме Второго Медицинского имени Пирогова, Педагогический имени Владимира Ильича Ленина и Тонкой Химической Технологии имени Михаила Васильевича Ломоносова.

В начале девяностых профессор психиатр Белкин с женой, профессором гинекологом Белкиной, уехали, как тогда говорили, да и сейчас говорят «на свою историческую родину» в Израиль, где уже давно обосновался их сын, закончивший физтех с отличием, со своей женой и дочкой.

Пропущу здесь, пожалуй, несколько десятилетий. Иначе это получится роман. А это совсем не мой жанр.

Короче говоря, Белкин, в Израиле остался один. Ира умерла. Сын с семьей уехал в США, где получил лабораторию.

Лев Яковлевич затосковал. Он взял билет до Москвы, в которой не был тридцать лет. Профессор остановился в гостинице «Украина». Ужинал в ресторанах, которые ему советовали девчонки на рецепции. Понятно, что это были молодежные места. Леве это нравилось. И , что удивительно, драйв стал возвращаться к Белкину. Как-то он решил

съездить в район где прошло его детство, отрочество и юность. Он все время откладывал эту поездку. А тут сам не заметил, как оказался рядом со своим домом в Кривоколенном переулке

Он вошел в подъезд своего дома. Входные двери были теми же, что и раньше. Только крашенные - перекрашенные сотни раз. Плитка лежала на лестничной площадке та же. Он хорошо помнил ее. Поразительно, даже выбитые места - там же. Это он выковырял носком ботинка кусок плитки здесь. Злился, когда не сдал зачет.

Белкин стоял перед дверью своей квартиры, которую перед отъездом они продали. Дверь, ручка бронзовая и, что совсем поразительно, - замок. Все было как тогда, при нем. Хозяева ничего не поменяли, даже замок. Старый ключ лежал у него в кармане. Он носил его как талисман всю жизнь. Как единственный предмет, который связывал его с прошлым. Белкин позвонил в тот же звонок. Дверь открыли довольно быстро. На пороге стоял девятнадцатилетний юноша. Точно определил его возраст Лев Яковлевич.

«Здравствуйте. Простите, но я жил когда-то в этой квартире. Родился здесь. Еще раз простите. Можно на пять минут зайти?»

«Конечно. Проходите пожалуйста. Может быть, чай?»

«С удовольствием.»

Белкин Лев Яковлевич, - представился Белкин

«И я тоже Белкин Лев Яковлевич, - ничуть не смутившись таким совпадением, сказал юноша, - студент третьего курса Второго Медицинского Института имени Николая Ивановича Пирогова»

«А кем ты, если не секрет, хочешь быть?»

«Понимаете...»

«Давай на ты. В Израиле, все на ты».

«Хорошо, но только я буду называть тебя по отчеству. Понимаешь, Лев Яковлевич, меня интересует психиатрия. Мама хотела, чтобы я, как она, стал стоматологом, но это не для меня»

«А где твоя мама?»

«Она умерла. Год назад от рака. Я живу один.»

«А отец, где твой отец?»

«Вам, прости, тебе, будет трудно это понять...» На столе появился китайский чай и китайский же сервиз, конфеты, печенье._

«Может быть, виски?» - спросил Белкин-младший.

«Лучше, тетка, водочки. Если есть, конечно».

«Конечно, есть!» - Лева принес красного стекла, с прозрачной гравировкой, рюмки. Тонко нарезал специальным, с позолотой ножичком, лимон.

«Дело в том, что папа мой журналист. И он ... долго объяснять. Он уже несколько лет в колонии строгого режима. Его обвинили в шпионаже. Тебе, Лев Яковлевич, это, видимо, трудно понять».

Лев Яковлевич был в некотором замешательстве. Периодически возникала какая-то тревога. Растерянность. Все это никак не укладывалось в его голове. Его смущало то, что в комнате стоит мебель та, которая была в их семье и, более того, стоит на тех же местах. Чашки для чая, этот китайский сервиз был подарен маме. Он помнит, как мама им дорожила. Рюмки...рюмки перед арестом в сорок девятом, оставил адвокат Малюков, живший этажом выше. «Левушка, вернись, выпьем из них водочки, как мы с тобой любим. Пусть пока у тебя постоят.» Не вернулся. В книжном шкафу стояли книги. Подписные издания.

И тут Белкин все понял. «Надо было раньше, раньше... Я бы застал маму».

Слезы навернулись на глаза старого еврея. А вон, на шкафу, лежит моя скрипка. Которую я оставил тут. Боялся, что не дадут вывезти.

«Левушка, ты играешь?» – Белкин показал на скрипку.

«Да, играю, Лев Яковлевич», - не без смущения ответил студент.

«А бокс? Боксом занимаешься?»

«Ну а как же! Надо уметь за себя постоять. Сегодня это особенно важно. Я даже чемпион округа».

« Ну, я пойду, Левчик, так ведь тебя называла мама? Засиделся. Поздно уже. Час ночи. Вызови-ка мне такси, дружок».

Белкин-младший взял свой айфон, и тут в дверь позвонили. Второй, третий раз. И еще. И еще. Звонили очень настойчиво.

«Открыть? - спросил Лев Яковлевич, - кто так поздно?»

В дверь стали колотить чем-то тяжелым. Потом подала свой мерзкий голос пила. И старая дверь упала. По ней в комнату ворвались несколько человек в черном и в шлемах.

«Что это? Кто это? Кто вы, представьтесь!» – закричал профессор Белкин.

«Уберите нау-й этого старого еврея, чтоб не путался под ногами, - командовал человек невысокого роста, с красным, круглым лицом, противоречащим его субтильной комплекции, - и обыщите все. А вы, Лев Белкин, поедете с нами. К вам есть несколько вопросов. По поводу вашей деятельности как руководителя организации, признанной в Российской Федерации Иностранным Агентом!»

В три часа ночи обыск закончили.

«Прости, Лев Яковлевич... А я догадался, кто ты. Оставайся, здесь, ты все знаешь не хуже меня.»

Старый Белкин остался один. До девяти утра он убирал свою квартиру. Даже кое-как повесил дверь. Потом, чтобы снять усталость и смыть пыль, – принял душ. Лег и моментально заснул.

Но уже не проснулся.

Анатолий Бергер

С.-Петербург, Россия

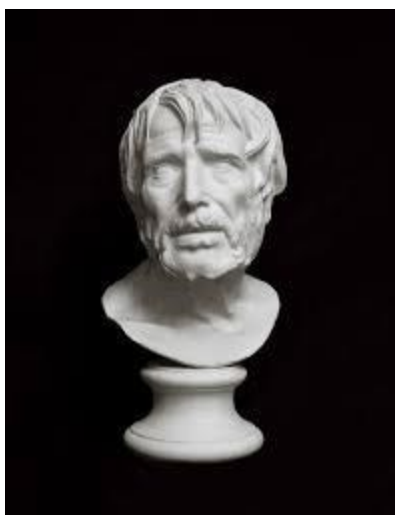
Бюст Сенеки

Ещё мальчиком – страшно вспомнить как давно это было – почувствовал я необоримую тягу к древности. Каким-то таинственным магнетизмом завлекал меня Египет: страна грозных фараонов и затейливых иероглифов, пугала кровожадной жестокостью Ассирия, томила кровным, наверное, родством Иудея, восхищала дивной красотой Греция, чуждо и торжественно то приближался, то отдалялся Рим.

Жили мы тогда в центре Ленинграда, на Большой Московской в коммунальной квартире, я с папой и мамой в одной комнате, впрочем, квартира и вся состояла из трёх комнат. Я это к тому, что библиотеку в таких условиях большую не заведёшь, а книги я начал покупать уже старшеклассником. Букинистические магазины были рядом, и книги исторические там случались, я покупал то, что мог, родители мне не препятствовали.

Конечно, Эрмитаж своими античными залами словно забирал меня в те времена, но кругом была советская действительность откровенная в своей убогости и прямолинейности, всё объясняющая односложно и настырно законами идеологического послушания и беспрекословного служения. Я сейчас не припомню, откуда я притащил однажды тяжёлый, вряд ли мраморный бюст какого-то античного мудреца.

Вроде кто-то подарил мне его, стащив из Академии художеств, а, может, и не стащив, а просто по праву владельца подарил. Это был сильно потемневший когда-то белый лик, нос прямой и гордый был сломан, но взгляд пустых глазниц твёрд и величественен. Вскоре кто-то постарше объявил мне со знанием дела, что это Сенека – великий римлянин, воспитатель Нерона, им же и казнённый.

Переглядываясь с этим ликом, я что-то начинал понимать в человеческой истории, ощущать её будто физически, распознавать в ней жизнь живых, а не память о мёртвых. Я переговаривался с Сенекой, временами ощущал его своим, мне было с ним теплее, чем с иными окружающими меня в институте, в поездках, где бы то ни было в жизни. Но нам пришлось уехать с Большой Московской в Дачное – всё равно, что уехать из Петербурга в настоящий Ленинград – прямоугольных домов и безлюдных пустырей. Сенека был тяжёл, а вещей было много. Мне не разрешили его взять в маленькую квартиру с низковатыми потолками и скудным метражом. Я словно потерял друга. Но я вспоминал его часто.

Когда мы с женой были в Кордове, в Испании, где он родился, когда бродили мы по Риму среди крикливых, по словам Марциала, улиц, когда читал-перечитывал Тацита, казалось мне – вот он, приговорённый Нероном к самоубийству, лежит в ванной, кровь медленно стекает со старческих бледных рук в тепловатую воду, рядом жена Паулина, молодая, прекрасная, приказавшая вскрыть себе вены, чтобы погибнуть вдвоём, но врываются посланцы Нерона, насильно перевязывают ей кисти рук, она остаётся жива, но ненадолго, умирает через несколько лет, слишком много крови потеряла тогда, в тот смертный день. Где теперь этот потемневший от кружения времён белый лик, где он? Помнит ли он обо мне? Никогда не узнаю, никогда.

Даша Кашина

Киев, Украина

«Лебединое озеро» Набокова. Ко дню рождения

«Я видел его в детстве», - сказал человек о Набокове и я оглянулась. «Да, да, - добавил он, - он жил в гостинице, принадлежавшей тогда моей бабушке в Монтре в Швейцарии». Говоривший был из поколения эмигрантов первых волн. Он приехал увидеть родину предков. Я вспоминаю строки о гостинице, о его номере на шестом этаже:

«Кованый балкон выдавался вперед достаточно далеко, чтобы поймать косые лучи. Виднелось несколько чаек, плескавшихся белыми крыльями над своим черным отражением».

Когда-то голливудский актер Питер Устинов, сидя с Набоковым в кафе, посоветовал ему эту гостиницу. Хозяйкой ее была уехавшая из советской России эмигрантка, которая купила эту гостиницу. Она называлась «Лебедь». Лебеди действительно любили эти места, и озеро было лебединым. Кажется и теперь, что музыка Чайковского здесь звучит.

Как хорошо, что в той беседе двух великих людей все было весело и живо. И что живы были они. Это теперь в любую погоду в виде памятника сидит Набоков на набережной. Хотя сидел он, как и ранее стоял памятник, в гостиничном саду. А авторы его – замечательные Рукавишниковы. Отец и сын. Работа была сделана в год столетнего юбилея писателя. Выходцы из староверческой семьи, Рукавишниковы могут гордиться мощной генетикой и сохранением культурных ценностей. Для кого? «Кому нужен человек?» - спросила я в детстве отца. «Себе!» - ответил он. Так и оказалось, потом поняла я.

Когда юный Набоков без гроша в кармане, отправился из Феодосии в неизвестное плавание, он не мог даже подумать, что мы все будем знать его фамилию. Его дорогу оплатил знавший отца филантроп из Феодосии. Отец его недавно был убит. Говорили, по ошибке. Вместо Милюкова. Это трудно сознавалось Владимиром. Ему снились обои его детской, которая и теперь пустует возле Гатчины. Стены ее за столетие изъедены грибком. Обещают реставрировать. Но ведь сто лет прошло. Да и не знала родина до девяностых имени писателя.

Дома его любили все. Сестра дожила до девяноста лет и всегда радовалась его шуткам. Его бумажным бабочкам, оставленным в туалете, когда он гостил у нее.

- Он вас обожал? – как-то спросили у нее.

- Ну как меня не обожать! – пошутила она в ответ.

А как удивлялся Набоков, когда она рассказывала ему о поездке в тогда еще Ленинград в командировку. Она была переводчиком-синхронистом в ООН. «Меня спросила консьержка нашего дома на Большой Морской:

- Куда вы идете?

Я ответила:

-Я здесь жила.

- В какой квартире? – поинтересовалась она.

И очень удивилась ответу:

- Во всех».

«Человек всегда чувствует себя дома в своем прошлом, - вспоминала я точные строки Владимира Набокова, - чем и отличается любовь к далекой и, между нами говоря, страшной стране, которую они /люди/ по-настоящему не знали и в которой никакого счастья не нашли».

Вера Чайковская

Москва, Россия

Три Импровизации

1. МАЭСТРО В ВОСЬМОМ РЯДУ

Что так захватывает в давней песенке из репертуара Пугачевой, облагороженного Паулсом, - ну, той, что о Маэстро? Помните, наверное, эти выкрики: «В восьмом ряду! В восьмом ряду!»... Не важно, конечно, в каком ряду. Мог быть и третий, и девятнадцатый.

Нет, девятнадцатый, пожалуй, далековато. Надо, чтобы он, а потом она, могли видеть, он - свою восторженную почитательницу, а она - своего кумира. Недаром это задыхающееся, настойчивое повторение: «В восьмом ряду! В восьмом ряду!» - чтобы тебя увидели и отличили от других. А ведь и правда, есть такие ситуации между двумя людьми (теперь даже не слишком важно, разнополы ли они), между учителем и ученицей, артистом и поклонницей, массажистом и пациенткой, балетной парой, - когда отношения каким-то непонятным, чуть ли не колдовским образом, перерастают в восторженно-любовные, чудесно - внебытовые. Духовная энергия пополняется физическим тяготением, а физический контакт переходит в мощную силу духовного притяжения. И здесь это «В восьмом ряду» - волшебное заклинание, делающее Маэстро и его почитательницу своеобразными «приемниками» вспыхнувшей энергии чувства. В темном зале словно загорается луч, идущий от неведомой почитательницы прямо к ее Маэстро, а потом когда-нибудь - от сидящего в восьмом ряду Маэстро, услышавшего божественный зов, к ней, теперь стоящей на сцене...

Но не умирает ли энергия любви, заменяясь, как писал еще Гоголь, какими-то более солидными, деловыми интересами и соображениями, где важен не какой-то глупейший «восьмой ряд», а такие слова и фразы, как «грант», «магистерская степень», «бакалавриат», «компетенция», «удаленка», «группа риска», «коронавирус» в конце концов ?!

И все же, мне кажется, что на этот призыв из «восьмого ряда» всегда найдется чудаческое сердце, которое отважно откликнется.

2. О ПРЕКРАСНОЙ ЯСНОСТИ

Ну вот! Я так не могу! Не могу? Но я же не пробовала. А зачем пробовать? Я так не хочу! Но можно же, можно расширить репертуар, заговорить витиеватее, корявее, непонятнее, темнее, загадочнее, непрозрачнее... Ну, нет! Я так и не собираюсь! Ясности! Прекрасной ясности! Кто-то уже ее, кажется, хотел? Не твой ли любимый поэт, искуситель нескольких молодых и талантливых художников своего времени? Как прозрачны, ясны, детски наивны его стихи! Странное несоответствие ! Пара из двух мужчин - загадочна и темна. Мужчина даже в брутальной роли уже словно и не мужчина, потому что имеет дело не с подвижной, живой, изменчивой, кокетливой, неверной, отважной, строптивой, покладистой, наивной женской природой, а с природой твердой, упорной, негибкой, наглой, самонадеянной, страстной, жалкой, отчаянной, всегда уязвленной. Где же тут ясность? Где поэт брал свою ясность? Но ведь она ощутимо есть! Или прямо из воздуха, окружающей природы, вкусного ванильного бисквита с ягодами, случайного силуэта в окне, звона посуды в столовой, тихого женского смеха из сада?...

Вот она - ясность, в глубине которой темнота, неразрешимая загадка, вопрос мироздания к тебе и твой к мирозданию. Хороша ясность! Не правильнее ли все затемнить, замутить, запутать, загустить, пустить по ложному следу, перейти на язык невнятицы, шипящих, грохочущих, подхихикивающих? Всех смутить, испугать, привести в трепет? Всех ошеломить, заабракадабрить, заостолбенить?

Нет, хочу ясности! Прекрасной ясности, которой жаждал любимый мною поэт, влюбивший в себя нескольких молодых и талантливых художников. И при этом он как-то умудрялся быть прозрачно-ясным, внятным, восхитительно осязаемым!

3. О ЧЕРНОЙ, БЕЛОЙ И ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСТИ

Зависть - это плохо? Все скажут, что плохо, - это очевидно, но каждый про себя и о себе подумает, что много раз ее испытывал. Не от того ли возникло выражение «белая зависть», как бы делающее из плохого не просто хорошее, а хорошее со «знаком качества». Человек так восхищается, что даже завидует белой завистью. Интересно, что о белой зависти в какие-то располагающие минуты - перед микрофоном или кинокамерой, прочувствованно говорят, а о черной предпочитают помалкивать, хотя она, конечно же, входит в качестве формообразующего ингредиента в зависть белую. И вообще, эта черная зависть - вещь, невероятно насыщенная энергией и ведущая к новым рубежам! Все пассионарии, думаю, были завистливы, им хотелось превзойти тех, кому они в детстве, в юности, а порой и в зрелости - жгуче, до боли в сердце, до прерывания дыхания позавидовали. О, это важный момент в жизни - кому-то безумно позавидовать! Так свершаются открытия, рушатся былые кумиры, определяются судьбы!

Бывает, правда, зависть патологическая. Она требует мести и крови, вплоть до убийства того, кому ты позавидовал. Таким патологическим завистником был, как мы помним, пушкинский Сальери, причем, что бы ни говорили на этот счет современные музыковеды, оправдывая реального Сальери, я верю догадке Пушкина. Интересно, что патологическая зависть мстит тем, кто ее испытывает. Он теряет высоту, ту планку, которую ему задавала его черно-белая зависть. Он становится мелким, смешным, ничтожным. Ему изменяют талант и вдохновение. Он задает самому себе какой-нибудь коварный вопросик, который ввергает его в полное смятение, в каковом, кстати, и пребывает в конце трагедии убийца Моцарта.

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

Вспомнить не все... Из дневников этих лет

Я не сразу понял: она не любит говорить о лагере, тюрьме, собственном аресте и, конечно, аресте мужа.

Не протестует, не перебивает мои вопросы. Только незаметно – может, и для себя самой – переходит к другому.

Она изящна, моложава. Так выглядят люди, которые усилием воли не позволяют себе стареть. Мне и в голову не приходит посчитать в уме ее годы. Точнее – я не успеваю это сделать: она улыбается, и ее улыбка ждет моего ответа.

Видимо, она давно выучилась говорить только о радостном или – хотя бы – приятном. Научилась в любой ситуации отыскивать один резон: все к лучшему!

Впервые подумал об этом, когда крутой лестницей мы поднимались к ней домой. Тут вдруг и услышал:

– Как хорошо, что в подъезде нет лифта!

Заметила мое удивление. Добавила:

– Чудесная тренировка для мышц – хотя бы несколько раз в день!

Отсутствие балкона в квартире? Разумеется, тоже на пользу: по крайней мере не приучишься сидеть в шезлонге, тупо глаза на улицу... Нет, она так не может! Она ежедневно ходит в парк – понятно, не для развлечения: «Знаете, есть такие старухи, которые совсем не следят за прессой, вот я и читаю им самое интересное из свежих газет!»

Среди историй, которые она любит рассказывать, особенно выделяется история ее знакомства с будущим мужем, знаменитым еврейским поэтом.

История мелодраматична, в ней нет и намека на будущую трагедию:

– ...Ну да... я только что окончила тогда еврейский педтехникум. Уже и работать начала – в Минске же, в Третьем еврейском детском саду. А жила в семье подруги, на улице Островского. И вот в августе... ну да, в августе ... иду на работу. Вдруг вижу: из соседнего двора выходит мужчина: черные кудрявые волосы, изящное пенсне... Мысль моя, как молния: «Это же он, поэт!» Останавливаюсь, смотрю на него. Чувствую его взгляд. Смущаюсь, иду дальше. Но, к своему удивлению, слышу за собой шаги...

Мне интересен ее рассказ, хотя историю эту – пусть в общих чертах – я уже не только слышал от нее однажды, но и читал в минском журнале. Тем не менее мне по-настоящему интересно: пытаюсь понять, почему этот сюжет так принципиален, так важен для нее?

– ... Он прибегает к хитрости: «Где я мог вас встретить раньше? Вы мне так знакомы». Молчу, растеряна, как никогда. Тогда он ставит вопрос иначе: «Не кажется ли вам, что и вы меня где-то встречали?» Тут смею! И от души смеюсь: «Не кажется. Я видела вас на фотографиях в ваших книгах, на литературном вечере в еврейском педтехникуме...» – «Да, да, – соглашается он, – на вечере. Там я и обратил на вас внимание». Ах, восклицаю про себя, не зря я сидела во втором ряду, вот он и заметил!

Тут она делает паузу, готовя меня к неожиданности:

– Знаете, это оказалось неправдой! Когда мы уже поженились, муж признался: все это он придумал... в ту самую минуту!

Смеется она не по-старушечьи – звонко. Имя у нее, впрочем, тоже звенящее – Дина.

Нет, она не забудет, в каком месте прервалась нить рассказа. Потом она уверенно идет дальше. А я проверяю свою и ее память. Никаких особых расхождений. Видимо, все детали уже не раз тщательно взвешены. Именно взвешены – на редких теперь весах оптимизма. Вот почему детали неизменны, они только переставляются местами – как и отдельные слова, предложения.

Во всем остальном (во всем, что не нарушает интонацию мажора) она легка и свободна. Например, не обходит факты, которые, по ее мнению, кого-то могут даже смутить, показаться двусмысленными. «Хотя ведь кое-что поэту простительно, не правда ли?»

Оказывается, поэт был ее гораздо старше! Едва ли не вдвое. И очень волновался – пойдет ли она за него? («Вы знаете, раньше у него было много поклонниц. После замужества я увидела целый чемодан писем, среди них – немало от женщин, влюбленных в поэта; одна поклонница даже сидела со мной вместе в лагере. Но, вы понимаете, тут был особый случай: эта любовь его потрясла!») А порой он колебался: будет ли прочным такой брак? Наверное, потому устроил ей смотрины – пригласил своего друга поэта Зелика А. и ... его отца познакомиться с невестой.

– ... И, знаете, он ведь опять схитрил! Он все подстроил! Сделал вид, что они – Зелик с отцом – пришли случайно. Как раз тогда, когда я была у поэта в гостях. «Надо же, какое совпадение!» А у него – тоже «случайно» – оказалось прекрасное по тому времени угощение!

Иронизирует. Смеется. Юно блестят глаза.

В ее опубликованных воспоминаниях меня поразила странная пропорция: история знакомства Дины с поэтом, первых встреч, замужества занимает две трети текста. О своей трагедии она не упомянула вообще. И цензура тут была ни при чем! Журнал вышел в 1988-м. О сталинских репрессиях говорить уже можно было громко, даже модно стало говорить. Но она промолчала.

Впрочем, заметил я, даже о своих детях она только упомянула. (Поездка в Москву вместе с мужем в феврале 1937-го на торжества, посвященные столетию со дня смерти Пушкина, мемуаристка уделила втрое больше места).

– Что случилось с вашими детьми?

Может быть, она хотела поморщиться от моей бестактности. Но сдержалась. И не ушла от ответа, рассказала обо всем четко, хотя без эмоций.

Когда ее взяли в ноябре 37-го, мальчики остались с молодой работницей Маней, потом их отправили куда-то – наверное, как и других детей врагов народа, в специальные детские дома. Фамилии, как было принято, сменили, мальчики и не смогли бы ее найти – даже если б остались живы. Юлику было три года, Додику – год и восемь месяцев...

Освободившись в 56-м, она сама начинает искать их – долго, безуспешно.

– Да, числятся, – сказали в органах госбезопасности, – но где – неизвестно. Наверное, погибли.

– Погибли, – повторяет она теперь.

Конечно, соглашаюсь я, погибли. Как жить, как выжить, если думать иначе?

О судьбе поэта ходило когда-то много легенд. Потом иные из них забылись; все было просто – умерли люди, которых это волновало.

Все версии сходились однако в одном: поэт потерял в тюрьме рассудок.

Может быть, его терзало отсутствие логики?

Он воспел в стихах Октябрь, Красную армию, в которой воевал; был искренен: вступив в партию, отдавал все силы тому, что называли строительством новой культуры, являлся членом-корреспондентом Академии Наук Белоруссии, членом Президиума Союза писателей СССР, членом Президиума и председателем еврейской секции Союза писателей БССР... Солидный перечень, хоть и не полон.

Говорят, поэт сутками напролет метался по камере, кричал одно и то же, по-еврейски и по-русски: фарвос? За что?

Ответа, разумеется, не было.

Она подтверждает: все так. И продолжает – быстро, глядя куда-то в окно.

Недоумения поэта начались, конечно, раньше. Не мог понять, за что его травят на собраниях, почему арестовывают друзей.

В 37-м доходит очередь до него самого. Он был тогда в Доме творчества, в Пуховичах. А поздно вечером, в тот же день, явились с обыском в их городскую квартиру. Все перерыли, опечатали комнаты, ей с детьми оставили кабинет.

Через месяц, совсем неожиданно, – письмо от мужа: я не виноват; надеюсь, разберутся, скоро встретимся, береги детей.

Много лет спустя человек, сидевший с поэтом в одной камере, рассказывает ей: ценой этого письма было признание поэтом мнимых своих «преступлений».

Передачу, которую она отнесла в тюрьму, не приняли. А поэта расстреляли в Минске 29 октября 1937-го. «Как вы думаете, – спрашивает она снова, – может быть, не хотели держать в тюрьме сумасшедшего?»

Говорили: перед расстрелом его вместе с другими арестантами отвели в баню; там, не понимая, что делает, он обварился кипятком; стонал, кричал – мучился, видно, сильно. «Как вы думаете, может, просто не захотели лечить?»

Старое горе захлестывает ее – словно морская волна. Но она умело справляется. Успевает.

– ...Я сидела в той же тюрьме, – рассказывает, угощая меня пирожками. – ...Правда, вкусные? Особенно вкусно, если запивать их каким-нибудь соком.

Наливает мне сок граната, предварительно ошпарив чашку кипятком. Чайник в ее кухне кипит на плите всегда. Это – привычка. После того, как в сорок пятом переболела в лагере бруцеллезом. О кипятке: «Между прочим, очень полезно: всегда есть гарантия, что убиты микробы».

Ее почти не таскали на допросы. И так было ясно: жена врага народа.

Однажды она спросила у следователя: «Как же так? Ведь поэт писал советские стихи...» Тот снизошел: «Стихи-то советские, сам автор – нет».

Когда через девятнадцать лет она возвратится в Минск, окажется: почти все ее родные погибли во время войны – по дороге в эвакуацию (случайно спаслась сестра).

Но ей помогли, очень помогли белорусские друзья мужа, особенно Петрусь Бровка. Вот и квартиру получила, и сборники поэта

переиздала... «А на гонорары сумела купить это...» Она обводит рукой небольшую комнату, которая – кажется ей – обставлена очень богато, на самом деле – совсем скромно. Она особенно гордится старым пианино:

– Представьте себе, я до сих пор играю! В лагере, правда, забыла многое – и идиш, и ноты. Но это было интересно – возвращаться, восстанавливать утраченное. Только вот английский не вернула.

Когда в начале девяностых я время от времени приезжаю из Вильнюса в Минск, Дина Звуловна настойчиво приглашает в гости.

Ах, она-то уж понимает важность моей задачи: записать рассказы оставшихся в живых деятелей еврейской культуры, их жен и детей...

Мы могли бы встречаться в еврейской библиотеке, которой она заведует?

– Нет, нет, приходите лучше ко мне домой... Этот город для вас чужой, так хоть отогреетесь чаем. Как раз вчера купила такие вкусные конфеты!

За чаем она опять читает стихи поэта, на этот раз – в переводе Анны Ахматовой:

Я не горюю, не любимый славой,
К моим следам никто не припадает...
Теперь, когда сердца пылают лавой,
В моих стихах – сведенный гневом рот.

Я не удивлен, в очередной раз столкнувшись с пророчеством поэта: стихотворение написано в двадцать пятом году, но кажется – он предвидит свою судьбу.

Меня завораживает несоответствие между тональностью стихотворной строфы и мажорной интонацией женского – совсем юного – голоса.

Кипит, кипит на плите чайник.

...Спустя годы пойму: образ поэта, тяжело прозревающего истину, необходим, неизбежен в рассказе о его нестареющей жене.

Образ этот «догонит» меня в Чикаго – именно здесь я познакомлюсь и подружусь с искусствоведом и переводчиком Ванкаремом Никифоровичем; а однажды он познакомит меня с собственным переложением стихотворения поэта «Вечер»:

Вечер... И теплые росы.
Все притаилось во мгле.
С тенью своей темнокозой
Тихо бреду по земле.

Я осторожно ступаю, –
Травы все спят на лугу.
Надо молчать, – понимаю,
Но не запеть не могу.

Мне бы дожидаться рассвета
И – ни о чем не жалеть.
Думаю только об этом...
Дай, Боже, песню допеть.

Но вернусь в лето девяносто первого, в Минск.

Отправляюсь по делу в музей истории Великой Отечественной войны. Дина Звуловна вызывает меня проводить и помочь – познакомить с музейными работниками, среди которых у нее есть друзья.

Солнечный день. Долго – не менее часа – идем по центральной улице. И тут-то она жалеет меня: предлагает научить тому, как вызвать в себе чувство бодрости и легкости. Она хочет подарить мне это чувство навсегда. Она рассказывает о придуманной ею системе гимнастики (система проста, некоторые гениальные приемы она угадала, не зная, что они существуют давным-давно). «...А после водных процедур надо обязательно растираться особым способом – не сверху вниз, а снизу вверх».

Я не сумел испортить праздник, даже когда вспомнил про лагерь. Конечно, говорить об этом в такой день не очень уместно. Ведь про лагерь невозможно – в светлых тонах. Но она и тут находит оптимистический ракурс. В лагере с ней происходили чудеса! Например, она чудом исцелилась от бруцеллеза, хотя уже год не стояла на ногах. Вообще в лагере ее всегда хранил Бог, спасение часто приходило в последний момент, несколько раз ей удалось избежать жуткого насилия.

– ...Однажды меня назначили дежурной по бараку. Все должны были уйти на работу. Оставались в бараке только я да надзиратель-казах. Я знала: он – негодяй и насильник. Что делать? Одна добрая моя подруга (гораздо старше меня) помчалась в медпункт, упростила врача, пожилого еврея, посидеть со мной... Он потом и рассказал: у того надзирателя был сифилис в третьей стадии, многих зараженных им женщин отправили в другие лагеря...

Она припомнила еще пару случаев чудесного своего спасения. Но вот опомнилась – улыбнулась, словно стерла собственный рассказ: «...Знаете, все плохое в нашей жизни так похоже на сон. Вам не кажется?»

Она идет, опираясь на мою руку, – энергично, чуть подпрыгивая в такт своим словам.

Есть ли символ в том, что случилось вскоре?

У самого музея она внезапно пролетает вперед, ее рука отпускает мой локоть.

И вот она уже лежит на тротуаре – во весь рост; огромная ссадина на щеке, сильно разбита нога. Помогаю ей подняться, бегу в музей – выпрашиваю йод, бинт; делаю перевязку.

От такси резко отказывается. А в троллейбусе продолжает о чем-то говорить... И – никаких жалоб, обычный ее смех.

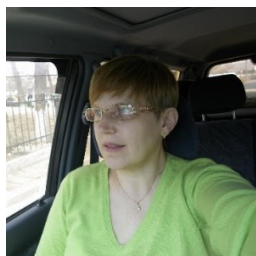
Думаю тогда: это ведь схема ее жизни – падение, раны, улыбка.

1992, 2003

(Чтобы читатель не рылся в энциклопедиях, сообщу: моя собеседница Дина Звуловна Харик – вдова поэта Изи Харика).

Александра Дерюгина

Россия

Характер красоты. Из Приморского дневника

Русские с дальней окраины России очень любят Суньку и Чуньку. Это такие китайские города, которые на самом деле Суйфыньхе и Хуньчунь.

Куда ходит народ в Центральной России, чтобы приодеться? Кто побогаче - в бутик. А кто попроще - на рынок за турецкими шмотками. И это нам, центральным россиянам, знакомо и понятно. Люди с дальней восточной окраины для той же цели едут за границу, а именно - в Суньку. Там огромный рынок. Цены - смешные. Юань и рубль - лучшие друзья навеки в пользу рубля. "Пойдем, подлуга, посмотрим", - заывают вальяжные китайки-продавщицы, прилипчиво и нагло вцепляясь в рукав потенциальной жертвы.

А куда мы, граждане Центральной России, ходим лечиться? Естественно, в поликлинику по месту проживания. Граждане с восточной окраины для того, чтобы поправить здоровье, опять же едут за границу, но на этот раз в Чуньку. Там нет назойливых продавцов и рыночной толкотни. Там тихо, прилично, вежливо и недорого. Полное обследование, иглоукальвание из первых, китайских, рук, массаж, все прелести восточной медицины почти даром - да здравствует выгодный союз рубля и юаня.

Если есть средства на санаторий подороже, можно поехать в Далянь. Там воздух чист и тихий звон слышится под хрустальным небом - да-лянь!

Каждый, кто посетит столицу Приморья в теплый яркий день, скажет - курорт! Море, солнце, ветер, парус...

И будет прав - на три месяца в году.

Зимой здесь неуютно. Холодно - не то слово. Градусник за окном показывает минус двадцать. С усилием открываешь дверь подъезда, борясь с буйным шквалом внешнего мира, и вываливаешься в белый свет. Там вой и свист и минус сорок пять с учетом скорости ветра. Если ваш вес меньше шестидесяти килограммов, лучше прицепить на спину тяжелый рюкзак - чтобы не унесло.

На открытой стоянке «дрогнут» друзья человека - японские автомобили. Других здесь просто нет. "Сенсация! - передали однажды в очередной сводке местной программы "Автопатруль", - Во Владивостоке! Столкнулись два ОТЕЧЕСТВЕННЫХ автомобиля!!!"

Местные жители презируют отечественный автопром и никогда его не полюбят, потому что отечественный автопром опасен для жизни в здешних нелегких условиях. Он плохо ездит по обледенелым горам и быстро разваливается.

"Японцы", как правило, заводятся в любой мороз, если хозяин побеспокоился об аккумуляторе и свечах заранее. Но подлый российский бензин, главный козырь в защиту отечественного автопрома, может сбить с ног даже надежного японского коня.

О, горе, мое транспортное средство глухо молчит в ответ на страстный призыв зажигания! На три корпуса далее мучается еще одна бедолага возле серой Хонды. Ей помогает мини-вэн, пытаюсь "прикурить" замерзший аккумулятор - а вдруг получится? Не получается.

- Давай мой аккумулятор поставим, - предлагает мини-вэн хозяйке Хонды.

- Давай, может, ему понравится.

- У вас что, мальчик? - вмешиваюсь я.

- Мальчик, - отзывается владелица авто и добавляет певуче-ласково, - Тимо-оша!

Я приглядываюсь к приземистой Хонде с добродушной простецкой физиономией - точно, мальчик!

- А у меня девочка, - как бы между прочим роняю я, - хоть и большая.

Выдавший виды белый Прадик упорно молчит на мое замечание.

То, что это девочка, я поняла с первых дней знакомства. Сменив хозяина, машина вела себя как обиженная женщина - целый месяц отказывалась заводиться и тоскливо истерично выла. Замолчала только после того, как к ней нашли особый подход.

"Тимошу" завели, наконец, и он обрадованно помчался за новым аккумулятором. Наша девочка поломалась еще пару дней, выпросила новый "пяттак" для стартера и тоже завелась.

В конце лета во Владике жарко. Все едут на Шамору, или на Тавайзу, или на Чайку, или в Славянку, или в Ливадию, - короче, на море. Здесь не Крым, но есть своя Ливадия. Наверное, крымчаки, приехавшие когда-то по зову сердца и за длинным рублем на Дальний Восток, увидели накат прозрачной волны на пляж в кайме зеленых гор и вздохнули блаженно - Лива-адия!

И все же это не Крым. И не Москва.

Когда в Москве лето, здесь, на побережье Японского моря, глубокая осень. Постоянно морозящая пасмурная плюс девять градусов тепла погода - стандартный Владивостокский июнь-июль. Таким образом, у местных детишек половина летних каникул приходится на осеннюю неприглядность. Попросили Москву однажды сдвинуть здешние каникулы, подарить школьникам теплый сентябрь вместо холодного июня. Напрасно. Если в Москве лето в июне, значит, везде то же самое. Ведь страна кончается за пределами Садового кольца.

А еще здесь водятся тигры или амбы, как их еще часто величают. Зимой они заходят в деревни и тогда местным собакам полная "амба", - съедят. Хищники помельче, дикие приморские коты, промышляют курами. Тигры чувствуют себя хорошо. Их защищает Красная Книга. Поэтому любой амба может по-хозяйски выйти на трассу и остановить движение под восторженные возгласы задрaihивших люки водителей: "Смотри, кошка! Типа - полосатая!"

Суровый край. Но за женьшенем не обязательно ходить в аптеку. Можно сразу в тайгу.

К женьшеню в тайге в изобилии прилагается энцефалитный клещ. Опасное насекомое водится также и в городе.

- Помню, мальчик у нас был во дворе, - задумчиво рассказывает коллега по работе. - Клещ его укусил. На голове вот такая шишка раздулась, и через два, кажется, месяца помер мальчишечка в жутких судорогах.

Коллега непроизвольно дотрагивается до прически и заключает категорически:

- Я в тайгу ни ногой!

Я тоже мысленно торжественно клянусь обходить стороной лесные насаждения. Но весной, при первом тепле, раньше, чем даже взойдет трава, лесные храмы покрываются ослепительными подснежниками и ярким золотом первоцветов. Вся земля, сколько видит глаз, белая и золотая. От сказочной красоты небесные колокола звенят в душе. И поневоле забираешься в чащу, где можно проехать по избитой дороге, и выходишь под зеленые своды, и спускаешься к чистым таежным

речкам, в первобытную тишину, в первоздание мира, забыв о насекомой смерти, оседлавшей кусты и травы.

В Приморье все так - экстремально, красиво и опасно.

Море летом прогревается в заливах до температуры Черноморского побережья. Ласковые воды и песчаные пляжи манят: "Приди, окунься, освежись!"

Но не только людей привлекает теплая водица. Сюда же приходит размножаться крошечная медузка - "крестовик". Размером медузка с рублевую монетку, но вредности в ней на миллион. Если ошпарит, спасайся в больницу, под капельницу.

В августе по местному телевидению передают предупреждения: "Внимание! Опасность! Жертвы на всех пляжах. Больше всего на Тавайзе - там сорок три укушенных".

- Моего мужа однажды укусил крестовик, - рассказывает все та же коллега.

- И что? - спрашиваю я, затаив дыхание.

- Температура подскочила под сорок и несколько раз сознание терял, пока до больницы доехали.

- Больше не купается?

- Еще как купается!

В августе все во Владивостоке еще как купаются. Вопреки предупреждениям, вопреки сорока трем укушенным на Тавайзе.

Дети вопят от боли. Взрослые теряют сознание. Но все упорно лезут в воду, потому как местные жары, аналогичные сочинским в разгар курортного сезона, иначе вынести невозможно.

Удивительные, прекрасные, грозные места.

Летом клещ и крестовик. Тропические ливни, в которых можно утонуть вместе с машиной в самом центре города.

Зимой лед. Снежные грозы в декабре-январе. С ослепительными вспышками молний, многократно усиленными ливневым снегом. Ледяные дожди.

"Владивосток закован в ледяной панцирь, - предупреждает все то же заботливое местное телевидение в начале зимы. - Аэропорт закрыт из-за обледенения полосы".

Ледяной панцирь останется в городе до весны, пока солнце не удалит его естественным образом. А пока надо учиться ходить по льду по пересеченной местности и не падать. Машины, увы, не скалолазы. Даже всесильные "тойоты" несет по ледяным спускам. "Сегодня в одной улице столкнулось четырнадцать автомобилей, а в другой - шестнадцать", - меланхолично сообщает Автопатруль в конце дня.

Меня это удивляет. Беспokoит. Тревожит. Потому что я - все еще иностранка в здешних местах.

Удивляет, как местные девочки, нежные, красивые и упертые, водят свои крошечные автомобильчики всю зиму по горам, по голому льду и снегу, пользуясь единственным преимуществом - 4 WD.

- Два раза на дороге крутило, пока доехала, - рассказывает будничным голосом обладательница розового праворульного "мини".

- А на горки как въезжаешь? - допытываюсь я. - Неужели въезжаешь?

- Въезжаю, - говорит она невозмутимо. - Только машину куда-то все время несет. То в одну сторону, то в другую.

Я все еще иностранка в здешних местах. Меня все еще пугает, когда машина разъезжается колесами "то в одну, то в другую сторону" как корова на льду, а то и вовсе теряет управление. Я все еще ужасно мерзну при минус сорока пяти. В блаженном, оставшемся в прошлом Подмосковье зимой тепло и безветренно!

Я все еще не понимаю, как местные жительницы умудряются элегантно выглядеть в такую стужу и ставить ногу, обутую в шпильку, на ледяной панцирь городских высот и не падать при этом.

Может быть, когда-нибудь, не сейчас, и ко мне придет дар эквилибристики. И меня не будут напрягать сообщения о сорока трех укушенных на Тавайзе. И я не буду внутренне дрожать, спускаясь к таежной речке, в ожидании полосатой морды "типа большой кошки" из дремучих кустов по берегам.

И тогда я удостоюсь звания "приморочки", и медленная, созерцательная подмосковная натура преобразится в крепкий дальневосточный характер и полетит, подобно местному махаону, пластаясь иссиня-черными крыльями над штормовой волной. Ведь даже бабочки здесь почти что буревестники.

Никогда не забуду

«Союз нерушимый республик свободных...»

Что за... Отрываю голову от подушки, смотрю на часы – полночь!

«Да здравствует созданный волей народов...», - гремит победным водопадом в сонной тишине.

Гимн идёт из квартиры над нами. Ах, да... опять транспортный прокурор снимает напряжение и теперь, когда жизнь уже радостна и легка, слушает любимое произведение. Должно быть, он встаёт из уважения и упорно держится, покачиваясь, под «могучий Советский Союз». Всё, упал, оборвался на торжественной ноте. Можно спать дальше.

Молчит наш дом на склоне сопки, молчат дома под нами, молчат и те, что выше, все три террасы от плоского дорожного кольца в долине и до небес. Светятся многие окна, несмотря на поздний час. Владивосток ступенчатый, Владивосток каменный, твои дети-совы долго бодрствуют в убежищах квартир, приходят в себя после утомительного дня. Владивосток у моря, каким будет твоё завтра? Твоё утро? Увидим ли солнце? Ждём, надеемся.

Будильник ненавязчиво зовёт к жизни, к подозрительно тусклому свету из-за штор. Отодвигаю краешек. Щас... солнца летом захотели. Так и есть, повтор вчерашнего. Туман – божье молоко, ничего не видно. Под нами детский сад, ниже детского сада дом-стена и дорога. Не вижу, но верю – они там.

Порывисто дышит ветер. Прислушиваюсь, определяю – пять метров в секунду. Это просто «ветер». Без эпитетов. А бывает ещё «тихий ветерок», «лёгкий ветер», «свежий ветер», «крепкий ветер», «умеренный», «умеренный до сильного», «сильный», «очень сильный», «ураганный» - в зависимости от тех самых метров в секунду. «Штиль» наблюдается всего пять-шесть дней в году. «Очень сильный» подарил мне однажды сотрясение мозга, сбил с ног на льду. Местный ветер любит раздавать такие «подарки». Каждый третий горожанин, наверное, хоть раз бился головой и видел «небо с овчинку». Я раньше думала, что это просто смешное, неосновательное выражение. Какая-то такая «овчинка»? Но грянулась затылком, и бледное снеговое небо стало вдруг маленьким, размером с овечью шкурку. Народная мудрость, как всегда, права.

Выхожу на улицу. У подъезда лежит мёртвый тушканчик. Крупный, с длинными сильными задними ногами. Как он сюда попал? Чайка на столбе крикливо объясняет историю преступления. Простите, не понимаю. Чайка обиженно уходит в небо, точнее, в морось. Вчера морось, позавчера, сегодня, и завтра, может быть, тоже. Это облака. Они ложатся на город и плачут. Люди живут в небесных слезах, выгуливают собак, играют в бадминтон, ходят на работу. Дети катаются на велосипедах, ибо каникулы, июнь в разгаре. Иногда мне кажется, что местное население рождается с жабрами. Оно свободно дышит водой.

На стадионе, что террасой выше, морось обильнее, ветер сильнее. Полуголая девушка в бриджах и майке-борцовке бежит, как робот спортивных достижений, с монотонным размахом рук и ног. Как ей не холодно? Я в куртке и длинных штанах, пытаюсь повиснуть на турнике. Мужчина в шортах и футболке (хотя бы плечи прикрыты) кричит «Здравствуйте!», пролетая мимо. Уже хватил свою дозу эндорфинов. Я его не знаю. Первый раз вижу. Девушка идёт на десятый круг. Бежать так - всё равно, что плавать в холодных водах Японского моря. Как пить-дать, заболит. «Воспаление лёгких, воспаление суставов, воспаление миндалин...» Пол Владивостока лечится у лор-врача. Вторая половина стоит в очереди. Моя куртка промокла, пора уходить.

Тушканчик у подъезда исчез. Под навесом кормятся бродячие коты, торопливо глотают тёплую лапшу с кусочками красной рыбы. Удивительно, что не с икрой. Иногда я вижу комки спрессованных рыбьих яиц на тротуаре. Чайка вернулась, косит глазом-топазом на рыбу, урвать бы кусочек. Не-ет, коты всё подберут и начнут играть в тигров. Улетай, птичка!

Мне сегодня надо в город. Всем надо в город. Июнь – все в городе. Море холодное. Пляжи мокрые. Немногие хитрецы отбыли в отпуск «на запад», потому что в этой загадочной части света в июне тепло и солнечно, не то, что здесь. «Запад» - обширное понятие. Включает всё, что за Уральским хребтом вплоть до Ла Манша. Наша бухгалтер Ольга укатила к сестре «на запад», то есть в Нижний Новгород. Моя подруга Ирочка улетела в санаторий «на запад», то есть в Санкт-Петербург. Компьютерный мастер Николай решил побаловать семью отдыхом «на западе», в Испании.

А здесь, на воистину Дальнем Востоке, город у моря стоит в июньской, тяжёлой, тотальной пробке, потому что все решили поехать по делам или просто так, не сидеть же дома с утра до вечера.

Во Владивостоке в среднем приходится по два автомобиля на семью. То есть, у кого-то один, у кого-то три.

Мой инструктор по вождению рассказывает о семье знакомого коммерсанта: «Сам на джипе, жена на джипе, ребенок на велосипеде – как на джипе». Джипы – особая песня. Август. Впервые прибываем в столицу Приморья. Нас встречают. Погружаемся в джип. Мчимся по трассе (аэропорт в 50 километрах от города). Жадно смотрю по сторонам – где же море? Но вижу только резво бегущие автомобили, половина из них – джипы. Спрашиваем: «Почему здесь так много джипов?» - «Поживёте – поймёте».

Кажется, это было сто лет назад: удивление драйвом (все несутся-несутся-несутся), зелёными глыбами сопок до горизонта, влажным воздухом, свистом ветра. Мы давно поняли, почему местные предпочитают большие машины. Всё просто – на внедорожниках намного легче передвигаться в местном климате и рельефе.

Выруливаю со стоянки, еду в центр. Солнце показало жгучий лик, ударило снопами лучей, и город стал глянцевой картинкой из путеводителя по курортам. Жарко и влажно, как в парилке. Погоде здесь надо всего десять минут, чтобы резко перемениться. Выходишь в куртке, возвращаешься в майке, и наоборот. Стягиваю свитер. Что бы ещё такое удалить?

Из местного фольклора:

- Девушка, девушка, как же вы умудрились на джипе перевернуться?

- Я колготки передевала.

На мосту Дружбы (строили японцы) пробка. В соседнем ряду девушка красится. Закончила с ресницами. Кладёт помаду. Тронулись. Лениво ловит руль, болтает по телефону.

Подъезжаю к Первой речке. Большой плакат прямо в глаза: «На газоны не вставать!» А куда вставать? Всегда здесь можно было, а теперь нельзя. Покидаю лужайку, ползу вдоль улицы. Дорожное полотно по обе стороны оковано блестящим металлом кузовов, хоть бы где прогал в неумолимой цепи, хоть бы одно звено выпало! Парковки в любом большом городе проблема, но Владивосток – даже не миллионник, а приткнуться негде. Нет места, нет! Дома оседлали сопки. Дороги проложены в узких долинах-падях, прихотливо огибают возвышенности. Ездить можно, парковаться нельзя. О! Паджерик колёса выворачивает. Есть! Сейчас встану, сейчас займу! Не тяни резину, парень, отчаливай, выбрось свой телефон в окно! И что вы гудите в спину? Не видите? Мне Бог место послал!

Посещаю местный департамент, чтобы оформить кое-какие бумаги. В отделе только женщины. Работают слаженно, решают проблему быстро.

- Спасибо! – искренне благодарю прежде, чем уйти.

- Всегда рады помочь, - отвечает старшая. У неё чёрная челка и выступающие скулы. Заметна примесь таёжной крови. Тёмные глаза, будто лесное озеро без дна.

- Вы только в полнолуние не приходите, - доверительно шепчут неяркие губы.

- Почему?

Интрига, тайна, – часть жизни в городе у моря. Кто-то ведь бросил мёртвого тушканчика у подъезда? Зачем? Кто-то роняет красную икру на асфальт. И креветок тоже. Чайки вчера тучей носились над крышей соседней школы. Отчего? А небо за нашим домом недавно изобразило точную копию Амурского залива. Откуда здесь миражи?

- В полнолуние мы немного не в себе, - продолжает шептать старшая, тёмные глаза смотрят серьёзно, чуть печально.

- Хорошо, буду сверяться с календарём, - обещает на прощание.

Следующий пункт – телефонная компания. Прежний оккупант служебной квартиры, кореец, оставил два стационарных телефона. Это тоже загадка. Зачем столько? Нам достаточно одного. Прошу аннулировать договор с оператором из Находки.

Офисная девушка звонит в Находку, в головную компанию.

Прикрывает трубку ладонью:

- Они говорят, кореец сам должен прийти и расторгнуть договор.

- Он не придёт. Он в Америке. Здесь больше не появится.

Девушка объясняет ситуацию головной компании. Долго слушает. Находка настаивает на личном заявлении от прежнего владельца.

- Вы с ума сошли? – искренне изумляется наша сторона. – Владелец в А-ме-ри-ке!

Находка упорно предпочитает безумие.

Девушка бросает трубку. Сходимся на прекращении оплаты и отключении аппарата. И пусть тогда Находка предъявляет иск дальнему гражданину Соединённых Штатов.

Теперь шоппинг. Полчасика в пробке на проспекте Столетия города - сушая ерунда. Справа, на скалистом обрыве сопки - грязно-розовые облака, цветёт сакура. Интересно, почему в Японии она такая чистенькая, а здесь такая мутная? От выхлопов, наверное.

Продуктовая база называется «Мусоросжигательный завод». Раньше тут ядовитые трубы дымили, а теперь еду продают. Китайский дешёвый кролик. Мёрзлые ножки звенят, будто стеклянные. Филе спаяно в твёрдые бруски. Недавно новость прошла по интернету. Предприимчивые китайцы гонят сюда лису вместо кролика. мех на

пуховики, мясо во Владивосток, на рынок. Таможня их поймала. Вчера поймала, а сегодня? Складываю кролика-лису в багажник.

Оп-паньки, машина упрямится. Зажигание булькает. Так всегда, когда жарко. Набираю номер «своего» механика. У него очередь на неделю вперёд. Автосервисы во Владике в каждой подворотне, но механики от Бога – нарасхват.

Машина после звонка быстренько заводится. «Что, испугалась? То-то. Всё равно поеду в сервис. Ты, блондинка, меня достала». Авто мурлыкает двигателем, шелестит шинами, изящно входит в повороты. «Не-ет, дорогая, в сервис».

Стопоруся на выезде с базы. Здесь надо пересекать интенсивное двухстороннее движение. В спину гудят. Иду на таран. Подставляю бок несущимся со светофора. Успеваю увернуться. Машина творит чудеса.

Автомобили в городе у моря – больше, чем кусок металла. Они живые. Спасают от ливней, ветра, мороза, покрывают немалые концы. Они помощники. Доставят ваши мешки, котомки, ящики с припасами прямо к подъезду. А без них, четырёхколёсных, попробуйте донести сумки с продуктами с рынка на дне пади на свою сопку, ступенек триста вверх, к облакам. Машины – благодетельницы. Отвезут всю семью на море, обеспечат купальный сезон. Они же будут штурмовать пересечённую местность, когда хозяева соберутся «в край». «В край» – это не «на запад», это в реальный Приморский край, с крутыми перевалами, хлипкими мостами, бурливыми бродами, глухими дорогами. Ближайший крупный город, Хабаровск, – в семистах километрах. Прежде, чем отправиться в путь, разумный автовладелец придёт в сервис и скажет: «Еду в край». Мастер кивнёт головой. Это значит, машине устроят доскональную проверку на прочность. В крае медведь тебе механик, рысь, да тигр. Ну, ещё кабарга, маленький такой олень. И леопард из Красной Книги.

Наши знакомые отправились как-то в Терней. Звали с собой. Чудное место, заповедник в сердце Сихотэ-Алиня. Всего шестьсот пятьдесят километров вдаль. Грибы, ягоды, бонусный медведь в малиннике, река с ледяной, блистающей на солнце водой, рыбалка. Мы благоразумно отказались. Машине девять лет, не до приключений. Они поехали. Они же местные, это другая порода людей. В общем, совсем близко, километрах в ста всего от Тернея, их Скарлет оставила шины на бетоне. В прямом смысле. Резина, кусок за куском, прилипла к дорожному покрытию и отваливалась, пока не закончилась совсем. По счастью, километрах в двадцати от места трагедии они смогли купить другие покрышки. Они же местные. Мы бы не смогли. Мы бы просто не нашли в Сихоте-Алине спасительный уголок с резиной.

А знакомые наши с тех пор в Терней только на вертолёте. Правда, вертолёт не так надёжно. Они иногда падают. Молиться надо много.

В городе, конечно, спокойнее, но тянет местных вдаль, за перевалы, на дикие берега, в нехоженые места. Хотя и в городе адреналина хватает.

Подъезжаю к Рудневскому мосту, дощечке, положенной на вертикально стоящие спички. Так кажется, потому что мост узкий, двухполосный - и головокружительный. Высота опор – тридцать метров, это двенадцатиэтажный дом, примерно. Внизу – проезжая часть с коробочками автомобилей. А раньше там Первая речка текла. Речку куда-то завернули, русло высохло. Сверху бросили мост, связали две отдалённые части города. Веселись, Владивосток. Правда, долго-долго, двадцать лет, не решались запустить здесь движение. А в девяносто третьем перекрестились и открыли. А в две тысячи одиннадцатом опять задумались. Запретили проезд тяжеловозам, поставили ограничительную рамку, но упёртые фуры по-прежнему рвутся, куда уже нельзя, и рамку сбивают.

Подъезжаю. Думаю: авось, пронесёт. И каждый, должно быть, думает: «Авось...» Я бы лично здесь плакат повесила с обеих сторон: «Путник, жизнь твоя дрожит на Рудневском мосту, как слеза на реснице». Опоры-спички – полые внутри, бетон в них то ли забыли залить, то ли украли, когда строили в далёком семьдесят втором году. К тому же, стоят эти «спички» на подвижном грунте бывшего речного потока. От этого мост колеблется, плиты расходятся. Дырки латают. Трещины на опорах контролируют. И конструкция действует, живёт, доказывает: Советский Союз непобедим, ибо даже брак советский, на поверку, весьма надёжный, качественный брак.

Мост позади, пронесло! Ещё километров десять - и красивая арка в конце пути, и охранник на входе спрашивает, зачем пожаловала. Блею про зажигание. Поднимает шлагбаум.

Автосервис «Бег» - хитромудрое заведение. Здесь умеют извлечь приличную стоимость даже из незначительной работы. Но я платить не собираюсь, а за консультацию денег не возьмут, мы давно знакомы.

Мастер, маленький, белёсый, крутит зажигание, слушает нежный булькающий звук, чешет в затылке, зовёт подмогу. Чешут уже вдвоём. Объявляют:

- У вас инжекторная рейка шалит.

Аллилуйя, теперь я знаю, что такое инжекторная рейка. Вот она, узенькая, длинная.

- И что? Эту штуку я менять не буду.

«Беговцы» знают, что не буду, и дают дельный сногшибательный совет.

- Вы на неё тряпку мокрую кладите, чтобы остыла. Тогда заработает. У нас уже были такие случаи.

Машина отдохнула в прохладе бокса, заводится без мокрых тряпок, торопится унести колёса от чудо-специалистов.

К слову сказать, тряпкой я так никогда и не пользовалась. «Мой» механик полностью снял обвинения с инжекторной рейки и привёл в порядок зажигание.

Солнце скрылось. Холодный ветер порывами с Охотского моря. Здравствуй, морось, давно тебя не было. Натягиваю свитер. Что бы ещё надеть? Хорошо, что я почти дома. Почти – не значит, что буду там через три минуты. Пять часов вечера. Все, кто был в городе, возвращаются в спальные районы. Стою в пробке, радуюсь – это последний затор на сегодня. Заветный поворот, разбег-взлёт на родную террасу и – опять затор! Два японских коня впереди без признаков жизни. Собирается очередь. «Террано» бодается с «Кашкаем». Стоят и смотрят друг на друга, как коты перед боем, вот-вот ударят по усам. «Террано» в своём праве, он, точнее, она (за рулём женщина) следовала указателю. А мордатый водитель «Кашкай» нарушает. Да и не может иначе. С другой стороны дома дырки латают, проезда нет. Теперь кто-то должен уступить. Сворачивать некуда. Справа здание, слева обрыв. «Кашкай» набычился. Женщина в «Террано» охватила руками голову, будто хрупкий сосуд, в котором звенит, переливается боль, поперёк лица отчаяние. У неё, наверное, был трудный день, сто километров в пять концов, десять пробок, а теперь ещё это. И в спину гудит нетерпеливая очередь. «Кашкай» сдаётся. Пятится.

Вечером долго не могу заснуть. Газоны, парковки, дороги, пробки. В спину гудят. Лезет в глаза инжекторная рейка. Под Рудневским

мостом далеко внизу ниточка шоссе. Если падать, костей не соберёшь. А завтра всё сначала и всё то же. Долго не спят граждане города у моря, приходят в себя. Далек за полночь желтеют сквозь туман окна.

Наверное, есть места, где можно вставать с солнцем. Ступать босиком в тёплую пыль, гулять в поле и в лесу, дышать цветами и травами, а не бензапиреном, слушать тишину, жить среди деревьев, а не среди машин. Никуда не спешить. Ни от кого не уворачиваться. Никому не мешать. Просто жить. Владивосток, ты меня достал!

Но это пройдёт. Завтра закончится морось, или послезавтра, или через две недели, короче, когда-нибудь! Июль будет тёплым, и, если не июль, то август, точно, согреет наши скалы. И море отдаст все свои туманы. Встанут в чистом небе высокие купола облаков. Мы поедем на Шамору. Простор ослепит солнцем. Если не будет солнца, природа сотворит другое чудо. В пасмурный день вода отразит серое небо, покроется перламутром, горизонт растает. Ляжем в мерцающей вечности, заснём в мягком движении волн, как в колыбели. Бог не пожалел соли для Японского моря. Местные, действительно, спят (или грезят) на воде. Не на матрасах надувных, а на покачивающемся, «жидком», так сказать, ложе.

А если начнёт штормить, будем скакать, как пробки, и визжать от восторга, буравя кипящий пеной вал.

Потом придёт осень. Бухты всё ещё будут дышать теплом. Вспыхнет тайга вокруг таким ярким багрецом, таким сплящим золотом, какого не встретишь ни на юге, ни в средней полосе России. Солнце все своё сердце отдаст листьям, и деревья запылают неистово перед суровой зимой.

Люди уйдут с пляжей. Море очистится. В лучистой прозрачной воде загорятся морские звёзды. Побегут по кромке прибоя кулички. Сядут на скалах бакланы.

Покинув море, помчимся в город по серпантину, высоко, среди облаков. Первый перевал очень крут, пытит тяжеловоз, еле тянет, собрал позади себя легковушки, будто стайку чаек. Приуныли «японки», ползут. Водители тоскливо клянут препону. Тяжеловоз выдохся, съехал на обочину. Вырвались, полетели машины-чайки, перемахнули перевал, и будто сорвались в простор, в синеву, в драгоценный блеск бухт. «Где ты ещё такое видела?» - спросит сердце. «И больше не увидишь, - добавит печально. – Поэтому смотри, смотри во все глаза, запоминай. Лети, пари, ликуй, пока есть время. Пока это всё – твоё, ибо отнимется».

«Эти места, как любовь, - сказал один простой мудрый человек. - Увидишь раз – не забудешь никогда».

Это правда. Не бывает любви без страдания, не бывает любви без блаженства. Город-кошмар, город-адреналин, город-тоска, город-солнце, город-простор, светлые задворки земли. Владивосток,

каменный цветок на изумруде сопок, в синей оправе моря, моя вторая родина. Каким ты проснёшься завтра? Будет ли солнце? Жду, надеюсь. Никогда не забуду.

Окончание очерка читайте в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/12118>

Галина Мамыко

Россия

Мафия

Саша вышел из-за стола, положил в раковину грязную тарелку, вытер тряпкой клеёнку на столе. Он уже выше её ростом. Аня улыбается.

– Конечно, заметно. Не в духе который день.

– Ладно, мам. Я гулять пошёл.

«Потом всё равно расскажет». Она его знает.

– Мам. Я вечером на дискотеку, – сказал в двери. – Дашь денег?

– Так нет же денег.

– Совсем?

– Скоро зарплата. Тогда.

– И на стрижку нет?

– Я тебя сама подстригу.

Она пошла к окну смотреть на Сашу. Она всегда смотрела ему вслед. Какой уже он большой мальчик. Усы пробиваются.

Она набрала междугородный номер. Трубку подняла мать.

– Ирина Анатольевна, здравствуйте. Это Аня. Я бы хотела Сергея услышать.

– Семейку хочешь восстановить?

– А что?

– Раньше надо было думать.

– Нет, я семью не хочу восстановить.

– Как это «не хочешь», а о Саше ты подумала? Ты только о себе думаешь.

– Это вы своему Сергею, извините, сказали бы много лет назад.

– Ты на то и жена, чтобы мужа удержать. А ты не удержала. Значит, сама виновата, что тебя муж и бросил.

– А я, может, не хотела его удерживать.

– Вот-вот. То-то. Как Саша?

– Нормально.

– Серёжа по нему скучает.

– Так он дома или...

– Зачем он тебе, Аня?

– Дело есть.

– Ясно, что дело есть. Ты зачем на алименты подавала?

– Ирина Анатольевна, вы всё о старом. Сказано-пересказано.

– Неужели, думаешь, Серёжа не стал бы тебе высылать деньги?

Что о нём подумали, представь, на его работе. Нас в городе знают. И вдруг алименты. Какое у тебя к нему дело?

– Позовите, пожалуйста, его к телефону.

– А с чего ты решила, что он у нас живёт?

– А что, уже не у вас?

– Они с Ирккой квартиру снимают. Тебе дать их телефон?

– Да.

Она записала под диктовку бывшей свекрови мужнин номер на странице перекидного календаря, который находился тут же, под рукой, возле телефона, на низеньком литовском, под светлое дерево, холодильнике «Снайге». Этот холодильник Ане однажды привезли на своём «Жигуле» из города родители, в подарок на день рождения, вместо сломанного предшественника.

– Ир, это Аня.

– Привет, Аня. Как дела?

– Потихоньку. Сергея можешь позвать?

– Он во дворе ковры выбивает.

– Я позже перезвоню, хорошо?

– А вот он, пришёл. Серёж, иди сюда. Аня звонит. Сначала руки вымой.

– Сергей, я насчёт вот чего.

– Подожди. Как Саша?

– Нормально. Я насчёт денег.

– Тебе что, алиментов не хватает? Зачем ты вообще на алименты подавала?

– Я в первый и последний раз к тебе обращаюсь насчёт денег. Это для Саши. Больше никогда ничего не попрошу, даю слово.

– Зачем ему деньги?

– Понимаешь, у его друзей – мотоциклы. А у него нет.

– Сколько надо? Но учти, это в последний раз, поняла, да? Балуешь ты его. Зря. Пацану не мотоцикл нужен, а отец. Я тебе говорил – отдай мне сына? Говорил. А теперь – мотоцикл. Блажь.

– А сыну, который у тебя от Ирки, сколько лет сейчас?

– А что?

– Ну, сколько?

– Одиннадцать.

– Вот.

– Что «вот»?

– А то. Ты с Иркой сошёлся сразу, как уехал от нас. Год мне письма писал, слезу пускал. А сам уже с Иркой жил. Вот и весь разговор. Так что не надо благородного изображать, не надо.

– Пока.

– Ага, пока.

«Обиделся». Она усмехнулась.

Вечером случился цирк. Она подстригла Сашу. И он ушёл на дискотеку. Через полчаса вернулся, злой.

– Мам, ты что натворила? Пацаны засмеяли. Говорят, затылок лесенкой. Что мне теперь делать?

– Дай, гляну на тебя. Мне казалось, хорошо.

Она посмотрела на его затылок.

Виновато замолчала.

– Хорошо, девчонки не успели разглядеть. Что мне делать? Как теперь туда идти? Я на танцы хочу.

– Подожди, к дяде Ване схожу. Может, он что придумает.

Сосед пришёл со своими ножницами. Но Саша, дожёвывая кусок хлеба, натянул на голову капюшон спортивной куртки, рукой махнул и убежал.

– Тогда в другой раз, – сказал сосед.

– Вряд ли, – сказала Аня.

– Понимаю, – он взглянул на неё и ушёл.

Она смотрела ему вслед. Он оглянулся, она тут же захлопнула дверь, прислонилась к дверному косяку, закрыла глаза, постояла с минуту, прислушиваясь. Слышала, как Ваня, помедлив, закрыл, наконец, свою дверь.

Саша вернулся с дискотеки поздно.

Она ждала, читала.

– Мам, меня Чубатик и его шобла шпыняют.

– Так они же тебя на три класса старше, какое им до тебя дело.

– А им до всех дело, кто без крыши.

– И поэтому ты хмурый последние дни.

– Они цепляются по поводу и без повода, обзывают, говорят, косой заяц.

– Вот гады.

Аня разозлилась.

– Так сам же Чубатик и виноват в твоём косоглазии.

– Он же тогда не специально, хоккей есть хоккей, всякое бывает.

– Бугай, второгодник, он по любому виноват. Вон, на сколько старше. Зачем к малым полез со своей клюшкой.

– Не клюшка, а штакетина.

– Гад он.

– Мам, столько лет, какой смысл сейчас об этом. О том все забыли. А я стал косым зайцем. Вот что.

– Подождём ещё года полтора-два, съездим в город и сделаем операцию. Это поправимо, врачи говорят, медицина многое уже может. Только надо ещё чуть подрасти.

– Ты уже который год обещаешь. Это когда ещё будет. А мне как жить? Но вот Лимон сказал, ты могла бы помочь.

– Как?

– Лимон говорит, у журналистов связи. А значит, ты и Пачулу знаешь.

– Лично с ним я не знакома. И при чём тут Пачула.

– Как при чём. Мафия, мам, сегодня – это всё. А Пачулу уважают. Он район держит.

– Сейчас везде мафия. Какие-то времена дебилные настали.

– Его на рынке можно найти. Он там каждый день.

– Ладно. А у меня новость для тебя. Я твоему отцу звонила. Попросила денег на мотоцикл. Сказал, вышлет.

– Да ты что! Ура! Мне Буча пообещал, отдаст под «честное слово», а деньги потом, когда найду. Завтра я уже на мотоцикле! Ну, мам, ну, спасибо!

– Так что насчёт стрижки, когда дядю Ваню звать? Он обещал на пять с плюсом тебя подстричь.

– Ой, мам, хватит. Знаю я все эти штуки. Сегодня он подстрижёт, завтра подстрижёт, послезавтра подстрижёт, а потом и женится на тебе. Да я уже с тётей Машей, поварихой школьной, договорился.

На рынок она зашла днём, а оттуда решила пойти на остановку и уехать пораньше домой. Сидеть в редакции до вечера не было смысла. Редактор умотал, по слухам, к любовнице, а значит, до завтра не будет. Остальные, обрадовавшись, разбежались, и редакция опустела. По дороге на рынок купила хлеба в ларьке, на остальное, как обычно перед получкой, нет денег.

– Вон он, между рядами ходит, – указали ей на Пачулу два рослых накачанных мужика-менялы, в щегольских спортивных костюмах «Adidas» и ослепительно шикарных кроссовках того же бренда.

Вот бы Саше такие, подумала, вспомнив неказистую обувку сына. И тут же отогнала от себя завистливую мысль о красивых кроссовках. Ну их, мафиозные штучки-дрючки, от греха подальше. Менялы курили возле входа на рынок, у обоих в руках толстые пачки американских долларов, на животах роскошные, из дорогущей кожи, набитые деньгами барсетки.

Она подошла к коренастому, обриту под новобранца, мужчине в кожаной куртке. Он сильно припадал на правую ногу. Пол-лица Пачулы пересекал шрам. Смотрит долго, спокойно, будто просчитывает ходы вперёд. Она сказала ему, что из редакции, но к нему по личному делу. Она не стала искать подходов к мафии через третьих лиц. Напрямую – быстрее. Должность журналиста, в конце концов, это лучше всякой рекомендации, решила она. «А если поможет, то потом о нём положительную статью напишу, с фотографией. Тем более, рынок и правда неплохо работает, а в газете о нём что-то не помню, когда и писали», – подумала, испытывая к Пачуле признательность за будущую помощь её сыну.

– По какому личному? – Пачула внимательно взглянул на неё.

– У сына, семиклассника, проблемы с парнями старше его, парни из крутых семей.

– Ты где живёшь? Здесь, в посёлке?

– Нет. Я из Клёновки.

– Поехали, подвезу, мне по пути. По дороге расскажешь.

В джипе она села впереди, рядом с Пачулой.

– У него что, отца нет?

– Нет.

– Ты в разводе что ли?

– Да.

Она рассказала ему про травму семь лет назад, как металась поздним вечером по селу в поисках машины, как везла Сашу в город, ну, а в итоге он потерял зрение на один глаз. Сашу сынки местной аристократии дразнят косым зайцем и вообще цепляются.

– Понятно. Ты мне фамилии парней тех скажи.

Про её работу в газете Пачула ничего не спросил. И это ей понравилось. И понравилось, что он держался с ней по-деловому, без намёков на что-то ещё. Мужиков с намёками она терпеть не могла.

Пачула был любитель больших скоростей. Мчались так, что у Ани дух захватывало. Так и казалось, что взлетят сейчас над дорогой. Вдруг что-то затрещало, машина стала вихлять, а Пачула закричал:

– Пригнись! Держись!

Аня чудом лоб не расшибла. Но было уже не до лба. Она только успела увидеть, как мимо, будто вихрь чёрный, пронёсся такой же, как у Пачулы, джип, и она услышала автоматную очередь. И будто град по

машине застучал. А где-то далеко, сзади, за поворотом уже гудела следующая машина. Аня оглянулась. Пока никого не видно.

Она увидела перед собой искажённое, в крови, страшное лицо Пачулы, он закричал ей, матерясь:

– Прыгай, если жить хочешь! Заляг в кустах!

Она смотрела на него, ничего не понимая от страха. Тогда он, жутко матерясь, перегнулся, распахнул перед ней дверь, она, не думая, тут же выпрыгнула на ходу. Всё произошло за считанные секунды, она опомниться не успела. Покатилась с горки и затаилась в зарослях оврага. Слышала шум машин, кажется, две, показалось ей. Началась стрельба. Крики. Потом стало тихо. Она ещё какое-то время лежала не шевелясь. Наконец, приподняла голову, прислушиваясь. Солнце светило ей в глаза сквозь травинки. Птички высоко над головой выводили своё. Пахло приятно лесами и травами. Её сердце стучало бешено и страшно.

Она глянула на мёртвого, залитого кровью, изуродованного Пачулу- и бросилась, задыхаясь, бежать - напрямик через поле, увязая в рыхлой земле, потом, опомнившись, свернула к лесополосе и запетляла между деревцами, будто заяц, заметающий следы.

Когда, наконец, она оказалась рядом с Клёновкой, перевела дыхание. Оглядела себя, стряхнула прилипшие травинки, очистила одежду от сора. Глянулась в зеркальце, смахнула платочком что-то, одной ей видимое, лишнее, со щёк и постаралась придать лицу спокойствие. Пошла знакомой длинной прямой дорогой, устремлённой сквозь село в глубокую даль к синему горизонту, за которым тянулись всё новые и новые колхозные поля. Дорога была усыпана с обеих сторон одноэтажными побелёнными домами и ореховыми деревьями. Она дышала привычными деревенскими запахами, и ещё долго шла под собачьи и петушиные переключки к своей многоквартирной двухэтажке. Лаковые ботинки её были покрыты грязью, а колготки сияли свежими стрелками. Ей сильно хотелось есть. Она отломала румяную хлебную корку и торопливо ела, вдыхая сельский воздух. Она подумала о том, что напрасно не купила в райцентре сразу две буханки, и сделала крюк к колхозному ларьку ради каравай местного хлеба.

Возле ларька она увидела Ваню, с паляницей под мышкой, он шёл ей навстречу и широко улыбался.

– А я вот хлеба себе на ужин прихватил, да сейчас пойду обратно в бригаду, – сказал он, будто продолжая с ней какой-то разговор.

Она кивнула ему, и слёзы побежали по её щекам.

Мимо протарахтел трактор, и молодой тракторист крикнул им что-то весёлое. У ларька бабы громко обсуждали обстановку в стране. «Плохи дела, и что будет, ой, что будет-то!»

– Ты что, а? – он взглянул на неё. – А ну, отойдём в сторонку. Говори, что случилось?

И она ему выложила всё, чем было переполнено в эту минуту её сердце. И как хотела сыну помочь и, по его просьбе, к «мафии» обратилась, а «мафию» эту по дороге, пока ехали, и расстреляли. Значит, разборки у них. И вот она, неведомо как, жива осталась. А Саше теперь помочь некому, и будут его все эти Бучи с Чубатиками по-прежнему дразнить косым зайцем.

– Ну и ну, – Ваня присвистнул. – Офигеть. Ладно, не переживай, всё образуется. Ну, давай, я побежал.

Она купила колхозный хлеб и пошла к своему дому. По пути приветливо здоровалась со встречными и думала сразу обо всём, о жизни, о будущем, которое ей по-прежнему представлялось прекрасным и многообещающим, а когда в памяти перед её глазами вспыхивало вдруг залитое кровью лицо Пачулы, она встряхивала в ужасе головой и снова думала о будущем, в котором всё у них с Сашей будет преотлично. Ей нравилось идти быстрой, энергичной походкой сильного, здорового человека, видеть себя со стороны глазами чужих людей и знать, что она привлекательна и вызывает у других симпатию, знать, что ещё так мало сделано, а впереди её ждёт много ещё более интересных и важных дел.

Саше решила ничего про свои приключения не рассказывать.

– Мам. А ты знаешь, что Пачулу убили? – сказал сын на следующий день после школы.

– Как? – она изобразила на лице удивление.

– А вот так. Передел власти у них. В общем, передел-беспредел. Но самое главное, что Пачула успел до того, как его убили, с кем надо переговорить насчёт меня. Так что помогло.

– Что «помогло»? – она посмотрела на него.

– Ты же сама говорила, что у Пачулы была. Так же?

– Ну... И что дальше?

– А дальше вот что. Чубатик стал заискивать. А главное, подходят на перемене Качеля и Мазай, руку жмут. «Больше к тебе ни один не привяжется. А если что, так скажешь, кому накостылять». Так что не зря ты к Пачуле ходила.

– Ну... Царство ему небесное, – неуверенно сказала Аня.

Вскоре Саша пришёл с ещё одной новостью.

– Мам. Представь. Буча мне мотор вернул.

Эту историю с мотоциклом она уже знала. «Минск» Саше подсунили с изношенным мотором. Пацаны рассказали по секрету – хозяин, Генка Буча, перед тем, как отдать Саше почти новый мотоцикл, мотор снял, а взамен старый приделал.

– Даже Бучу заставили дать задний ход. Вот что значит – иметь крышу, ай да Пачула, жаль, что убили. – Саша с аппетитом зачерпывает горячий суп с картошкой и луком.

Съел четыре ломтя свежего хлеба с постным маслом и солью, на хлеб мать репчатого лука накрошила.

Аня, увидев, что сын успокоился, тоже успокоилась. Только одно ей непонятно, кто же за Сашу заступился, не призрак же покойника Пачулы.

Вечером она долго ждала, когда вернётся Саша. Выглядывала в тёмное окно, прислушивалась. Шептала своими словами перед иконой Христа в углу.

Икону эту купила в городе, в кафедральном соборе, семь лет назад, после травмы Сашинной. В областной больнице из разговора матерей, соседок по палате, что лежали со своими детьми, услышала: «дитя следует окрестить, и чем раньше, тем лучше». «От порчи помогает». «А с Ангелом Хранителем и вообще связь будет, то, что надо». «К тому же, знаете, Христа попросить не мешало бы», – добавила молодая мамочка с заплаканными глазами, у неё девочка сильно болела. Так что в день выписки Аня сразу же направилась с Сашей в кафедральный собор в центре города. Пожилая сердобольная работница храма в синей косынке вызвалась помочь, а на слова Ани, что можно и в другой раз, сказала: лучше не откладывать. Побежала за священником, уговорила за церковной оградой первого встречного прохожего стать крёстным отцом, а сама вызвалась быть крёстной матерью, и Сашу стремительно, как в сказке, бесплатно окрестили, а заодно и Аню, что её удивило. Она думала, взрослым такое не положено. Там же Аня, на всякий пожарный, купила большую, в деревянной раме, икону Христа.

Наконец, послышался рёв мотоцикла. Саша, как и его друзья, ездил без глушителя, выпендривался. Она видела, как он закатил мотоцикл в сарай. Жив. Здоров. От сердца отлегло.

– Мам, а у меня для тебя две хороших новости. Но сначала чуть-чуть не очень хорошая, – Саша улыбается, расшнуровывает грубые, из свиной кожи, ботинки.

Аня застыла с кухонным полотенцем в руке, услышав про не очень хорошую новость, холод будто по коже побежал, и перед глазами вновь залитое кровью лицо Пачулы. У Саши чумазые щёки, глаза сияют. Ботинки пора отдать в починку. С зарплаты, не забыть, успеть, пока деньги не уберут.

На смазанной постным маслом сковороде шипят блины, мука замешана на воде, без яиц, зато с сахаром. В лоджии ещё есть мешок сахара и два – муки, полученные за рекламную полосу об агрофирме

имени Крупской. Из зала слышен работающий телевизор, опять политика.

– Меня гаишник поймал на трассе. Важный, палочкой машет, машину поперёк дороги поставил. А сам по возрасту, ну, чистый пацан. Начал мне мозги дырывать. Превышение скорости, номеров нет... Я говорю: давай лучше тебе бензина налью. У меня в сарае канистра полная. Он согласился. Я ему: тогда за мной следом езжай.

Саша смеётся.

Аня нервничает, убрала на время с плиты сковороду, сейчас не до неё. Села на табурет, в руках мнёт полотенце, на сына смотрит с напряжением.

– Короча, поехал он за мной. Едем-едем, вот уже Заботливое. А потом – раз - и я свернул на тропинку, в лаз позади магазина, где клуб у них, и погнал сквозь парк, пешеходными. А гаишник гудит вслед, по тропинкам на «Москвиче» не проехать. Я на то и рассчитывал. В голове план составил, как удирать буду.

Аня смотрит на Сашу и смеётся вместе с ним. От души отлегло.

– Зря я тебе мотоцикл разрешила, – говорит она.

– Не, мам, не зря. Я же теперь на равных со всеми. Это важно, сама понимаешь.

– Так это и есть хорошая новость, что удрал от гаишника?

– Да. А вторая хорошая новость вот какая. Тебе не придётся к мафии снова идти.

– А зачем к ней идти?

– Как зачем. Чтобы от гаишника отмазать.

– А. Вот оно что. Тогда здорово, что не надо к мафии идти.

– Видишь, как круто. Я сам отмазался. А к мафии и вообще лучше не ходить. Никогда. Ну её.

– А что так вдруг? То говорил, мафия, мафия – это «наше всё», а теперь?

– Голубя, сына школьной уборщицы, помнишь? С Набережной, за рекой? В десятом «бэ» учился?

– Это который в обменник привокзальный устроился работать?

– Ага. Он. Так его в этом обменнике сегодня расстреляли из автомата, днём, на глазах у всех. А потом спокойно сели в машину и уехали. Братки в американских кожанках. Разборки внутри мафии, говорят. Там люди, короче, врассыпную, под лавками лежали со страху. Ну её, эту мафию. Пачулу расстреляли, Голубя расстреляли.

– А ещё Мишку Коробова, Сашку Соболя, – напомнила Аня.

– Я, мам, недавно думал, тоже в мафию пойду, когда школу закончу. Но теперь что-то расхотелось.

– Правильно.

– А ещё, вспомнил, слышь, Лёнке Мосину отец раздобыл визитку с личной подписью начальника ГАИ. Мосю тормознули, а он визитку

им, и его отпустили. Короче, теперь он блатной, да ещё и другим на прокат даёт. Не задаром, конечно. А ещё, мам...

Саша замолчал и загадочно посмотрел на мать.

– Что? – она опять с тревогой замерла.

– А ты ничего не замечаешь? Посмотри внимательнее.

– Да ты подстригся! Что, к поварихе ходил?

– Не-а.

Саша снова загадочно смотрит на мать.

– Где же ты подстригся?

– У дяди Вани в гостях был. Вот.

– Ого. Что это ты? – она улыбается.

– А так, знаешь, решил вот... Между прочим, я кое-что узнал про него. Буча мне сказал, что это дядя Ваня его заставил мотор вернуть. Он оказывается, крутой.

– Кто крутой?

– Как кто, дядя Ваня крутой, не мотор же.

Саша смеётся.

– Короче, мам, это не Пачула, а дядя Ваня со своими друзьями разборки устроил этой всей шобле нашей выпендрёжной.

Аня снимает со сковороды блин, кладёт сыну на тарелку, и тут же, обжигаясь, съедает его сама. Говорит с набитым ртом, улыбаясь и показывая сыну большой палец:

– Блины-то вкусняцкие получились!

Ночью в дверь постучал сосед.

Саша уже спал.

– Вань, ты зачем? – не удивилась Аня.

Она недавно закончила на кухне писать статью и выкупалась под душем. Заставила себя, через «лень, неохота», растопить старыми газетами и полешками титан, а потом возле телевизора ожидала, пока вода в титане прогреется. Наконец, она натянула на чистое, ещё влажное тело хлопковую длинную рубашку с красивым орнаментом из синих васильков по белому полю, ночнушка была её последней любимой обновой, приобретённой месяц назад с гонорара. Она уже была готова нырнуть в холодные простыни, но тут Ванин стук в дверь. По голым ногам тянул сквозняк. Сосед посмотрел на её босые ступни, подметил подстриженные аккуратные ногти с перламутровым лаком и дёрнул дверь, но цепочка мешала.

– А ты чего на цепочку закрываешь?

– Ты зачем, говорю, а, Вань?

– Спросить хотел. Про Сашу. Классно его подстриг?

– Ага. Спасибо большое. Вань. Всё. Ночь.

– Ань, ты ведь обещала.

– Я дверь закрываю, уברי ногу.

– Сама сказала, пусть два года пройдёт.

– Ещё не прошло.

– Прошло.

– Год и десять месяцев, я считала.

– А я считал – уже два года.

– Царствие ей небесное. Вань, а у неё что, правда, рак был? А то некоторые говорят, последствие аборта.

– Уже неважно.

– Бедная. Намучилась. Это, случайно, не у тётки Нинки она?

– Да какая разница, пусти лучше.

– Тётка Нинка, представляешь, она мне сама говорила, она не уничтожала зародышей, а спиртовала их в банках, говорит, насобирала коллекцию. Ужас, да?

– И правда, ужас.

– Она говорит, перестала этим делом заниматься, извини, после того, как с твоей Светой это случилось. Как это тётке Нинке повезло, что в тюрьму не попала.

– Какая тюрьма. Это мафия. Всё тип-топ у них везде.

– Куда ни сунься – мафия. Что за дела.

– Конечно. По всем направлениям. Так и Нинка.

– Интересно, а как её мафия называется.

– Мафия подпольных абортов, наверное.

– Слушай, Вань, а зачем вы аборт затеяли, такое счастье привалило, первый поздний ребёнок, и на тебе...

– Да она тайком. Я не хотел никаких абортов. А она как узнала, что урод родится, то как безумная стала. Не хочу, боюсь, утоплюсь...

Аня молчит. На неё произвело впечатление услышанное. В ноздри бьёт терпкий аромат мужского парфюма.

– Ань, а чего муж твой уехал?

– Не уехал, – сбежал. А из-за мафии. Он под флагом перестройки решил своего шефа, директора телеателье, спихнуть. А шеф Сергею по возрасту в отцы годится. Пошёл мой муж к соседу – следователю из ОБХСС, тот жил в нашем доме тогда, а позже на повышение пошёл, сейчас по району всю их контору сыскную возглавляет. Сергей снабдил этого дядю ценной, по их меркам, информацией про схемы воровские в телеателье, как директор с работы запчасты тащит, то-сё. А мне хвалился, что сам скоро его место займёт. После его доноса появились в телеателье люди из ОБХСС. Допросы, опросы, проверки... Но очень скоро стало ясно – напрасно Сергей старался. Шеф его ещё тот калач тёртый. Всё схвачено, везде проплачено. Связи о-го-го. Своя мафия – снизу доверху. Ещё бы. Всю жизнь, можно сказать, на этой должности. Всю жизнь в этом районе. А у Сергея никаких связей нет. И вообще ничего нет, кроме желания самому стать директором. Мы тогда только-только в район переехали, и Сергей в считанные месяцы как

высококласный специалист сделал карьеру, из рядового телемастера – в заместители директора. Можешь представить, как был его начальник изумлён, когда узнал, кто именно козни против него затеял. И тогда к Сергею приехали мафиози. Тут, у нас под окнами, с ним беседовали и предупредили: не уберёшься из области в двадцать четыре часа – твой труп в реке найдут. Он и убрался.

– А ты?

– А я и рада.

– Чего это?

– Та. Надоел он мне.

И добавляет, вспомнив об оставшемся без отца сынишке:

– Глупой я тогда была очень-очень.

Они помолчали.

– Кстати. Спасибо тебе.

– За что?

– За сына. Ты здорово ему помог. Не цепляются теперь к нему.

Зауважали. Во как.

Она смеётся.

Он снова дёргает дверь.

– Так что? Ты обещала.

– А что скажет Света?

– Покойницы не говорят.

– Но ведь загробная жизнь существует. Доказано.

– Давай поговорим у тебя. А то соседей разбудим.

– Давай в другой раз.

– Что в другой раз?

– Поговорим в другой раз. Всё. Пока.

Она заглянула в комнату Саши. Лицо уже не чумазое. Вымылся перед сном с земляничным мылом. У Саши земляничное мыло любимое. Пахнет приятно. Она улыбнулась.

На кухне зажгла купленную в городском храме восковую свечку «от зла». На холодильнике для этой цели у неё всегда наготове жестяная крышка для консервирования, к ней она лепит свечки. Рядом, поверх листика перекидного календаря, бумажная иконка Богомладенца на руках у Богородицы.

Спать в этот раз решила лечь в комнате Саши, бросила на пол поверх коврика одеяло. Она любила спать в одной комнате рядом с сыном, ей так спокойнее.

Засыпая, она отгоняла воспоминания о расстреле на дороге, вспоминала бывшего мужа, думала о Ване, обдумывала, как сократить свою новую статью, и, наконец, уснула с лёгким чувством и мыслью о том, что Пачула-то ведь ей жизнь спас. Мог о ней и не вспомнить, а он ещё и дверь ей открыл. Панихиду за него закажу и молебен благодарственный, подумала уже где-то внутри своих снов.

На рассвете кто-то заколотил в дверь.

Она просонья, в ночнушке, выбежала в испуге из спальни, запутавшись ногами в одеяле, и очутилась вместо прихожей в тёмной пещере. Горло сдавило от удушливой гари. Торопясь, рванула цепочку, распахнула входную дверь, побежала босиком, мимо стоявшего на пороге соседа, открывать подъездную дверь на улицу, чтобы сквозняком вытянуло чад из квартиры. «Это меня мафия подожгла!» – подумала, ужасаясь.

Ваня смотрел ей вслед:

– Ты вроде горишь?

Она не отвечала, охваченная паникой.

Она бегала босая по холодной с ночи земле, лихорадочно искала в утренних сумерках среди цветочной клумбы камешки, и в страхе озиралась, в ожидании автоматных очередей от мафии. Дрожащими руками заложила найденное в дверь, но это не срабатывало, дверь снова закрывалась. Ваня принёс свой табурет, поставил между порогом и дверью.

Он был всё в тех же спортивных синих штанах, ветровке с иностранными буквами, лицо сонное, его тянуло зевнуть.

– А я, знаешь, вышел пораньше в бригаду, пока наших соберёшь, да кто-то опоздает, надо разбудить, а тут чую – тянет гарью. И вроде от тебя.

Кухня и зал потемнели. Огонь свечки перекинулся на пластиковый телефон, чад от тлеющего телефона пошёл коптить. Потолок – как смола, под чёрной бархатной скатертью. Траурная бахрома с чёрными сосульками по всему потолку колыхалась в воздухе.

– Ты, мать, под счастливой звездой родилась. И Сашка твой тоже, – сказал Ваня, он приоткрыл дверь в детскую, взглянул на спящего Сашу, на самодельную постель Ани на полу.

В детской было чисто.

– Как это тебя подтолкнуло дверь закрыть в спальню? Видишь, как тебя судьба ведёт. Дверь не закрой - и всё, на том свете вы бы с сыном уже беседовали с моей Светой.

Аня кивнула, она не могла прийти в себя от случившегося. Ваня принёс из детской её тапки и плед, дверь за собой снова плотно закрыл, она укуталась. Он распахнул настежь окна. От сквозной волны утреннего воздуха стало легче дышать.

Она оглядывала квартиру, и до неё начинало доходить, что всё это придётся приводить в порядок.

– Ладно, не переживай, радуйся, что с сыном заново родились, – сказал Ваня. – Я на что рядом? Белишь умею, у себя в комнатах всегда сам белю. Ремонт тебе забабахаем, мужиков возьму с бригады. День-два, и всё в ажуре, даже лучше.

Проснулся Саша. Вышел босиком – худой, в трусах, с большими от удивления глазами.

– Тапки надень, пол, гляди, в копоти, – сказала Аня.

– Ого, что это у нас?

– Пожар.

– А мы?

– А мы, Саш, живы, – отозвался Ваня.

– А телефон-то, гляньте, какой красавец, – Аня показывает на холодильник, там вместо телефона расплавленное месиво, деревянная столешница холодильника превратилась в золу.

Ваня вместе с Аней удивляются, что обгоревший поверху холодильник по-прежнему морозит, и оба хором нахваляют советское качество.

– Моя помощь нужна?

– Иди, Сань, досыпай. Всё путём. Днём будешь помогать, – голос у Вани весёлый.

Лев Гуревич

Германия

Часы марки «ОМЕГА». ***Документальный очерк***

Отставной унтер-офицер флотского гвардейского экипажа Виктор Алексеевич Кривошеин личностью был примечательной. В 1886 году он был зачислен новобранцем в военно-морскую часть русской императорской гвардии, а уже через восемь лет имел звание знаменщика–сверхсрочного боцманмата. За время пребывания в гвардейском экипаже Кривошеину довелось послужить на большой императорской яхте «Штандарт», участвовать в Цусимском сражении, воспитывать новобранцев. Ростом 6 футов и 8 дюймов (около двух метров), с пудовыми кулаками, рыжими бакенбардами и усами он

одним своим видом внушал уважение, а уж что касается «словесности», то тут боцман обладал такими познаниям, что иной раз собутыльники нарочно возражали ему в надежде послушать крепкие палубные выражения.

Флотский гвардейский экипаж. В центре знаменщики-боцманматы. 1908 год

Выйдя в отставку, бывший моряк поселился в посёлке Рублёво на берегу Москвы-реки, который после введения в строй в 1902 году Рублёвской водопроводной станции, стал расширяться. На деньги, скопленные во время службы, Кривошеин приобрёл дом и вслед за этим взялся заведовать казённой винной лавкой. С учётом его норова и незаурядных физических данных, в питейном заведении поддерживался образцовый порядок, а, соответственно, росли и доходы. Вскоре, неподалёку от лавки, Кривошеин открыл трактир, заведовать которым он поставил своего младшего брата Спиридона, тоже рыжего и имевшего еще более суровый характер.

За год до Первой мировой войны братья продали свои торговые заведения и перебрались в Аминьево, поближе к Москве.

– Вот рыжие чёрты, всех перехитрили, – ворчали незадачливые новые владельцы казённой лавки и трактира, когда в августе 1914 года был объявлен «сухой закон» и их доходы упали в разы.

В 1915 году Антонина – дочь Кривошеина, познакомилась с помощником машиниста Московско–Смоленской железной дороги Сергеем Бессудновым. Это был красивый молодой человек, выше среднего роста, с правильными чертами лица, тёмно-русскими волосами и яркими голубыми глазами, прекрасно играющий на гитаре и поющий

романсы, девушка влюбилась без памяти. Сергей посватался, но получил «от ворот поворот, иначе говоря: «Милый, поди-ка мимо»».

– Нам ещё только беспорточных в доме не хватает, – гремел возмущённый отец девушки.

Как уж там сложилось, неизвестно, но только через несколько месяцев Антонина повинилась матери, дошло дело до отца, и хорошо хоть, что успели обвенчаться раньше, чем появился на свет первенец Александр.

На всю жизнь сохранил дед Кривошеин на зятя обиду за его бесчестный поступок, но вскоре грянули события, напрочь опрокинувшие представления о честности, порядочности, семейных ценностях и прочих «старорежимных предрассудках».

В январе 1918 года у Бессудновых появился на свет второй сын Михаил, а спустя полгода Сергея Бессуднова мобилизовали в Красную Армию. Если при «проклятом царском режиме» машинисты-железнодорожники имели «бронь», то при новой власти озверевшие красные комиссары без разбору бросали кого ни попадя в топку Гражданской войны, лишь бы прикрыть дыры на фронтах, образовывавшиеся в результате бездарного командования. Так красноармеец Бессуднов и провоевал в пехоте, пока в сентябре 1920 года их полк, из-за ошибок командования Западного фронта, не попал в плен к белополякам. В ходе Варшавского сражения войска под командованием 27-летнего Тухачевского потеряли убитыми 25 тысяч красноармейцев, а общее число советских военнопленных превысило 60 тысяч. В польских концентрационных лагерях свирепствовали тиф, дизентерия, туберкулёз, люди умирали от голода и переохлаждения, и только крепкое здоровье позволило Сергею выжить в нечеловеческих условиях. В 1922 году, страшно худой и обросший, он возвратился из плена, а через год в семье появился третий сын, которого назвали Виктором. Младенец пошёл в породу деда Кривошеина – рыжий, крепкий, он почти не кричал, только кряхтел и цепко хватался за протянутый палец.

С приходом НЭПа Виктор Алексеевич Кривошеин оживился. В подмосковном городке Кунцево он открыл магазин при фабрике имени Петра Алексеева – бывшее «Товарищество суконной мануфактуры Вильгельм Иокиш», вложив в дело ценности, припрятанные с царских времён. Торговля шла успешно, но новая экономическая политика, в том виде, как она была задумана вначале, через пару лет начала сворачиваться. Ленинская фраза, произнесённая на X Партконференции – «НЭП – это всерьёз и надолго» – оказалась очередным большевистским блефом.

В конце 1926 года поздно вечером к Кривошеиным пришли с обыском. Когда орава гепеушников ввалилась в дом, дети уже спали, а зять был в рейсе. Из ордера на обыск следовало, что «нэпман

Кривошеин В. А. скрывает от советской власти золото, иностранную валюту и драгоценности». Как впоследствии выяснилось, донос в ГПУ написали конкуренты по торговле суконной мануфактурой, которым не давала покоя успешная коммерческая деятельность магазина при фабрике. Почти до рассвета чекисты шарили по дому в поисках сокровищ, но ничего, кроме нательных крестиков и пары серебряных ложек, так и не нашли. Ведь не зря же Кривошеин служил во флоте – на корабле соорудить «закладку» было сложнее, чем «на суше», да и унтера с офицерами, которые решали «матросские головоломки», помудрей были, чем малообразованные сотрудники органов.

Во время обыска бывший боцман не раз благодарил Бога, который надоумил его избавиться от фотографий, полученных «На память» от командиров и боевых товарищей, когда уходил в отставку. Можно было бы себе представить реакцию чекистов, обнаруживших Кривошеина на переднем плане снимка «Парад в Царском Селе Гвардейского экипажа», или в компании Высочайших особ на снимке «Прибытие германского императора Вильгельма II и императора Николая II на яхту «Штандарт». Хорошо, что покойная жена Катерина не видела, как он со слезами на глазах, сжигал в банной печурке воспоминания о своей, теперь уже такой далёкой прежней жизни.

Под утро нарочный привёз на мотоцикле подписанный ордер на арест, и уже через пару месяцев Кривошеин вместе с большой группой заключённых входил в ворота Соловецкого лагеря особого назначения (С.Л.О.Н.). Он, как десятки тысяч других заключённых, сгинул бы от непосильной работы, голода, мороза зимой и миллиардов комаров и мошек летом, однако морская фортуна и покровитель Святитель Николай Чудотворец не позволили. Когда партию вновь прибывших заключённых привели на помывку, работающий банщиком лагерный «придурок», обратил внимание на татуировки, которыми brave мореман по молодости украшал своё тело. Вечером «двое шестёрок» привели Кривошеина в соседний барак. В тёплом углу, на застланных лоскутным одеялом нарах, расположился лагерный пахан Шугай.

– Моряк? – спросил пахан, глотнув чифира.

– Моряк, – спокойно ответил Кривошеин.

– А где плавал?

– Вообще-то плавает говно, а моряки ходят, – вежливо пояснил гость.

Стоявшие рядом «шестёрки» напряглись, но Шугай опустил руку вниз, мол, всё спокойно.

– То, что ты «масть» держишь, это хорошо. А покажи-ка нам свои картинки.

Кривошеин снял ватник, нательную рубаху и подошёл поближе. На мощных плечах, руках, спине при свете керосиновой лампы можно было видеть многочисленные якоря, канатные узлы, морских гадов и

затейливые узоры. На груди была изображена женщина, стоящая на скале с воздвигнутым крестом, а на спине красочная картина – орёл над тонущим кораблём.

– А повторить ты это можешь?

– Зачем повторять, когда можно сделать заново, да ещё интересней.

Четыре года Кривошеин, числясь истопником бани для начальства, наносил рисунки на тела уголовников, да, что греха таить, иногда и вохровцев, отдававших предпочтение портрету своего нового вождя, усатого Сталина. Таким образом, природный дар рисовальщика, иголки, связанные в пучок, деревянная палочка, пузырёк туши, да приёмы, перенятые ради баловства от пленного японского матроса, поднятого на борт броненосца во время Цусимского сражения, позволили бывшему моряку выжить на Соловках.

По возвращении из лагеря дед Кривошеин обнаружил дома полный разлад. В хозяйстве царила бедность: питались из рук вон плохо, мясные щи в лучшем случае варили один раз в неделю, одежка на внуках сильно поистрепалась. Дочь Антонина, не в пример покойной матери, хозяйкой была никудышной – несколько неухоженных грядок в огороде, картошку закупали на стороне, капусту на зиму не квасили, а Сергей жене по дому совсем не помогал.

Первым делом Кривошеин убедился в том, что капитал, спрятанный от жадных лап гепеушников, уцелел. Затем он отправился в Москву, где надёжный человек помог ему обменять дюжину золотых николаевских десятков на новенькие советские червонцы по курсу более выгодному, чем предлагал «Торгсин». Вскоре в доме появилась Егоровна – ещё не старая женщина, добрая знакомая Кривошеина по тем временам, когда он содержал в Рублёво казённую винную лавку. Через год дом было не узнать – две козы, куры, кролики, теплица, огород со всевозможными овощами. На зиму заготовили картошки, нарубили две бочки капусты, намочили бочку своих антоновских яблок. Нанятые работники перебрали печку в бане, поменяли подгнившие венцы в доме, вычистили колодец. Кривошеин достал из-под половых досок сарая спрятанный перегонный аппарат и начал гнать самогонку, которая больше шла на оплату услуг, нежели по прямому назначению.

Однако больше всего Кривошеина расстраивало то, что внуки совершенно отбили от рук. Они никому не подчинялись, курили, сквернословили, подворовывали и уже начали выпивать, причём младший Витька что есть мочи тянулся за старшими братьями. Дрались «Бесы» – так прозвали в деревне кривошеинских внуков – настолько свирепо и отчаянно, что сверстники старались с ними не связываться. Понимая, что за один присест создавшееся положение не исправишь, дед начал перевоспитание со сквернословия и запретил дома ругаться

матом. Первым решил проверить дедов запрет Сашка и за ужином выдал «загогулину», за что тут же огрѐб деревянной ложкой по лбу. Самый хитрый из внуков Мишка промолчал, а вот Витька решил поддержать старшего брата и в ответ получил от деда по губам.

Подобное посягательство на свободу «Бесов» не устраивало, и они задумали «разобраться» с дедом по-своему. Старый боцман почувствовал, что «на корабле зреет бунт» и основательно к нему подготовился – расчистил дровяной чулан, укрепил в нём дверь и запаса крепкой верёвкой.

Внуки не заставили себя долго ждать, и когда поздно вечером дед направился в летнюю уборную, стоявшую во дворе около забора, неожиданно ему под ноги кто-то подкатился, а сзади двое изо всех сил старались опрокинуть его на землю. Для нападавших всё окончилось довольно печально – всех троих, связанных крепкими морскими узлами, Кривошеин подхватил под мышки и запер в чулане, правда, Витька, словно волчонок, успел болезненно ухватить деда зубами за ладонь.

На шум прибежали Антонина и Егоровна, но были быстренько отправлены восвояси. Попытка «качать права» привела к тому, что дед раздал каждому по крепкому щелчку в лоб и, выделив ржавое ведро, – как было сказано «для оправки» – оставил компанию в чулане «пока до утра». Посидев два дня в прямом смысле на воде и чѐрством хлебе, «арестанты» вступили в переговоры, в результате которых было заключено перемирие. Понимая, что «кнута» без «пряника» не бывает, дед решил на отчаянный поступок, который окончательно примирил его с внуками.

Вскоре во дворе дома появился скромного вида человек лет пятидесяти по фамилии Окулов, с виду мастеровой, а с ним молодой парнишка, как выяснилось впоследствии, его сын. Со складным метром в руках они облазили сверху донизу дровяной сарай, стоящий в глубине участка, неподалёку от забора, а затем завезли пиломатериалы, листы железа и металлическую сетку. Вскоре до внуков дошла новость, которая прозвучала как разорвавшаяся бомба, – дед Кривошеин решил построить голубятню.

Мечтой каждого деревенского, да и городского, мальчишки в 20-30 годы были голуби, но не обычные «сизари», а настоящие, породистые голуби. Слова «турманы», «чернопегие», «чистые монахи», «чеграши» звучали как музыка. А как пацаны завидовали голубятникам, которые шестом с белой тряпкой на конце и разбойничьим свистом поднимали стаю в воздух, и самое главное – управляли ею. Можно было без конца наблюдать, как голуби дружно уходили в небо, замирали там и вдруг, кувыряясь и делая мѐртвые петли, камнем падали к земле, лишь в последнее мгновенье плавно опускаясь на крышу.

Голубятня у Бессудновых вышла на славу – видимо, отец и сын Окуловы, жившие где-то под Зарайском, потомственные голубятники во многих поколениях, и в самом деле были мастерами своего дела, да кроме того, они же помогли приобрести голубей. На первом этаже бывшего дровяного сарая, обитого железом, размещался необходимый инвентарь, помещение для кормов и крепкая лестница с перилами, ведущая наверх. На втором этаже размещалась сама голубятня – светлое и чистое, отделанное свежим деревом помещение. Голубятня была надёжно защищена от кошек, грызунов и хищников, а к входной двери для устрашения было прибито чучело ястреба-тетеревятника – главного врага голубей.

Так случилось, что к четырнадцати годам Витька стал полновластным хозяином голубятни. Сашка пошёл в отцовскую породу, и не зря многие окрестные девчонки, да и молодые женщины, вздыхали по стройному красивому парню с русыми кудрями, который предпочитал общение со слабым полом голубиной забаве. Время от времени его крепко лупили, один раз чудом удалось избежать поножовщины, но, как сказал дед: «гнилое дерево в сук растёт», и внук продолжал свои амурные похождения. С учёбой у Сашки не ладилось, да и, честно говоря, школа в тридцатые годы была похожа на колбу алхимика, в которую сливали самые разные вещества: комплексный метод обучения, Дальтон-план, бригадно-лабораторную систему, самоуправление.

С трудом окончив школу-семилетку, Сашка с помощью отца устроился помощником кочегара на паровоз. Как ни странно, но работа ему нравилась, особенно, когда вдоволь покидав угольку, высунувшись из окна, можно было подставить голову упругому ветру, хотя, по правде говоря, заработки могли бы быть и побольше.

Средний внук Мишка оказался способным к математике и по совету деда поступил в московский финансовый техникум. Бывший боцман хорошо запомнил господ из финансового ведомства, которые приезжали на корабль для проверки отчётности. В тот день в кают-компании им специальный завтрак готовили, да в катер бочоночек вёдер в пять самой лучшей мадеры наливали, а уж о денежных подношениях можно было только догадываться. Ну а то, что большевики, скорее всего, по незнанию, финансистов от политики довольно далеко отодвинули – вроде как за дурачков их держали – это и к лучшему. В нынешнее время, когда НКВД косит людей, словно острый серп в жатву колосья, лучше держаться от них подальше. Ещё со времён НЭПа Кривошеин помнил, какую силу тогда набрали фининспектора, и, хотя частной собственности не осталось, а всё же без какой-никакой финансовой службы государству не прожить.

Глядя, как Виктор управляется на голубятне, дед с удивлением узнавал себя в молодости. Нетерпеливый, безбоязненно лезущий в

драку, всегда готовый кулаками отстаивать своё мнение, младший внук собрал вокруг себя таких азартных, увлечённых голубями парней, некоторые из которых были значительно старше его по возрасту. Наблюдательный, быстро схватывающий суть дела, с ловкими руками, он старательно все постигал, внимательно прислушиваясь к советам опытных голубятников.

Перед самой войной Виктора Бессуднова призвали в армию и направили служить в Западный особый военный округ, по которому и был нанесён главный удар германской армии. Войска округа под командованием генерала армии Павлова не были нужным образом подготовлены к ведению боевых действий и стремительно отступали на восток. За полтора года войны красноармеец Бессуднов отшагал тысячи километров, выходил из окружения, был ранен и два месяца провалялся в госпитале. Летом 1942 года его полк участвовал в Харьковской операции, которая трагически закончилась практически полным уничтожением наступающих сил Красной Армии, после чего немцам был открыт путь на Ростов и Сталинград.

К концу 1942 года в войне наметился перелом, а 19 ноября войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Ватутина и Донского фронта под командованием генерала Рокоссовского перешли в наступление. В течение недели им удалось окружить в Сталинграде 6-ю полевую армию генерала Паулюса. Попытки немцев деблокировать снаружи их окружённую группировку окончились безрезультатно, но ещё почти три месяца шли ожесточенные бои по её ликвидации. Во второй половине января части 21-й армии генерала Чистякова заканчивали освобождение Сталинграда от упорно сопротивлявшихся немцев.

28 января 1943 года группа красноармейцев зашла во двор огромной тюрьмы, построенной ещё в середине прошлого века и расположенной на берегу реки Царицы. Окна, как в любой другой тюрьме, были закрыты решётками, сам двор забит сожженной вражеской техникой, а помещение тюрьмы полностью загажено. Двери камер были распахнуты настежь, и в одной из них сержант Бессуднов и рядовой Жумашев увидели двух немцев, сидящих на груде тряпья. Третий немец – грязный, с забинтованной шеей, в порванной шинели и валенках перевязанных верёвкой, пытался клочками сена разжечь железную печурку. Когда наши бойцы зашли в камеру, немцы встали, и Бессуднов обратил внимание на фуражку с позументами, глубоко надвинутую на голову одного из них. Это был высокий человек с бледным лицом и застывшим взглядом. Впалые небритые щёки, завшивленные волосы, торчащие из-под фуражки, на шее шерстяной шарф со следами крови.

– Генерал? – неожиданно для себя спросил сержант.

– General von Shoeffler, Kommandeur der 376. Infanteriedivision , und der Oberst Kluge und meine ordentlich, Korporal Radke (нем. – Генерал фон Шоффлер, командир 376-й пехотной дивизии, а это полковник Клюге и мой ординарец, ефрейтор Радке).

– Понятно, – растерянно сказал Бессуднов и добавил фразу, которую очень часто повторяли русские солдаты за последнее время,

– А ну-ка, хенде хох, господа хорошие, – и демонстративно поднял ствол автомата.

Немцы послушно подняли руки, сержант по-быстрому обшарил их, лишь на секунду задержался, обыскивая генерала, от которого нестерпимо воняло давно немытым телом и одеколоном.

– Держи, – крикнул Бессуднов, бросил Жумашеву парабеллум полковника, жестом показал на дверь и повёл пленных на пункт сбора, расположенный неподалёку в каком-то полуразрушенном здании. По дороге, встретив бойцов своей роты, Бессуднов остановился , чтобы прикурить, и повел немцев дальше.

Старшина, распорядившийся на сборном пункте, узнав, что в плен захвачен немецкий генерал, быстренько позвонил по полевому телефону куда-то наверх, и уже минут через десять из штаба армии примчался «виллис» с двумя «особистами». Они отделили генерала от его спутников, посадили вместе с Бессудновым в машину и тут же рванули в штаб 21-й армии.

В подвальном помещении, куда их привели, было на удивление тепло и чисто – свежая побелка на стенах и потолках, дощатый пол, телефонные провода, которые змеились по коридорам и уползали куда-то вглубь. Бессуднова привели в какое-то помещение, где, по-видимому, находились шофера и велели ждать. Он осведомился у присутствующих можно ли закурить, и, получив отрицательный ответ, поглубже засунул кيسет в карман ватника. Виктор сидел и думал: а вдруг командиры наградят его орденом? – ведь всё-таки не каждый день немецкие генералы попадают в плен, и к ордену не помешал бы десятидневный краткосрочный отпуск домой. С этими мыслями он незаметно заснул, и только, когда его энергично потрясли за плечо, очнулся и вспомнил, где находится.

– Сержант Бессуднов?

– Так точно.

– Следуй за нами.

Его ввели в большую подвальную комнату. На нескольких столах лежали карты, в углу стоял столик с телефонами. Было накурено, но дым был приятный, как от дорогих папирос, не то что от махорки. Посередине комнаты стоял стул, на котором сидел немецкий генерал, в кителе и фуражке. К генералу обратился капитан, по-видимому, переводчик.

– Herr General, wiederholen Sie, bitte, was Sie gesagt über Ihre Armbanduhr haben. (нем. – Господин генерал, повторите, пожалуйста, что вы говорили о ваших наручных часах).

– Ihr soldat nahm meine Armbanduhr weg. Ich fordere dieses Ding zuruckzukehren und die Schuldigen zu bestrafen.(нем. – Ваш солдат забрал у меня ручные часы. Я требую вернуть мне эту вещь и наказать виновного), – спокойно, как будто у себя в штабе, проговорил немец.

– Что скажешь, солдат? – спросил человек в меховой безрукавке, накинутой поверх гимнастёрки, так что петлиц и наград на ней не было видно. Это был Иван Михайлович Чистяков, – командующий 21-й армии, которому только десять дней назад было присвоено звание генерал-лейтенанта.

– Как есть врёт фашист, – поедая начальство глазами, заявил Бессуднов.

– Ну-ка, расскажи, как ты генерала в плен брал, – неожиданно вмешался начальник особого отдела Сорокин со скромными двумя «шпалами» в петлицах, что соответствовало званию майора, хотя по другому ведомству он, возможно, числился и не так. Бессуднов буквально поминутно доложил всё, начиная от камеры в тюрьме, где они с Жумаевым нашли немцев, до прибытия в штаб армии.

Возникла пауза, которую поспешил заполнить член Военного Совета армии генерал- майор Спиридонович Тыкин, бывший до войны вторым секретарём Обкома КПСС Запорожской области – толстый, краснолицый человек в кителе-сталинке, который еле сходил у него на животе. Трескучий демагог, не умевший ничего организовать, не разбиравшийся в штабной работе и хозяйственной деятельности, он постоянно бомбардировал Военный Совет фронта донесениями, а по сути дела доносами, «о негативных фактах имеющих место быть в 21-й армии», и сидел у командующего армией как заноза в заднице.

– Я так думаю, надо провести дознание, а солдата арестовать и в трибунал.

– Предлагаю обсудить всё в узком кругу, а пока, капитан, – обратился Чистяков к ординарцу, – отведи солдата в караульное помещение, отбери у него оружие и пусть за ним присмотрят. Слушай, заодно убери отсюда немца, пусть его покормят что ли, а то уже в кабинете пахнет, хуже, чем в солдатской казарме после ночного сна. Кстати, назначь к немцу двух, а лучше трёх караульных, пока за ним от Рокоссовского не приехали.

В кабинете командующего, кроме него самого, остались Тыкин, Сорокин и начальник штаба генерал-майор Жеребин, который вместе с Чистяковым воевал ещё в Гражданскую войну.

– Прошу высказываться, – обратился к присутствующим Чистяков.

– Партия всегда уделяет самое серьёзное внимание моральному состоянию доблестных бойцов Красной Армии –, завёл свою «шарманку» Тыкин. – В то время, как лучшие сыны нашей Родины отдают свои жизни находясь отщепенцы, которые фактами мародёрства и грабежа позорят высокое звание защитника страны.

– Но факт кражи, или, как говорит уважаемый член Военного Совета, – мародёрства надо ещё доказать, пока что это облыжное обвинение, – вмешался Жеребин у которого от этой трескотни сводило скулы.

И тут Тыкин изрёк фразу, которая спасла сержанта Бессуднова от штрафбата, а может быть, и от высшей меры,

– Я уверен, что этот рыжий у немца часы увёл, уж больно у него рожа хитрая. Да вы что, наших братьев-славян не знаете? Где что плохо лежит, они тут же сопрут. Вот третьего дня на складе 171-й дивизии...

– Пстой, пстой! Значит, член Военного Совета, генерал-майор, коммунист Богдан Спиридонович Тыкин считает, что наши бойцы не освободители советского народа и всего прогрессивного человечества от немецко-фашистских захватчиков, а жалкая кучка хапуг, воров и жуликов? – начал громить Чистяков незадачливого политработника его же оружием. Как всякий трус и просто неумный человек, Тыкин начал оправдываться, чем поставил себя в ещё более глупое положение, и, как говорят шахматисты, «позицию полностью проср...л».

По предложению Жеребина, сержанта Бессуднова досмотрели, обшарили его вещмешок, ничего не нашли и отправили обратно в полк, а уж награду за немецкого генерала получили совсем другие люди.

За обедом довольный Чистяков – ещё бы, ведь на его участке фронта взяли в плен генерала – позволил себе лишнюю рюмку и обратился к приглашённому на обед Жеребину,

– Иван, я всё-таки думаю, что этот рыжий сержант часы у немца попятил, – ну и правильно сделал. Наш толстомордый горлопан, который и пороху-то не нюхал, а только бумагу за бумагой на меня начальству строчит, никогда не поймёт разницу между военным трофеем и добычей мародёра. Ну, расстреляли бы солдатика перед строем за поганые генеральские часы, а в атаку вместо него Тыкин что ли пойдёт? Я тебе так скажу – полтора года на передовой, да ранение – такого солдата ещё поискать надо. Ну, давай ещё по одной и хватит, а то впереди делов немерено.

Вернувшись в полк, Бессуднов первым делом нашёл старшего сержанта Сашку Казёнова, вместе с которым они выходили из окружения под Харьковом и прошагали сотни горьких километров отступления, пока не упёрлись в Сталинград. Отойдя в сторонку,

Виктор забрал у Сашки генеральские часы, которые успел «сбросить» другу, пока, конвоируя немцев, прикуривал.

Всезнающий Лёвка Либерман из соседней роты внимательно осмотрел, как он выразился, «заграничный экземпляр» и поставил диагноз,

– Чистая Швейцария, фирма «OMEGA», корпус платина, но это мало кто понимает – будут думать, что стальные. Лучше их не «засвечивай», а не то «уведут».

Войну старшина Бессуднов закончил под Берлином, а домой попал только через полгода, и все это время генеральские часы были при нем.

Дед Кривошеин уже два года, как покоился на Кунцевском кладбище, Егоровна, на которой держалось всё хозяйство, похоронив его, переехала в Рублёво, дома было тоскливо и неприкаянно. Пока Витька воевал, Сашка женился, привёл молодую в дом, но та оказалась такой же неумехой, как и его мать. У них уже родились двое детей и, вроде бы, намечался третий.

Мишка, как дед и предсказывал, пошёл в гору. После службы в Управлении Тыла Красной Армии, его перевели в Наркомат Финансов СССР, и он получил комнату в Москве, на Арбате.

Виктор осмотрелся, проведая соседей, сходил к деду на кладбище. Могила с покосившимся сосновым крестом была неухожена. Была зима, и внук решил привести могилу в порядок ближе к лету, а пока заняться крестом. Сначала он разыскал дедов инструмент, привёл его в порядок, а затем из дубовых плах, хранившихся много лет на чердаке, изготовил православный крест, отвёз его на кладбище и установил на могиле. На кресте кладбищенский гравёр за две банки тушенки и махорку нанёс надпись бронзовой краской – «Русский матрос Виктор Кривошеин 1868 – 1943».

Перед уходом в армию Виктор продал своих голубей, а деньги принёс деду, но тот от них отказался и велел отдать Егоровне. Мать писала ему в письмах, что ещё больше года после его ухода к ним прилетали голуби, кружились над голубятней, садились на крышу и нагул. И теперь, после возвращения, он никак не решался зайти на голубятню, поскольку уж слишком многое было связано с этим местом.

На Крещение прошёл сильный снегопад, а затем подморозило. Двор обильно завалило снегом, так что было трудно пройти. Сияло яркое солнце, и на снегу были видны следы валенок отца и Сашки, которые под утро пробирались на работу в депо. Мать на завтрак разогрела вчерашней картошки с салом, но есть не хотелось, и Виктор решил натошак почистить дорожки от снега – авось разгуляется аппетит. Вначале дело пошло медленно, но потом он втянулся, скинул ватник, оставшись в свитере и натальной рубашке, и, разохотившись,

«погнал» в глубину сада. Опомнился Виктор, только упёршись в дверь голубятни, к которой когда-то было прибито чучело ястреба.

Переодевшись в сухое бельё, он с аппетитом позавтракал, перекурил и, взяв ключи, висевшие на притолоке кухонной двери, отправился на голубятню. С трудом открыв оба замка и отгребая снег ногой, зашёл в помещение. Судя по паутине и толстому слою пыли на полу, здесь давно никого не было. Виктор осмотрелся и поднялся на второй этаж. Дверь, ведущая на нагул, была открыта, яркое солнце освещало всё вокруг. В нагул сквозь сетку нанесло много снега, и он вспомнил, как зимой, когда он завешивал сетку мешковиной, голуби беспокойно хлопали крыльями и громко «гулили». Он бросил взгляд на «гнездо» своей любимой пёстрой голубки Купавы, которую он выходил после того, как на неё напал ястреб, и внезапно заметил там какую-то бумагу, придавленную камнем. Он развернул её и сразу узнал почерк деда. Высокие колючие буквы ровными рядами заполняли бумажное пространство листа, на котором невозможно было обнаружить даже малейшую помарку.

«Витька, слава Богу, ты живой!

Я всегда верил, что с большевиками или без, а германцев мы одолеем, вот только жаль, что столько народу зазря положили.

О главном. Теперь ты за хозяина, поскольку ни Сергей, ни Антонина, а уж тем более Сашка, к этому делу приспособлены быть не могут.

Перво-наперво убедись в том, что мои «закладки», которые я тебе показывал, на месте. Лишнего не трать – только самое необходимое – здоровье, питание, жильё.

Никого не слушай, решай всё своим умом, в интересах семьи.

На работу устройся на Патронный завод по своей слесарской специальности, за деньгами с места на место не прыгай. В начальники не лезь – помни их основной лозунг: «Рабочий класс – главный».

После войны народ на радостях язык распушит, мол, мы победители. Вот тут-то и начнут гайки закручивать, да головы сносить, так что помалкивай. Тем более, что стукачей вокруг ещё при царском режиме хватало, а уж сейчас их, как грибов после дождя. Запомни – плетью обуха не перешибёшь.

Может это и не моего ума дело, но в расчёт прими. У Егоровны есть внучатая племянница Зинка, может быть, ты её помнишь, она на свадьбу к младшей дочери Спиридона приезжала. Девка она пригожая и рукодельная, а главное – расчётливая. Помнится, Егоровна говорила, что она хозяйка хорошая, всё в руках горит. Приглядишься, да и тебе помощь по дому будет.

За Мишку не беспокойся – этот и с дерьма сметану снимет, так что его в расчёт не бери. Ежели что и попросит – смотри по обстоятельствам, а главных нахлебников я тебе перечислил.

Чуть не забыл. Сашкину жену не обижай, она девка неплохая, правда, неумёха. Боюсь, ей с таким мужем да детьми и так несладко.

На всякий случай оставляю тебе пару адресов. Люди надёжные, если будут живы, то помогут.

Наш покровитель Святитель Николай Угодник и день его 19 декабря. Я в церковь, сам знаешь, не ходил – там кликуши, старухи богомольные, да попы-стукачи. Так вот, в этот день перед Иконой Николая Угодника, что у меня в комнате висит, не забывай лампадку зажигать и «Отче Наш» прочесть, вроде как память обо мне будет.

Храни тебя Господь, знаменщик- боцманмат
Кривошеинь Викторь сынъ Алексеевъ
марта 1943 года, двадцать первое число»
и размашистая подпись.

Виктор ещё раз перечитал письмо, аккуратно сложил и спрятал в карман. Затем достал папиросу из трофейного немецкого портсигара, закурил и смахнул со щеки слезу, выкатившуюся из глаза, вроде как из-за табачного дыма.

Вместо эпилога

В конце 2008 года инвалид Великой Отечественной войны Виктор Сергеевич Бессуднов перед самой смертью попросил детей и внуков, чтобы часы «Омега», которые он принес с войны, похоронили вместе с ним, и его просьба была выполнена.

Роман Рязанов

Гомель, Беларусь

Царица юга

1

- Знаешь, ли, Мамед, - обратился ко мне мой господин, купец Рахматулло. - В чём заключается главная мудрость воинов халифа, принесших на нашу землю свет ислама?

- Коли им удалось утвердить зелёное знамя пророка в здешней пустыне, то мудрости им не занимать. В чём же заключается их главная мудрость, о том вашему безродному слуге неизвестно, - сдержанно ответил я, размышляя о нашей торговой прибыли за истекший месяц.

Мой же господин пребывал в состоянии послеобеденной неги, лёжа, развалившись, на кошме.

- Самая главная их мудрость, - наставительно заметил он, - заключалась в том, что они строили первые мечети на месте языческих храмов. Таким образом, люди видели торжество новой веры и не изменяли своим привычкам, кои приводили их поклонится Аллаху в то место, где прежде они поклонялись идолам. Слышал ли ты, Мамед, о мечети Магоки-Аттари, что значит Глубокая мечеть, либо же Мечеть-в-Яме? Почему бы нам сегодня не совершить в её стенах вечерний намаз?

Разумеется, я помнил, что мечеть Магоки-Аттари являлась самой первой мечетью в Бухаре, возведённой на месте языческого капища бога Луны и древнего базара, где прежде язычники торговали изображениями идолов и жертвенными благовониями. Но была у этой мечети и ещё одна особенность...

- Но, господин мой, - встревоженно оторвался я от торговых бумаг. - Именно в этой мечети с давних времён дозволено молиться людям из народа яхуди (1) после окончания намаза правоверных. Ведь яхуди запрещено иметь свой молитвенный дом, именуемый синагогой,

ещё согласно повелению праведного халифа Омара, - заговорил я сбивчиво. – Разве моему господину необходимо встречаться с этими людьми? Особенно сейчас, когда до меня дошли слухи, что в их махалле произошли какие-то смерти и распространяется некая зараза, вроде бы чума? Разве, - осёкся я, вспомнив, что некогда от чумы скончались родители моего господина, оставив того круглым сиротой. – Разве в нашем гузаре скверная мечеть? Разве не надлежит каждому правоверному совершать молитву не иначе как по месту жительства?

- Слухи, Мамед, - сухо проговорил в ответ бухарский купец, - до меня долетают быстрее, нежели до тебя, и я уверен, никакого морового поветрия в квартале яхуди нет. Но я хочу поговорить с ними после окончания намаза об одной загадке, разрешения которой они ждут от нас.

2

Итак, после окончания намаза мы дожидались у здания мечети Аврома-бен-Эзру, калонтара общины яхуди в Бухаре. Надобно сказать, что махалля яхуди, также как и каждый другой бухарский гузар, управлялась выборными старейшинами. Только в мусульманских кварталах старейшин именовали аксакалами, а в махалле яхуди такой старейшина назывался калонтаром.(2) Авром-бен-Эзра не заставил себя долго ждать. Это был худенький, суетливый старичок в высокой шапке. Его простенький халат из хлопчатобумажной ткани-алоча был перевязан на поясе волосяной верёвкой, как то и пристало людям народа яхуди. По резвой походке калонтара можно было принять за юношу, только седая борода указывала на прожитые годы.

- Что случилось, почтенный? – окликнул его купец Рахматулло.

- Случилось! – ошалело взглянул на нас Авром. – Скончался наш брат, один из столпов нашей общины Иосиф- бен-Шломо, принадлежащий к сословию кухенов. (3) Он вернулся со свадьбы дочери одного из своих друзей и той же ночью скончался в муках. Ну да это ещё не беда... Настоящая беда ждёт нас впереди... Ваши, – опасно покосился он на меня, - утверждают, что Иосиф собирался принять ислам, и теперь великий визирь Азиз-бек намерен отомстить всем нашим братьям, их жёнам и детям за смерть Иосифа, коего он, к превеликому нашему сожалению, числил своим другом. И визирь погубит всех нас, потому что считает, будто мы убили Иосифа, дабы не допустить его перехода в вашу веру. Страшные времена грядут, страшные времена! – едва ли не разодрал на себе одежды Авром. – Но ведь добрый господин поможет нам изобличить настоящего убийцу, - с надеждой взглянул он на купца Рахматулло. – Мы ведь оказали доброму господину столько столько маленьких услуг...

Яхуди занимались в своём квартале обработкой шёлка, выкрашивая его, главным образом, в синий цвет, считавшийся для мусульман траурным, и делали из ткани одежду. Самим же им торговать шёлком запрещали законы светлого хана, и поэтому шёлк им сбывал мой хозяин. Но выходило, что это он, скорее, служил им в качестве посредника.

- А эта история с косточкой в нашем зелёном плове, - пустился в воспоминания Авром-бен-Эзра. – Разве справедливый господин уже не помог нам тогда?

Я хорошо помнил случай с этой косточкой. Тогда один яхуди спас некоего учёного-мударриса, преподававшего в медресе, когда тот тонул в хаузе. Но, к несчастью, у мударриса была тёмная душа. Вместо того чтобы отблагодарить спасителя учёный муж решил опозорить того, дабы он не хвастал по всему городу, будто спас мусульманина. Мударрис предложил спасшему его бедняку обменяться угощением и прислал тому блюдо вкуснейшего плова..

Когда же простодушный бедняк, в ответ прислал учёному блюду зелёного плова, именуемого бахш, сваренного в холщовом мешке, по обычаю яхуди, мударрис в ответ написал гневное письмо. В письме муж ислама пообещал бедняге подать на него в суд, угрожал тому смертью за попытку убить правоверного и весьма красочно расписывал как едва не подавился здоровенной бараньей костью, которую-де его спаситель, припрятал в плове, исполненный злого умысла.

Слухи о грядущей тяжбе дошли до купца Рахматулло, и тот надиктовал мне письма в казихану судье и в медресе, где преподавал мударрис. В письмах бухарский купец справедливо указал на то, что плов по обычаю яхуди готовится из печени и поэтому никаких костей там быть не может, посоветовав учёному мужу не выставять себя посмешищем.

С тех пор купец Рахматулло приобрёл немало друзей среди бухарских яхуди.

И сейчас он размышлял над словами Аврома-бен-Эзры, полагая, видимо, что одно дело сбывать яхуди шёлк для синих халатов, и совсем иное дело расследовать убийство одного из них, рискуя навлечь на себя гнев всемогущего Азиз-бека. Но стремление утвердить своё доброе имя в глазах простых людей взяло в нём верх.

- Хорошо, - согласился он. – Я попробую отыскать убийцу. Но мне нужно будет задать тебе несколько вопросов.

- Спрашивайте, спрашивайте всё что захотите! – просиял от радости калонтар общины яхуди.

Не мог бы ты сказать мне, -начал бухарский купец. – Что пил Иосиф тем вечером и какие муки он испытывал перед смертью?

- Да, конечно, я всё расскажу, - глубоко вздохнул Авром-бен-Эзра.
- Дело в том, что Иосиф ревностно соблюдал правила кошера, и поэтому он не пил нашего вина, а, как правило, пил вино, изготовленное в его собственном доме из своей расписной фляги. Так что на свадебном торжестве он тоже не пил того вина, что пили все приглашённые, перед смертью же он страдал от судорог, тошноты и постоянной жажды.

- И от постоянной жажды, - повторил, словно бы про себя, бухарский купец.

- Да и вот ещё что! - спохватился калонтар яхуди. - В вечер смерти Иосиф поссорился с одним из музыкантов на свадьбе. Музыкант был, разумеется, из наших. Ведь ваша вера считает музыку грехом. Но нам всем пора на молитву, - заторопился Авром-бен-Эзра.

Яхуди уже собирались войти в стены мечети, когда вдруг топот копыт и ржание коней заставило нас всех оглянуться по сторонам. Мы заметили приближающуюся к нам группу вооружённых, нарядно одетых всадников. В одном из них я без труда узнал визиря Азиз-бека. Визирь подскакал на ахалтекинском жеребце, поигрывая плёткой и сверкая драгоценными перстнями на пальцах.

- Я не хочу омрачать своим гневом стены древней мечети, - обратился он к собравшимся яхуди. - Но сердце моё преисполнено скорбью по моему другу Юсуфу-ибн-Сулейману и гневом к тому, кто не дал его рукам повязать себе тюрбан, кто не дал его устам промолвить: «Хвала Аллаху! Я - мусульманин!» (4)

Азиз-бек помедлил и заговорил тише, будто бы примирительно:

- Я слышал, у вас, яхуди, есть одна поговорка: «Не был бы верблюд так глуп - не шёл бы вслед за ослом!» (5) Так и вы не будьте глупы, не идите по пути греха, по которому вас стремится увести убийца моего друга Юсуфа-ибн-Сулеймана, подобно бессловесному скоту! Но назовите мне имя убийцы, и я даже разрешу вам казнить его по законам, начертанным в ваших свитках! В противном же случае двенадцать самых богатых и знатных ваших соплеменников будут подвержены позорному наказанию, именуемому созойи, то бишь с лицами, вымазанными сажей, они будут провезены на ослах задом наперёд по городскому базару, а после обезглавлены. Ну, разумеется, если они не пожелают принять нашу правую веру, - огладил бороду Азиз-бек. - Запреты, налагаемые законом на прочих исроэли, (6) будут соблюдаться отныне неукоснительно. Ибо было сказано наместником халифа в Хорасане Насром-ибн-Сияром: «И я позабочусь о мусульманах, и защищу их, и переложу тяготы их на язычников!» (7), - блеснул тут книжной мудростью великий визирь по своей давней привычке. - Так намерены поступать впредь и мы!

- Но мы не язычники, но люди писания, - осмелился возразить визирю Азиз-беку Авром-бен-Эзра.

Однако, тот пропустил слова калонтара яхуди мимо ушей и сказал холодно:

- Мы даём вам три дня на розыски убийцы, находящегося среди вас. А теперь ступайте и молитесь!

Промолвив так, визирь бухарского хана собирался было уже ехать прочь, но вдруг заметил в толпе моего господина купца Рахматулло:

- Мой Синдбад! - скривился Азиз-бек, наклонившись в седле. - Ты не смог уберечь одного моего друга! Теперь же когда загубили другого, ты снова здесь... Напоминаю тебе, что от мусульманина, посещающего дома яхуди, требуется очищение. Не забудь же очиститься в очах моих!

Когда визирь и его люди удалились, оставив после себя облако пыли, поднятое копытами их коней, Авром-бен-Эзра прошептал печально:

- Сто друзей - это мало, а один враг - много!

- Я хотел бы взглянуть на флягу, принадлежащую покойному Иосифу, - спокойно произнёс купец Рахматулло, дав понять нам, что речи визиря не задели его сердце.

3

- Не могу понять, господин, для чего вы взялись помогать этим яхуди и искать убийцу их соплеменника? - не удержался я от вопроса, когда мы вернулись домой.

- А как же табиб Якуб - бен -Захариа? - мягко напомнил мне мой господин. - Ведь мы тогда не уберегли его от погромщиков? Выходит за нами долг, который мы можем отплатить лишь Всевышнему... Как ты полагаешь Мамед, - вернулся он к делу, - кто мог убить Иосифа-бен-Шломо?

- Его мог убить один из богатых яхуди, из зависти. Убийца ведь не знал, что власти захотят наказать их всех, - предположил я не слишком, впрочем, уверенно.

- Возможно, - легонько кивнул головой бухарский купец.

- Ещё Иосифа мог убить кто-то из правоверных, - добавил я, понизив голос.

- Тоже возможно, но едва ли, - бесстрастно проронил купец Рахматулло. - На свадебное торжество собралось немало яхуди, и пробраться в их махаллю убийца, будь он мусульманином, не смог бы незамеченным.

-А ещё Иосиф мог убить себя сам! - выпалил я - Чтобы избежать перехода в нашу веру...

- И выбрал себе такую мучительную смерть? - недобро усмехнулся бухарский купец. - Но в одном ты прав, Мамед. Следует поразмыслить над тем, что сподвигло Иосифа сменить веру. Находясь в своей вере,

он был уважаемым членом своей общины. Став мусульманином, он бы, скажу тебе правду, обрёк бы себя на незавидную участь чола (8), отвергнутого своими соплеменниками и не принятого до конца правоверными.

- Может быть, Иосиф совершил некое преступление, и переход в ислам был его единственной возможностью спастись? - высказал новое предположение я.

- Так или иначе, - подвёл итог нашим рассуждениям купец Рахматулло. - Нам необходимо как можно скорее поговорить с секретарём визиря и выведать у него за кувшинчиком вина, какие отношения связывали его господина с Иосифом, и с чего это вдруг богатый яхуди вздумал стать правоверным. А чуть позже, Мамед, мы с тобой наведаемся в квартал яхуди. Занимает меня, с каким музыкантом ругался покойный незадолго до смерти, и как выглядит его медная фляга!

4

Вечером того же дня секретарь Азиз-бека Ильяс-мирза был в доме моего господина и угощался багряным хорезмийским вином из только что початого кувшина.

- Хорошо хорезмийское вино! - воскликнул мой господин. - Но я немного опасаясь пить его, ведь именно вино погубило того богатого яхуди, что скончался на свадьбе, - заметил он опасливо.

- Нет, купец! - пренебрежительно хмыкнул секретарь. - Иосифа - бен - Шломо погубило не вино, а то, что он пил его в одиночку - сидел и цедил его вечно из своей фляги. Вот кто-то и подсыпал туда яду. А мне только на пользу распить кувшинчик вина вместе с таким уважаемым человеком как ты. И вообще, открою тебе великую тайну, купец, - крикнул Ильяс-мирза и подлил себе ещё хорезмского. - Людей чаще губит не вино, но простая вода! И Иосифа-бен-Шломо погубила обычная вода из бани! Так-то вот, Рахматулло, - поджал он губы.

- Вода? - лениво переспросил бухарский купец, стараясь не выдать своего интереса к рассказу Ильяса-мирзы.

Именно, вода! - подтвердил тот. - Приехал к нам в Благородную Бухару посол одного из персидских государств, с коим нашему светлому хану сегодня выгодно иметь союз, - продолжил секретарь Азиз-бека - А был этот посол мужем великой книжной учёности, поднаторевшим в изучении шариата факихом, хотя, и, безусловно, проклятым шиитом. И всё бы ничего, да только отправился этот посол погреть свои кости в обычную городскую баню, ибо любил выставлять свою скромность напоказ. Что ж дальше? Надо было такому случиться, чтобы по соседству с персидским послом мылся в бане наш яхуди Иосиф-бен-Шломо. И вот брызги воды с тела Иосифа попали на тело

персидского факиха. С того разом слетела вся напускная скромность, и он побежал жаловаться моему хазрату (9), требуя казнить оскорбившего его яхуди. А, надо сказать, персы гораздо более опасаются скверны от яхуди, нежели наши правоверные. Говорят, в Персии яхуди даже нельзя выходить на улицы во время дождя, чтобы мокрая грязь, по которой они ступают, случайно не попала на правоверных, ну, то есть на персидских шиитских собак, я хотел сказать... Так вот про собаку и речь. Опора трона, визирь Азиз-бек терпеливо выслушал персидского посла, а потом, когда он покинул диван, спросил у меня...То есть он спросил сам у себя, а я лишь присутствовал... Итак, калам справедливости начертал вопрос: «Не слишком ли много хочет этот поганый персидский пёс, блюющий на могилы праведных халифов?» Словом, было решено, что Иосиф-бен-Шломо принимает ислам, и проступок его изглаживается, а персидский посол-факих отправляется восвояси, - завершил свою историю Ильяс-мирза. - Разве мог Азиз-бек отдать голову Иосифа-бен-Шломо? Ходят слухи, - потянулся за кувшином секретарь визиря, - что этот яхуди ссужал моего хазрата деньгами, когда хазрат был ещё простым дабиром...И с тех пор Иосиф был, можно сказать, другом хазрата. Надо было видеть как любовно хазрат отпускал ему обрядовую пощёчину, взимая джизью! Но кто же мог знать, что эти подлые яхуди теперь убьют Иосифа?! - сокрушённо вопрошал Ильяс-мирза. - И сейчас они откупятся после его смерти! Ведь яхуди всё умеют превращать в золото, я знаю! - понизил голос захмелевший мирза. - В их домах полно золота!

Купец Рахматулло, за весь вечер лишь чуть пригубивший фиал, глядел на пьяного мирзу бесстрастно, словно размышляя о чём-то своём.

5

Следующим утром наш путь лежал в махаллю яхуди. В те времена яхуди проживали в Бухаре за городской стеной в пределах, именуемых «шахри бирун», что значит «внешний город», либо же по-арабски «рабат», что значит «предместье». Их махалля ютилась возле База-и-Джоу или Ячменного рынка. (10)

- Вай дод! – жалобным воплем встретил нас калонтар Авром –бен-Эзра едва мы вошли в дом и и сняли обувь в сенях-дахлизе. – Вот и вы! А у меня столько дел, столько дел! – посетовал он и пояснил: - При жизни Иосиф помогал стольким людям! Куда их всех теперь пристроить? Вот, например, почтенный учитель, бежавший из земли Аль-Андалус, дабы не жить под властью франков, великий знаток тайн каббалы, именем Самуил из Ильбиры.(11) Покойный Иосиф привечал его и восхищался его знанием священных книг! Куда же теперь

держат путь мудрецу? Нам необходимо, по крайней мере, достойно проводить его, чтобы он встретил наших братьев в другом городе и нашёл себе подходящего покровителя...

- Мне бы хотелось поговорить с дочерью покойного, – прервал купец Рахматулло словоохотливого калонтара. – Это возможно?

- Мы её спрятали, - понизил голос Авром-бен-Эзра. – По вашим законам члены семьи человека, принявшего ислам, тоже считаются мусульманами. Мы не знаем, произносил ли Иосиф клятву перед кадием. На всякий случай мы спрятали Шуламифь в моём доме, но вы, разумеется, сможете переговорить с ней. Шуламифь ждёт вас в хонаикалон, главной комнате дома.

Дочь Иосифа –бен-Шлома встретила нас в траурном платье-курта из ткани чиги в чёрную полосу на белом фоне. Лицо девушки скрывали паранджа и чачван – сетка из конского волоса. По обычаю женщины народа яхуди скрывали своё лицо только лишь перед правоверными.

Купец Рахматулло представился и сообщил Шуламифь, что мы ищем убийцу её отца.

- Разве ты не испугалась, увидев нас? – спросил. он – Вдруг мы от великого визиря и хотим увести тебя к правоверным.

- Нет, не испугалась, - ответила девушка. – Визирь Азиз-бек был другом моего отца, и обещал ему, что я смогу сохранить свою веру, когда мой отец станет мусульманином. Мой отец обещал найти много золота для визиря, а тот за это согласился сделать отца главным казначеем.(12) Неужели, вы верите в эту сказку про оскорбление персидского посла? - хохотнула Шуламифь ледяным смехом. – Мой отец хотел стать главным казначеем великого хана, и для этого ему необходимо было принять вашу веру. А его убийца это тот, кто не хотел, чтобы мой отец ведал казной хана.

- Ты хочешь сказать, что убийцу следует искать среди правоверных? – задал вопрос купец Рахматулло, стараясь скрыть волнение.

Шуламифь в ответ лишь промолчала.

- Или ты хочешь отвести подозрение от того музыканта, с которым твой отец поссорился тогда на свадьбе? – спросил бухарский купец жёстче. – Этот музыкант? Кто он тебе? Ты считаешь его своим женихом?

- Да! – выкрикнула в ответ Шуламифь. – Мы любим друг друга! Но отец подыскал мне жениха из Самарканда из семьи, принадлежащей к сословию кухенов. Я собиралась сбежать вместе с Мухиром. Мы думали, что найдём себе место в доме какого-нибудь вельможи. Мухир бы и играл и пел в мужской половине, а я бы пела на женской половине дома в качестве певицы-созонда...Отец встретил Мухира на свадьбе, а тот не удержался и сказал отцу, что собирается взять меня

в жёны. Но мы не убивали отца! Нам было незачем. Его богатство истощалось и, большая его часть уже потрачена на помощь разным знатокам древних книг и прочим приживалам,- закончила она брезгливо.

- Вот как, - кивнул купец Рахматулло. - А теперь я хочу видеть флягу, из которой пил твой отец в свой последний вечер.

Шуламифь вышла и вскоре вернулась, держа флягу (13) в руках.

- А твой отец, и в самом деле, никогда не пил здешнего вина? - осведомился у дочери Иосифа мой господин.

- Верно, - кивнула та. - Отец в молодости переселился в этот город из земли аль-Андалус. Он выучил здешний язык и даже разбогател, но так и не привык ни к здешней пище, ни здешнему вину, считая их не до конца кошерными. Вот эти строки он любил повторять, я помню их наизусть. И тут девушка произнесла:

Рав Шмуэль бар Бисна не стремился в Маргуан.

Не пил он там ни вина, ни браги.

Потому что вино там из чего? Из того,

Что придётся. А брага из чего? Из того, что найдётся. (14)

Фляга Иосифа оказалась обычной медной флягой.

- Новёхонькая, - заметил бухарский купец. - Едва ли Иосиф привёз её из страны Аль-Андалус.

- Да, - подтвердила дочь Иосифа. - Это фляга у отца недавно, раньше он пользовался другой.

- А вот тут какие-то надписи по-еврейски, - указал я на письмена, украшавшие стенки сосуда.

- Это стихи реб Иегуды Галеви из Туделы,(15) - пояснила Шуламифь. - Отец выучил меня читать, хотя обычно женщинам запрещено знать грамоту. Так что, я могу перевести для вас эти строки, - предложила она и продекламировала:

Век воспевать тебя не перестану,

Пить этот сок вовеки не устану,

Сосуд, что ты прислал, назвал я братом

И пью из уст его нектар и манну,

Пока друзья не скажут мне: «Доколе?

Ужели быть тебе все время пьяну?»

Отвечу я: «Как мне бальзам Гильада

Не пить, ведь он целит любую рану!

И как же мне теперь чураться чары
И юных чар противиться дурману?»

- Именно такие стихи обычно и пишут на флягах, - невозмутимо произнёс купец Рахматулло.

Меня же передёрнуло от мысли, что нектар, услаждавший Иосифа-бен-Шломо в последний раз, был отравлен.

- Это стихотворение называется: «Другу, приславшему сосуд вина», - сказала Шуламифь. - А вот здесь, с другой стороны, ещё одно:

Вот брачный чертог – царство тайных щедрот,
Обитель желанная юной красотки.
В нем Савской царицей она задаёт
Загадки лукавые голосом кротким .
«Бывает ли так, – вопрошает она, –
Чтоб в логово льва лань пришла бы сама,
Не ведая страха томленья, найдя лишь успокоенье?»
«Конечно, – скажу, суть легко усмотрев, –
Ты – храбрая лань, твой жених – добрый лев.»

Я представил, как зарделись щёки девушки под паранджой, когда она читала эти фривольные строки.

- Савская царица... Царица юга, - в задумчивости повторил бухарский купец. - Любительница загадать загадки царю Сулейману. А времени, чтобы разгадать нашу загадку остаётся всё меньше. Но я уверен убийца - это тот, кто подарил твоему отцу медную флягу с выгравированными на ней стихами Иегуды Галеви, - обратился он к Шуламифь, - и думаю, ты сможешь нам его поймать!

6

Старик мирно спал на кровати под балдахином, когда дверь его спальни легонько скрипнула и открылась, впустив фигуру женщины с длинными волосами.

Женщина подошла к спящему старику и позвала его:

- Пробудись, о Самуил из Ильбиры! Я пришла наказать тебя за твою ложь о тайнах каббалы!

- Кто ты?! - испуганно отшатнулся старик, приподнявшись на постели. - Что тебе нужно?! Ты человек или демон?!

- Я - твоя госпожа, царица Савского государства, царица юга, стерегущая тайну превращения свинца в золото. Как ты посмел лгать, что ты владеешь этой тайной?!

Самуил опасливо взглянул на ноги женщины и разглядел вместо них в в полутьме комнаты волосатые, звериные лапы.

- Я... я . не лгал, - запинаясь, промямлил Самуил. - Я всё делал так как было сказано в книгах, но у меня ничего не выходило, ничего! Мне требовалось всё больше мышьяка, ртути и акульих зубов!

- Всё больше? - прервала старика царица. - И поэтому ты втирался в доверие к богачам, своим единоверцам, почитающим Бога Израилева, и выпрашивал у них деньги на свои опыты. А потом тебе пришла в голову мысль, что можно, прихватив деньги у кого-нибудь из них, сбежать из одного города в другой, а деньги потратить не только на мышьяк и акульи зубы, но и на себя?!

- Что поделата, моя царица? - обречённо прошептал старик. - Мне ведь тоже нужно и пить, и есть.

- А когда Иосиф-бен-Шломо сообщил тебе, что примет ислам, - продолжала она, - станет главным казначеем при хане и озолотит властителя Бухары с твоей помощью, вот тогда тебя и охватил страх. Ты понял, что если о тебе узнает визирь, он поймёт, что ты никуда не годный алхимик и подлый обманщик. Сбежать сразу ты не мог, побоялся, что Иосиф привлечёт свои связи при дворе хана и настигнет тебя, верно? - зловеще усмехнулась царица. - Что сделал ты тогда? Говори, и не вздумай лгать!

- Иосиф, давно просил меня подарить ему новую флягу, да такую, чтобы на ней было начертано, что-нибудь связанное с алхимией. Я подарил ему флягу, на которой были выгравированы стихи реба Иегуды Галеви. Стихи о вас, моя повелительница, - сбивчиво принялся рассказывать Самуил. - А внутрь фляги я подсыпал мышьяк! Я рассчитывал, что Иосиф будет пить вино с мышьяком понемногу и умрёт не сразу, когда я уже буду далеко! Но на свадьбе он выпил много вина, потому что поссорился с музыкантом, женихом своей дочери и скончался весьма скоро. Теперь я не мог сбежать сразу. Я собирался уехать из Бухары вскоре после его похорон, прежде чем власти обрушат кару на бухарскую общину...

- Да, лживый трус, ты собирался сбежать! - подхватила царица. - Но от меня тебе не сбежать, ибо эта земля - это моя земля, и мои предки завоевали земли до Самарканда.(16) Как ты посмел преподнести яд во фляге с выгравированными стихами обо мне?! За это я сейчас задушу тебя, также как душу детей по ночам!

- Не убивай меня, владычица юга! - взмолился Самуил из Ильбиры!
- Я всё признаю! Я погубил Иосифа-бен-Шломо, но не забирай мою жизнь за это!

- Я не собираюсь тебе убивать, - ответила та. - Это сделает народ Израиля, потому что все слышали твоё признание.

Тут в спальню вошёл калонтар Авром-бен-Эзра мой господин Рахматулло, несколько прочих уважаемых мужей народа яхуди и ваш покорный летописец Мамед, слышавший всё вышесказанное, как и прочие.

А царица Савская приподняла паранджу. То была Шуламифь в длинном парике. А её ноги были обёрнуты в лён и пеньку, что предало им сходство со звериными лапами. Самуил вперил в неё свой безумный взгляд.

- Ничего, - умехнулся бухарский купец, - Однажды мне явилась многорукая хиндустанская богиня смерти. Но я остался жив, ибо совесть моя была чиста.

- Ну вот, - удовлетворённо вздохнул Авром-бен-Эзра, когда убийцу скрутили увели, - теперь согласно уложению «Вавилонского Талмуда» завтра утром его поставят на колени с руками, связанными за спиной, а затем отрубят голову мечом. Надо же, а с виду был такой благопристойный муж, - сокрушённо поцокал языком калонтар яхуди, а после не удержался и полюбопытствовал у купца Рахматулло: - А как вы догадались, что он – убийца?

Мой господин в ответ степенно откашлялся и принялся объяснять:

- В начале я задал себе вопрос, так откуда же убийца? Кто он? Правоверный, либо же он из вашей общины. Правоверному, помыслил я, сложно было проникнуть в квартал яхуди незамеченным. Если же убийца – яхуди, то он не мог не знать, что власти отомстят за смерть его соплеменника, решившего принять ислам, И, таким образом, пострадают все обитатели квартала, в том числе, и сам убийца. Ты, Авром, можешь возразить мне, что убийца мог и не знать о том, что Иосиф собирается стать правоверным. Но вы живёте замкнутой общиной, и слухи среди вас распространяются быстро. К тому же подсыпать яд в медную фляжку, с которой покойный редко расставался, мог только человек хорошо ему знакомый, человек, которому были известны все его планы. Таким человеком вполне мог быть Самуил из Ильбиры, живший с Иосифом под одной крышей, но в то же время ничем не связанный с общиной вашего квартала. Если бы на ваши дома обрушился бы гнев великого визиря, Самуил попросту сбежал бы в другой город, как, в общем, он и собирался поступить.

Далее, от меня не укрылось, что Иосиф –бен-Шломо был отравлен мышьяком, а мышьяк активно используется именно алхимиками. Пьяная болтовня Ильяса-мирзы о том, что у яхуди полно золота, дала мне первую подсказку. Строки Иегуды-бен- Галеви о царице Савской укрепили меня в моих подозрениях. В алхимии царица Савская является олицетворением свинца, который мудрый алхимик-Сулейман превращает в золото. Отгадать загадку царицы Савской, значит найти путь превращения свинца в золото...Что если Иосиф-бен-Шломо желал познать тайны каббалы и алхимии, а его убийца – алхимик, обманувший его и подсунувший ему фляжку с отравленным вином? Ведь я сразу обратил внимание на противоречие: Шуламифь говорила, что богатство Иосифа истошилось, но он собирался озолотить хана,

получив должность главного казначея. Откуда бы он взял столько золота? Не иначе как при помощи алхимии...

А самый известный алхимик здесь только один – Самуил из Ильбиры. К тому же мне хорошо известно, что алхимики нередко находят себе богатых покровителей, а потом тянут из них деньги, обещая раскрыть тайну превращения свинца в золото. Дошло до меня, что в безбожном Франгистане был так обманут алхимиками один франкский эмир, которого его стремление разгадать тайну привело на костёр. (17)

- Но вы были дерзки, - с восхищением взглянул на бухарского купца Авром. – У вас ведь не было доказательств. Как вы могли предугадать, что Самуил так испугается Шуламифь в образе царицы Савской, что признается в убийстве?

- Царица Савская не только олицетворение свинца в алхимии, - ответил бухарский купец, - но и демон, карающий тех людей, что используют тайны каббалы и алхимии во зло. Самуил из Ильбиры давно смотрел на эти тайны как на источник наживы и презирал тех, кто по-настоящему стремился раскрыть тайну великого превращения. Но в глубине своей чёрной души он верил, что когда-нибудь его настигнет расплата. Нет ничего хуже чем не верить в добро и верить в зло! – закончил он.

7

Визирь Азиз-бек встретил меня и моего господина в своём саду у фонтана.

- На сей раз я доволен тобой, мой Синдбад, - хмыкнул он самодовольно. – Вчера я распорядился выставить голову этого подлого колдуна-яхуди на стенах крепости Арк! (18) А ты будешь вознаграждён и твой слуга-увалень тоже.

- Я благодарю вас, хазрат, - промолвил в ответ купец Рахматулло. – Могу ли я обратиться к вам с ещё одной небольшой просьбой. Дочь вашего друга Иосифа-бен Шломо, то есть, я хотел сказать, Юсуфа-ибн-Сулеймана, именем Шуламифь, а также её жених хотят усладить нашего повелителя своим искусством музыки и пения. Не могли бы вы дать им возможность показать хану своё искусство?

- Разумеется, могу, - милостиво согласился Азиз-бек. – Но, всё же, купец, не забывай, что музыка это искусство, чуждое истинной вере. Говорят, багдадский халиф Мансур (19) однажды нашёл у своей наложницы танбур и так рассвирепел...

Впрочем, я, ваш летописец Мамед из Тебриза, умолчу об участии наложницы халифа Мансура, ибо должно моё повествование сохранить хотя бы одну загадку. Также я умолчу и о том, сколь прекрасна Шуламифь, дочь Иосифа без паранджи.

Примечания:

1. О том, что в мечети Магоки-Аттари имели право молиться евреи (яхуди) указано в книге «Бухара. Путеводитель по архитектурным и историческим достопримечательностям». По одной версии, изложенной в вышеуказанной книге, евреи молились в мечети вместе с мусульманами в одно и то же время, но в разных частях здания. А по другой, еврейская молитва начиналась по окончании молитвы мусульман. Первая синагога была построена в [Бухаре в XVII в.](#) См. Действие рассказа происходит в XV в.

2. О порядке самоуправления еврейской общины в Бухаре упоминается в книге О.А.Сухаревой «Квартальная община позднефеодального города Бухары».

Гузар – так назывались кварталы Бухары с мусульманским населением. Название «махалля» в Бухаре носили кварталы, где проживали религиозные меньшинства, в частности евреи.

3. Кухены – высшее сословие в общине бухарских евреев.

4. Т. е. «Альхамду лилло, ман мусурмон». – Ритуальная формула, которую произносил в Бухаре при переходе в ислам иудей в присутствии кадия (судьи). Тюрбан являлся символом принадлежности к вере ислама, и иудеи носили его редко, формально ношение тюрбана им запрещалось.

5. Здесь и далее подлинные поговорки бухарских евреев, взятые из книги Зои Увайдовой-Хаимовой «Фольклор бухарских евреев» в переводе Рафаэля Алаева. См. интервью с переводчиком <https://stmegi.com/posts/73685/rytsar-folklor-a-bukharskikh-evreev/>

6. Исрозли – название низшего сословия бухарских евреев, составляющих большинство членов общины.

7. Здесь цитируется «Книга пророков и царей» исламского историка Абу-Джафара-ат-Табари (839-923).

8. Чола (букв. «ни то, ни сё») - название, данное мусульманами евреям, принявшим, нередко по принуждению, ислам. Чола были отторгнуты от иудейской общины и не были приняты мусульманским населением. Они жили обособленно и занимались традиционными для евреев ремёслами.

9. Хазрат – повелитель; дабир – писец.

10. Ныне на месте ячменного рынка в Бухаре находится площадь Ляб-и-Хауз. Старый еврейский квартал стал частью города после постройки новой крепостной стены в XVI в.

11. Аль-Андалус – название испанских земель, находящихся в то время под властью мусульман; Ильбира – арабское название Гранады.

12. Принявший ислам еврей по имени Арони Кандин был главным казначеем бухарского эмира в XIX веке. См. О.А.Сухарева «Бухара XIX – начала XX в. (Позднефеодальный город и его население)».

13. Схожая медная фляга, на которой можно было прочесть стихи о вине на древнееврейском языке, была найдена в запасниках Самаркандского государственного музея-заповедника исследователем М. И. Носоновским в 1992 г. См. Мих.Носоновский «Бухара, Самарканд и далее: Очерки по истории бухарских евреев и других еврейских общин Востока», Нью-Йорк, 2005. См. https://jhist.org/code/pdf/buhara_samarkand.pdf

14. Талмуд, Авода Зара 30б. Перевод Э.А.Гутиной. Маргуан – древнее название г.Мерв (Мары) в Туркмении.

15. Иегуда-бен-Шмуэль Галеви из Туделы (1075-1141) – еврейский поэт, писавший стихи на древнееврейском языке. Стихи даны: Первое в переводе Шломо Кроля (помещено в журнале «[Двоеточие](#)»). Второе дано [в переводе А.Тарновицкого](#).

16. Согласно средневековым еврейским легендам царица Савская отождествлялась с Лилит, первой женой Адама, и убивала новорожденных детей. По еврейскому преданию вместо ног у царицы Савской были волосатые звериные лапы. Также она иногда именовалась «Царицей Самарканда», потому что Самарканд был завоёван одним из её потомков. Возможно также, «Царица Самарканда» это искажённое «Царица Смарагда» т.е. «Царица Изумруда». См. Р.Байер «Царица Савская».

17. Здесь подразумевается маршал Франции Жиль де Рец (1405-1440).

18. Арк – древняя крепостная цитадель Бухары, известная ещё с доисламских времён.

19. Халиф Мансур – халиф из династии Аббасидов. Царствовал в 754-775 гг. Танбур - струнный, щипковый инструмент наподобие лютни.

Шерзод Артиков

Узбекистан

Вальс дождя

Перевод с узбекского Ироды Холбековой

- Что случилось с вашей ногой?

Дверь была приоткрыта, поэтому я и не заметил, как вошла Назокат.

- Иногда так болит, - сказал я, разминая левое колено и морща лоб.

Назокат повесила пальто в шкаф и положила туда же свою сумку. Сегодня она выглядела более воодушевленной. Ее вчерашняя усталость куда-то исчезла, и было заметно, что она горит желанием побыстрее начать занятия - она сразу села за пианино.

- Бетховен был бы мной доволен, - сказала она, взяв ноты в руки и пробежав их глазами, - я много играю его сонату и здесь, и дома.

Я пару раз согнул, разогнул колено и встал.

- Уже немного времени осталось до конкурса. Мы должны успеть. Пальцы Назокат пробегали по черно-белым клавишам.

- Глядя в ноты, я играю без ошибок. Но, когда играю наизусть, – начинаю ошибаться, – сказала она.

И снова, так же, как и вчера, звучало пианино «Беларусь» и соната Бетховена, посвященная девушке по имени Элиза. Я смотрел на Назокат, она старалась не смотреть в ноты. Играла она медленно и внимательно, ни на что не отвлекаясь.

- Ты в этот раз трижды ошиблась, – сказал я.

Назокат вопросительно на меня посмотрела. Я указал, в каких местах была ошибка, невольно к ней приблизившись.

- Вам лучше пойти к врачу, – сказала она, глядя на мое левое колено, слегка согнутое от боли. – Я сама позанимаюсь.

- Не надо, – ответил я.

Я много занимался с Назокат. До традиционного конкурса молодых пианистов, организованного в городском культурном центре, оставалось не более двух дней. Времени было мало, а работы было еще много.

- Иногда мне хочется разорвать эти ноты, они мне мешают, – сказала Назокат, когда мы с ней вошли в кафе.

- Ты же знаешь – без нот ты ошибаешься.

- Вы не ошибаетесь, и я тоже научусь.

Мы заказали два кофе. Было начало октября, и погода стояла холодная и ветреная. Горячий кофе был как раз кстати.

- Почему вы для конкурса выбрали Бетховена? – спросила Назокат, медленно отпивая кофе. – Если бы это зависело от меня, я выбрала бы другого композитора.

- Бетховен совершенен и подходит для конкурса. Именно поэтому я выбрал его.

- Но на конкурсе исполняют не только Бетховена, но и Шопена или Штрауса, – сказала она задумчиво, – и так ежегодно. Подобное постоянство когда-нибудь наскучит.

Я разминал колено, оно снова начало болеть. Назокат, помолчав, сказала:

- Вы, действительно, должны пойти к врачу. Не отказывайтесь. Я буду сама заниматься, пока вас не будет.

Я засмеялся.

- Уговорила.

Назокат, по-видимому, усердно занималась, пока я не вернулся от врача. Она даже немножко вспотела.

- Эти боли из-за той автомобильной аварии? – спросила она, повернувшись ко мне, когда я курил сигарету, сидя в кресле возле окна.

- Да, тогда я сильно повредил левую ногу. С тех пор болит на холодную погоду.

Изо дня в день Назокат усердно занималась. Сегодня ее исполнение приблизилось к совершенству. Это меня радовало. Вскоре она ушла. Почему-то, прежде чем сесть в такси, она посмотрела на окно, в котором стоял я. На миг наши глаза встретились. Я смущенно закрыл занавеску и отошел от окна, бросив сигарету в пепельницу. Вечером, когда я читал записки Бетховена, переведенные на русский язык, мне позвонила Назокат.

- Как ваша нога, не болит? – сказала она.

- Еще болит. Оставит ли она меня когда-нибудь?!- ответил я ей откровенно.

- Я хочу вам кое-что сказать ... завтра я хотела бы поработать дома. Я к вам не приду. Можно?

- Пусть будет по-твоему, - ответил я, подумав, что у нее для этого есть какая-нибудь веская причина.

Я встретил Назокат в день конкурса возле культурного центра. Она была нарядно одета. Её волосы, обычно собранные в строгую прическу, были уложены более красиво. Внешне она выглядела бодрой и пыталась улыбаться, но ее запавшие глаза были утомлены. Вместе с ней пришли ее родители и близкая подруга.

- Как ваше здоровье? – беспокожно спросила она.

Всю ночь у меня болело колено и, по-видимому, мой вид это выдавал. Она продолжила:

- Вам нехорошо.

- Пойдем в зал, - сказал я и показал руками что самочувствие у меня в норме.

Мы вошли в зал. Нас встречали организаторы конкурса. Зал был переполнен. Сотни людей ... большинство из которых были родственниками конкурсантов и их руководителями. Были здесь и редкие любители классической музыки.

В конкурсе участвовали около двадцати человек. Конферансье представил публике конкурсантов, жюри, организаторов - и конкурс начался. Я сидел в первом ряду, и мне хорошо был виден коричневый рояль в центре сцены.

Первые три участника были намного менее талантливыми, чем Назокат. Исполняя произведения Шопена, Рахманинова и Шостаковича, они во многих местах ошибались. Другие участники были, как минимум, на уровне Назокат. Только девятый участник – рослый парень – изумительно исполнил музыкальное произведение Шумана.

- Наша очередная участница – Назокат Ахмедова, - объявила ведущая. – Исполняется «Вальс дождя», композитор – Акмаль Рустамов.

Назокат вышла на сцену и, садясь за рояль, искала меня глазами. И я не отрывал от нее глаз... я смотрел на нее с мольбой, словно хотел крикнуть: «Всё, довольно». Мое сердце болело и учащенно билось ... А она играла, вальс продолжал звучать. Назокат играла удивительно хорошо, и весь зал безмолвно ее слушал. И только я один боролся со своими страданиями и воспоминаниями. Она играла вальс, сочиненный когда-то мной. Я написал этот вальс незадолго до того, как моя жена погибла в автомобильной аварии. Этот вальс причинял мне невыносимые страдания каждый раз, когда я его исполнял. В глазах становилось темно, и сердце вырывалось из груди. Именно поэтому я доиграл его до конца только раза три. Это был почти забытый вальс, который пылился в папке в моем кабинете.

Я встал и прошел за кулисы. Здесь стояла Назокат и наблюдала за выступлением следующего участника.

- Вот ваш вальс, - сказала она, увидев меня, - и вручила мне ноты.

- Зачем ты это сделала? – спросил я, скомкав ноты.

Назокат с интересом слушала рапсодию Листа.

- Замечательно написано, именно поэтому мне захотелось его исполнить, - сказала она, обернувшись ко мне.

Я вернулся на свое место. К этому времени уже все конкурсанты закончили свои выступления и пришла очередь объявить заключительное решение жюри.

Судьи долго обсуждали и, наконец, признали победителем рослого парня, который в совершенстве исполнил Шумана. Назокат дали второе место. Подруга и родители подошли ее поздравить.

После окончания конкурса, организаторы заинтересовались моим мнением о конкурсе. Пообщавшись с ними несколько минут, я пошел к выходу.

Назокат догнала меня и остановила.

- Вы обиделись от меня? – сказала она, посмотрев мне в глаза.

- Должен ли я веселиться? – ответил я, стараясь не смотреть на нее. - Во-первых, ты растревожила мою душевную рану. А во-вторых, если бы ты сыграла Бетховена, то победила бы. Ты была хорошо подготовлена.

- А я вам говорила, что надоело исполнение одних Шопена и Бетховена, - она глубоко вздохнула. – Вы сочинили поразительную музыку.

Не желая продолжать этот разговор, я махнул рукой и вышел на улицу. Был сильный ветер, желтые листья взлетали и кружились в воздухе, словно птицы. Назокат шла рядом.

- Эта авария была несчастным случаем. Перестаньте винить себя в смерти жены. На вид вам не больше тридцати, но вы словно заживо себя похоронили. Я перелистывала папку в вашем кабинете. В ней есть

сонаты и вальсы ... один прекраснее другого. Честное слово, они изумительны.

Услышав это, я остановился и повернулся к Назокат.

- Тогда ... когда я был за рулем, мои руки были на руле, но мысленно я играл этот проклятый «Вальс дождя». Я отвлекся от дороги, потому что играл этот вальс. Ты это понимаешь?! – я лишь потом осознал, что громко кричал.

Назокат со слезами на глазах попыталась подойти ко мне, но я остановил ее рукой.

- Так, не стой на холоде. Сильный ветер. Вот родители твои идут и подруга твоя. С ними делись впечатлениями и празднуй свое достижение. Иди.

Назокат не сдвинулась с места. А я отвернулся и уверенно пошел прочь. Уже подходя к остановке, я вдруг почувствовал, что не в силах ждать автобуса, и махнул рукой, подзывая такси.

В этот момент я не хотел идти домой. Я приехал туда, где мог вспомнить свое прошлое, встретиться с ним лицом к лицу.

Я одиноко гулял по парку, потеряв счет времени. На углу была площадка для кормления голубей, и я направился туда, прямо в самую гущу сотен голубей.

Наконец, решил пойти на работу. У меня не было уроков, так как была суббота. Просто мне хотелось скрыться в своем кабинете и сесть за инструмент.

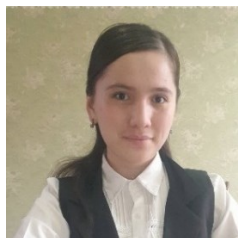
Поднявшись по лестнице, я изумился, увидев возле дверей Назокат.

- Ты что, теперь всегда будешь гоняться за мной? – спросил я.

Назокат обессиленно опиралась на дверь.

- Да... Всю жизнь...

Ирода Холбекова
Узбекистан

Мини-интервью с переводчиком рассказа Иродой Холбековой

Ирина Чайковская. Ирода, где вы так хорошо научились русскому языку?

Ирода Холбекова. Я выучила русский язык во время подготовки к олимпиаде по русскому языку.

И. Ч. Вы учились искусству перевода? Если да, то где?

И. Х. Я не училась искусству перевода. Когда мне было 14 лет, я начала переводить рассказы с русского языка на свой родной язык, мои учительницы русского языка и литературы помогали мне исправлять мои ошибки. Даже сейчас они не отказывают мне в помощи*.

И. Ч. Почему вы выбрали сначала для перевода, а потом для отправки в наш журнал именно этот рассказ именно этого автора?

И. Х. Я решила отправить перевод рассказа Шерзода Артикова в ваш журнал, потому что это произведение мне очень нравится. Если даст Бог, я постараюсь перевести и остальные рассказы и эссе, написанные Шерзодом Артиковым.

И. Ч. Шерзод печатается на узбекском языке?

И. Х. Рассказы и эссе Шерзода Артикова печатаются не только в узбекских, но и в зарубежных литературных журналах и на сайтах.

И. Ч. А для вас это дебют в журнале в качестве переводчика?

И. Х. Мои переводы с русского языка на узбекский опубликованы в республиканских журналах и на литературных сайтах. Мой первый перевод с узбекского языка на русский язык рассказа "Следом за мечтой" публиковался в казахстанских, украинских и немецких русскоязычных журналах "Дактиль", "Автограф" и "Мастерская".

И. Ч. Что скажете о русском языке в Узбекистане...

И. Х. Я хочу сказать честно, что мои соотечественники говорят смешивая русские слова с узбекскими в каждом предложении. Я

думаю, что это самый прискорбный случай для каждого народа, потому что человек должен хорошо знать свой родной язык, чтобы научиться чужому языку.

* Ирода родилась в 2004 году, следовательно ей сейчас всего 17 лет, она учится в школе..

Татьяна Покопцева

С.-Петербург, Россия

Любовь (Дебют)

Город блестел на солнце. Был конец марта. Даже те, кто никогда не вдыхал весенний солнечный воздух оттаивающих от снега улиц, невольно шмыгали носом, проходя по мокрому асфальту. Пахнет, как пахнет! Пахнет волосами без шапок, пахнет водой, которая неуверенно, но уже сильно бьёт по бокам гранитных набережных.

Обычный день весны. Но он такой один и больше никогда за миллионы лет не повторится.

«Вывеску нужно бы покрупнее сделать», — думал Миша, подъезжая к своему маленькому салону на окраине города. Он вышел из старенького фиата и стремительно подскочил к двери. Открыл. До прихода первого клиента еще целый час, нужно успеть всё подготовить: и он принялся убирать, расставлять, протирать и двигать.

Одно зеркало и маленькая прихожая с крючками для одежды. Ничего больше. Даже услуг маникюра не держал. Дорого. Открыв свой салон год назад, он уже дважды успел побывать в яме долгов, и потому решил работать один.

— Ты дурачок! — бывало повторяла его мать. — Зачем бросил Университет? Один сын стрижет, другой вообще неизвестно кто!

«Неизвестно кто», так она называла своего младшего сына, который служил священником в небольшом селе недалеко от города.

Мать – дочь коммуниста, была далека от религии и веры, ничего в этом не понимала, понимать не хотела. У неё до сих пор в квартире стоял бюст Ленина. Что тут скажешь.

А Миша, переживая нелюбовь матери, часто ездил к брату, в село, стоял с ним службу, а после, они долго разговаривали за чашкой трижды заваренного чая без сахара. И ближе, чем брат, у Миши никого не было.

— Любви ищу, а не нахожу. Мне уже тридцать скоро. — Так он жаловался брату-священнику. Тот опускал голову и тихо отвечал:

— Что ты считаешь любовью? Салон свой любишь? Машины красивые любишь? Путешествовать, вкусно поесть? Всё любишь. А любви внутри не имеешь.

— Я тебя люблю. Маму, отца.

— Это привязанность, брат. Отними меня у тебя, или родителей, ты будешь чувствовать нехватку, нужду. А потом время сотрёт и это. И как будто и не было нас. Любовь это другое.

— Только не нужно мне говорить, что Бог — это любовь. Всё это в книжках пишут!

— Если не умеешь плавать, не говори, что вода холодная.

— Вот ты, с Богом живёшь, и что? Один служишь в церкви, куда два человека с половиной заходят! Дома нет, ютишься в старой бане! С родными не видишься!

— У меня есть самое главное — любовь, и я её раздаю, а её всё больше становится.

Миша вспомнил этот разговор и сегодня. Подошёл к зеркалу. Попытался улыбнуться сам себе. Не вышло. Грустное вытянутое лицо с морщинами на лбу, меж бровей, мешки под глазами, дряблые руки. А ему еще нет тридцати. «Я некрасивый», — подумал Миша и почему-то захотелось заплакать. Но тут хлопнула дверь. Клиент. Женщина лет тридцати. Тощая такая. Глаза уставшие.

— Здравствуйте! Проходите, садитесь. — Миша помог ей раздеться и повесил пальто.

Темные густые волосы спустились по пояс. Она села в кресло, и взгляд её вдруг стал не растерянным, как минуту назад, а сосредоточенным, спокойным, решительным.

— Подстригите меня коротко пожалуйста.

— Как коротко? Пять-шесть сантиметров?

— Нет. Под мальчика.

Миша присел на стул. Не нашёлся, что сказать, а спросил:

— У вас кто-то умер?

— У меня каждый день кто-то умирает, — грустно сказала она. Я работаю в хосписе. Там есть девочка, лысая совсем, которая мечтает о длинных волосах. Я хочу ей сделать парик. Из своих волос, видите, какие красивые, натуральные, густые, и ей подойдут. — Она тряхнула

своей головой, и массивный каскад волос разбил воздух. — Стригите. Нет времени совершенно.

Парикмахер молча начал её стричь. Прядь за прядью. Прядь за прядью. Она молчала.

— Вот и всё. — Миша снял фартук и убрал ножницы .

— Спасибо. Вы знаете, где я могу теперь сделать парик?

— Да, сейчас. — Он быстро сходил за записной книжкой и телефоном. — Они тут, недалеко, сам к ним обращался. Сделают быстро. Я Вас могу подвести. У меня нет сегодня больше никого. — Миша не понял, почему он это предложил, само как-то вышло.

— Спасибо. Как Вас зовут?

— Миша, то есть Михаил. А Вас?

— Светлана. — Она улыбнулась. И тут же исчезла её усталость и синяки не стали так заметны. С этой стрижкой под мальчика, она показалась ему интересной.

Через три часа они были в хосписе с париком. Девочке было двенадцать лет. Она была ясноглазая, бледная и высокая. Теперь уже с длинными волосами.

— Спасибо, — тихо сказала девочка. — Я теперь красивая к Богу пойду.

— Да что ты! Подожди! Еще свои отрастут длиннее этих! — смело улыбнулась Светлана и обняла девочку. — Я пойду чай поставлю, гостя угостим. Он по волосам, кстати, профессионал.

— Я парикмахер.

— Садитесь, — сказала девочка, указав на свою кровать.

Они сели.

«Скорее бы чай и уехать отсюда», — думал Миша и смотрел в стену.

А Девочка смотрела на него.

— Вы такой красивый, — сказала она тихо. — Я Вас так люблю! За красоту Вашу! За то, что Вы парикмахер! За то, что приехали ко мне! Люблю!

Миша повернулся к ней в недоумении и страхе. — Да что ты! Ты же меня не знаешь совсем! Не говори глупости! — Тут он осекся, посмотрев в её округлившиеся от обиды и страха глаза. — Нет-нет, прости, я не так хотел сказать. Прости.

Девочка отвела глаза и начала смотреть в окно. Потом тихо продолжила:

— А я всех хочу любить. Времени так мало осталось. Нужно всех охватить. Когда меня уже не будет здесь, моя любовь останется. Это важно. Останется, понимаешь? Можно, я на ты? — Она остановилась и вопросительно посмотрела на Мишу. Он кивнул. — И в тебе она тоже останется, и ты не сможешь жить как прежде, потому что будешь знать, что тебя любили! Я не плачу, что умру. Даже не знаю, что такое

смерть. — Она снова посмотрела на Мишу, будто проверяя, не испугался ли он её слов. Но Миша молча смотрел на неё. — Нам священник говорит про то, что смерть — это уход в Вечность. Но для меня всё это непонятно. Я для себя решила, что раз Бог Воскрес во имя любви, то смерти нет, если любовь есть. Вот как-то так. Может, спутанно немного, но как умею. — Она виновато улыбнулась. — Поцелуй меня пожалуйста.

Миша едва коснулся губами её мокрого и холодного лба. — Я тебя тоже люблю, — тихо, но с напряжением, произнес он. И когда он это сказал, внутри почувствовал что-то, чужое, но благодарное, что-то проникло и надломило.

Она смотрела преданно на него своими большими прозрачными глазами и улыбалась.

— Там солнце? На улице? Я не выхожу уже несколько дней.

— Да, весна.

— А птицы? Птицы уже прилетели?

— Наверное. Да не знаю я! Не обращаю внимания. — Миша вздохнул. Эти вопросы застали его врасплох. Где-то в глубине живота зашипело, свело, схватило, — страх. Пульс стал бежать быстрее. «Я даже не знаю, прилетели ли птицы... Когда я последний раз слушал и слышал птиц?» Он вспомнил лето в деревне у дедушки, когда дед вставал в 5 утра и шел по росе, брал его с собой. И там, стоя босыми ногами на холодной и мокрой земле, Миша вместе с дедом слушали птиц. У деда ноги были такие большие, с венами выступающими, и мизинец был обрублен, это ещё с войны. Миша тогда тоже хотел такой мизинец, представлял, как перед мальчишками похвастается. «Не отвлекайся, — говорил ему дед. — Слушай! Всё утро, весь будущий день говорит с нами на разных языках». Так и было. Миша слышал ветви яблонь, слышал облака, слышал щебетание птиц, а где-то вдалеке кукушку. От этих воспоминаний он сейчас улыбнулся, посмотрел на девочку. Она теребила свои волосы и о чём-то думала.

— А я люблю танцевать. — Вдруг сказала она. Люблю танцевать! — И тотчас подкинула тонкие руки вверх, стала крутить их, изгибать, изображая движение, чем-то напоминающее крылья. — Больше всего на свете люблю танцевать! А ты? Любишь?

— Нет. — Миша зажмурился от невыносимого чувства непричастности ко всему, что происходит. — У меня нет ни времени на то, чтобы танцевать, ни желания.

— Жаль. — Девочка легла на кровать и закрыла глаза. Волосы быстро разбежались по белой подушке. — Светлана, она хорошая. Учится в институте и ко мне приезжает. Мне её жалко. Мы тут все понимаем, что уйдем, и спокойны, а вот те, кто остаются, страдают больше нас. Иди, чай попей. Я что-то устала уже. Сразу выйдешь из комнаты, направо поверни, там дверь с зеленой табличкой. Тебя ждут.

— Да, я пойду уже. Спасибо. Поговорили хорошо.

— Да, хорошо. До свидания. — Она уже закрыла глаза и повернулась к стене.

Миша тихонько вышел и прикрыл дверь.

Через час Девочки не стало.

Миша возвращался в город растрепанный, страшно уставший, заплаканный, но он теперь понимал, что реальность не может быть только такой, как у него. Ещё не поздно что-то сделать.

Он остановился возле старой хрущевки. Пятый этаж.

— Mam, привет.

— Чего приехал?

— Собирайся. Поедем.

— Куда?

— Птиц слушать.

— Ты с ума сошел? — Мать приложила влажную ладонь к его лбу.

— Нет, мам, поехали. Ты же все равно дома сидишь. Жду внизу.

Мать с опаской посмотрела на сына, но оделась и через десять минут спустилась к машине.

День подходил к концу. Небо стало пасмурным и тяжелым. Обещали ночью грозу. Перистые облака нависли над городом. Всё стало затихать, будто готовясь к чему-то важному или страшному. День заканчивался. Все торопились домой, в укрытие, даже вороны, и те, спрятались под крышей. День закончился. Наступила ночь.

Часть 14. Поэзия

Наталья Нестерова

Лариса Миллер

Москва, Россия

Сама не знаю, как попала

Сама не знаю, как попала
Я в эту группу возрастную.
Я день и ночь стихи кропала.
С бессонной музой одесную.
Она на дудочке играла,
Играла горестно и страстно,
Пока я рифму подбирала,
Что этим звукам сопричастна.
И я опять была в начале,
В начале дня, строки, страницы,
И пели все мои печали
Звончее самой звонкой птицы.
И не пойму я: эти годы
Как и откуда нарастают,
И жду, что вешние погоды
Наступят, и года растут.

Виктор Есипов

Москва, Россия

Ночью ломился в оконницу ветер

Ночью ломился в оконницу ветер,
будто бы кто-то играл на гобое
или, скорее, играл на кларнете,
стёкла секло ледяною крупюю.

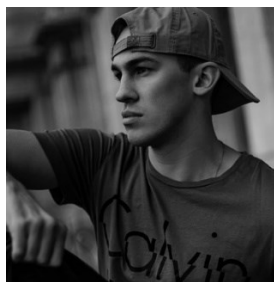
То холодильник включал обороты,
то я и сам ощущал, что не спится –
снилось под утро абстрактное что-то,
не возникали знакомые лица...

Утром ослеп после взгляда в окошко:
снег на траве, на ветвях, на ограде,
и умывалась проказница-кошка,
ночь промурлыкав в хозяйской кровати.

Кофе не стоило б пить спозаранку,
но выпиваю, не сладив с собою –
и выхожу, нахлобучив ушанку,
в утро туманное, в утро седое...

Денис Кальнов

Пенза, Россия

Качнулся маятник чуть влево на часах (Дебют)

Качнулся маятник чуть влево на часах,
Невольно держится в уме посредством Цейса
Структура, что находится во всех вещах:
Рисунок атомов и транспортного рейса.
Всё в той же форме снится кошкам молоко,
И наутилусы плывут в своей спирали,
Пространству вторит Андромеда далеко,
Циклоны те же логарифмы повторяли.
И простынь скатерти подобны парусам,
Когда их воздух после стирки поднимает,
И он же образ Махаона дал плащам,
Клочок газеты вместе с птицей улетает.
Качнулся маятник чуть вправо на часах.
Вернемся к кошкам, пирамиды, как их уши,
От медальона что-то есть в дверных ключах —
Текстура времени, рельеф, но только уже.
Имеют сходство руки плотника с корой
Деревьев тех, что в свою очередь похожи,
На долгожителей, живущих под луной,
Узор на лбу, ультрамариновая кожа.
И повторяются сюжеты в крепких снах,
На негативе свет и тени поменялись,
Качнулся маятник, и полночь на часах,
На бледный луч два шелкопряда устремлялись.*

*Автор пояснил последнюю строчку: «Эта строчка завершает стихотворение, возвращаясь по аллюзии к строке "И он же образ Махаона дал плащам» - здесь речь идет о ветре, который придает вид бабочки на быстром ходу расстегнутому плащу, я описываю принцип подобия, повторение спиралей и образов, которые повторяются снова и снова в вещах, которые друг с другом не связаны в реальности, поэтому реальная бабочка, а именно ночная, к которой относятся несколько видов шелкопряда, завершает стихотворение, летя на свет, явлением до сих пор точно не описанным. А в конце потому, что поток мыслительного образа заканчивается и переходит в реальный пейзажный штрих, находящий отражение в самом стихотворении».

Лора Завилянская

Бостон, США

Мне старость подана на третье

Мне старость подана на третье...
Перехожу я всякий раз
В новейшее десятилетие
Как будто бы из класса в класс.
Я прошлое в деталях вижу –
Они проходят предо мной...
И придвигается всё ближе
Последний вечер – выпускной...

В этом возрасте не стыдно умирать.
Мне не нужно больше камни собирать.
Завтра утром, чуть появится роса,
Постараюсь эти камни разбросать.
К океану рано утром подойду,
Я на пляже гальку плоскую найду.
Пусть попрыгает, поскачет по волнам,
Как когда-то доводилось прыгать нам.

Что ж - на земле пустой и плоской
теперь лови
Все отзвуки и отголоски
Былой любви.
Их мало, их обидно мало,
Но каждый звук

Хранит неяркий цвет коралла
И нежность рук,
И запах снега на рассвете,
И блеск луча...
Ловлю, лелею звуки эти,
Пускай звучат.

Любовь Фельдшер

Нетания, Израиль

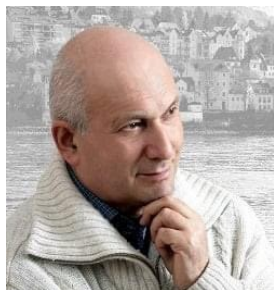

Малеевка

Малеевка... В сугробах след.
Лыжня и терпкий запах хвои.
Там жил приятель мой - поэт,
Он рад был встретиться со мною.
Дом творчества. Элиты блеск.
Предел желаний и мечтаний.
И тишь на сотню верст окрест -
Святое место для писаний.
"Послушай, вот, еще одно", -
И он читал мне вдохновенно,
И синим инеем окно
Окрашивалось постепенно.
Все, что нахлынуло потом,
Никак с тем днем не увяжу я.
Он горевал в краю чужом.
Болел, по родине тоскуя.
Стихи... Забылись и они.
Две строчки в памяти осели.
Но снег, Малеевка, огни,
И нашей молодости дни
Не выцвели, не постарели.

Аркадий Ляховецкий

Кобленц, Германия

Новороссия

Все тот же извечный расклад:
Жизнь хрупкую выставив на кон,
Нет выбора - рай или ад,
Всегда результат одинаков.

Свою выбирая судьбу,
То гневом полны, то восторгом,
Мы древних молитв ворожбу
В кармане храним гимнастерки.

Вжимаясь в суглинок, подзол,
В разбухшую грудь чернозема
Вновь держим ответ за разор
Земли и родимого дома.

С какой стороны ни взгляни
В кружок с перекрестьем прицела,
Безумие малой войны
Не знает границ и пределов.

Но точно опасный чудака,
Сбежав из палаты больничной,
На хламом забитый чердак,
Размашисто чиркаем спичкой.

Евгений Сливкин

США

На кладбище варшавских повстанцев

На повстанческом кладбище надпись
на чужом – прозвучала на нашем,
уложившись в трёхстопный анапест:
Лейтенант Красной Армии Саша.
Без труда она переводима,
а другие – не перетолмачишь...
На могилах бойцов – псевдонимы:
«Зоська», «Вили», «Парасоль» и «Матяш».
Лейтенант Красной Армии Саша,
в оседающем пепле и дыме
без фамилии павший и спасший
Красной Армии честное имя.
Беглый лагерник – прежнее званье
он в подполье носил, не позоря.
Пусть над этой плитою славяне
старый спор меж собою доспорят!
Обгорелый, растерзанный, страшный –
он встаёт с автоматом на шее.
Лейтенант Красной Армии Саша...

Как мой батя, дошедший до Шпрее.

Михаил Гаузнер

Одесса, Украина

Из Джеймса Райли. Если иней лег на тыкву

Джеймс Уиткомб Райли (1849 -1916) – известный американский поэт. Его первые поэтические опыты одобрил Генри Лонгфелло. Печатался в литературных журналах и крупных газетах. Один из основателей ассоциации Western Association of Writers.

Получил докторскую степень по литературе в ряде университетов. Член Американской академии искусств и литературы, награждён специальной медалью этой Академии.

После смерти Райли газеты стали называть его «Национальным поэтом», «Поэтом-лауреатом Америки» и «Народным поэтом-лауреатом».

ЕСЛИ ИНЕЙ ЛЁГ НА ТЫКВУ

Первый иней лёг на тыкву, и весь хлеб уложен в стог,
И индюк курлычет громко, он надут и очень строг,
Утки крикают привычно, и куриный слышен хор,
И петух рвёт горло, гордо взгромоздившись на забор;
Отдохнули люди ночью, вновь звучит весёлый смех,
Утром солнце ярко светит, чтоб приветствовать их всех.
Корм даёт скоту крестьянин, из трубы идёт дымок,
Если иней лёг на тыкву и весь хлеб уложен в стог.

Всё спокойно в атмосфере, посвежели вечера
И прохладю сменилась надоевшая жара.
Нам, конечно, не хватает пенья птиц, жужжанья пчёл,
Все цветы уже завяли, лист берёз позолочён,
Воздух вкусен, свеж, прозрачен, в нём следа от дымки нет,
Весь пейзаж открыт и ясен, ранним солнышком согрет,
Тишина и мир в природе, веет лёгкий ветерок,

Если иней лёг на тыкву и весь хлеб уложен в стог.

Пожелтела кукуруза и уборки ждёт она,
Чтобы много мы собрали полновесного зерна,
В поле сжаты все посева, в нём осталось лишь жнивье,
А амбар зерном отборным уж наполнен до краёв.
Поместил в сарае жатку, сноп соломы – под навес,
Кони в стойлах отдыхают, сверху клевер сложен весь,
Сердце бьётся ровно, чётко, можно и поспать чуток,
Если иней лёг на тыкву и весь хлеб уложен в стог.

Фрукты все в саду собрали, и в подвале на полу
Кучи яблок разноцветных и у стенок, и в углу,
Сидр отличный получился; колбаса и маринад,
Свежий фарш, пюре из яблок у детишек нарахват!
Если б Ангелы волшеббно проявили интерес
И внезапно захотели прилететь ко мне с небес,
От души всю чудо-стаю я принять бы в доме смог,
Если иней лёг на тыкву и весь хлеб уложен в стог.

WHEN THE FROST IS ON THE PUNKIN

By James Whitcomb Riley

When the frost is on the punkin and the fodder's in the shock,
And you hear the kyouck and gobble of the struttin' turkey-cock,
And the clackin' of the guineys, and the cluckin' of the hens,
And the rooster's hallylooyer as he tiptoes on the fence;
O, it's then's the times a feller is a-feelin' at his best,
With the risin' sun to greet him from a night of peaceful rest,
As he leaves the house, bareheaded, and goes out to feed the stock,
When the frost is on the punkin and the fodder's in the shock.

They's something kindo' harty-like about the atmusfere
When the heat of summer's over and the coolin' fall is here –
Of course we miss the flowers, and the blossums on the trees,
And the mumble of the hummin'-birds and buzzin' of the bees;
But the air's so appetizin'; and the landscape through the haze
Of a crisp and sunny morning of the airly autumn days
Is a pictur' that no painter has the colorin' to mock –
When the frost is on the punkin and the fodder's in the shock.

The husky, rusty russel of the tossels of the corn,
And the raspin' of the tangled leaves, as golden as the morn;

The stubble in the furries – kindo' lonesome-like, but still
A-preachin' sermons to us of the barns they grewed to fill;
The strawstack in the medder, and the reaper in the shed;
The hosses in theyr stalls below – the clover over-head! –
O, it sets my hart a-clickin' like the tickin' of a clock,
When the frost is on the punkin and the fodder's in the shock!

Then your apples all is gethered, and the ones a feller keeps
Is poured around the celler-floor in red and yeller heaps;
And your cider-makin' 's over, and your wimmern-folks is through
With their mince and apple-butter, and theyr souse and sausage, too!

...

I don't know how to tell it—but ef sich a thing could be
As the Angels wantin' boardin', and they'd call around on me –
I'd want to 'commodate 'em—all the whole-indurin' flock –
When the frost is on the punkin and the fodder's in the shock!

Николай Голь

Санкт-Петербург, Россия

Воспоминание

Это было, было в городе N.
В сердце шрам от старой раны саднил,
Но явился добрый джинн с двумя эн,
Да еще с одной бутылкой - с одним.
Поклонился до земли, а потом,
Точно так же, как явился извне,
Джинн с двумя исчез как некий фантом,
Но с одним зато остался при мне.
И подумал я, сигаркой дымя,
Взгляд вперяя в законную тьму:
Как вернуть назад мне джинна с двумя,
Чтоб не дуть мне джин с одним - одному?
Ведь один среди людей одинок
И не ждать ему благих перемен...
Но когда я сделал энный глоток,
Стало мне не до количества эн.

Татьяна Белянчикова

Москва, Россия

Растушеваны краски

Февраль.

Металлический дождь.
Этот грубый художник
писал непогоду с азартом.
Всё богатство твоё -
бездорожье и бледная карта.
Ни слезы, ни усмешки, ни сил,
но встаёшь и идёшь.

Как же хочется криком прогнать
этот тягостный сон,
где по льготному курсу
меняют надежду на ярость,
где разбиты часы,
обжигающе ясен диагноз
и бессмертные тучи
цепляются за горизонт.

А с обочины мутные годы
глядят тебе вслед.
А судьба под ногами елозит
и стонет потешно.
...Если долго шагать через ночь,
то в конце неизбежно
нарисуется дверь,
за которой
шаманит
рассвет.

Сергей Филиппов

Москва, Россия

Не сносить, не сносить непременно

Не сносить, не сносить непременно
Нам, как видно, с тобой головы.
Родились на задворках Вселенной,
Но зато в самом центре Москвы.

В нас с тобою московские корни,
А отсюда столичная спесь,
И вселенная наша, запомни,
Началась и закончится здесь.

Развивалась, росла неуклонно,
Не щадя ни врагов, ни друзей,
Не согласно вселенским законам,
А по воле великих князей.

Превращаясь из вялой и сонной,
Не идущей врагу на поклон,
Белокаменной, Первопрестольной,
В Третий Рим и второй Вавилон.

В «вечный» город, которому впору
Ожидать, как и всем нам, конца
По примеру Содомы с Гоморрой,
Рассердивших когда-то Творца.

Исай Авербух
Иерусалим, Израиль

Молитва о третьем спасении и Сонет о счастливом одиночестве

*Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.
Арсений Тарковский*

В России вновь пора тюремных вышек.
В Йерусалиме строгий карантин:
Молящиеся – семьями на крышах;
Я вместе с ними на своей – один.

О чём сегодня мне молиться, если
Не о судьбе России, не о том,
Чтоб эти вышки сгинули, исчезли,
Не пробрались в мой иудейский дом.

Она ползёт, всемирная опасность –
Израиль от неё неотделим...
Яви, Господь, Синайскую пристрастность
И в третий раз спаси Йерусалим!

В руках безумца атомная бритва –
Что может быть острее? Лишь молитва.

СОНЕТ О СЧАСТЛИВОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

Какая это радость – в одиночестве,
На крыше, на рассвете, по весне
Раздумывать о жизни и о творчестве
В безмолвной карантинной тишине.

Наверно, так и на безлюдном острове
Я мог бы жить и вовсе не тужить,
И было бы достаточно и просто мне
С природой, морем, облаком дружить.

Мой остров – дом, убежище, отечество,
Как счастлив я с тобой наедине!
Но только б не узнать, что человечество
Погибло где-то в ядерной войне.

В своей пещере или же в лесу
Я этой вести не перенесу.

Цебек Адучиев

Россия

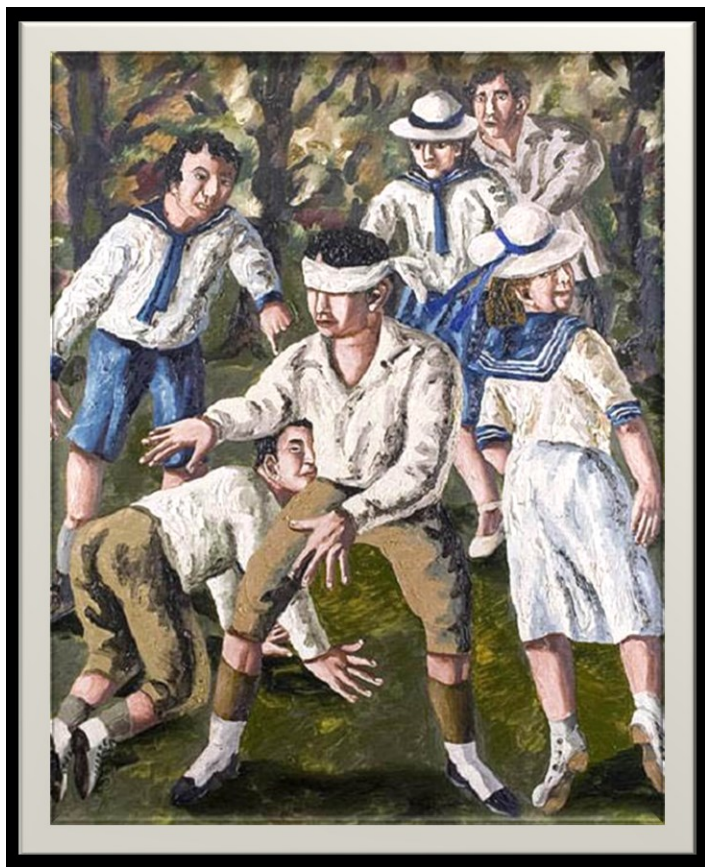
Из воспоминаний о детстве

Однажды отец из моря приносит большую рыбу
И эта рыба смотрела на ноги мои босые.
Еще она долго смотрела на бедное наше жилище
И в нем она что-то искала, бросая взгляды косые,
Пока не увидела небо сквозь щель камышовой крыши
И этот кусочек неба был связан с морскою стихией,
В которой она обитала, качаясь на волнах рыжих,
Ей слышались крики чаек и виделись лодки поморов..
И... билась хвостом кровавым рыба вдали от моря.

Цебек Адучиев. Сказание о земле калмыцкой

Часть 15. Детский Альбом

Наталья Нестерова

Победители 4-го конкурса журнала ЧАЙКА «Творчество детей и для детей»

Виолетта Гребельник

Италия

Машин Байкал. Рассказ

— Планшет может подождать, — рассуждала Маша, — а собака нет.

— А ведь Маша права, — поддержал её отец.. — Дом без охранника никуда не годится. Нужно исправлять ситуацию.

— Для такой цели лучше всего подойдёт серьёзная собака, чтобы воры её боялись, — добавил Коля и со знанием дела свёл на переносице брови.

— Точно, сынок. И имя ему дадим могучее как, например, ... — отец призадумался на секунду и торжественно произнёс, — Байкал!

— Здорово! — одобрительно кивнул Коля и продекламировал, — Бай – кал!

Коля, будучи старше сестры, уже изучил некоторые географические понятия и названия. А для маленькой Маши слово Байкал ничего не значило. Она вполголоса повторила незнакомое слово и погрустнела.

— А мы его будем дрессировать? — всё больше раззадоривался Коля.

— Обязательно.

У отца тоже заиграл блеск в глазах. Широким шагом он принялся ходить взад и вперёд по комнате.

— Можно книгу купить по дрессуре, — сообразил Коля.

Маша шёпотом произнесла незнакомое слово «дрессуре» и потупилась. Никто из собеседников не обратил внимание на Машин конфуз.

— Непременно! Так и сделаем, — подытожил отец.

Маша продолжала недоумённо поглядывать то на отца, то на брата, словно они делили между собою предназначенный для неё подарок. Вдруг ей захотелось реветь. Она иногда прибегала к такому способу, чтобы привлечь внимание. Делала это всегда подсознательно, не зная для чего и почему. Не успела она скорчить типичную для такого случая гримасу, как вмешалась мама. Мама, хоть и занималась разными делами по хозяйству, но краешком глаза наблюдала за своими домочадцами.

— Машенька, твой день рождения через два дня. Когда поедem покупать собаку?

Маша словно очнулась и ответила не раздумывая:

— Завтра. Прямо с утра.

В уголках её маленького ротика забрезжила неуверенная улыбка.

И тут спохватился Коля:

— У нас нет будки для Байкала!

— Не беда. Мы её соорудим сами, — уверенно произнёс отец.

Ни мама, ни Маша не вмешивались в процесс.

— Строительство — исключительно мужское дело, — заявил глава семьи тоном, не допускающим возражения, и при этом дружески похлопал сына по плечу.

Коля с гордым видом проследовал за отцом во двор, и работа закипела.

Через открытое окно хорошо были слышны сменяющие друг друга скрежет пилы, удары топора, стук молотка вперемешку с голосами. Колин голос был звонким и прорывался через общий шум. Вдруг стало понятно, что сын и отец спорят. Пришлось вмешаться маме. Она вышла во двор, и Маша, не усидев на месте, бросилась за ней.

Оказалось, что решался вопрос о месте, где следует установить будку. Решение

приняли взрослые, а Коля его одобрил. Будку непременно нужно ставить на полпути от калитки к дому. Маша, ничего не сказав, ушла в дом и вновь принялась раскрашивать бабочек в альбоме.

Вскоре через окно проник запах свежей краски, и мама тут же подметила:

— Похоже, что наши мужчины подошли к завершающему этапу.

— Откуда ты знаешь? — Маша бросила недоверчивый взгляд на маму, отложила в сторону карандаши и подошла к окну.

В ногах у брата стояла банка с краской, он то и дело макал в неё большую кисть и неумело водил ею по доскам. Отец был рядом, и у

него была кисть, только движения были слаженные и краска ложилась равномерно.

— Мама, они выбрали краску зелёного цвета! — возмутилась Маша.

— После покраски забора осталось немного краски, вот они и решили использовать её. По-моему, неплохой цвет для будки. — Тут она взглянула на дочку и, увидев её нахмуренные брови, спросила. — Тебе не нравится?

— Нравится, — буркнула Маша и вернулась к прерванному делу.

То, с каким усердием она надавливала на карандаш, говорило о том, что она не довольна и что причину своего недовольства не собирается никому раскрывать, по крайней мере, сейчас. Мама сразу поняла это и не стала спрашивать Машу.

Коля и отец вернулись очень удовлетворённые. Они гордились результатом своего труда. Весь вечер только и разговоров было, что о собачьей будке. Отец и сын возбуждённо наперебой рассказывали о трудностях строительного процесса.

Маша тем временем незаметно проскользнула во двор — любопытство взяло верх. Так ли хороша вышла будка, как расхваливают? Маша стояла перед зелёным домиком и что-то соображала про себя. Затем присела на корточки и заглянула внутрь. Поваяло запахом краски, но это не отпугнуло Машу. Она отошла от домика только тогда, когда всё хорошо рассмотрела. Затем уверенно, но негромко, чтобы не быть услышанной, сказала: «Будка никуда не годится».

Утром всей семьёй поехали на базар. Ярким светом слепил глаза июньский воскресный день. Базар предстал многолюдным, многоголосым и разношёрстным в прямом смысле этого слова. Продавались коты, собаки, хомячки, кролики, птички, и даже обычные жёлтые цыплята, и даже нутрии... Всех за раз не перечислить.

Коля с Машей, словно забыв о цели посещения базара, перебежали от одного экспоната к другому, смеялись, терялись в толпе и находились, забегали наперёд, тащили за руки родителей в стремлении поскорее продемонстрировать чудного попугая или расфуфыренного ангорского крольчонка.

Натешившись разнообразием представителей животного мира, семья отправилась в ряды, где выставляли на продажу щенков.

Остановились на крупном щенке немецкой овчарки. Щенок соответствовал всем необходимым параметрам. У него были крепкие лапы и наострённые уши. Коля потрепал его за ухо. А отец завёл разговор с продавцом.

Маша тем временем отошла в сторону. Правда, никто на это не обратил внимание. Мама тоже с интересом разглядывала породистого

щенка. Тут она почувствовала, как кто-то тянет её за руку. Маша оттащила маму на безопасное расстояние и заявила:

— Я нашла Байкала. Идём.

В глубине торгового ряда на небольшом столике стояла картонная коробка с надписью: «Ищу хозяина». Увидев содержимое коробки, мама произнесла:

— Это не Байкал, а скорее Байкальчик.

Щенок был маленьким, беспородным, с всклокоченной шерстью и свисающими ушками. Правая передняя лапа была белая, как и манишка, а сам он был, по большей части, бежевого цвета, уши же имел коричневые. В целом щенок походил на игрушечную собаку. Вдруг появился Коля:

— Вот вы где! — он запыхался от волнения и, не дав никому вымолвить и слово, продолжил. — Щенок отличный. Папа уже договорился о цене. А ещё нам дадут в придачу ошейник и поводок. Идёмте скорее!

Лицо у Маши сделалось серьёзным как никогда. У неё даже губки сжались от напряжения. Вместо того, чтобы шагнуть навстречу брату, она попятилась:

— Никуда я не пойду.

— Машка, ты чего?! Отличная собака — боец!

Маша опустила глаза и тихо повторила:

— Не пойду.

— Да ты просто не разбираешься в собаках, — Коля сменил тон на более доверительный и продолжил. — Вот увидишь, он тебе понравится.

Но Маша стояла как вкопанная и словно не слышала уговоров брата. Тогда он решительно взял сестру за руку и потащил её за собой. Маша, не долго думая, разразилась громким рёвом, тем самым привлекая внимание окружающих.

Ситуацию разрешила мама:

— Коленька сходи, пожалуйста, за папой. Машенька тем временем успокоится. А потом мы вместе решим, как быть.

Она вытирала платочком горячие Машины слёзы и приговаривала, что всё образуется. Маша всхлипывала до тех пор, пока Коля не исчез из виду.

— Мама, я не уступлю.

— И не уступай. Ведь это твой день рождения.

Подшли отец с Колей. Было понятно, что Коля уже успел рассказать о случившемся отцу. Тот присел на корточки перед Машей и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

— Чем моя принцесса не довольна? Мы ей подобрали королевского пса.

— Я уже нашла Байкала, и другого мне не нужно.

— И где же он?

— Там, — она указала на коробку.

— «Ищу хозяина», — прочёл отец.

В следующую минуту отец и Коля уже стояли склонившись над коробкой и рассматривали её содержимое. Мохнатый щенок, видимо устав от базарной шумихи, мирно спал, свернувшись в клубок.

Обескураженные отец с сыном переглянулись.

— Я не уверен, что этот пёс сможет нам гарантировать охрану дома, — начал осторожно отец.

— Сможет. У него звонкий голос, — не задумываясь выпалила Маша.

— Может, всё-таки вернёмся - и ты получше рассмотришь щенка овчарки? И затем решим, какого брать.

— Я уже решила.

Тут Маша набралась мужества, захватила побольше воздуха и протараторила скороговоркой:

— Почему всё должны выбирать вы? Какую будку делать — решили вы. В какой цвет её красить — решили вы. Где ставить — тоже вы. Как дресс., дресс., — тут она запнулась, но не остановилась, а продолжила, — как воспитывать собаку — опять вы. — Она шмыгнула носом, и уже с горечью добавила, — И даже имя для щенка выбрали вы. Раз так, значит, щенка буду выбирать я! И потом это мой день рождения. Вот так!

— Ну, Машка, ты даёшь. Устроила прямо бунт на корабле, — только и произнёс отец.

Никто не ожидал такого отпора от тихони Маши, даже мама.

Щенка им вручили даром. Он ведь не продавался, а искал хозяина. А то, что нашёл хозяйку, неверное, даже лучше.

Будка оказалась ему непомерно огромной, а потому неудобной.

— Я же говорила, что будка никуда не годится, — удовлетворённо произнесла Маша.

— Когда это ты говорила? — отозвался Коля.

— Говорила, только вы никогда меня не слушаете, вот и не слышите.

Байкал поселился в доме со всеми. Так решила его хозяйка.

А будку вскорости облюбавал прибившийся кот. Не стоять же будке пустой. Где такое видано? Нигде. Доберись хоть до Байкала, исшагай всё Забайкалье, а пустующей будки не найдёшь. Вот так.

Вадим Чирков

Нью-Йорк, США

Вот столечко тигра. Рассказ

Стаська боялся тигра и знал: чуть он начнёт приотворять дверцу шкафа, раздастся тихое рычание. Тигр поднимет на Стасика жёлтые глаза. Нос тигра сморщится, белые жесткие усы дрогнут и станут топорщиться. Покажутся два огромных клыка.

Стасик захлопнет дверцу; тигр останется за ней. Там тигр ещё немного посмотрит на то место, где только что была щель, потом опустит тяжёлую голову на лапы. Время от времени он будет поднимать ещё глаза, а после уснёт.

Ни мама, ни папа, ни брат Герка не боялись тигра. Они спокойно открывали шкаф, брали оттуда одежду: тигр, наверное, прятался от них в угол.

В первый раз Стасик видел тигра в зоопарке. Сперва он услышал его голос. Голос тигра был как гром. Стасик даже посмотрел тогда на небо - нет ли там чёрных туч...

Тигр лежал в клетке - длинное могучее тело, толстые, как коряга, лапы. Они с Геркой подошли, и Герка сказал с уважением:

-Тигр! У-у, какой зверь!

Тигр глянул на них. Таких глаз Стасик никогда не встречал. Он даже не предполагал, что такие бывают. В них не было никакого выражения. Они были из твёрдого блестящего янтаря.

...А потом тигр поселился в их шкафу.

-Стаська, - пугал Гера младшего брата, - сейчас шкаф открою!

-Ой-ой! - И Стасик бежал на кухню, захлопывая за собой двери.

Когда Стасик оставался дома один, он подходил к шкафу и, затаив дыхание, приставлял ухо к дверце. Тигр тоже замирал, зная, что его подкарауливают. Так они оба подолгу молчали. Стасик переводил дух только у окна, куда отбегал, услышав шаги на лестнице.

Это было интересно, хотя и страшно, - тигр в шкафу.

-У меня дома в шкафу живёт тигр, - рассказывал Стасик во дворе.

- Вот такой вот, - и показывал его рост от земли.

-А что он кушает? - заинтересовалась тигром пятилетняя Света.

Тут Стасик замялся, потому что его тигр, оказывается, ещё ничего не ел.

-Косточки, - ответил он после небольшого раздумья, во время которого представил, как тигр, склонив голову набок, хрумкает костями.

- И воду я ему даю. Когда он лакает, воду разбрызгивает - языку у него очень большой.

-А когда ты с ним пойдёшь гулять? - спросила Света.

-Послезавтра, - пообещал Стасик. - Послезавтра, когда папа купит ошейник...

-А я вот боюсь тигров, - сказала Света, задумчиво глядя в сторону.

- Ты, наверно, храбрый...

-Конечно, - сказал Стасик. - Я храбрый. Я давно уже их не боюсь.

- Он вспомнил свою первую встречу с тигром. - А чего их бояться! Вот я выведу своего во двор, посмотришь, как я их нисколько не боюсь. Вот увидишь!

-Только издали, - согласилась Света. - Я ведь очень боюсь тигров. Очень! - Так сказала кроха Света, которая тигров видела только в книжках на картинках да игрушечных - за стеклом автомобиля.

-А хочешь, - вдруг предложил Стасик, - я сейчас покажу тебе тигра? Немножко. Вот столечко, - Стасик показал двумя пальцами, сколько тигра он покажет. Выходило совсем немного. Столько тигра не должно было испугать Свету.

-Нет, - сразу же ответила Света. - Мне нельзя вблизи смотреть на тигров. И как они рычат, нельзя слушать.

-А почему?

-Так, - сказала Света. - Потому. Нельзя.

-Да ведь я только чуточку тебе покажу! И сразу же дверь закрою. Пошли?

-Нет. Мне нельзя. Мама сказала: "Тебе нельзя смотреть на тигров. Ни в коем случае". - Света нахмурила брови и снова уставилась на что-то в стороне.

-Всё ты выдумываешь! Трусиха ты!

-А ты врун. Никакого тигра у тебя нет!

-Как это нет! - оскорбился Стасик. - Идем - покажу! Боишься? Ага!

-Врун! Вот я скажу полицейскому, что у тебя тигр!

-Я тебе скажу!

-Мама! Стаська дерётся! - завопила Светка, хотя Стасик не притронулся к ней, а может, и не собирался притрагиваться.

-Стасик! - немедленно раздалось сверху, с четвёртого этажа. - Как тебе не стыдно! Света ведь девочка! Света, отойди от него! А ещё мальчик! Света, иди домой! Просто безобразие какое-то! Нельзя ребёнка на улицу выпустить! Он тебя ударил, Светонька? - Светкина мама так свесилась с балкона, что запросто могла свалиться.

Светка скрылась в подъезде, и мама покинула балкон, чтобы встретить Светочку и пожалеть её, маленькую.

В полном огорчении Стасик сел на скамейку. Думать о тигре не хотелось.

На балконе снова появилась Светкина мама.

-И чтобы я больше ни о каком тигре не слышала! Доченька, ты ведь уже большая, а веришь всякой чепухе! Если он опять будет тебе говорить о тигре, скажи ему: "Никакого тигра у тебя нет! Поняла? Ника-ко-го! Так и скажи! Вот ещё! Пугать маленького ребёнка! Стасик, ты слышал?"

Стасик, хмуро поглядывая на балкон, мечтал только о том, чтобы его тигр был сейчас рядом.

Тигр бы зарычал - по двору раскатился бы гром, - Надежду Петровну как ветром бы сдуло с балкона. Захлопнулись бы все двери, все окна, и сквозь каждое стекло были бы видны бледные лица - в каждом окне по бледному лицу... Стасик погладил бы тигра по сильной шее и прошёлся бы с ним по двору.

Стасик оставил скамейку и пошёл по двору.

А его тигр шёл рядом. Он поднимал на Стасика живые спрашивающие глаза. Спина тигра покачивалась при ходьбе и могуче змеилась. Шаг был мягкий, совсем неслышный, только когти огромных лап побрякивали по асфальту.

Юрий Ким

Москва

Как изловили Сестрицу Ласку. Вольный пересказ одноимённой сказки Джозеля Чандлера Харриса

– Лето было, в пору зажариться, — начал дядюшка Римус. — Такой зной стоял, что возьмёшь молоко с коровки, а оно уж прокисло. Захочешь сметанку на хлеб намазать, и сметанка скисла, а маслице растаяло.

Нигде прохладного местечка не сыщешь. Разве что кладовка над родником, там вода ледяная – просто бррр! Течёт из подземных глубин, где солнышка никогда не бывало.

Решили Братец Медведь, и Братец Лис, и Братец Хорёк, и все звери сложить все свои харчи в ту кладовку, чтоб уберечь от жары. Так они сделали и пошли по делам.

А как вечером воротились, глядь – у кого-то маслице понадкусано, у кого-то и вовсе маслица нет.

Братец Пёс на следы глянул и сказал, что Сестрица Ласка была здесь, наследила кругом.

Народ головы почесал. Никуда не денешься: надо сидеть, охранять кладовку. Ведь Сестрица Ласка очень уж охоча до маслица. Раз вызнала, где оно, так не отстанет, пока всё не съест.

Посадили охранять Братца Хорька, он самый шустрый.

Сидит Хорёк, во все глаза глядит, во все уши слушает, и не видит он ничего, и не слышит. И так сидит Хорёк, долго сидит. Так долго, что лапы у него онемели, хвоста не чувствует.

Вдруг откуда не возьмись выскочила Ласка и говорит:

– Ты совсем заскучал, Братец Хорёк! Пойдём, побегаем в догонялки!

Хорёк вскочил, будто кузнечик с лепестка, и вдогонку за ней. Бегом по поляне, закружились они, запрыгали по деревьям. Набегался Хорёк, устал, прилёг и уснул. А Ласке того и надо.

Пришли звери за харчами. Вот так подарочек! Братец Хорёк спит, масло пропало!

Посадили караулить Братца Енота, он самый драчливый. Сел Енот, смотрит в оба. Вдруг Ласка с дерева ему кричит:

– Эй, Братец Енот, ты – полосатый трусишка, иди, меня поймай!

Рассердился Енот, бросился мигом в погоню. Гонялся-гонялся за Лаской: с ветки – на корягу, с коряги – на пенёк, с пенька – на ветку.

Запыхался Енот бегать, закатился в овраг. А пока выбирался, Ласка уж масло стащила. Прибежал Енот к кладовке, а воровки и след простыл.

Вернулись звери. Енот сидит помятый, угрюмый – маслице не сберёг.

Посадили на стражу Братца Лиса, он самый хитрый.

Сидит Лис, сидит. Сидит, скучает.

А Ласка боялась старого Лиса. Она пошла в поле, напугала куропаток. Те вспорхнули, а Лис услышал и говорит сам себе:

– Ничего такого, если сбегаю, пару куропаток раздобуду на ужин. Вернусь-то я мигом!

Так сказал и ускакал на охоту. Ласка пришла и тяпнула масло.

Звери воротились, глядят – Лиса нет, и масла нет.

Посадили охранять Братца Волка, он самый свирепый.

Волк сел, подбоченился, пальцами тарабанит. А Ласка спряталась рядом в кустах и ну кричать на разные голоса, будто двое спорят.

– Кто-то забыл овечку у старого каштана! – кричит одним голосом.

– Так ведь придёт Братец Волк и утащит её! – другим голосом отвечает.

А Волк сидит, уши наострил, а как услышал про заблудшую овечку, так и кинулся к каштану. Но там никаких овечек и в помине не было. Вернулся обратно, а маслица уже не стало.

Пришли звери, обругали Волка и поставили стеречь Братца Медведя, он самый грозный.

Сидит Медведь, фыркает, кладовку лапами обнял, никого не пукает.

Прибежала Ласка и говорит:

– Моё почтение, Братец Медведь! Мимо бегу, слышу, как фыркаешь. Скажи, отчего ты сердит?

– Ох, сердит я! Ох, сердит! Лучше не попадайся мне, Сестрица Ласка. Лучше беги, пока я не рассвирипел, ведь блохи измучили меня – заели вконец.

Ласка тут же взбежала Медведю на спину и ну чесать его, блох вычёсывать. Медведь размяк, свалился и захрапел. Ласка прошмыгнула в кладовку и с маслом управилась.

Вернулись звери, увидели – Медведь дрыхнет, масла – ни крошки.

Схватились за головы. Ума не приложат, что делать, как одолеть хитрую плутовку.

А Сестрица Ласка так и повадилась в кладовку лазать. И днём лазала, и ночью. И каждый раз маслице пропадало.

– Что же, никто никогда не поймал Ласку? А, дядюшка Римус? – спросил мальчик.

– А ведь был кое-кто, кто её изловил, – сказал старик. – Звери тянули себя за уши, чесали лбы, хлопали по затылкам, спорили и решили звать Братца Кролика.

– Но почему они сразу не позвали его? – удивился мальчик. – Он же самый находчивый.

– А ты, милоч, разве не понял? – рассмеялся дядюшка Римус. – Они думали, что Братец Кролик сам всё маслице съест.

Кролик отложил газетку, допил кофеёк, взял крепкую верёвку и припустил к роднику. Там спрятался в кустах у самой кладовки и стал ждать.

Пришла Ласка, выглянула – никого не видно, прислушалась – никого не слышно. Забралась в кладовку, подкралась к маслу, язык высунула. Да тут Кролик как прикрикнет:

– А ну, не тронь маслице, воровка!

Ласка аж подпрыгнула со страху, будто маслицем обожглась.

Оглянулась кругом и говорит:

– Неужто ты сегодня маслице стережешь, Братец Кролик?

– Верно, стерегу. А тебе, Сестрица Ласка, маслице трогать не велено!

– Позволь хоть с краешка укусить.

– Не велено!

– Позволь хоть разок лизнуть.

– Сказано тебе, проходи мимо!

– Ты, верно, такой вредный, Братец Кролик, что никто с тобой в догонялки не играет. Давай побегаем!

– Нет, Сестрица Ласка. Набегался я по горло от Братца Лиса.

– Давай в прятки поиграем, Братец Кролик!

– Нет, Сестрица Ласка. Напрятался я по уши от Братца Волка, – сказал Кролик. – Коли хочется поиграть, сыграем в мою игру: кто чей хвост перетянет!

Ласка взглянула на хвостишко Братца Кролика, хихикнула и говорит:

– Сыграю в твою игру, Братец Кролик. Но если я выиграю, всё маслице – моё!

Кролик усмехнулся. Взял верёвку, свой хвост привязал к одному концу, другой – к хвосту Ласки, выскочил за дверь и крикнул:

– Как досчитаю до трёх, каждый тянет, что есть мочи! Кто перетянет, тот и победил!

Так сказал, скинул в один миг верёвку с себя, затянул на дверной ручке и кричит:

– Один! Два! Три! Сестрица Ласка, тяни!

Ласка тянет, из сил выбивается, плачет от натуги, но Кролик – ни с места.

Ласка ему и кричит:

– Никто не победил, Братец Кролик!

А Кролик – молчок. Ласка снова тянет, дергает, кричит:

– Братец Кролик, так и быть, твоя взяла!

А Кролик молчит, ничего не говорит.

– Пусти меня, Братец Кролик! – крикнула Ласка, да поздно.

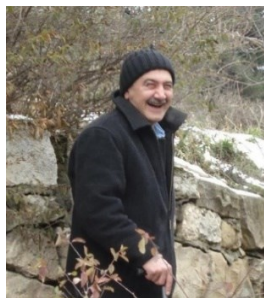
Тут все звери с поля вернулись, глядят – Сестрица Ласка под замком, а масло целёхонько. Все ну давай хлопать Кролика по плечу, жать ему лапу да нахваливать, а после говорят:

– Хваткий ты, Братец Кролик! Нет среди нас находчивей тебя!

И один принёс ему сочной кукурузы, другой – сладкой брюквы, а Братец Медведь – мешок пшеницы размером с целый дом.

Александр Ралот

Краснодар, Россия

Небо над Аустерлицем

20... год. Лето. Экскурсионный тур «Три дня в Праге»

Ехать с короткими техническими остановками двенадцать часов кряду в стареньком автобусе — то ещё удовольствие. Не знаю, у кого как, но ноги затекли так, что казалось я их не разомну никогда. Экскурсовод Ирина старалась изо всех сил. Рассказывала о каждом населённом пункте, мимо которого, выжимая всё возможное из знававшего лучшие времена мотора, проезжал наш «Solaris»^[1]. Её голос и гудение двигателя давали обратный эффект. Разношёрстная масса туристов спала, а отдельные её представители даже позволяли себе произвольно похрапывать.

Первым, кто отправился в царство Морфея,^[2] были сын Егорка и доченька Алька. Набегавшись и напрыгавшись, а затем плотно пообедав в придорожной корчме во время часовой стоянки, они уподобились удавам, свернулись калачиками и рассматривали себя изнутри.

— Просыпаемся. Через полчаса прибываем. Тяжёлые вещи можно оставить в автобусе. Он будет ночевать на стоянке рядом с отелем с красивым названием «Брно». Жаль, что самого города не увидим, так как утром отправляемся в Злату Прагу.

«Славков-у-Брна - это же бывший Аустерлиц! Всего-то минут двадцать ехать! — пронеслось в голове. — Быть совсем рядом и не увидеть? Не показать детям?» - я наклонился к уху Ирины и зашептал:

— Можно уговорить нашего шофёра Пётрика, чтобы он хоть на полчаса завернул к месту великой битвы?

— У него утверждённый маршрут. И вообще, наши же потерпели сокрушительное поражение. Фирма туристов туда не возит. Неприлично, что ли.

- Водителя беру на себя, — парировал я. — А с вас — остальное.

За пять евро с туристического носа Пётрик, он же и владелец автобуса, согласился выехать на час раньше и доставить нас к точке, зафиксированной мною на карте.

— Товарищи туристы, тут поступило предложение посмотреть ещё одну достопримечательность вблизи Брно. Кто за, поднимите руки. Против. Воздержался. Принято единогласно.

Тогда встаём на час раньше. Ресторан при отеле будет открыт. Я договорюсь. Быстренько завтракаем - и вперёд. Уверю, не пожалеете. Увидите то, что на других маршрутах не показывают.

По автобусу прокатился недовольный гул. Не из-за небольших трат^[3], а из-за того, что не получится подремать лишний часок.

— Ничего, в автобусе отоспитесь. У вас это неплохо получается, — подавила зарождающийся бунт Ирина. - Потом ещё экскурсовода, то бишь меня, благодарить будете.

Всё. Приехали. Выгружаемся. Чистить зубы и спать. А кто желает побыстрее расстаться с кровно заработанными — казино рядом. Вон огнями манит.

Раннее утро следующего дня

Туристы, откровенно позёвывая и дожёвывая прихваченные из ресторана бутерброды, в пол-уха слушали Ирину, оживлённо рассказывающую о битве, произошедшей на этом месте два века назад.

Я же быстренько расстелил на земле куртку и скомандовал:

— Алька, Егорка лечь на неё и в четыре глаза смотреть в небо! Запоминать!

Дети пожали плечами, но команду исполнили. Странную игру папа придумал, но как всегда, интересную.

Экскурсовод с округлившимися от удивления глазами уставилась на моих отпрысков, хотела что-то сказать, и даже открыла рот, но не успела, ибо «руссо туристо» дружно последовали за детьми. Легли на землю и уставились в бездонное небо.

— Пройдёт несколько лет - и вы будете изучать на уроках литературы знаменитое произведение нашего классика Льва Николаевича Толстого. Там есть эпизод, когда тяжело раненный...

— «Князь Андрей понял, что только небо вечно, всё остальное преходяще. Он благодарил Бога за тишину и успокоение, которые он испытал»,^[4] — перебила меня, Ирина, и в уголках её глаз заблестели слезинки. Захлюпали носами и лежащие на спинах экскурсантки.

Час спустя

— Коллега, не поделитесь ли методикой преподавания? — обратилась ко мне туристка из Пензы-школьная учительница русского языка и литературы. — А то вдалбливаешь им в голову, вколачиваешь, а они всё норовят на дискотеку сгонять, вместо того, чтобы бессмертный роман штудировать!

— Не педагог я, а простой мельник. Зерно перемалываю с утра до вечера... — хотел ещё что-то добавить, но в нашу беседу бесцеремонно вмешались Алька с Егоркой. — Папа, а Толстой это небо тоже видел или так просто сочинил? А князь Андрей выжил? А почему наших разбили? А кто тогда русскими командовал? А Наполеон...

— Все в автобус. Нас ждёт Прага! — Ирина стояла на ступеньке Solarisa и размахивала платком.

Учительница погладила детей по головкам и поспешила к автобусу, шепча себе под нос:

— Везёт же некоторым классным руководителям. Мне бы таких родителей, да побольше.

А неугомонные потомки продолжали засыпать вопросами:

— Папа, правда, что в Праге стоит медный памятник Яну Гусу? Кто он такой и за что ему...? А Карлов мост кто построил? А мы туда пойдём?

[1]— Автобус выпускаемый компанией Solaris Bus & Coach, расположенной недалеко от Познани.

[2]— Царство снов, то есть человек уснув, оказывается в мире, где правит добродушный бог Морфей, это его вотчина, и он там главный. Изначально Морфей отправлял в своё царство не только простых смертных, но даже богов с Олимпа.

[3] — В тот год курс составлял 33.68 рубля за 1 евро

[4] — Цитата из романа Л.Н.Толстого «Война и мир

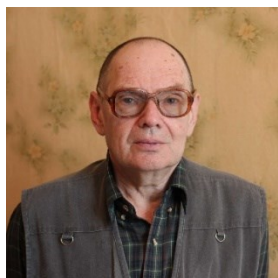
Часть 16. Юмор

Наталья Нестерова

Валерий Скобло

Санкт-Петербург, Россия

На заметку пенсионерам

Выйдя на несанкционированный Пенсионным фондом
Остаток жизни, предваряющий вечный покой,
Нет, я не чувствую себя ослепительным Джеймсом Бондом:
Тайный агент 007 из меня ну совсем никакой.

У меня нет оружия... Разве, что перочинный ножик.
Но с ним и перья-то зачинить совсем мудрено.
Думаю, при столкновении меня легко уничтожит
Самый чахлый боец ОМОНа, слабейшее их звено,

Ко мне по суду применима наистрожайшая мера.
Суд, как и всегда, пожалеет уставший конвой.
На Семеновский плац и -
гражданская казнь пенсионера:
Пенсионную книжку рвут над бритой моей головой.

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

Фильм фильмов: кино-центон. Опыт центона на темы советских фильмов, с американскими вкраплениями

Что такое центон? Это стихотворение, составленное из чужих строк, хорошо известных читателю, - «платье из лоскутов». Такая форма использовалась ещё в античности.

Мне пришла в голову идея составить центон из ключевых фраз фильмов. По-английски они называются «catchphrases». Такие тексты я не встречал ранее, надеюсь доставить читателю веселые минуты узнавания знакомых фраз.

Сцена первая. «Завтрак в мужской компании»

1. Кушать подано. Садитесь жрать, пожалуйста!
«Дженьтьмены удачи»
2. А не хлопнуть нам...по рюмашке? «Покровские ворота»
3. «Что хочет Масик?» - «Масик хочет водочки!»
«Девушка без адреса»
4. Лёд тронулся, господа присяжные заседатели!
«Двенадцать стульев»
5. Как говорит нам дорогой шеф: «Куй железо, не отходя от кассы».
«Бриллиантовая рука»
6. Я после первой не закусываю. «Судьба человека»
7. Икра заморская, баклажанная!..
«Иван Васильевич меняет профессию»
8. Шампанское пьют по утрам либо аристократы, либо дегенераты.
«Бриллиантовая рука»
9. Губит людей не пиво, губит людей вода. «Не может быть!»

10. Потому что без воды и не туды, и не сюды. «Волга-Волга»
11. И шо это я в тебя такой влюблённый? «Свадьба в Малиновке»
12. Видим одну звёздочку, две звёздочки...Конечно, лучше пять звёздочек. «Карнавальная ночь»
13. Сказали: «Что ты портвейн с водкой мешаешь?» Я говорил ему, а он: «Коктейль, коктейль!...». Хиппи лохматый...
«Осенний марафон»
14. Во всём нужна сноровка, закалка, тренировка. «Первая перчатка»
15. Хорошо сидим! «Осенний марафон»
16. Лепота! «Иван Васильевич меняет профессию»
17. Жить, как говорится, хорошо, а хорошо жить - ещё лучше.
«Кавказская пленница»
18. Танцуют все! «Иван Васильевич меняет профессию»

Сцена вторая «Те же и незнакомка в маске»

1. А что вы это здесь делаете?
«Добро пожаловать, или посторонним вход запрещён»
2. Студентка! Комсомолка! Спортсменка! Просто красавица!
«Кавказская пленница»
3. Восток - дело тонкое. «Белое солнце пустыни»
4. Красота - это страшная сила. «Весна»
5. Битте-дритте, фрау мадам, Я урок вам первый дам.
«Свадьба в Малиновке»
6. «Это водка?» - «Помилуйте, королева, разве я позволил бы себе налить даме водки? Это - чистый спирт!» «Мастер и Маргарита»
7. Мне ухаживать некогда. Вы привлекательны, я чертовски привлекателен. Чего зря время терять? В полночь жду?
«Обыкновенное чудо»
8. У вас вид триумфатора. Кого вы разбили под Аустерлицем?
«Покровские ворота»
9. Селянка, хочешь любви большой и чистой? Приходи сегодня на сеновал... «Формула любви»
10. Высокие отношения ... «Покровские ворота»
11. Алё! Ларису Ивановну хочу! «Мимино»
12. Гюльчатай, открой личико!..... «Белое солнце пустыни»
13. Я вся такая внезапная, такая...противоречивая вся...
«Покровские ворота»
14. Жениться надо на сироте. «Берегись автомобиля!»
15. Господин назначил меня любимой женой. «Белое солнце пустыни»
16. Сама-сама-сама!... «Вокзал для двоих»
17. «Шурик, а может не надо?» - «Надо, Федя, надо!»
«Операция «Ы» и другие приключения Шурика»

18. Короче, Склифосовский... «Кавказская пленница»
19. Муля, не нервируй меня! «Подкидывай»
20. Это элементарно... «Шерлок Холмс»

Сцена третья «Маски сорваны»

1. Bond, James Bond «James Bond»
2. Картина маслом... «Ликвидация»
3. «Садись, пожалуйста!» - «Спасибо, я пешком постою!»
«Мимино»
4. У вас продаётся славянский шкаф? «Подвиг разведчика»
5. Йес, йес, ОБХСС... «Джентльмены удачи»
6. Не бойтесь, это ещё не белая горячка. «12 стульев»
7. А козачок-то засланный. «Неуловимые мстители»
8. Не читайте до обеда советские газеты! «Собачье сердце»
9. Канай отсюда! Рога поотшибаю! Редиска! Пасть порву! Моргалы выколю! «Джентльмены удачи»
10. «Слушай меня, жертва аборта! «Золотой телёнок»
11. «Кто это там гавкает?» - «С тобой, свинья, не гавкает, а говорит капитан...» «Место встречи изменить нельзя»
12. «Я же за гараж родину продал» - « Попрошу факт продажи родины зафиксировать в протоколе». «Гараж»
13. У тебя в голове мозги или кю? «Кин-дза-дза»
14. За державу обидно! «Гараж»
15. Интеллектом явно не изуродован. «Москва слезам не верит»
16. Разруха не в газетах, а в головах. «Собачье сердце»
17. Тебя посадят, а ты не воруй. «Берегись автомобиля!»
18. Во деревня! Ну ты даёшь! Кто его же посадит? Он же памятник!
«Джентльмены удачи»
19. Да здравствует наш суд - самый гуманный суд в мире!
«Кавказская пленница»
20. Будете у нас на Колыме - милости просим!
«Бриллиантовая рука»
21. Да, это вам не Рио-де-Жанейро! «Золотой телёнок»
22. My mama always said: "Life was like a box of chocolates. You never know what you're gonna get". «Forrest Gump»
23. Live long and prosper! Star trek"
24. Force be with you! "Star wars"
25. I' ll be back! "Terminator"

26. А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!
«Семнадцать мгновений весны»

27. I think this is the beginning of a beautiful friendship.
"Casablanca"
28. А бабочка крылышками бряк-бряк-бряк!
«Обыкновенное чудо»
29. Ясность - это форма полного тумана
(Мюллер - Штирлицу, «Семнадцать мгновений весны»)

Сведения об авторах

Исай Авербух (р. 1943, Киргизия). По образованию – историк и филолог. В 1971 г. репатриировался в Израиль. Занимался исследованиями по истории российского еврейства в Иерусалимском университете, публиковал свои работы на иврите и по-английски. Пять лет вёл по "Голосу Израиля" передачу на СССР "Недельная глава Торы". В 1979-1980 гг. преподавал еврейскую историю в Италии. Был членом кибуца, учился на агрономических курсах, девять лет работал в сельском хозяйстве (1980-1989): выращивал фруктовые сады в Иудее и Самарии. Служил в израильской армии, был участником войны Йом-Кипур в 1973 г. и Ливанской войны в 1982 г. Поэма "Прощание с Россией" (1969) вошла в изданную Нью-Йоркским университетом антологию "Еврейские сюжеты в русской поэзии" (1973).

Цебек Адучиев (р. 1939). Народный художник Калмыкии. Детские и юношеские годы провел в Сибири, куда была выслана его семья. Свой путь художника начал на Урале, продолжил в Ленинграде. Ему довелось работать с Эрнстом Неизвестным и Михаилом Шемякиным, тогда еще мало кому известными художниками. На родину в Калмыкию Цебек Манджиевич вернулся в 1968 году. Его произведения находятся в музеях России и в частных коллекциях Германии, Монголии, Китая, США, Франции.

Лейла Александр-Гарретт (р. Узбекистан). Писатель, переводчик со шведского и английского. Работала переводчицей и ассистентом на фильме Тарковского «Жертвоприношение» в Швеции. Автор нескольких интересных книг, в том числе книги «Андрей Тарковский: собиратель снов» (М., «Аст», «Астрель», 2009) созданной на основе дневников и личных впечатлений от работы с мастером на фильме «Жертвоприношение». Живет в Лондоне.

Владимир Альбрехт (р. 1933, Москва). По образованию математик. С 1970-х участвовал в правозащитном движении, был секретарем московского отделения Международной Амнистии (1975-1981), организовывал сбор гуманитарной помощи в Польшу для участников профсоюза «Солидарность». Опубликовал и широко распространил в самиздате книгу «Как быть свидетелем», в которой развил т.н. систему Альбрехта – такую систему поведения на допросе, целью которой было помешать властям фальсифицировать материалы следствия. В 1983-1987 годах отбывал заключение в Казахстане. В настоящее время – гражданин США, проживает в Бостоне, откуда продолжает участвовать в акциях по защите политзаключенных уже в сегодняшней России.

Шерзод Артиков (р. 1985, Маргилан Ферганской области Республики Узбекистан). Окончил Ферганский Политехнический Институт. Работает в банковской сфере. Рассказы опубликованы в литературных журналах России, Украины, Пакистана, Казахстана, США, Сербии, Турции,

Германии, Греции, Италии, Боливии и Индии. Первый сборник рассказов "Осенняя симфония" был издан в 2020 году.

Семен Белкин. Окончил Ленинградский институт иностранных языков и Ленинградский кораблестроительный институт. Более 40 лет проработал в институте по проектированию рыболовных судов. Неоднократно выходил в море на промысловых судах, участвовал в длительных рейсах в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Автор более десяти книг о кораблях и море. В ЧАЙКЕ публикуется как писатель-маринист и историк морского дела. С 2008 года живет в США, в Большом Вашингтоне.

Татьяна Белянчикова. Родилась и живет в Москве. Много лет проработала менеджером в коммерческом банке, сейчас на тренерской работе – преподает банковское дело в ВУЗе. Автор четырех поэтических сборников, публикаций в литературных журналах и альманахах. Призер и победитель ряда поэтических конкурсов в рунете. Пишет тексты песен для исполнителей различных жанров. Стихи Татьяны постоянно присутствуют в Альманахах ЧАЙКА.

Анатолий Бергер (р.1938, Ленинград). Член Союза писателей России и СПб, а также Пен-клуба и «Мемориала». В советские годы с 1969 по 75 отбывал срок в лагерях и ссылке (4 года лагеря и 2 года ссылки) за свои произведения (статья 70 УК РСФСР). В 1990-м году был реабилитирован «за отсутствием состава преступления». С 1990-го года выпустил 16 книг – стихов, прозы и драматургии. Кроме России, печатался в США, Франции, Израиле, Чехии и Австралии. Живет в С-Петербурге.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки. С 1990 г. живет в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Постоянный автор журнала и участник Альманахов ЧАЙКА.

Андрей Бильжо (р. 1953, Москва). Российский художник-карикатурист, живописец, юморист. По профессии — врач-психиатр. Также работает в области книжной иллюстрации, авторской книги, анимации, дизайна интерьера. Главный художник журнала «Магазин». Член Союза художников России и Союза дизайнеров России. Академик Академии графического дизайна. Почётный член Российской академии художеств, ресторатор, основатель ресторана-клуба «Петрович», предприниматель, автор концепции сети ресторанов в Москве и других городах.

Юрий Бриль. Писатель, автор многих книг очерков, рассказов и повестей. Утверждает, что жизнь прекрасна, поскольку есть возможность путешествовать. Посему его главная песня в творчестве – записки вольного путешественника. Вместе с другом он дикарем прошел и проехал по Африке 10 тыс. километров, побывал на водопаде Виктория и в других труднодоступных местах, поднялся на вершину Килиманджаро, после чего

родился цикл вполне документальных рассказов. Живет в Екатеринбурге. Свои увлекательные очерки публикует в ЧАЙКЕ.

Сергей Бычков (р.1946, Ереван). Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). К годовщинам убийства отца Александра, каждое 9 сентября, публикует в ЧАЙКЕ свои материалы о нем. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмосковье.

Анатолий Валюженич. Заслуженный энергетик СНГ, почетный энергетик и ветеран энергетики Казахстана. С середины 1960-х гг. углубленно занимается литературной темой «Маяковский и его окружение». Автор книг «О.М.БРИК: Материалы к биографии», «Лилия Брик – жена командира. 1930 – 1937», двухтомника «Пятнадцать лет после Маяковского», библиографического романа «Феномен Лили Брик». Живет в Казахстане. Статьи Анатолия Валюженича включены практически во все последние Альманахи ЧАЙКА.

Нина Валяева. Жена дирижера Л.А. Шульмана. Живет в Вирджинии.

Генрих Голин. Окончил физико-математический факультет в 1961 году в Баку, защитил кандидатскую диссертацию. В 1987 году успешно защитил докторскую диссертацию в Ленинграде, которая была посвящена проблемам использования истории и философии физики в преподавании. Автор 8 книг и более 100 статей в советских и иностранных научных изданиях. В 1990 году был избран профессором кафедры общей физики Московского Энергетического Института (МЭИ). После приезда в Америку в 1992 году живёт и работает в Нью-Йорке. С 2006 года по настоящее время - профессор (Graduate School of Education, Touro College). Участник многочисленных международных и всеамериканских научных конференций по истории и философии физики и её преподаванию.

Михаил Гаузнер (р. 1936, Одесса). После окончания Одесского политехнического института проработал 42 года в крупном конструкторском бюро станкостроения, был его ведущим, затем главным специалистом, имеет 20 авторских свидетельств СССР и патенты шести ведущих стран мира. Более 20 лет публикуется в одесских и зарубежных газетах, а также альманахах и сборниках. Автор трёх книг прозы, в 2017 г. стал лауреатом литературного конкурса им. Паустовского. В ЧАЙКЕ публикует рассказы, воспоминания, стихотворные переводы. Живет в Одессе.

Борис Голубицкий. Режиссер, заслуженный деятель искусств России. С 1987 по 2012 художественный руководитель Орловского Государственного академического театра имени И.С.Тургенева. Преподает в Российском Государственном институте сценических искусств (С.-Петербург). В

ЧАЙКЕ публикует статьи о театре, актерских и режиссерских судьбах. Живет в Санкт-Петербурге.

Николай Голь (р.1952, Ленинград). Поэт, переводчик, прозаик, эссеист, драматург. Автор более десятка книг для детей.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работает врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Неоднократный победитель зимних и летних творческих конкурсов журнала ЧАЙКА для детей. Живет в Риме.

Лев Гуревич (р. 1945, Москва). Публиковался в журналах «СЛОВО/WORD», «Эмигрантская лира», "Гостиния", "Кольцо А", "МИШПОХА", русскоязычных газетах Германии. В ЧАЙКЕ публикует очерки о интересных судьбах художников и ученых. Живет в Германии.

Александра Дерюгина (р. Ногинск). Высшее филологическое образование получила в Государственном гуманитарно-технологическом университете Московской области. Дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Виктор Есинов (р. 1939, Москва). Литературный путь начался в 1974 году с публикации стихов в журнале «Юность». Автор трех книг стихотворений. С 1989 года выступает как литературовед. Автор пяти книг по биографии и творчеству А.С. Пушкина, а также книг «Четыре жизни Василия Аксенова» (2016) и книги воспоминаний «Об утраченном времени» (2012). Составитель и комментатор семи книг Василия Аксенова, изданных после его смерти по материалам американского архива писателя. С 2006 года – старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Живет в Москве.

Лора Завилянская (Киев). Окончила медицинский институт. Работала психиатром, кандидат медицинских наук, Заслуженный врач Украины. Автор многих стихотворных сборников, изданных в Киеве, Москве, Бостоне. Член СП Москвы. Живет в Бостоне.

Виктор Зайдентрегер (р.1938, Оренбург). Окончил Московский энергетический институт. Сорок лет проработал в энергетике. Писал в основном технические отчёты и статьи в технические журналы. Публикации в газетах Еврейская Газета, Еврейская Панорама, на Портале Е. Берковича «Заметки по еврейской истории». Живет в Германии.

Денис Кальнов (р. 1991, Мурманск). Фотограф-художник, тренер по атлетической подготовке и боксу. Живет в Пензе.

Даша Кашина (р. Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год в номинации «журналистика». Живет в Киеве.

Юрий Ким. Победитель 4-го конкурса журнала ЧАЙКА «Творчество детей и для детей».

Ксения Кривошеина. Художник, публицист, исследователь творчества Матери Марии (Скобцовой). Автор многочисленных публикаций во

французских и российских изданиях. Редактор православного сайта «Parlons d'Orthodoxie». Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Париже.

Аркадий Ляховецкий (р. 1946 году, Пермская обл.). Учился в Николаевском кораблестроительном институте и Ленинградском кораблестроительном институте, кандидат технических наук. Был внештатным корреспондентом Ленинградской газеты "Смена", сотрудничал с литературной редакцией Ленинградского радио, журналом "Аврора". Член Международного союза писателей "Новый современник". Автор книг стихов "Метроном" (2009) и "Красный дом" (2019). Книга "Красный дом" вошла в фонд Одесского литературного музея. В настоящее время живет в городе Кобленц, Германия.

Галина Мамыко (р. Симферополь). Выпускница Калининградского госуниверситета, работала учителем, журналистом.

Элеонора Мандалян (р. Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор, кандидат наук. С 1994 – в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Лос-Анджелесе.

Лариса Миллер (р. Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Евгения Народицкая, журналист, редактор, живет в Рок-Айленде, США.

Валентин Нервин (р.1955). Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им.Н.Лескова (Россия) и им. В.Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии, 2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живет в Воронеже.

Григорий Писаревский (р. Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал политический триллер «Hallways of Deception» (Коридоры Обмана). Пишет для ЧАЙКИ полемические статьи на политические темы. Постоянный автор журнала. Живет в США.

Татьяна Покопцева. В 2003 году окончила Петербургскую гимназию, на выходе имея несколько наград в городских олимпиадах по литературе,

поступила на гуманитарный факультет Института внешнеэкономических связей, экономики и права, писала для издания «Наука и жизнь» культурно-просветительского общества «Знание». Во время обучения прошла дистанционный курс в Оксфорде по политической философии, а позже - курс по изучению итальянского языка в Италии. Основатель издания о российской культуре «Твоя История» (2012-2019). Как писатель дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Александр Ралот (Александр Петренко). Прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных книг и десяти бумажных. Все они озвучены профессиональными артистами различных театров СНГ. Член Союза писателей России и межрегионального союза писателей, член правления Южно-Российского творческого объединения «Серебро Слов». Неоднократный победитель конкурсов творчества для детей журнала ЧАЙКА. Живет в Краснодаре.

Яков Ратманский (р. 1936, Киев) В 15 лет – киномеханик в кинотеатре, в 16 – токарь на заводе. Потом институт, инженерная работа. В США с 1993 года. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Иерусалиме.

Александр Сиротин (р. Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехама Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега»). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Санкт-Петербурге.

Евгений Сливкин (р. 1955, Ленинград). Русский поэт. Получил диплом инженер-механика. В 1980 году поступил на заочное отделение

Московского Литературного института имени А. М. Горького, а в 1993 году уехал в США и поступил в аспирантуру при кафедре славистики Иллинойского университета, где защитил диссертацию. Преподает в университете города Денвера. Живет в США.

Евгений Соколинский (р. Ленинград). Окончил филфак Ленинградского университета, защитил диссертацию по драматургии А.В.Сухова-Кобылина и гротеску. С 1976 года начал публиковать театральные рецензии, обзоры, проблемные статьи, портреты актёров, режиссёров, драматургов. Более 30 лет ведет оперный видеолекторий в Российской национальной библиотеке. Член экспертного совета Высшей театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой софит». С 2000 г. – член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в С-Петербурге.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях в своей постоянной рубрике «Записки на коленке». Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Солунский (р. 1937, Харьков). Физик, доктор физ-мат. наук, профессор. Организатор и лектор русскоязычного поэтического общества в своем штате. В журнале ЧАЙКА ведет рубрику «Поэтический альбом». С 1998 живет в Милуоки, США.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Константин Тарловский (р. 1930, Архангельск). Сын репрессированного отца и погибшей в оккупации матери. В годы войны с подросткового возраста работал на оборонном заводе в Кирове, окончил мореходное училище в Архангельске, а затем Высшее Инженерно-Морское училище во Владивостоке. Много лет проработал на промышленных предприятиях и в проектно-конструкторском технологическом институте тяжелого машиностроения в г. Кирове.

Любовь Фельдшер. Родилась в Молдавии, училась на факультете журналистики Московского университета, живет в Израиле с 1990 года, в городе Нетания.

Сергей Филиппов. Член литературной студии «Вешняки». Руководитель - поэт и журналист Виктор Александрович Синельников. Печатался в журналах «Белый Ворон», «Ковчег», «Арина», «Великороссь», «Ликбез», «Огни над Бией», «Новый Енисейский литератор», «Вольный лист», «Склянка», «Зарубежные задворки», «Наша улица», «Амальгама», а

также в газетах. Номинант премии «Поэт 2014г.» Российского Союза Писателей.

Людмила Флам (р. Рига) Из Латвии выехала с семьей в Германию, где по окончании войны училась в русской мюнхенской гимназии. Далее — Касабланка, Париж, Лондон, снова Мюнхен, специализация на иностранных языках, школа переводчиков. В Мюнхене поступает диктором в европейское отделение радиостанции «Голос Америки». В 1954 г. выходит замуж за кн. В.А.Оболенского (1925, Париж – 1977, Вашингтон). 1975–1993 гг. работает на руководящих постах радиостанции «Голос Америки» в Вашингтоне. В 1980 г. выходит замуж за американского дипломата Эли Флама. Автор книги «Вики. Княгиня Вера Оболенская» (Русский путь, 1996, 2005, 2010). Редактор и автор книги «Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции» (Русский путь, 2006).

Лазарь Фрейдгейм. Инженер, кандидат технических наук, автор более 100 научных работ, изобретений, патентов. Работал в ювелирном бизнесе, в туристическом агентстве, в большой фармацевтической фирме. Публикуется в журналах, газетах и интернет-изданиях. С 1991 г. живет в Сан-Диего, Калифорния (США). В ЧАЙКЕ публикуем очерки и рассказы.

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Ныне автор двух книг художественной прозы. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего (Калифорния).

Владимир Фрумкин (р.1929, Брянск). Музыковед, журналист, эссеист, выпускник теоретико-композиторского факультета и аспирантуры Ленинградской консерватории. Еще в советскую эпоху стал исследователем феномена независимой, неподцензурной «гитарной поэзии» и исполнителем песен Окуджавы, Галича и других поэтов-певцов. В 1974 эмигрировал в США, работал в Оберлин-колледже (штат Огайо) и Русской летней школе при Норвичском университете. С 1988 до 2006 года — сотрудник Русской службы «Голоса Америки». Среди опубликованных работ – «От Гайдна до Шостаковича», «Особенности сонатной формы в симфониях Шостаковича», два сборника песен Б. Окуджавы на русском и английском языках с нотной строчкой и буквенным обозначением аккордов, «Певцы и вожди» (2005 и 2017). В журнале ЧАЙКА вел рубрику «Музыкальная Академия», автор статей на общественно-политические темы. Живет в Маклейне – пригороде Вашингтона.

Ирода Холбекова (р. 2004, Джизак Республики Узбекистан). Ученица 10 –го класса творческой школы имени Хамида Алимджана и Зульфийи. Переводы с узбекского языка на русский язык публиковались в казахстанских, украинских и немецких литературных русскоязычных журналах.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художественных журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА и постоянный консультант при создании Альманахов. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (р. Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмарт). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (р. Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор восемнадцати книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Вадим Чирков. В прошлом житель Молдовы (Кишинев), детский писатель: сказки, рассказы, приключенческие и фантастические повести. Член СП бывшего СССР, лауреат конкурса им. Марка Алданова «Лучшая повесть Русского Зарубежья», «Новый Журнал» (Нью-Йорк), 2011, «Белогвардеец». Победитель конкурсов творчества для детей журнала ЧАЙКА. Постоянный автор журнала. С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Олег Щекотихин (р. 1934, Севастополь). Окончил электротехнический факультет Одесского политехнического института. Работал в металлургии, участвовал в создании систем автоматического управления космических аппаратов. Был моряком, побывал в портах более чем 50 стран мира. Кандидат технических наук, доцент Запорожского технического университета, автор 27 изобретений и трёх учебников. Мастер спорта СССР по парусу, судья республиканской категории. Издал 5 книг. В ЧАЙКЕ публикует очерки о море и о войне.

Яков Шульман (р. 1938, Бердичев). В 1965 окончил Московский институт химического машиностроения по специальности инженер-механик по машинам и аппаратам химических производств. С 1966 по 1997 работал в Дзержинском филиале НИИХИММАШа. С 1986 по 1997 работал конструктором в механическом секторе проектно-конструкторского отдела производственного объединения "Корунд" в Дзержинске Горьковской

области. С 1979 - кандидат технических наук, с 1981 - старший научный сотрудник по специальности процессы и аппараты химической технологии. Живет в Москве.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и участник Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.

Александр Якобсон (р. 1959, Москва). Израильский историк, публицист. Профессор античной истории в Еврейском Университете в Иерусалиме, публикатор материалов своего отца, учителя и диссидента Анатолия Якобсона.